AARON DEMBSKI-BOWDEN

BLOOD REAVER

A NIGHT LORDS NOVEL

WARHAMMER 40,000

Annotation

Страх — их оружие. Ведомые неукротимой ненавистью к Ложному Императору, Повелители Ночи странствуют по Галактике, сея ужас и изобретая все новые способы отомстить убийцам своего примарха. Темные пути приводят их к союзу с Красными Корсарами. Союз этот, скрепленный лишь наличием общего врага, причудлив и непрочен. Вместе с этими пиратами-отщепенцами Повелители Ночи атакуют крепость-монастырь имперского ордена Адептус Астартес с целью выкрасть геносемя космодесантников и обречь орден на медленную смерть.

- Аарон Дембски-Боуден
  -
  - Пролог
  - Часть первая
    - I
    - II

- III
- IV
- V
- VI
- VII

- Часть вторая
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI

- Часть третья
  - XVII
  - XVIII
  - XIX
  - XX
  - XXI
  - XXII
  - XXIII
  - XXIV
  - XXV
  - XXVI

- Эпилог
- Благодарности
- Об авторе

Аарон Дембски-Боуден
КРОВАВЫЙ КОРСАР

Винсу Роспонду с искренней благодарностью от Аарона и Кэти.

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии и ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империума никогда не

умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишащий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной Обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и

кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие, да смех жаждущих богов.

Пролог
РАСПЯТЫЙ АНГЕЛ

Воин перевернул шлем. Закованные в перчатку пальцы скользнули по вмятинам и царапинам, уродовавшим темно-синий керамит. На наличнике художник старательно изобразил белой краской стилизованный череп. Одна алая глазная линза была разбита и покрылась паутиной трещин. Вторая, деактивированная и безжизненная, отражала темнеющее небо наверху.

Он сказал себе, что это ничего не значит. Что его исковерканный шлем не

имеет ничего общего с тем ущербом, который нанесли легиону. Едва успев подавить эту мысль, воин задался вопросом: откуда она взялась? Война, по своей давней и скверной привычке, раздувала в нем искры меланхолии, однако всему есть предел.

Воин перевел дыхание. Глаза его были закрыты, но под веками плясали, истекая кровью, нечеловеческие создания. В последнее время в видениях ему являлись эльдары. Видения начались за много месяцев до того, как нога его ступила на землю этого пустынного мира. Тысячи эльдаров: тощие твари с изможденными лицами и ввалившимися глазами на борту горящего корабля из призрачной кости. Корабля с черными парусами.

— Ловец Душ, — окликнул кто-то.

Имя прозвучало как нечто среднее между шуткой и почетным титулом.

Воин снова надел шлем. Одна глазная линза включилась, превратив ландшафт в рубиново-красное поле целеуказателя. Во второй серая сетка помех перемежалась остаточными картинками видеолога, что

сильно отвлекало внимание. Даже через несколько секунд после того, как воин отвернулся от заходящего солнца, в ней все еще мерцало бесцветное и зернистое изображение заката.

— Что? — спросил Ловец Душ.

— Ангел начинает сдавать.

Улыбнувшись, воин вытащил гладиус из наголенных ножен. Когда холодный воздух коснулся стали, угасающий луч блеснул на острие клинка.

— Великолепно.

Возможность распять одного из Астартес-лоялистов щекотала тщеславие и неплохо служила конечной цели. Космодесантник мешком висел в своих путах, полумертвый от боли, но с губ его по-прежнему не срывалось ни звука. «Императорский Ангел Смерти, — мысленно ухмыльнулся Ловец Душ. — Стойкий до последнего».

Поскольку железных штырей под рукой не оказалось, пришлось импровизировать. В конце концов предводитель приказал своим людям

пригвоздить руки и ноги Ангела к корпусу танка гладиусами.

Кровь все еще стекала на палубу тонкой струйкой, но уже давно не хлестала ручьем. В теле Адептус Астартес, несмотря на генетически запрограммированное бессмертие, было ограниченное количество крови.

Под ногами распятого пленника лежал отключенный шлем. При виде шлема, так похожего на его собственный — если не считать орденской расцветки и кровных уз, которые она подразумевала, — воин отбросил очередные непрошеные мысли. Не испытывая настоящей злобы, он раздавил шлем ногой. В последнее время приступы меланхолии донимали его особенно сильно.

Воин взглянул вверх, всматриваясь в черты изрезанного ножами лица. Керамитовые доспехи пленника, наполовину густо-синие, наполовину снежно-белые, треснули там, где их пронзили клинки коротких мечей. Лицо Астартес, еще недавно суровое и горделивое, сейчас превратилось в

тешанину фиолетовых вен и кроваво-красных мышц. Ему отрезали даже веки.

— Здравствуй, брат, — приветствовал воин пленника. — Ты знаешь, кто мы такие?

Теперь, когда Ангел раскололся, допрос не занял много времени. Воин приблизился к пленнику и чуть слышно заговорил. Слова шипением вырывались из динамиков, застывая в воздухе между ними. Щиток шлема Повелителя Ночи почти прижимался к изуродованному лицу Ангела — два черепа, ненавистно глядящие друг на друга в свете заходящего солнца.

— Где находится Ганг?

Пока братья готовились к отлету, воин наблюдал за пылающей на горизонте крепостью, колоссальной, поглотившей все вокруг себя. Лабиринт башен и посадочных платформ — ее темная туша придавила землю, а страдное дыхание отравило небо. Но, несмотря на это, когда крепость пала, грабить там оказалось практически нечего. Зачем было нападать на мир,

единственный источник ресурсов которого уже выжат досуха? Пиратство без добычи не лучше нищенства.

Позор. Позор и посмеяние.

Воин вгляделся в далекие бастионы — убогую крепость на пустынной планетке, цитадель ордена Странствующих Десантников, выродков с разжиженной кровью. Набег, который должен был пополнить их запасы оружия, оборудования и драгоценных боеприпасов... пошел насмарку. Крестовые походы самих Десантников полностью истощили их резервы, оставив рвущегося к добыче Восьмому легиону жалкие объедки.

Крепость пала за один день, не подарив захватчикам ни развлечения, ни поживы. Сервиторы и обряженные в тантии служители Механикум прошерстили все информационные банки полузаброшенной цитадели, но обнаружили лишь то, что и так знал каждый воин: налет был напрасной тратой их и без того скудных боеприпасов. Резервный арсенал Странствующих Десантников

располагался уже не здесь.

— Многое изменилось с тех пор, как ты в последний раз посещали эти края, — прорычал Вознесенный своей команде.

Это признание оказалось для него болезненным, как, впрочем, и для всех них.

— Мы преломили свои последние копья... чтобы захватить безжизненный остов.

Но в этой бездне горечи и разочарования еще тлели угольки надежды. В базах данных разграбленной цитадели Повелители Ночи постоянно натыкались на одно и то же слово. Ганг. Связующее звено между Странствующими Десантниками и Механикус Марса в этом секторе, опорный пункт, расположенный в глубоком космосе и снабжавший сырьем оружейные мастерские ордена. Странствующие Десантники, в своей горделивой броне цвета снега и морской волны, поддерживали порядок в субсекторе, неустанно истребляя пиратов — как людей, так и ксеносов. Защищая интересы Механикус, они заслужили благосклонность Марса. И благодаря

этому союзу получили солидную долю в производстве боеприпасов и техники. Симбиоз, основанный на общих интересах.

Воина это восхищало.

Самым важным было определить местоположение мира-фабрики, но это пока никому не удалось. Ответ, скрытый в строках невероятно сложного кода, ускользал от преследователей.

От нескольких пленников, захваченных в опустевшем монастыре, практически ничего не удалось добиться. Смертные служители, лоботомированные сервиторы, рабы ордена... никто из них не знал небесных координат Ганга. Те немногие имперские Астартес, что защищали этот никчемный мирок, пали под огнем болтеров и ударами клинков их братьев-отступников. Они предпочли доблестную смерть плену и скверне.

Лишь единственный из защитников все еще дышал. Воин притащил раненого противника на пепельно-серую равнину и содрал с него кожу под светом закатного солнца.

Даже сейчас Десантник еще был жив,

хотя оставалось ему немного. Он рассказал все, что было нужно Восьмому легиону.

Ганг. Этот налет обещал куда более солидную поживу.

С орбиты солнце системы Вектина выглядело огромным оранжево-красным шаром, шаром цвета огня и невероятной мощи. С поверхности третьей планеты оно казалось плачущим оком, затянутым дымом. Воин смотрел на тусклое светило до тех пор, пока оно не опустилось за разрушенную крепость.

В воксе сквозь треск помех прорезался голос. Голос обращался к нему:

— Ловец Душ.

— Перестань называть меня так.

— Извини. Ужас пожирает геноседя Десантника.

— Что, Десантник уже умер?

— Не совсем. Но если ты хочешь казнить его сам, тебе лучше поторопиться. Ужас тут разошелся...

Воин покачал головой, хотя никто этого не увидел. Повелитель Ночи знал, почему брат позвал его: именно этот Десантник повредил его шлем, почти в

упор выстрелив из болтера во время штурма и изувечив лицевую часть. Месть, пусть и незначительная, была заманчива.

— Мы получили от него все, что требовалось, — ответил воин. — Надо без промедления возвращаться на корабль.

— Как скажешь, брат.

Воин наблюдал за тем, как звезды открывают глаза — едва видные сквозь плотный облачный покров бледные огоньки. Ганг был там, а с ним и возможность вновь вздохнуть полной грудью.

Часть первая
СОРВАВШИЕСЯ С ЦЕПИ

I
ОТЗВУКИ

Она шла по переплетающимся коридорам корабля, окруженная молчанием.

Это было даже не отсутствие звука — нет, скорее, невидимое присутствие, призраком скользящее по черным стальным переходам. Прошло три дня с тех пор, как на «Завете крови» в последний раз включали двигатели. Сейчас крейсер тенью крался сквозь пространство. Холод сковал его палубы, а двигатели были еще холодней. На своем шепчущем наречии они называли это «охотой». Корабль дрейфовал

в пустоте, беззвучно подбираясь ближе к добыче, невидимый и неслышимый. Охота.

Октавия называла это ожиданием — самым утомительным занятием для навигатора. Корпус все еще потрескивал: раскаленная сталь медленно остывала и сжималась, но с палуб смертных не доносилось почти ни звука. Людей осталось так мало...

Один из служителей увязался за девушкой, когда та покинула свой отсек. Хилое, сутулое, закутанное в мантию существо, чуть ли не наполовину состоящее из дешевых бионических протезов.

— Госпожа, — шептал он вновь и вновь. — Госпожа, госпожа. Да. Госпожа. Я следую за госпожой.

Похоже, говорить громче, чем шепотом, служитель не мог.

Октавия старалась привыкнуть к тому, что не стоит обращать внимание на докучливых созданий. Этот казался одним из самых уродливых представителей той своры аугметированных мужчин и женщин, что

порывались служить ей. Ростом он едва доходил до плеча девушке, а глаза его были зашиты грубыми толстыми нитками. Модифицированные части тела служителя скрипели, скрежетали, тикали и клацали, пока тот ковылял рядом с ней подпрыгивающей походкой горбуна. «Госпожа. Служить госпоже. Защищать госпожу. Да. Делать все это».

Подняв безглазое лицо, непрошеный спутник вгляделся в нее теми органами восприятия, о которых навигатор предпочитала не знать. Странным образом в позе его читалась надежда. Видимо, уродец ожидал похвалы за то, что тащится рядом с ней, временами натыкаясь на стены.

— Заткнись, — сказала навигатор.

Прозвучало это довольно вежливо, учитывая обстоятельства.

— Да, — согласился горбун. — Да, госпожа. Молчать для госпожи. Да. Уже молчу.

Что ж, попытаться стоило.

— Пожалуйста, отправляйся обратно в мои покои, — сказала она и даже

выдавила приветливую улыбку. — Я скоро вернусь.

— Нет, госпожа. Должен следовать за госпожой.

В ответ навигатор фыркнула самым неизысканным образом, продолжая греметь ботинками по палубе. Когда спутники вступили в зал со стенами из зеркальной стали, рядом с ними зашагали их отражения. Октавия не удержалась и кинула взгляд в зеркало, хотя знала, что увиденное ей не понравится.

Нечесаные черные патлы выбивались из конского хвоста на затылке. Кожа, давно не видевшая солнца, казалась нездоровой и бледной. На подбородке виднелся уже успевший побледнеть синяк, происхождения которого навигатор не помнила. Рваная одежда, покрытая пятнами машинного масла и грязи с палуб, была сшита из грубой ткани и выкрашена в фиолетово-синий цвет полуночного неба Терры. Если бы одежда выглядела аккуратней, она была бы похожа на униформу. Одеяние касты рабов корабля, нестиранное и разношенное, мешком

висело на изящной фигурке Октавии.

— Красота как на картинке, — бросила она своему потрепанному отражению.

— Благодарю, госпожа.

— Я не о тебе.

Горбун пару секунду размышлял над ее словами и выдохнул:

— Ох.

Приглушенный плач, донесшийся издалека, заставил их замолчать. Человеческий плач: беспомощный, без малейшей тени злобы. Плач маленькой девочки. Звук разнесся по коридору, причудливо дробясь и отражаясь от металлических стен.

Октавия почувствовала, как по коже бегут мурашки. Она всмотрелась в темноту туннеля, изо всех сил напрягая глаза. Тусклый свет ручной лампы почти не рассеивал мрак. Луч фонаря метнулся влево и вправо, едва разогнав тьму. Взгляд Октавии наткнулся на голые железные стены, теряющиеся в сумраке длинного коридора. Больше ничего.

— Только не надо снова, — прошептала

девушка, прежде чем произнести робкое приветствие.

Никакого ответа.

— Привет? — снова попробовала она.

Плач девочки стих и растаял вдали, и теперь туннель заполняло лишь эхо ее собственного голоса.

— Привет, госпожа.

— Заткнись, ты!

— Слушаюсь, госпожа.

Девушка шумно сглотнула. На корабле не осталось детей. Уже не осталось. Октавия потянулась к ручному воксу и почти нажала на руну активации. Но какой смысл? Септимуса не было на борту. Он отсутствовал почти два месяца, бросив ее в одиночестве.

Октавия щелкнула пальцами, делая знак своему... рабу? Служителю? Существу.

Он обернул к девушке слепое лицо. Как это создание ухитрялось смотреть на хозяйку с обожанием, несмотря на зашитые глаза, оставалось вне ее понимания.

— Пошли, — сказала она.

— Да, госпожа.

— Ты ведь слышал это, да? Плачущую девочку?

— Нет, госпожа.

Октавия вновь зашагала вперед, уходя все дальше от своих покоев. Пока они шли, существо теребило грязные повязки на руках, но больше не произнесло ни звука. Иногда, отдаваясь эхом в железных костях крейсера, до них доносился шум из глубин корабля: лязганье инструментов механика или стук подошв по палубе несколькими уровнями выше. Иногда девушка слышала бормотание голосов, свистящие звуки их зловещего языка. Октавия пыталась выучить хотя бы азы нострамского с того дня, как ее захватили в плен. На слух он был одновременно обольстителен и сладкозвучен, но обучение — совсем другое дело. В основе нострамского языка лежали кошмарные конструкции из невероятно сложных слов и запутанных фраз, почти не связанные с готиком. Девушка подозревала, что, несмотря на похвалы Септимуса, произношение у нее хуже некуда и что ее словарным запасом вряд ли мог бы

гордиться даже ребенок-олигофрен.

Они двигались сквозь мрак, приближаясь к концу коридора. В кромешной тьме впереди, там, где проход разветвлялся, из одного перехода в другой метнулась странная фигура. Она была слишком худенькой и низкорослой для взрослого или даже для такого изувеченного создания, как горбатый служитель. Перед глазами девушки мелькнула синяя одежда — и призрак исчез. Октавия прислушалась к легким торопливым шагам, затихающим в соседнем коридоре.

И снова она услышала детский плач — тихое всхлипывание ребенка, пытающегося скрыть свою боль.

— Привет?

— Ашилла сорсоллут, ашилла утуллун, — отозвалась маленькая девочка, и стук шагов растворился в тишине.

— Думаю, я пойду обратно к себе, — пробормотала Октавия.

II
СТАНЦИЯ ГАНГ

Осколок полуночи дрейфовал с отключенными двигателями, ничем не выдавая своего присутствия.

В пустоте космоса вращалась планета. Облака не скрывали ее лицо: морщины серого камня и безжизненные континенты. Даже беглого взгляда на эти скалы было достаточно, чтобы оценить их потенциал — не как колыбели жизни, а как мощного источника руды для индустриальных обществ.

Единственным свидетельством человеческого присутствия в этом мире

была платформа, кружившая по орбите, — огромная, металлически-серая, простирающая в космос пустые руки причальных доков. Вдоль корпуса станции вилась надпись на имперском готике, гласившая: «ГАНГ».

Осколок полуночи подплыл ближе, не видимый ни обычным глазом, ни астральными сканерами. В глубине его чечеобразного тела взревели двигатели.

Марух рухнул на кушетку, мечтая лишь о том, чтобы полежать в полной неподвижности. Первые несколько секунд ему больше ничего не хотелось. Он даже не удосужился скинуть ботинки. Шестнадцатичасовые вахты были не худшим пунктом в его трудовом расписании, но проигрывали первенство не намного. Марух вздохнул так глубоко, что заболели ребра. Легкие наполнились спертым воздухом жилой капсулы. Он уловил запах использованных продуктовых контейнеров, которые следовало бы выкинуть уже несколько дней назад, и неистребимое амбре нестиранных носков.

Дом, милый дом.

Не успев выдохнуть, он уже начал тереть закрытые глаза большими пальцами, пытаясь массажем облегчить резь. Глаза болели оттого, что всю смену приходилось пялиться на скрипящую ленту конвейера. С болью в ушах Марух ничего поделать не мог.

С театральным стоном он перекатился на живот, чтобы дотянуться до дистанционного пульта. Пульт в разобранном виде валялся на полу. Пара щелчков — и Марух вставил батарейку. Затем несколько раз нажал на разболтавшуюся кнопку «ВКЛЮЧИТЬ», зная, что в какой-то момент до пульта дойдет, чего от него хотят. Удивительно, но сегодня это заняло всего лишь пару секунд. Экран на противоположной стене мигнул и ожил.

Ну, вроде того.

На экране появились какие-то зубчатые линии, — похоже, проблема была посерьезней, чем просто неправильная настройка каналов. Возможно, технический сбой. Ни картинки, ни звука —

ничего. Не то чтобы бесконечно транслирующиеся по сети Ганга проповеди Экклезиархии, некрологи и передачи о правилах безопасности были особенно захватывающими, но все же они лучше, чем сетка помех.

Марух прибавил звук. Усилия его вознаградились тем, что тишина переросла в мертвый треск статики, даже на максимальной громкости. Чудесно. Нет, правда. Просто великолепно. Как будто у него были лишние кредиты, чтобы снова вызывать сервитора техподдержки! Превосходно.

Он разжал заляпанные смазкой пальцы, и пульт грохнулся на пол, снова распавшись на части и потеряв батарейку. Затем Марух сказал в пустоту жилого отсека: «Ну и хрен с ним!» Решив, что он слишком устал, чтобы раздвигать кушетку до положения «кровать», он вытянулся и попытался уснуть. Сон помогал поскорее прожить еще один бессмысленный день его все более бессмысленного существования.

Гордился ли он такой жизнью? Нет.

Но еще «всего лишь» семь лет этого дерьма — и его сбережений хватит на то, чтобы навсегда убраться с Ганга. Поймать челнок и отвалить в другой мир, с чуть более радужными перспективами. Он уже давно записался бы в Имперскую Гвардию, если б не был слеп как крот. Однако зрение подвело, поэтому с Гвардией ничего не вышло.

Вместо этого, приходилось вкалывать здесь на строительных конвейерах — работе настолько тупой, что не стоило ради нее даже программировать сервитора.

С такими мыслями, копошащимися в больной голове, Марух погрузился в сон. Сон не принес отдыха, но это было не важно, потому что прервался он очень скоро.

Настенный экран разразился воплем.

Марух, вырванный из дремы, сочно выругался. Схватившись за пульт, он вогнал батарейку в гнездо. Рабочий приглушил звук, другой рукой ощупывая уши, — надо было проверить, не пошла ли кровь.

Кровь не пошла. Это его почти

удивило.

Взгляд на цифровой хронометр на стене показал, что проспал он меньше пяти минут. Очевидно, звук восстановился, но такого Марух прежде никогда не слышал. Прибор доставлял владельцу немало хлопот: экран то и дело трещал, жужжал, щелкал и шипел. Но никогда не вопил.

Марух, с мутными со сна глазами и мучительной головной болью, снова усилил звук. Шум стал громче, но ничуть не яснее. Визг терзаемой техники, доведенный до нестерпимой высоты. Сотня человеческих голосов, бессловесных и бесполых, слившихся в монотонном гимне и перемешанных с треском статики. Звук походил и на то, и на другое, но был чем-то иным.

Лампы под потолком замерцали. Похоже, очередное отключение энергии. Ганг и в лучшие времена был трухлявой развалиной, вращавшейся по орбите вокруг мертвого мира в самой заднице вселенной. В последний раз, когда свет отключился, они просидели в темноте три дневных

цикла, пока ремонтным бригадам не удалось запустить генераторы. Работу, конечно, никто не остановил. Каждому сектору надо было выполнить план. Весь западный район станции трудился семьдесят часов при свете фонарей. Десятки чернорабочих остались без пальцев и даже целых конечностей, пережеванных механизмами, а список некрологов на той неделе был длиннее, чем перечень молитв, прочитанных за день особенно истовым святошей.

Марух вскочил с кушетки как раз в ту секунду, когда лампы отключились. Повозившись в темноте, он добрался до стены и открыл ящик с комплектом на случай чрезвычайного положения. Там валялся фонарик и пачка стандартных аккумуляторов, которые были совместимы с любым из немногочисленных и незамысловатых приборов жилого отсека. Марух всегда забывал зарядить их, так что какие из них работают, оставалось загадкой. Распихав все семь небольших дисков по карманам комбинезона при неверном свете ручного фонарика, рабочий

снова плюхнулся на кушетку, ожидая неизбежного обращения к персоналу станции. Вроде того, что они должны «не впадать в панику» и что «освещение восстановят в кратчайшие возможные сроки».

Трон! Что за дыра!

Прошло две минуты. Затем пять. Затем десять. Время от времени Марух включал фонарик, направляя луч на циферблат хронометра. С каждой минутой рабочий хмурился все угрюмее.

Наконец вокс-динамик, установленный над дверью, звякнул. Вместо автоматического обращения, которого ожидал Марух, по общей вокс-системе станции разнесся тот же вопль, что звучал с экрана, — только в два раза громче. Марух прижал руки к ушам, словно нетытые пальцы и ладони могли заглушить сто децибел зубодробительного визга. Ударив локтем по дверной ручке, он на четвереньках выполз в коридор. Звук последовал за ним, исторгаемый палубными динамиками. Другие двери распахнулись, но это только усилило шум

вопль звучал теперь из каждого жилого отсека. Их обитатели, пошатываясь, один за другим выбирались в коридор.

Что, бездна побери, происходит?

Он выкрикнул эти слова, но не услышал ни звука собственного голоса, ни ответа.

Арелла как раз рассказывала историю о своей кошке, когда все покатилось в тартарары. История не была ни особенно забавной, ни познавательной, но на палубе надзирателей приветствовали всё, что помогало хоть как-то скоротать время. Их двенадцатичасовые рабочие смены, как правило, состояли из наблюдения за экранами сканеров, которые не показывали ничего нового, чтения отчетов, которые ничем не отличались от предыдущих, и обсуждения того, чем заняться, когда их наконец-то переведут с этого ветхого военного завода в какое-нибудь местечко получше — желательно в действующий флот.

Сегодня, однако, кое-что произошло, но дежурная смена отчего-то совсем не

обрадовалась переменам. Их офицер, Арелла Кор, особенно страстно желала, чтобы всё оставалось как прежде.

Орудийные батареи были активированы, башни нацелены в пространство за бортом. Пустотные щиты, многослойные сферы незримой энергии, окружили уродливый корпус станции. Взгляд Ареллы скользнул по таймеру на приборной панели. С того момента, когда начались помехи, прошло семь минут и сорок одна секунда. Она мысленно называла это «помехами», потому что слово звучало куда менее тревожно, чем «проклятый вой».

Сейчас проклятый во... помехи транслировались по внутренней вокс-сети, заполняя нестерпимо громким визгом все палубы. Техникам не удавалось отключить звук, и никто не знал почему.

— В секторе Запад-два только что вырубился свет, — сообщил один из подчиненных Ареллы. — Вот дерьмо!.. И в Западе-один тоже. И в Западе-три! И во всех восточных секторах! И...

Словно подслушав его слова, все огни

на командной палубе потухли. Заработали резервные генераторы, залив помещение болезненно-красным светом аварийных ламп.

— Это внешний сигнал.

Офицер на консоли рядом с Ареллой постучал пальцем по своему экрану — одному из немногих, которые до сих пор функционировали.

— Чем бы это ни было, оно исходит снаружи.

Арелла сдула со лба прядь волос. На командной палубе всегда было слишком жарко. Система кондиционирования не работала, да и стресс не облегчил ситуацию.

— А конкретно?

Она вытерла вспотевший лоб рукавом.

Офицер снова ткнул пальцем в экран.

— Передача без выявленного источника, две минуты назад. Вот, все зарегистрировано в архиве. Когда наши когитаторы начали обрабатывать сигнал, чтобы записать и занести в логи, он... распространился. Почти как вирус. Он

заразил определенные части станции: каналы связи и базовые узлы энергосистемы.

Арелла прикусила нижнюю губу, борясь с желанием выругаться.

— Гравикомпенсаторы?

— Не повреждены.

— Щиты?

— Еще держатся.

— Атмосфера? Жизнеобеспечение? Орудия?

— Все еще работают. Это примитивный и довольно грубый вирусный код, так что ничего серьезного он не затронул. Только связь, аупик и... похоже, освещение тоже вырубилось. Самые простые системы, но вирус расплодился в них и мешает функционированию.

Арелла развернулась к собственному экрану. По нему бежали все те же строки оборванного кода, что и последние десять минут.

— Сканеры, свет и вокс. Мы ослепли, оглохли и онемели. И ты знаешь, что нас за это по головке не погладят. Проклятые железяки испоганят нам все личные дела.

Вот увидишь.

Не отдавая себе отчета, она застегнула форменный китель на все пуговицы, впервые с начала работы на станции. Как будто это могло чем-то помочь.

— А ты не боишься, что на нас напали? — спросил другой офицер.

Арелла мотнула головой.

— Орудия и щиты все еще активны. Нам надо беспокоиться не о внешних врагах, а о том, на кого Механикус свалят вину. И это будем мы. Долбаные железяки и их «план выработки».

Всего лишь пару лет назад она волновалась бы за всех, кто вынужден работать в темноте. Сейчас ее беспокоила лишь собственная судьба. Адептус Механикус не порадуются серьезным задержкам на производстве, а к тому, судя по всему, и идет дело. Такими темпами она никогда не выберется с Танга.

Офицер рядом с ней, Сил, поскреб небритый подбородок.

— Если нашу систему взломали и

выработка упала ниже критической, в чем ты тут виноваты?

Арелла с трудом сдержалась. Сил был новичком на станции — всего два месяца с начала стажировки. Он еще не успел обтереться. Кроме того, бионические протезы, заменявшие его левую щеку, висок и глаз, были несообразно дорогими. Денежный мешок, прикидывающийся мелкой сошкой. Может, его богатенький папаша отослал сюда сынка в качестве наказания, или он был шпионом Механикус, выискивающим недочеты в работе. В любом случае, когда на него находило, он вел себя как упрямый осел.

Арелла фыркнула.

— А кого, по-твоему, обвинят железяки? «Пираты взломали наши системы» точно не покатит в качестве объяснения. Кому вообще понадобилось это корыто? Даже если те уроды снаружи пройдут сквозь наши щиты и батареи, взять здесь совершенно нечего.

Сил больше не слушал. Арелла медленно поднялась с кресла и с открытым ртом уставилась в

иллюминатор командной палубы. Она смотрела на корабль, которого не должно было существовать.

«Завет крови» был рожден в ту эпоху, когда человечество не только тянулось к звездам — нет, человек пытался покорить их. Огромные корабельные верфи окружали планеты Солнечной системы. Император повел человечество в крестовый поход, целью которого было объединить все миры под его эгидой.

Корабли, построенные в то время, бороздили космос десять тысячелетий назад, задолго до того, как вновь найденные базы Стандартных Шаблонных Конструкций позволили привести к единообразию технологии всей человеческой расы. Инновации не считались грехом. Отклонение во имя прогресса было не богохульством, а передовой идеей. Как и многие боевые корабли в составе тех первых флотов, «Завет» был построен на основе фрагментов СШК, но ими не ограничивался. Когда двигатели работали

на полной мощности, корабль мчался сквозь пространство подобно гончему псу и его обводы напоминали равно и об изящных боевых судах времен первых крестовых походов, и о более прямолинейных контурах ударных крейсеров Адептус Астартес.

Вознесенный не просто гордился своим кораблем. Его привязанность к «Завету» имела куда более глубокие корни. Это был оплот, убежище, защищавшее порождение варпа от враждебной Галактики, и одновременно — его оружие в Долгой Войне.

Развалившись на своем командном троне, Вознесенный облизнул губы. Взгляд его был прикован к изображению станции Ганг, постепенно заполнявшему обзорный экран. Они подобрались совсем близко, так и оставшись не замеченными системами слежения и орудийными батареями Ганга. Однако отсюда, почти с самой границы пустотных щитов станции, их можно было увидеть невооруженным глазом.

— Ближе, ближе, — клекотал Вознесенный, обращаясь к команде мостика. — И продолжайте поддерживать

«Вопль».

Когитатор Ареллы по-прежнему выдавал массивы обрывочной информации: мерцающие остаточные изображения, столбцы данных и бессмысленные показания сканеров. В одну секунду он насчитал пятьдесят три судна, скучившиеся вплотную друг к другу. В следующую — ничего.

Корабль за иллюминатором надвинулся. Его броня — полосы черного, бронзового, темно-синего и густо-фиолетового цвета — отразила сияние далеких звезд.

— Похоже на ударный крейсер Странствующих Десантников, — сказала Арелла. — Только очень большой.

Она закусила нижнюю губу, не в силах отвести глаз от приближающегося корабля.

— Странствующие Десантники должны прибыть за сырьем не раньше окончания производственного цикла, через девять с половиной месяцев.

— Это не Странствующие

Десантники, — возразил Сил. — Не их цвета и не их эмблема.

— Тогда кто же, прах их побери, они такие?

Сил рассмеялся, тихо и вкрадчиво.

— Откуда мне знать?

Арелла снова уселась в кресло и выдохнула сквозь сжатые зубы.

— Почему мы не стреляем? — Голос ее поднялся, рискуя перейти в визг. — Мы должны открыть огонь!

— По имперским космодесантникам? — ошарашенно произнес один из офицеров. — Ты спятила?

— Если они подошли к нам без разрешения, не делают попыток связаться с нами и глушат все наши системы слежения? Если они собираются пришвартоваться к станции Механикус, под завязку набитой сырьем для ордена Странствующих Десантников? Да, нам нужно обороняться. — Арелла снова выругалась. — Мы должны найти способ открыть по ним огонь.

— Без целеуказателей?

Сил куда лучше справлялся с паникой.

Вообще-то выглядело это так, будто происходящее навевает на него разве что скуку. Он настраивал свои экраны с невозмутимостью профессионального взломщика сейфов.

— Так заставь их навести орудия вручную!

Теперь Сил нахмурился, пытаясь уловить сигнал в наушниках.

— Внутренний вокс отключился. Что ты предлагаешь мне сделать, Арелла? Открыть дверь и заорать на весь коридор, в надежде, что меня услышат на другом конце станции? По-любому они там ничего не видят. Освещение не работает. Как, ты думаешь, они доберутся до орудийных башен?

Сжав зубы, женщина смотрела на приближающийся боевой корабль. На борту Танга находилось почти три тысячи человек, и мощи его орудий хватило бы, чтобы удержать на расстоянии целый пиратский флот. А теперь единственный вражеский корабль грозил поразить их в самое сердце, и те, кто знал об этом, не могли предупредить тех, кто мог этому

помешать.

— Выдвигай орудия, — приказала она.

— Что?

— Открой орудийные порты. Пусть восточные батареи ведут стрельбу в общем направлении вражеского крейсера. Запусти программу огневых учений. Это должно сработать!

— Хорошая идея.

Сил потянулся к кобуре на поясе. Без малейших колебаний он одним мягким движением вытащил пистолет и нажал на спуск. Выстрел в небольшом помещении прозвучал неожиданно громко. Арелла безвольно осела в кресле. Во лбу темнела аккуратная дыра, а стена позади окрасилась влажным пятном.

— ...и она бы сработала, — договорил Сил.

Из трех оставшихся офицеров двое застыли, а третий потянулся за собственным пистолетом. Он умер первым — Сил всадил три пули ему в грудь. Двое других попытались сбежать. Выстрелы в голову помешали им осуществить этот план и разукрасили командную палубу

новыми осколками костей и кровавой мозговой кашей.

— Грязная работа, — заметил Сил.

Пинком скинув труп с кожаного кресла, он начал работать на приборной консоли, в строгой последовательности переходя с одной базовой системы станции на другую. Орудийные порты остались закрытыми — сотни турелей так и не получили энергии, необходимой для активации. Затем Сил отвел питание от шлюзовых камер со спасательными капсулами, заперев всех рабочих на борту станции. И наконец пустотные щиты Ганга схлопнулись — диверсант лишил их энергии и отрезал от аварийных генераторов. Рубка немедленно огласилась воем сирены, но Сил тут же отключил тревожный сигнал. Вой действовал на нервы.

Диверсант перевел дыхание. Ему очень хотелось задрать ноги и положить их на приборную консоль, но — странным образом — он счел такое неуместным глумлением над мертвыми. Вместо этого Сил встал, перезарядил пистолет и

подошел к вокс-консоли, у которой сидел раньше.

Мигнул единственный голубой огонек. Входящее сообщение. Он включил звук.

— Докладывай. — Голос в воксе был чем-то средним между клекотом и рычанием.

— Говорит Септимус, — отозвался Сил. — Станция Ганг ваша, мой господин.

III
Приход ночи

Крысы — самые живучие твари.

Гордиться тут было особенно нечем, но что правда, то правда. Он продержался куда дольше остальных в этом сумрачно-красном мире аварийного освещения.

— Пошли, — шепнул Марух через плечо.

Три человека двинулись по коридору, освещая путь тусклыми лучами фонарей. Каждый раз, когда световое копье касалось стены, палубная разметка на корпусе оповещала, что это туннель E-31:F. Марух делал все возможное, чтобы держаться

подальше от основных коридоров станции. С того момента, как убийцы проникли в Ганг, не осталось ни одного безопасного уголка — однако бывший чернорабочий прожил на несколько дневных циклов дольше товарищей благодаря своей чрезвычайной осторожности. Он старался по возможности не высовываться из второстепенных переходов и труб системы жизнеобеспечения.

Марух знал, что после семидесяти часов в темноте, в тесной массе людских тел от него нестерпимо несет, а от непрерывных попыток вглядеться во мрак глаза жгло так, словно в череп сунули две головешки. Но он был жив. Он выжил, подобно крысе, чутко прислушиваясь к отдаленным крикам, выстрелам и хохоту, эхом отдающемуся в железных костях станции Ганг.

Хуже всего был мороз. Как холод может быть таким обжигающим? Металлические стены вокруг них расцветили ледяные кристаллы. Дыхание вырывалось изо ртов и ноздрей облачками пара, унося с собой драгоценное тепло.

Марух ничего не смыслил в медицине, но понимал, что еще одну ночь в этой секции они не протянут. Убийцы, кем бы они ни были, разрушили теплообменники в восточной части Ганга. Может, они хотели выкурить спрятавшихся там членов экипажа? Вполне вероятно. Или им просто надоела охота и они решили заморозить уцелевших людей в их убежищах? Ни в первой, ни во второй догадке не было ничего утешительного.

— Вы это слышите? — прошептал Марух.

Впереди металл лязгнул о металл. Марух свистом дал сигнал остановиться, и три луча метнулись дальше по коридору. Ничего. Голое железо стен. Лязг не утихал.

— Это вентиляционная турбина, — шепнул Йоролл. — Просто вентилятор.

Марух отвернулся от широко распахнутых, испуганных глаз своего спутника и от его страдного дыхания.

— Ты уверен?

— Да, думаю, просто вентилятор.

Голос Йоролла дрожал, так же как его

руки.

— Я работал в этих туннелях. Я узнаю звук.

«Конечно, — подумал Марух, — но это было до того, как ты съехал с катушек».

Йоролл скатывался по наклонной быстрее всех их. Он уже мочился в штаны, сам того не замечая. Марух, по крайней мере, делал это сознательно, для того чтобы согреться. Еще один прием в тактике выживания. «Крысы самые живучие», — снова подумал он с невеселой усмешкой.

— Тогда пошли.

Они двинулись вперед с чрезвычайной осторожностью, не зная толком, на что способны убийцы. Йоролл сумел хорошо разглядеть одного, но не хотел говорить об этом. Дат, который тащился замыкающим в их троице, утверждал, что повидал больше Маруха, но и ему было особенно нечем похвастаться: заметил мельком огромный черный силуэт с красными глазами, вопящий механическим голосом. Дат пустился наутек прежде, чем успел разглядеть что-то еще, и,

нырнув в люк, ползком удрал по техническому туннелю, пока его бригаду шумно разрывали на куски у него за спиной. На пятнадцать человек хватило одного убийцы.

Сам Марух не мог похвастаться такой встречей. Он подозревал, что только благодаря этому и остался в живых. С того момента, когда он услышал первые рапорты о ворвавшихся на борт убийцах, чернорабочий держался самых узких коридоров, покидая их лишь для набегов на пищевые склады или поисков новых батареек.

Но сейчас здесь стало слишком холодно. Сейчас надо было уходить отсюда и молиться о том, чтобы в остальных секциях станции отопление еще работало.

Какое-то время он подумывал о том, чтобы сдаться — забиться в тесный отнорок в техническом туннеле и позволить льду сковать тело. Возможно, он даже не сгниет после смерти. По крайней мере до тех пор, пока спасательные отряды Адептус Механикус не явятся на станцию и не запустят

теплообменники... Тогда, без сомнения, его труп растечется жижей, превратившись в ржавое пятно на стальной трубе.

На следующем перекрестке Марух долго выжидал, стараясь сквозь лихорадочный стук собственного сердца уловить шум чужих шагов. Затем он направился к левому коридору.

— Думаю, мы в безопасности, — шепнул он.

Йоролл затряс головой, не двигаясь с места.

— Это неправильный путь.

Марух услышал, как Дат вздохнул, но тем дело и ограничилось.

— Это дорога к столовой, — как можно мягче и терпеливее произнес Марух, — и нам нужны припасы. Сейчас не время спорить, Йор.

— Нет, к столовой не туда. Нам надо направо.

Йоролл ткнул пальцем в противоположный коридор.

— Там восточная техническая палуба, — проворчал Марух.

— Нет. — Голос Йоролла становился

все громче и пронзительнее. — Мы должны пойти той дорогой.

Ближайший вентилятор продолжал медленно пощелкивать.

— Давай уже пойдем куда-нибудь, — сказал Дат Маруху. — Брось его.

Йоролл заговорил прежде, чем Маруху пришлось делать выбор, за что пожилой чернорабочий был ему искренне благодарен.

— Нет, нет, я иду. Не оставляйте меня.

— Говорите потише, — шепотом произнес Марух, хотя и не был уверен, что им это поможет. — И приглушите свет фонарей.

Он повел их вперед. Налево. Снова налево. По длинному коридору, затем направо. У поворота он замер и, поколебавшись, навел луч фонарика на двойной люк, ведущий в столовую.

— Нет... — еле слышно выдохнул Марух, словно его разом покинули все силы.

— В чем дело? — прошипел Йоролл.

Чернорабочий сощурил больные глаза и провел лучом фонарика по остаткам

дверного проема. Люк был сорван с петель и валялся на полу грудой смятого металла.

— Плохи дела, — пробормотал Марух. — Убийцы побывали здесь.

— Они везде побывали, — ответил Дам.

Слова его больше напоминали вздох.

Марух стоял, дрожа на жгучем морозе. Фонарик плясал в его трясущихся пальцах.

— Пошли, — шепнул он. — Как можно тише.

Когда они приблизились к разбитой двери, Йоролл втянул носом воздух.

— Я что-то чую.

Марух медленно вдохнул. Воздух был настолько холодным, что обжег легкие, но чернорабочий не почувствовал ничего, кроме запаха влажного железа и собственной вони.

— Я нет. Ты о чем?

— Специи. Плохие специи.

Марух отвел глаза от подергивающегося лица Йоролла. Похоже, тот стремительно терял последние

крохи рассудка.

Марух свернул за угол первым. Подкравшись к дверному проему, он всмотрелся в глубину обширного, залитого тусклым красным светом зала. В сумраке ничего нельзя было разглядеть толком. На полу валялись десятки перевернутых столов. Стены покрыла копоть и вмятины от пуль, а целая куча стульев громоздилась в центре комнаты — без сомнения, остатки баррикады. Тела, множество тел, лежали поверх столов и распластались на покрытом изморозью полу. В распахнутых глазах посверкивали ледяные кристаллы, а лужи пролитой крови превратились в красивые рубиновые озерца.

По крайней мере, ничто не шевельнулось при звуке их шагов. Марух поднял фонарик и направил луч в глубину комнаты. Темнота раздвинулась, и фонарик осветил то, что скрывала аварийная иллюминация.

— Трон Бога-Императора! — выдохнул чернорабочий.

— Что такое?

Он быстро направил фонарик в пол.

— Оставайтесь здесь.

Марух не собирался испытывать на прочность и без того рассыпающийся рассудок Йоролла.

— Просто стойте здесь, а я добуду то, что нам нужно.

Чернорабочий шагнул в столовую, хрустя ботинками по кровавому стеклу рубиновых луж. Дыхание клубилось у его губ белой дымкой, тающей в тусклом свете. Он попытался обогнуть тела по широкому кругу, но взгляд невольно устремлялся в ту сторону. То, что с жутковатой ясностью показал свет фонарика, вблизи становилось лишь очевиднее: ни один труп в зале бывшей столовой не остался неосквернённым. Марух перешагнул через освежёванное тело женщины, стараясь двигаться как можно аккуратнее и не наступить на ошмётки плоти, прилипшие к полу. Когда он проходил мимо, лишённое кожи лицо — маска из обнажившихся вен и почерневших мышц — сверкнуло на него зубастой улыбкой.

От многих тел остались лишь окровавленные скелеты с отрубленными руками и ногами. На морозе тела мумифицировались и бесформенными грудами усыпали столы. Холод почти убил запах, но сейчас Марух понял, о чем говорил Йоролл. В самом деле, плохие специи.

Он подобрался ближе к закрытому люку пищевого склада. Только бы поворотное колесо не заскрипело! Марух вцепился обеими руками в заиндевевший металл и повернул. В кои-то веки удача ему улыбнулась — колесо подалось, рывком крутанувшись на покрытом смазкой штифте. Чернорабочий перевел дух и распахнул люк, за которым обнаружилась кладовая.

Похоже, ее еще никто не успел разграбить. Целые полки были заставлены коробками с сухими рационами и контейнерами с восстановленными мясопродуктами. На каждом красовалась гордая печать с аквилой или зубчатая шестерня Марса. Марух сделал три шага внутрь комнаты, когда сзади раздался

крик.

Он знал, что может спрятаться. Может захлопнуть дверь кладовой и замерзнуть тут до смерти или найти какую-нибудь нору и ждать, пока все закончится. К тому же его единственным оружием был ручной фонарик, зажатый в онемевших пальцах.

Йоролл снова закричал. Крик оборвался влажным хрипом. Прежде чем Марух успел понять, что делает, он уже мчался назад, стуча ботинками по ледяному полу.

Убийца вошел в столовую, волоча в руках Йоролла и Дата. Трон, он был огромен! Его темные доспехи в красном свете казались чернильным пятном в луже крови, а от назойливого гудения силовой брони у Маруха заныли зубы.

Йоролл мертвым грузом висел в руке убийцы. Металлический кулак сомкнулся вокруг его горла, а голова откинулась под неестественным углом. Дат все еще отбивался и вопил. Чудовище тащило его за волосы.

Марух разжал потную ладонь и

швырнул в убийцу фонариком. Фонарик отскочил от наплечника с эмблемой крылатого черепа, не оставив даже вмятины. Однако это вынудило убийцу развернуться и прорычать два слова в динамики шлема:

— Так-так.

С показной небрежностью убийца отшвырнул в сторону тело Йоролла, бросив его на стол с освежеванным трупом. Дат дергался в кулаке монстра, скользя подошвами ботинок по обледеневшему полу в поисках опоры и безуспешно пытаясь разжать стальные пальцы, вцепившиеся в его длинные сальные кости.

Марух не побежал. Он смертельно устал от холода и тесных труб, был полумертв от голода и трех проведенных без сна ночей. Ему обрыдло это крысиное существование, когда единственным чувством, прорывавшимся сквозь муки голода и боль в обмороженных конечностях, был страх. Слишком изможденный, чтобы попытаться спастись бегством, он стоял посреди комнаты, набитой ободранными телами, и смотрел в лицо убийце. Какая

смерть может быть хуже подобной жизни? Если по-честному?

— Зачем вы делаете это?

Марух наконец-то произнес вслух то, о чем думал все последние дни.

Убийца не остановился. Закованная в перчатку рука, уже тронутая инеем, сдавила горло Маруха. Удушье было хуже мороза. Марух почувствовал, как трещит позвоночник, как пережатые сухожилия стягивают гортань, не давая прорваться внутрь ни глотку воздуха. Убийца медленно оторвал его от пола и поднял к своему шлему. Череп, нарисованный на наличнике, злобно уставился на человека.

— Это был вопрос? — Убийца склонил голову набок, вперив в Маруха немигающий взгляд красных линз. — Ты действительно хочешь знать ответ или просто борешься от ужаса первую пришедшую тебе в голову чушь?

Давление на горле уменьшилось ровно настолько, чтобы рабочий сумел втянуть несколько глотков драгоценного воздуха и заговорить. С каждым вдохом в легкие Маруха проникала трупная вонь и

цепенящий холод.

— Почему? — процедил он сквозь клейкие от слюны зубы.

Из-под череполикого шлема донеслось рычание.

— Я создал этот Империум. Я строил его, ночь за ночью, — он выстроен на моем поту, на моей гордости, на стали моего клинка. Я заплатил за него кровью своих братьев. Я сражался за Императора, ослепленный его светом, задолго до того, как вы объявили его мессией и заключили в саркофаг. Ты существуешь, смертный, только благодаря мне. Твоя жизнь принадлежит мне. Взгляни на меня. Ты знаешь, кто я такой. Забудь о лжи, которой тебя вскормили, и ты увидишь, кто держит в руках твою жизнь.

Марух почувствовал, как по ноге его бежит обжигающе-горячая струйка мочи. Падшие ангелы Великого Предателя. Миф. Легенда.

— Всего лишь легенда, — прохрипел он, болтаясь в воздухе. — Всего лишь легенда.

Дыхание, затраченное на отрицание

очевидного, изморозью осело на доспехах воина.

— Мы не легенда. — Кулак убийцы снова сжался. — Мы — создатели твоей империи, стертые со страниц истории, преданные тем самым трупом, который гниет на Золотом Троне, пока вы ползаете перед ним на брюхе.

Сквозь резь в глазах Марух заметил металлический блеск — серебряный орел, выгравированный на нагруднике убийцы. Имперский символ аквилы, изуродованный и покрытый трещинами, на доспехах еретика.

— Ты обязан нам жизнью, смертный, поэтому я предоставлю тебе выбор. Ты можешь служить Восьмому легиону, — с расстановкой произнес убийца, — или умереть, захлебнувшись собственным криком.

IV
ОТВЕРЖЕННЫЙ

Захватить станцию оказалось куда проще, чем они ожидали. Особых причин для гордости тут не было. Конечно, если кто-то из братьев считал славным подвигом захват отдаленного мануфакторума, Талос не стал бы отнимать у него эту радость — но великой победой их нынешнюю операцию все равно не назовешь. Набег, задуманный и совершенный по необходимости, а не ради мести. Рейд за припасами — слова кололи самолюбие Талоса, хотя и вызывали на губах улыбку. Нет, это не та битва,

память о которой украсит штандарты легиона на долгие века.

И все же он был доволен Септимусом. И рад, что тот вернулся на борт, — два месяца без оружейника изрядно попортили ему кровь, чтобы не сказать хуже.

Три ночи назад Талос впервые ступил на палубу Ганга. Не лучшее воспоминание в его жизни. Двери абордажной капсулы раздвинулись, со скрежетом слизав металл обшивки. Затем, как всегда, был прыжок в привычную темноту. Визоры шлемов с легкостью разогнали мрак. Термальные пятна казались скопищем эмбрионов: смертные, ползающие на карачках, слепо шарящие во тьме, скулящие и сворачивающиеся клубком. Добыча, хныкающая у его ног, оказывала лишь самое жалкое сопротивление.

Нет более отвратительного зрелища, чем человек, пытающийся выжить любой ценой. А унижение, которому они себя подвергали! Мольбы. Слезы. Отчаянная пальба, не способная повредить керамит.

Восьмой легион шагал по станции,

почти не встречая сопротивления и развлекаясь по мере сил. Талос несколько часов слушал завывания остальных Когтей по воксу. Некоторые отделения впали в совершенное бешенство и рубили все живое на пути, наслаждаясь своей способностью вселять в людей страх. Как они ликовали, перекрикиваясь друг с другом во время этой безумной охоты!

— Эти звуки... — сухо произнес Талос. — Голоса наших братьев. Мы слышим предсмертный бред легиона. Странно, что вырождение звучит почти как веселье.

Ксарл что-то буркнул в ответ — возможно, хмыкнул. Остальные воздержались от комментариев.

С тех пор прошло три ночи.

В течение этих трех ночей Первый Коготь выполнял приказ Вознесенного: наблюдал за пополнением запасов на «Завете». На борт грузили бочки и контейнеры с прометием. Из генераторов станции сливали свежую, бурлящую плазму. Со складов забрали огромные количества разнообразной руды, которая могла послужить сырьем для оружейных

мастерских «Завета». Тех работников станции, которых сочли полезными — из нескольких сот, переживших резню, — загнали на борт в цепях. Крейсер все еще не отстыковался от Ганга. Словно гигантская пиявка, он тянул из станции соки через топливные трубы и линии погрузчиков.

Шесть часов назад Талос одним из последних притащил на борт рабов — он нашел их в столовой, явно сыгравшей роль скотобойни для одного из Когтей. Согласно планам Вознесенного, «Завету» предстояло провести здесь еще две недели, высасывая все сколько-нибудь ценное из литейных заводов и фабрик по обогащению сырья.

Все прошло настолько гладко, насколько можно было ожидать, пока один из них не сорвался с цепи. Резня на борту Ганга завершилась, но некоторым оказалось непросто утолить жажду крови.

Одинокий воин бродил по палубам «Завета» с мечами в руках и кровавыми пятнами на наличнике шлема, и разум его был отравлен проклятием.

Быть сыном бога — проклятие.

Слова этого нытика Пророка, так ведь? «Быть сыном бога — проклятие». Что ж, возможно. Охотник вполне разделял его точку зрения. Может, и проклятие. Но еще и благословение.

В периоды относительного спокойствия, когда — пусть на мгновение — безумие его отпускало, охотник думал, что знает истину, позабытую остальными. Они зациклились на том, чего у них нет, на том, что утратили, на славе и почестях, которых им уже никогда не достигнуть вновь. Им виделись одни недостатки, и никаких достоинств. Они угрюмо смотрели в грядущее, не черпая сил в прошлом. Так жить было нельзя.

Череп налился знакомой тяжестью. Боль разрасталась за глазами, червем прогрызая дорогу к мозгу. Он слишком много времени провел за размышлениями и сейчас за это заплатит. Голод надо удовлетворять, иначе последует наказание.

Охотник двинулся дальше. Бронированные подошвы ботинок выбивали

эхо из каменного пола. Враг бежал от него, заслышав мерный рокот включенной боевой брони и гортанный рев работающего вхолостую цепного топора. Оружие в руках охотника было истинным произведением искусства, острозубым и убийственно-эффективным. Священные масла умащали его клыки не реже, чем кровь.

Кровь. Слово пятном кислоты опалило его затуманенный разум. Кровь, ее нежеланный запах, ее отвратительный вкус, страдный красный поток, извергающийся из разорванной плоти. Охотник вздрогнул и покосился на темную жидкость, обагрившую край клинка. Он в ту же секунду пожалел об этом — кровь спеклась в бурую корку между зубьями цепного лезвия. Боль вспыхнула снова, острая, как нож в глазнице, и на сей раз не утихла. Кровь засохла. Он слишком долго не убивал.

Вопль чуть ослабил давление, но его сердца все равно грохотали, как молот. Охотник сорвался на бег.

Следующим умер солдат. Ладони смертного бессильно размазывали пот по линзам шлема охотника, а кольца кишок влажно плюхнулись под ноги.

Охотник отбросил выпотрошенное тело к стене. Кости треснули от удара. Своим гладиусом — благородным клинком, который уже сотню лет как превратился в нож для свежевания, — он отсек голову умирающего. Кровь залила перчатки, пока охотник крутил трофей в руках, изучая очертания черепа под бледной кожей.

Он представил, как свежует отрубленную голову. Сначала сдирает полосками кожу, а затем отделяет от кости испещренные артериями и венами мышцы. Потом вырвет глаза из глазниц и промоет внутреннюю полость едкими очистительными маслами. Картина получилась очень четкой, потому что он проделывал это уже много раз.

Боль начала утихать.

Спокойствие возвращалось, и в наступающей тишине охотник услышал перекличку братьев. Вот голос Пророка — этот, как всегда, кипит от гнева. Вот

смех калеки, звучащий резким диссонансом с приказами Пророка. Вот вопросы того, кто всегда держится спокойно и ровно, — приглушенные ноты, вплетающиеся в основной мотив. А вот и рычание опасного, перекрывающее все остальное.

Охотник замедлил шаги, пытаясь разобрать слова. Братья тоже шли по следу, судя по тому, что он сумел понять из их отдаленного бормотания. Его имя — они повторяли его имя снова и снова. Удивление. Гнев.

Но они говорили об опасной добыче. Здесь? В ржавых коридорах полуразвалившейся жилой башни? Здесь не было ничего опасного, кроме них.

— Братья? — сказал он в вокс.

— Где ты? — яростно спросил Пророк. — Ужас. Где. Ты.

— Я...

Он запнулся.

Рука с черепом опустилась, и вместе с ней опустился топор. Стены оскалились на него, опасно раздваиваясь: одновременно стальные и каменные, вырубленные из скальной породы и отлитые из металла.

Невозможно. Невозможность происходящего сводила с ума.

— Ужас!

Голос принадлежал тому, кто рычал Ксарлу.

— Клянусь собственной душой, за это я тебя прикончу.

Угрозы. Вечные угрозы. Губы охотника раздвинулись в слюнявой усмешке. Стены снова стали камнем, а голоса братьев превратились в бессмысленное жужжание. Пусть охотятся, как им угодно, и догоняют его, когда смогут.

Ужас снова сорвался с места, обращаясь на бегу к божеству с тысячей имен. Он не молился — сын Конрада Курца никогда не станет преклоняться перед богами. Нет, он требовал благословить затеянное им кровопролитие, ни на секунду не задумываясь о том, что ему могут отказать. Боги никогда не отвергали его прежде, не отвергнут и сейчас.

Механические зубы впились в доспехи

и плоть. Последние крики сорвались с губ. Слезы оставили серебряные дорожки на бледных щеках.

Для охотника все это означало не больше, чем смена чисел на циферблате хронометра.

Вскоре охотник стоял посреди часовни. Облизываясь, он прислушивался к реву цепного топора, отраженному от камня. Справа и слева от него валялись изрубленные тела, наполняя воздух густой кровяной вонью. Уцелевшие ничтожества забились в угол, потрясая оружием, которое не могло его даже ранить, и выкрикивая слова, которых он не желал слышать.

Тепловое охотничье зрение отключилось, так что сейчас он смотрел через целеуказатель и алые глазные линзы. Люди, съежившись, пятились от него. Никто из них так и не выстрелил.

— Господин... — пробормотал один из смертных.

Охотник заколебался. Господин? К мольбам он привык. К почтительному

обращению — нет.

На этот раз боль пробудилась в висках — давящая, острая и ужасная, с двух сторон пробивающаяся к центру черепа. Охотник взревел и занес топор. Когда он шагнул вперед, люди сжались, прикрывая друг друга руками и всхлипывая.

— Прекрасная демонстрация мужества имперских солдат, — процедил охотник.

Он нанес удар, и зубья цепного топора со звоном столкнулись со сверкающей полоской металла.

Перед ним выросла другая фигура. Сам зануда Пророк. Их клинки скрестились — золотой меч поднялся на защиту трусливых имперцев. Его собственный брат мешал ему пролить кровь.

— Талос! — прорычал охотник сквозь прокушенные и окровавленные губы. — Кровь! Кровь для Кровавого Бога! Ты понимаешь?

— С меня хватит!

Каждый удар по наличнику шлема отбрасывал голову охотника назад и встряхивал ее содержимое. В глазах

темнело снова и снова, а шея хрустела так, что пришлось попятиться. Коридор звенел отзвуками ударов металла по керамиту. Охотник, окончательно сбитый с толку, зарычал, осознав, что брат трижды ударил его по лицу рукояткой болтера. Он соображал слишком медленно. Было сложно что-то понять сквозь боль. Он скорее почувствовал, чем осознал, как пальцы разжимаются, выпуская оружие. Топор и гладиус упали на пол.

Восстановив равновесие, он оглядел часовню — и... Нет. Постойте. Это была не часовня. Это был коридор. Коридор на борту...

— Талос, я...

Глухой лязг стали по керамиту снова раскатился между стен, и голова охотника дернулась в сторону. Позвоночник чуть не треснул от силы удара. Талос взмахнул золотым мечом — и охотник рухнул на решетчатую палубу, опираясь на дрожащие руки и ноги.

— Брат?

Ужас с трудом выдавил слово и сплюнул кровь.

Поднять голову стоило мучительной боли в спине, но тут он наконец увидел: за перевернутым столом, рассыпавшим по полу самодельные украшения и амулеты из кусочков бросового металла, скорчились двое оборванных и грязных смертных. Пожилые мужчина и женщина с немытыми лицами и дорожками слез на щеках. У одного глаза были закрыты черной повязкой, бесполезной в вечном мраке. Традиция «Завета».

Охотник повернул голову на звук приближающихся шагов брата.

— Талос. Я не знал, что я на корабле. Мне нужно было... — Он сглотнул, увидев холодное осуждение в бесстрастных глазных линзах брата. — Я думал...

Пророк наставил острие золотого меча на горло охотника.

— Узас, послушай меня внимательно, хотя бы раз в своей никчемной жизни. Я убью тебя, если с твоего поганого языка сорвется еще хоть одно слово.

Воздух вокруг них пропитался застарелым запахом крови и ржавчины.

Сервиторы не убирали это помещение уже много месяцев.

— Он зашел слишком далеко. — Меркуций не пытался скрыть осуждение в голосе. — Когда я сражался в составе Седьмого Когтя, мы не избегали встреч друг с другом из страха, что собственный брат вцепится тебе в глотку.

— Седьмой Коготь мертв, — ухмыльнулся Ксарл. — Так что, как бы примерно вы там себя ни вели, в конце концов это не окупилось.

— Со всем уважением, брат, следи за своими словами.

Произношение Меркуция, уроженца верхних уровней улья, было аристократически-четким, в то время как рычание Ксарла отдавало помойкой.

Ксарл обнажил зубы в том, что на другом лице можно было бы счесть улыбкой. Но на покрытом шрамами лице Астартес это выглядело оскалом хищника.

— Дети, дети, — хмыкнул Кирион. — Разве наш дружеский союз не прекрасен?

Талос позволил им продолжить

перепалку. Он наблюдал со стороны — глазные линзы фиксируют каждое движение, непроницаемое забрало шлема скрывает мысли. Его братья переругивались и обменивались колкостями при каждой встрече, что вполне типично для воинов, осточертевших друг другу за месяцы бездействия. Все они были облачены в доспехи, собранные из разномастных деталей: перекрашенные, переделанные и покрывшиеся тысячами заплат с тех пор, как достались своим хозяевам. Его собственная броня представляла собой мозаику несовместимых частей, трофеев, добытых за сотню лет у поверженных врагов.

Ужас, прикованный к допросной плите в центре комнаты, снова дернулся по тышцам пробежал рефлекторный спазм. Сочленения его доспехов рявкали при каждой судороге.

Иногда, в редкие секунды затишья и самокопания, Пророк задумывался о том, что бы их генетический отец мог сказать сейчас о своих сынах: сломленных,

запятнанных скверной, носящих чужие доспехи и истекающих кровью в каждой битве, которой не удалось избежать. Он оглядел по очереди своих братьев. Перекрестье прицела скользнуло по их силуэтам с молчаливой угрозой. С брони свисали выбеленные черепа и шлемы Кровавых Ангелов. На всех лицах горечь мешалась с разочарованием и бессильным гневом. Как боевые псы, готовые сорваться с поводков, они облаивали друг друга, и их руки постоянно тянулись к зачехленному оружию.

Пророк сделал один шаг. По тесному пространству пыточной камеры раскатилось эхо.

— Довольно.

Они наконец-то замолчали, за исключением Узаса, который продолжал бормотать и капать слюной.

— Довольно, — повторил Талос, уже мягче. — Что мы будем с ним делать?

— Убьем его. — Ксарл чиркнул пальцем по подбородку с рваной линией шрама — сувениром от Кровавого Ангела, не пожелавшим зарасти ровно. — Сломает

ему позвоночник, перережет глотку и вышвырнет из воздушного шлюза. — Он медленно и скорбно помахал рукой, словно прощаясь с кем-то. — Счастливого пути, Узас.

Кирион вздохнул, но ничего не сказал. Меркуций покачал головой — жест сожаления, а не возражения.

— Ксарл прав. — Меркуций кивнул на брата, распластанного на пыточном столе. — Узас пал слишком низко. У него было три ночи, чтобы удовлетворить жажду крови на станции, и он не имел права потерять контроль на борту «Завета». Мы хотя бы знаем, скольких он убил?

— Четырнадцать смертных, трех сервиторов и Тора Ксала из Третьего Когтя.

Отвечая, Кирион смотрел на прикованную к столу фигуру.

— И забрал пять голов.

— Тор Ксал, — проворчал Ксарл. — Он был почти таким же чокнутым, как Узас. Невелика потеря. Да и весь Третий Коготь не лучше. Они слабаки. Мы видели

их на тренировочной арене. Я мог бы в одиночку перебить половину из них.

— Каждая смерть — потеря, — возразил Талос. — Каждая смерть делает нас слабее. И Заклейменные захотят мести.

— Только не начинай. — Ксарл прислонился к стене, и мясницкие крюки, подвешенные там на ржавых цепях, лязгнули. — Как-нибудь обойдемся без твоих поучений. Погляди на этого недоумка. Он дрыгает тут ногами и пускает слюну, перебив в припадке бешенства двадцать членов экипажа. Среди рабов уже ходит шепоток о восстании. С какой стати мы должны его щадить?

Черные глаза Меркуция встретились с взглядом Талоса.

— Мы потеряли много рабов из-за Кровавых Ангелов. Даже приняв в расчет рабочих с Ганга, мы не можем швырять людей на потеху безумцу. Ксарл прав, брат. Мы должны избавиться от этого аспида.

Талос выслушал их, но ничего не

ответил.

Кирион избегал смотреть в глаза остальным.

— Вознесенный приказал убить его независимо от того, что мы здесь решим. Если мы собрались не подчиниться приказу, нужна чертовски убедительная причина.

Некоторое время братья стояли в молчании, наблюдая за тем, как Узас бьется в цепях. Первым под мягкий рокот сервомоторов обернулся Кирион. Воин внимательно всмотрелся в дверь у них за спиной.

— Я что-то слышу, — сказал он, потянувшись к болтеру.

Талос уже герметизировал шлем.

А затем из коридора донесся искаженный воксом голос:

— Первый Коготь... Мы за вами пришли.

Когда Тор Ксал отправился к праотцам, Дал Кар обнаружил, что на него свалилась неожиданная ответственность.

В лучшие времена такое повышение сопровождалось бы соответствующей церемонией и доспехи его украсились бы знаками почета. В лучшие времена он бы действительно стремился к командирскому званию, а не боролся за него из чистого отчаяния. Если он не возглавит Коготь, это сделает кто-то другой — а такой катастрофы следовало избежать любой ценой.

— Я — командир с сегодняшнего дня, — объявил Гарисаф.

Он поднял деактивированный цепной меч и направил клинок на горло Дала Кара.

— Я командую вами.

— Нет. Ты не достоин.

Слова принадлежали не Далу Кару, хотя вполне отвечали его мыслям.

Вейайн выступил вперед и, обнажив собственное оружие, принялся кружить вокруг Гарисафа. Дал Кар последовал его примеру прежде, чем осознал, что делает. Остальные Заклейменные отступили к стенам. Они не ввязались в схватку за лидерство то ли из осторожности, то ли

по благоразумию, то ли просто были уверены, что им не одержать верх над тремя воинами, которые сейчас надвигались друг на друга.

— Дал Кар?

Смех Гарисафа треснул в воксе. Каждый из них надел шлем в ту же секунду, когда услышал о смерти Тора Ксала. Преступление требовало отмщения, и они займутся этим, как только утвердят нового командира.

— Ты, должно быть, шутишь.

Дал Кар не ответил. Он держал цепной меч в одной руке, а пистолет оставил в кобуре — в ритуальных поединках сражались только на клинках. Гарисаф пригнулся, готовый встретить удар любого из двоих противников. Вейайн, однако, медленно попятился, словно его внезапно одолели сомнения.

Как и Гарисаф, Вейайн не ожидал, что Дал Кар выйдет в центр комнаты. Осторожной походкой он отступил на пару шагов, бросая из-за красных линз шлема быстрые взгляды на соперников.

— Дал Кар, — вокс Вейайна

превратил имя в рычание, — зачем ты выступил вперед?

В ответ Дал Кар кивнул на Гарисафа.

— Ты позволишь ему возглавить нас? Надо бросить ему вызов.

Из ротовой решетки шлема Гарисафа донесся еще один хриплый смешок. Символы, выжженные у него на доспехах — змеистые нострамские руны, втравленные глубоко в керамит, — казалось, извивались во мраке.

— Я разберусь с ним, — проворчал Вейайн.

На его доспехах были похожие метки — летопись его собственных деяний, записанная нострамскими иероглифами.

— А затем ты вызовешь меня? — Дал Кар медленно выдохнул. Вздох сипением вырвался из решетки динамика. — Ты не победишь. Он убьет тебя, Вейайн. Но я за тебя отомщу. Я прикончу его, когда он ослабеет.

Гарисаф слушал их с улыбкой, прятавшейся за забралом череполикого шлема. Не сумев преодолеть искушение, он

нажал на кнопку активации цепного меча. Вейайну только того и надо было.

— Я прикончу его! — упрямо выкрикнул воин и ринулся вперед.

Два Повелителя Ночи встретились в середине круга, образованного их братьями. Цепные мечи лязгали и ревели, впиваясь в многослойную броню цвета терранской полуночи.

В конце поединка, наступившем с неизбежностью и пугающей быстротой, Дал Кар отвернулся. Клинки были практически бесполезны против боевой брони легиона, так что оба воина прибегли к проверенной и жестокой тактике — они пытались пробить сочленения доспеха противника. Вейайн взревел, когда удар кулака отбросил его голову назад. На краткий миг он обнажил горло, и Гарисафу этого вполне хватило. Цепной меч обрушился на более мягкий и пластичный доспех, прикрывавший шею, и впился глубоко — так глубоко, что завизжал, наткнувшись на кость. Осколки брони дождем посыпались во все стороны. Электронные нервы, обильно смоченные

человеческой кровью, разлетелись по полу.

Керамит загремел о сталь. Вейайн рухнул на четвереньки. Жизнь покидала его вместе с фонтаном крови из разорванного горла. Вторым ударом меча Гарисаф окончательно обезглавил противника. Шлем зазвенел о палубу. Из него выкатилась голова. Гарисаф остановил ее ногой и раздавил подошвой ботинка.

Он призывно взмахнул окровавленным мечом.

— Кто следующий?

Дал Кар выступил вперед, чувствуя жжение боевых стимуляторов в крови — болезненный пучок, расходящийся от точки введения инъекции на запястье. Он не стал поднимать клинок. Вместо этого Повелитель Ночи вытащил плазменный пистолет. По цепочке воинов пробежал возмущенный шепоток. Магнитные кольца на верхней части оружия пылали яростным фосфорическим светом, бросая голубые блики на лица наблюдавших за схваткой Астартес. Входные клапаны ствола втянули воздух с сердитым

шипением — так гремучая змея недвусмысленно предупреждает противника.

— Вы все это видите? — с насмешкой протянул Гарисаф. — Будьте свидетелями, все вы. Наш брат нарушает закон.

Пистолет уже дрожал в руке Дала Кара — плазменному оружию не терпелось исторгнуть накопленную энергию.

— Я не собираюсь служить закону, который не служит нам.

Дал Кар рискнул взглянуть на остальных. Некоторые из них кивнули. Благодаря своему непревзойденному владению клинком Гарисаф был тем командиром, которого рассчитывал получить Третий Коготь. Но не тем, с чьей кандидатурой они единодушно соглашались. На этом Дал Кар и строил свою игру.

— Ты нарушаешь традицию, — упрекнул его Харуган. — Опусти пистолет, Дал Кар.

— Он нарушает традицию, потому что у него хватает на это духа, —

парировал Ян Сар, заслужив несколько одобрительных возгласов по воксу.

— Гарисаф не должен командовать, — заявил другой, и это тоже вызвало шум одобрения.

— Я буду командиром! — рявкнул Гарисаф. — Это мое право!

Дал Кар держал пистолет настолько твердо, насколько позволяли пульсирующие силовые батареи. Следовало рассчитать время с точностью до секунды: оружие должно быть полностью заряжено, и он не может выстрелить, пока Гарисаф не нападет. Пусть это хоть немного напоминает справедливую кару, а не убийство.

На визоре Дала Кара вспыхнули руны подтверждения — воины Третьего Когтя приняли решение. Гарисаф, вероятно, тоже увидел их или просто поддался разочарованию. Издав пронзительный вопль, он прыгнул вперед. Дал Кар нажал на спуск, и из дула плазменного пистолета изверглась мощь новорожденного солнца.

Когда зрение к ним вернулось,

оказалось, что все они неподвижно застыли посреди общего зала. Доспех каждого воина покрывал тонкий слой пепла — все, что осталось от Гарисафа после ослепительного плазменного заряда.

— Очень наглядно, — неодобрительно прорычал Харуган.

Даже легчайшее движение — жест в сторону оружия Дала Кара — заставило пыль облаком подняться с его доспеха.

— Нам не досталось даже брони.

В ответ Дал Кар кивнул на труп Вейайна.

— Вот тебе броня. И утешься тем, что нас не возглавит очередной психопат.

Остальные уже столпились вокруг мертвого Вейайна, обращаясь с павшим братом ничуть не более уважительно, чем с вражеским трупом. Его тело вскорости оттащат в апотекарион, где извлекут прогеноиды. Доспехи разберут на детали и поделят между братьями Вейайна.

— Теперь ты командир, — сказал Ян Сар.

Дал Кар кивнул снова, без малейшего удовольствия.

— Да. Собираешься бросить мне вызов? Кто-нибудь из вас собирается?

Он развернулся лицом к братьям. Никто не поспешил с ответом, и снова заговорил Ян Сар:

— Мы не станем оспаривать твое лидерство. Но долг крови не оплачен, и ты поведешь нас к возмездию. Первый Коготь убил Тора Ксала.

— Мы уже потеряли троих в эту ночь. Один стал жертвой предательства, второй — невезения, а третий — необходимости.

Клювоносый наличник шлема Дала Кара из «птичьего» комплекта брони шестого типа был покрыт темно-красной краской, как и у остальных воинов Третьего Когтя. Извилистые ожоги глубоко въелись в композитный металл.

— Если мы выступим против Первого Когтя, потеряем еще кого-то. И я не желаю сражаться с Пророком.

Он не стал добавлять, что убил Гарисафа отчасти и ради того, чтобы избежать этого боя.

— Мы уже не принадлежим к роте

Халаскера. Мы Заклейменные, Третий Коготь банды Вознесенного. Мы Повелители Ночи, рожденные заново. Мы можем начать с чистого листа. Не стоит освящать это новое рождение кровью наших братьев.

На какой-то миг Далу Кару показалось, что он убедил их. Братья обменялись взглядами и приглушенными замечаниями. Но реальность нанесла удар секундой позже.

— Месть! — провозгласил Ян Сар.

— Месть! — откликнулись остальные.

— Что ж, тогда пусть будет месть, — кивнул Дал Кар и повел своих братьев в бой, ради предотвращения которого убил Гарисафа.

Вскоре после того, как согласие было достигнуто, оставшиеся воины Третьего Когтя вывалились в центральный коридор тюремной палубы, сжимая клинки и болтеры в бронированных кулаках. Тусклый свет «Завета» поблескивал на их доспехах, а тьма копилась в черных, вытравленных в боевой броне рунах.

Из-за задраенного люка, ведущего в

один из боковых отсеков, послышались голоса.

— Устроим засаду? — спросил Ян Сар.

— Нет, — хмыкнул Харуган. — Они знают, что мы не оставим смерть Тора Ксала неотомщенной. Уверен, они уже нас ожидают.

Заклейменные придвинулись к запертой двери.

— Первый Коготь, — крикнул Дал Кар, стараясь, чтобы слова его прозвучали не слишком неохотно, — мы за вами пришли!

Кирион вглядывался в монохромный экран аускпика. Каждые несколько секунд ручной сканер издавал щелчок, сопровождаемый треском статики.

— Я насчитал там семерых, — сказал Кирион. — Восьмерых или девятерых, если они идут тесной группой.

Талос шагнул к двери, снимая болтер с магнитного замка на бедре. Оружие было громоздким, украшенным бронзой, с двумя широкими стволами. Пророк все еще чувствовал неловкость, когда приходилось пользоваться им в открытую. Размер

болтера не смущал его, но тяготило наследие.

Он крикнул сквозь запертую дверь:

— Мы заплатим долг крови в поединке! Ксарл выступит от Первого Когтя!

За спиной его, в комнате, послышался гнусный смешок — Ксарл веселился за глухой маской наличника. Ответа Талос не получил.

— Я с этим разберусь, — сказал Пророк Первому Когтю.

Мигнув, он активировал пиктограмму на дисплее сетчатки. Руны других отделений замерцали в голосовом канале. Руна Заклейменных, Третьего Когтя, ожила, вспыхнув зеленью.

— Дал Кар? — позвал Пророк.

— Талос.

Голос Дала Кара в закрытом канале прозвучал глухо.

— Прошу прощения за то, что происходит.

— Сколько вас там?

— Интересный вопрос, брат. Это имеет значение?

Стоит попробовать. Талос перевел дыхание.

— Мы насчитали семерых.

— Тогда остановимся на этом. Семеро все равно больше четырех, Пророк.

— Пятерых, если я освобожу Узаса.

— Семеро все равно больше пятерых.

— Но один из нашей пятерки — Ксарл.

Дал Кар недовольно буркнул в ответ:

— Это так.

— Как ты стал командиром Третьего Когтя?

— Я сжульничал, — ответил Дал Кар.

Слова прозвучали как простое признание совершившегося — ни оправданий, ни извинений. Против воли Талос почувствовал, что Дал Кар начинает ему нравиться.

— Бой обескровит оба Когтя, — сказал он.

— Я в курсе, Пророк. И я наплевал на клятву верности Халаскеру не для того, чтобы всего через пару месяцев сдохнуть на этом занюханном корабле. — В голосе Дала Кара не было гнева. — Я не виню тебя за... нестабильность Узаса. Я достаточно

долго имел дело с Тором Ксалом, чтобы познакомиться со всеми прелестями скверны. Но долг крови придется платить, и Заклейменные не согласятся на поединок чемпионов. Мои собственные действия немало поспособствовали тому, чтобы эта традиция отошла в вечность, — но братья требовали мести еще раньше.

— Тогда ты получишь свой долг крови, — ответил Пророк с кривой улыбкой и оборвал связь.

Талос вновь обернулся к братьям. Кирион стоял в расслабленной позе, держа оружие на весу, и только напряженные плечи выдавали его нежелание покидать комнату. Меркуций напоминал гранитную статую — темную, недвижную, несгибаемую даже под весом массивной пушки, которую он сжимал в руках. Зияющий ствол штурмового болтера торчал изо рта железного черепа, украшавшего старинное оружие. Ксарл поигрывал двуручным цепным мечом, а его болтерные пистолеты оставались пристегнутыми к броне — но так, чтобы их можно было сорвать с креплений в

любую секунду.

— Давайте уже начнем, — сказал он, и даже искаженный вокс-динамиками голос выдавал улыбку.

Меркуций присел, в последний раз проверяя штурмовой болтер. Пушка была предельно далека от изящества: ее ствол обвивали толстые цепи, а разверстой пасти не терпелось извергнуть поток огня.

— Третий Коготь предпочитает болтеры клинкам. Теперь, когда Тор Ксал мертв, на мечах они нам не противники. Но нас перебьют прежде, чем мы успеем сократить дистанцию. Они скосят нас болтерным огнем.

Меркуций, как всегда, был настроен пессимистично.

Ксарл хрипло расхохотался и отчеканил на своем гортанном нострамском:

— Швырнем дымовые гранаты, как только откроется дверь. Это даст нам пару секунд, прежде чем их охотничье зрение перестроится. А затем мы возьмется за клинки.

На секунду в комнате воцарилась тишина.

— Освободите меня, — прорычал последний из воинов Первого Когтя.

Четыре шлема развернулись к прикованному брату. Раскосые красные глаза уставились на него без грамма человеческих эмоций.

— Талос.

Ужас выдавил имя сквозь дрожь и стук зубов.

— Талос. Брат. Освободи меня. Позволь мне облачиться во тьму и встать рядом с вами.

Из уха его сочилось что-то черное. От кожи несло тухлятиной.

Талос вытащил древний меч из ножен за спиной и приказал:

— Освободите его.

На Черном Рынке она увидела Септимуса раньше, чем он заметил ее. Сквозь толпу она наблюдала за тем, как оружейник говорит с собравшимися рабами и членами команды. Неровные пряди волос почти закрывали бионические протезы слева, где висок и щеку ему заменила искусная аугметика из композитных металлов. Протез повторял контуры его лица. Октавия не встречала имплантаты такой степени сложности за пределами богатейших аристократических домов Терры и родовитых обитателей ее самых

высоких шпилей. Другие смертные смотрели на Септимуса со смесью недоверия, зависти, преданности и обожания. Немногие рабы на борту «Завета» могли так открыто демонстрировать свою значимость для Повелителей Ночи.

Толпа, обычно заполнявшая рыночный зал, после осады Крита заметно поредела, и дышать стало куда легче. К сожалению, без людской толкотни в помещении заметно похолодало — теперь воздух здесь был таким же ледяным, как в остальных частях корабля. Дыхание клубилось у губ Октавии струйкой пара. Служитель, скособочившийся рядом с ней, был погружен в беседу с самим собой.

— Я думала, мы захватили больше... людей, — сказала ему девушка.

Когда горбун поднял на нее слепые глаза и ничего не ответил, Октавия уточнила:

— Новых рабов с Ганга. Где они?

— В цепях, госпожа. Они прикованы в трюме. Там они и останутся, пока мы не выйдем из дока.

Октавия содрогнулась. Теперь корабль стал ее домом. И она несла часть ответственности за все, что здесь происходило.

Септимус на другом конце зала все еще говорил. Она понятия не имела о чем. Его нострамский лился легко, срываясь с губ змеиным шипением, и девушка в лучшем случае могла разобрать одно слово из десяти. Вместо того чтобы попытаться уловить нить его рассказа, навигатор сосредоточилась на лицах слушателей. Несколько человек хмурились и толкали локтями товарищей, но на большинство речь оружейника, казалось, действовала умиротворяюще. Октавия подавила усмешку, наблюдая за страстной и открытой жестикуляцией Септимуса. Подчеркивая свои слова, он рубил рукой воздух и убеждал не только голосом, но и глазами.

Усмешка умерла у нее на губах, когда она заметила одно из лиц в толпе — изможденное, потемневшее от усталости. Лицо, затуманенное скорбью и обожженное гневом. Решив не отвлекать Септимуса,

Октавия начала пробираться сквозь людское скопище. Тихо извиняясь на готике, она подходила все ближе к пораженному горем мужчине. Тот заметил ее и нервно сглотнул.

— Аша фосала сy'сурушан, — произнес он, делая ей знак уйти.

— Вайа вей... э-э... я...

Она почувствовала, как румянец обжег щеки, и, запинаясь, договорила:

— Вайа вей не'ша.

Люди, окружавшие ее, начали пятиться. Девушка не обращала внимания. Учитывая, что скрывалось под повязкой у нее на лбу, она привыкла быть изгоем.

— Я не видела вас после... после битвы, — выдавила Октавия. — Я просто хотела сказать...

— Кишит вал'вейаласс, олмисэй.

— Но... Вайа вей не'ша, — повторила она и добавила на готике, на тот случай, если ее спотыкающийся нострамский недостаточно ясен: — Я не понимаю.

— Конечно, ты не понимаешь.

Мужчина снова махнул рукой, прогоняя ее. Его налившиеся кровью глаза

тонули в темных кругах — свидетельстве бессонных ночей, а голос срывался.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, и не желаю этого слышать. Никакие слова не вернут мою дочь.

Готик давался человеку с трудом — видно было, что он давно не пользовался этим языком, — но чувства придавали вес словам.

— Шрилла ла леррил, — насмешливо прошипел он.

— Велит сар'даритас, олваллаша сор сул.

Голос Септимуса донесся из самого центра толпы. Оружейник протолкался вперед и встал против обидчика Октавии. Хотя убивающемуся отцу было не больше сорока, горе и лишения состарили его прежде времени. Септимус, несмотря на свой потрепанный вид, по сравнению с ним казался почти мальчишкой. Когда Септимус встретился глазами с Октавией, между ними проскочила слабая искорка — но потухла, так и не успев разгореться. Оружейник направил взгляд на ссутулившегося раба, и в живот глазу

его вспыхнул гневный огонек.

— Попридержи язык, когда я рядом и могу услышать твою клевету, — предостерег он.

Октавия ощетинилась: ей вовсе не понравилось, что кому-то приходится ее защищать, да еще неизвестно от чего. Она так и не поняла ни слова. И она не была робкой девицей, готовой, чуть что, грохнуться в обморок.

— Септимус... Я сама с этим разберусь. Что ты мне сказал? — спросила она у старшего раба.

— Я назвал тебя шлюхой, сношающейся с псами.

Октавия пожала плечами, надеясь, что краска на щеках не слишком заметна.

— Меня называли и похуже.

Септимус выпрямился во весь рост.

— В тебе — корень всех беспорядков, Аркия. Я не слепой. За твою дочь отомстили. Много или мало, но это все, на что ты можешь рассчитывать.

— За нее отомстили, да, — ответил Аркия на готике, — но не защитили.

В кулаке он сжимал медальон

легиона. В самую неподходящую секунду серебро отразило тусклый свет и предательски блеснуло.

Септимус опустил ладони на рукояти пистолетов в набедренных кобурах.

— Мы — рабы на боевом корабле. Я скорбел о смерти Талиши вместе с тобой, но мы обречены на темную жизнь в чернейшем из уголков вселенной. — Его акцент звучал нелепо, и он волновался, стараясь подобрать слова. — Часто мы не можем даже надеяться на отмщение, не говоря уже о безопасности. Мой господин выследил ее убийцу. Кровавый Ангел умер собачьей смертью. Я видел, как лорд Талос задушил убийцу, видел настигшее его возмездие собственными глазами.

Собственными глазами. Октавия автоматически бросила взгляд на живой глаз Септимуса, ласковый и темный, рядом с бледно-голубой линзой в глазнице из хрома.

— Тоша аурфилла вау веши лалисс, — безрадостно рассмеялся второй раб. — Этот корабль проклят.

В толпе послышались согласные

шепотки. Ничего нового в этом не было. Со смерти девочки слухи о несчастьях и злых предзнаменованиях беспрерывно ходили среди смертных членов команды.

— Когда новые рабы присоединятся к нам, мы расскажем им о проклятии, в тени которого они отныне обитают.

Ответа Септимуса Октавия не поняла, потому что он вновь перешел на нострамский. Девушка отошла в сторону от столпившихся людей. В ожидании, пока собрание завершится, она присела на краешек стола в дальнем конце огромного зала. Ее служитель побрел за ней с преданностью уличной шавки, которой неосторожно швырнули кусок.

— Эй! — Она пихнула его ботинком.

— Госпожа?

— Ты знал Рожденную-в-пустоте?

— Да, госпожа. Маленькая девочка. Единственный ребенок, рожденный на борту «Завета». Сейчас мертва. Убита Кровавым Ангелом.

Девушка вновь замолчала, наблюдая за тем, как Септимус пытается подавить ростки восстания. Забавно. На любой из

имперских планет он наверняка бы стал богатым человеком, чьи таланты ценились бы весьма высоко. Он умел пилотировать корабли в атмосфере и на орбите, говорил на нескольких языках, знал, как изготавливать и использовать оружие, и с искусством истинного художника и сноровкой механика исполнял обязанности оружейника. Но здесь он оставался просто рабом. Ни будущего, ни денег, ни детей. Ничего.

...Ни детей.

Мысль поразила ее неожиданно, и она снова ткнула служителя ботинком.

— Пожалуйста, не делайте этого, — проблеял он.

— Извини. У меня вопрос.

— Спрашивайте, госпожа.

— Почему за все эти годы на корабле родился всего один ребенок?

Служитель вновь поднял к ней слепое лицо. Девушка подумала об умирающем цветке, который из последних сил тянется к солнцу.

— Корабль, — сказал он. — Сам «Завет». Он делает нас бесплодными.

Матка ссыхается, а семя иссякает.

Коротышка совсем по-детски пожал плечами.

— Корабль, варп, эта жизнь. Мои глаза... — Перевязанной рукой он коснулся впавших глазниц. — Это существование изменяет все. Все заражает отравой.

Слушая его, Октавия прикусила нижнюю губу. В строгом смысле слова она не была человеком — генетический код линии навигаторов поместил ее в странную эволюционную нишу, практически отдельный подвид homo sapiens. В ранние годы наставники упрямо вколачивали этот факт ей в голову при помощи утомительных лекций и запутанных биологических таблиц. Немногим навигаторам с легкостью удавалось обзавестись потомством, и дети чрезвычайно ценились в навигаторских домах — ведь они становились залогом будущего. Если бы жизнь Октавии пошла по намеченной колее, через сто или двести лет службы ее призвали бы в семейные владения на Терре и сочетали браком с наследником другого

незначительного дома, ожидая обильного приплода во имя укрепления отцовской финансовой империи. Плен положил конец матримониальным планам родни, и эта сторона унылого, бессолнечного и безнадежного рабства ее почти радовала.

И все же рука девушки рефлекторно потянулась к животу.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Несчастный пожал плечами, шелестнув грязным тряпьем. Октавия не знала, забыл ли он свое имя, или имени у него никогда не было, но ответа она так и не получила.

— Ладно, — девушка выдавила улыбку, — хочешь, я дам тебе имя?

Он снова пожал плечами, и на сей раз жест завершился рычанием.

Октавия поняла почему. Септимус направлялся к ней. За его спиной толпа медленно рассасывалась: люди возвращались к своим самодельным прилавкам или небольшими группами покидали зал.

— Тише, маленький сторож, — улыбнулся пилот.

Его аугментический глаз, повращавшись, сфокусировался, и голубая линза расширилась, как настоящий зрачок.

Октавия похлопала служителя по плечу.

— Все в порядке.

Рука его под рваным плащом была холодной и какой-то бугристой. Не человек. Не совсем человек.

— Да, госпожа, — тихо сказал горбун.

Рычание стихло, и в тишине раздался приглушенный щелчок пистолета, досылающего патрон в патронник.

Септимус протянул руку, чтобы убрать выбившийся из прически локон Октавии ей за ухо. Девушка почти прижалась щекой к его ладони. От ласкового прикосновения в груди разлилось тепло.

— Ты выглядишь замарашкой, — сказал Септимус со всей непосредственностью и энтузиазмом малыша, сообщающего хорошую новость.

Октавия отстранилась еще до того, как он успел убрать руку.

— Ага, — сказала она. — Ладно. Спасибо за ценное наблюдение.

Идиот.

— Что?

— Ничего.

Услышав ее ответ, служитель снова зарычал на Септимуса — наверняка уловил раздражение в голосе хозяйки. Наблюдательный малый. Она чуть снова не похлопала его по плечу.

— Все еще не утихомирились? — Септимус оглянулся на расходящихся людей и подавил вздох. — Сложно убедить их в том, что судно не проклято, когда нас убивают наши собственные хозяева.

Поколебавшись, он вновь обернулся к ней:

— Я по тебе скучал.

Неплохая попытка, но так легко она не сдастся.

— Тебя долгое время не было, — заметила она, стараясь сохранять нейтральный тон.

— Похоже, ты на меня обижена. Это потому, что я назвал тебя замарашкой?

— Нет.

Она с трудом сдержала раздраженную гримасу. Идиот.

— Все прошло хорошо?

Септимус откинул нечесаные волосы с лица.

— Да. Почему ты сердишься на меня? Я не понимаю.

— Да что ты! — Она улыбнулась.

Потому что ты уже три дня на корабле, но так и не зашел повидать меня. А еще друг называется.

— Я не сержусь.

— У вас сердитый голос, госпожа.

— Ты вроде бы должен быть на моей стороне, — огрызнулась она на служителя.

— Да, госпожа. Простите, госпожа.

Октавия попыталась сменить тактику.

— Убийства. Это был Узас?

— На этот раз да. — Септимус снова заглянул ей в глаза. — Первый Коготь забрал его на тюремную палубу.

— Его схватили. А скоро к нам присоединятся новые члены команды. Может, это успокоит остальных, и все вернется к норме.

Септимус улыбнулся своей кривой улыбкой.

— Я уже давно твержу тебе: это и есть норма.

— Как скажешь, — фыркнула девушка. — На что похож был «Вопль»? Я имею в виду, изнутри станции.

Септимус усмехнулся при воспоминании.

— Он заблокировал все сканеры. Каждый аудиник был забит помехами. Потом он отрубил все вокс-установки, но это еще не все: на станции выключился свет. Не знаю, входило ли это в планы Делтриана и Вознесенного и как оно работает, но я порядком удивился.

— Приятно слышать, что ты отлично провел время.

Октавия снова собрала волосы в хвост и проверила, плотно ли завязана бандана.

— Для нас все было куда менее забавно. «Вопль» поглощает столько энергии, что невозможно представить. Двигатели почти остановились, а пустотные щиты не работали. Мне оставалось только сидеть и ждать

целыми сутками, пока мы дрейфовали. Сильно надеюсь, что мы больше не будем его использовать.

— Ты же знаешь, что они — будут. Это ведь сработало, так?

Его ухмылка увяла, когда Октавия не улыбнулась в ответ.

— В чем дело? Что произошло?

— Ашилла сорсоллун, ашилла утуллун, — тихо сказала она. — Что значат эти слова?

Септимус выгнул бровь. Искусственный глаз щелкнул, стараясь подстроиться под выражение лица.

— Это стишок.

— Я знаю. — Девушка с трудом подавила нетерпеливый вздох. Иногда он проявлял редкостную несообразительность. — Что это значит?

— Это не переводится дослов...

Она предостерегающе подняла палец.

— Если ты скажешь мне «это не переводится дословно» еще один раз, я попрошу моего маленького друга прострелить тебе ногу. Понятно?

— Понятно, госпожа. — Служитель

сунул руки под плащ.

— Ладно, — начал Септимус, наградив горбатого раба неприязненным взглядом. — На готике это не рифмуется. Вот что я имел в виду. А оба слова, «сорсоллун» и «утуллун», означают «бессолнечный», но с разными... э-э... чувствами. Это переводится приблизительно так: «Я ничего не вижу, и мне холодно». Почему ты спрашиваешь? Что случилось?

— Дочь Аркии. Рожденная-в-пустоте...

Руки Септимуса, обтянутые кожаными перчатками с обрезанными пальцами, легли на пояс с кобурами. Всего пять месяцев назад он был на похоронах девочки. Тогда на глазах родителей ее завернутый в саван трупик уплыл через шлюз в пустоту космоса вместе с телами множества других убитых рабов.

— О чем ты?

Октавия посмотрела ему в глаза.

— Я видела ее. Видела, пока ты был на станции. А неделю назад она со мной заговорила. Она сказала мне эти слова.

Дверь не открылась. Ее вынесло

наружу в вихре обломков, наполнивших коридор дымом. Тревожные сирены немедленно взвыли, а ближайшие люки загерметизировались — автоматические системы корабля зарегистрировали вражескую атаку и риск пробития корпуса.

В дымном сумраке пять громадных силуэтов скользнули вперед. По их подсвеченным красным глазным линзам бежали потоки данных с целеуказателей.

Болтерные снаряды врезались в стены вокруг них, взрываясь с оглушительным грохотом сдетонировавшей гранаты и осыпая легионеров осколками стали и раскаленных гильз. Третий Коготь открыл огонь в ту же секунду, когда их «охотничье зрение» приспособилось к задымлению.

Талос выступил из тумана первым. Болты сдирали верхний слой брони с его боевого доспеха, и куски керамита сыпались во все стороны, обнажая искусственную мускулатуру. В мгновение ока преодолев расстояние, отделяющее его от противника, он по широкой дуге

взмахнул мечом. Дисплей сетчатки вспыхнул мозаикой ярких рун — список полученных повреждений, а уже через секунду к ним присоединился монотонный и ровный звук. Доспех убитого перестал передавать жизненные показатели. На глазных линзах высветилось: «Гарий, Третий Коготь, жизненные показатели на нуле». Какой позор!

— Ты слишком долго сражался со смертными, — выдохнул Талос сквозь резкие уколы анальгетиков.

Доспех вводил быстродействующие наркотики прямо в его сердце, позвоночник и кровь, но вражеский огонь был слишком силен. Болтеры не могли так просто взять броню легиона — они действовали куда эффективнее против плоти, чем против керамита, — но, несмотря на насмешки Талоса, урон был ощутим.

Ему даже не понадобилось высвобождать клинок. Удар начисто снес голову Гария с плеч. Талос сжал в руке окровавленный ворот брони, не обращая внимания на кровь брата, заливающую перчатку. Мертвый Гарий превратился в

щит из плоти и стали. Снаряды врезались в безголовый труп, пока Талос не швырнул его в ближайшего воина Третьего Когтя.

Ксарл врезался в Заклейменных секундой позже. Его цепной меч ударил в шлем брата с такой силой, что раненый отлетел к стене. Талос быстро покосился на Ксарла и убедился, что доспех товарища пострадал не меньше его собственного. Не обращая на это ни малейшего внимания, Ксарл уже атаковал другого Заклейменного.

Узас без всяких изысков набросился на ближайшего противника и упорно рубил гладиусом податливый ворот его брони. Параллельно он бессвязно и яростно вопил в наличник шлема Заклейменного. Из сотен трещин в доспехах одержимого сочилась темная жидкость, что не помешало Узасу с воем вбить короткий клинок в горло противнику. Заклейменный содрогнулся, и вокс наполнился его хлюпающим хрипом. Узас с диким смехом продолжал орудовать мечом, безуспешно пытаясь перепилить позвоночник убитого. В динамиках шлема снова раздалось ровное гудение.

«Сарлат, Третий Коготь, жизненные показатели на нуле».

— Мечи! — крикнул Дал Кар своим уцелевшим братьям.

Талос бросился к нему, занося Клинок Ангелов. С потрескивающего лезвия сыпались колючие искры, оставляя в воздухе яркий след.

Их мечи с грохотом столкнулись и сцепились. Ни один из воинов не уступал. Оба кряхтели от напряжения.

— Было... глупо... использовать болтеры, — хмыкнул Талос из-под забрала.

— Это... было рискованно... признаю, — прохрипел Дал Кар в ответ.

Рычащие зубья его меча отчаянно пытались вгрызться в золотой клинок противника. Кровь Гария шипела и дымком улетучивалась с силового лезвия.

«Вел Шан, Третий Коготь, жизненные показатели на нуле».

Талос не видел, как погиб еще один Заклейменный, зато услышал рев Ксарла поверх ровного гудения в воксе. Он удвоил усилия, бросив в борьбу все резервы, однако мешала поврежденная броня. Мышцы

горели адским огнем, а дисплей отчаянно моргал. Системы доспеха то отключались, то включались вновь, и все силы уходили на то, чтобы удерживать клинок Дала Кара. Руки налились тяжестью. Из батареи на спине сыпались искры.

— Ты слабеешь, — прорычал неприятель.

— А ты... остался один, — ухмыльнулся в ответ Талос.

Дал Кар освободил меч, оттолкнув клинок Пророка с такой силой, что Талос пошатнулся. Цепное лезвие скользнуло по выщербленному нагруднику Пророка, оцарапав осквернённое изображение аквилы. Проклиная свой неверный удар, Дал Кар попытался игнорировать монотонное гудение в воксе — свидетельство гибели его братьев.

Он сделал шаг назад, выставив меч против... против...

Против всех них. Против всего Первого Когтя.

Подобно своре волков, они стояли, окруженные телами своих жертв.

Силуэты Талоса, Ксарла, Узаса, Кириона и Меркуция проступили в рассеивающейся дымке, и в руках у них были окровавленные клинки. Их доспехи пришли в полную негодность, и на краткий миг Дал Кар посочувствовал противникам — он отлично представлял, сколько труда потребуется для восстановления брони. Талосу и Ксарлу досталось больше всего — болтерный огонь содрал верхний слой брони, а внутренние слои обуглились и были покрыты вмятинами. Шлемы тоже погнулись и почернели. У Ксарла выбили одну из глазных линз, а обе линзы Кириона треснули. Сквозь расколотый наличник Узаса виднелась половина его лица. Командир Заклейменных — последний, кому достался этот титул, — встретился взглядом со слюнявым, ухмыляющимся идиотом.

— Это твоя вина, — сказал Дал Кар. — Твое безумие стоило нам всех жизней, потерянных в эту ночь.

Узас облизнулся. Десны и зубы его потемнели от сочащейся крови. Дал Кар сомневался, что полоумный фанатик хотя

бы понял его слова.

— Давайте покончим с этим, — произнес он, вновь активируя цепной меч.

Зубья с рычанием принялись кромсать воздух.

— Не бесчестите Третий Коготь, заставляя меня дожидаться смерти.

В тишине раздался хохот Кириона, превращенный динамиками шлема в гортанное рычание.

— Бесчестие, — просипел он сквозь приступы веселья. — Минутку, пожалуйста.

Он отстегнул горловые крепления, стянул изуродованный шлем с головы и вытер слезящиеся от смеха глаза пергаментным свитком, который содрал с наплечника.

— Честь, говорит он, словно это имеет какое-то значение. Приятно слышать такие слова от воина, который в тринадцать стал убийцей, а двумя годами позже — насильником. И вот теперь он заботится о чести. Это изумительно.

Талос поднял свой болтер. Древнее двуствольное орудие покрывали гравировки

с изображениями деяний павшего бойца, достигшего при жизни гораздо большего, чем любой из них.

— Пожалуйста, — вздохнул Дал Кар, — я не хочу, чтобы меня убило оружие Малкариона.

— Сними шлем. — Произнося эти слова, Пророк не двинул ни одним мускулом. Из пробоин его боевой брони все еще сыпались искры и текла смазка. — Ты утратил право выбирать свою смерть в ту секунду, когда навязал нам этот дурацкий бой.

Дал Кар медленно подчинился. С обнаженной головой он встал перед Первым Когтем. На палубе остро пахло кровью, и запах мешался с вонью болтерной взрывчатки. Губы Заклейменного скривила горькая, почти виноватая улыбка.

— Почему вы просто не прикончили Узаса? — спросил он. — Тогда все закончилось бы, еще не начавшись.

— Ты не настолько глуп, чтобы в это поверить, — мягко ответил Талос. — Так же как и я. Как и всегда в легионе, месть — лишь признак болезни.

— Я хотел бы вступить в Первый Коготь.

— Тогда тебе не следовало выходить против нас, облаченным во тьму.

Он не отводил болтер от лица Дала Кара.

— Если ты не сумел отговорить свое отделение от жалкой мести, которая стоила жизни преданных нашему делу людей, какую пользу ты сможешь принести легиону?

— А ты не способен контролировать Узаса. Так ли уж велика разница? Неужели ваши жизни настолько дороже наших?

— Очевидно, да, — ответил Талос, — потому что это наши пистолеты направлены тебе в лицо, Дал Кар.

— Талос, я...

Оба ствола рявкнули. Мелкие ошметки мяса и костяное крошево забрызгали коридор и броню воинов. Безголовый труп пошатнулся и врезался в стену, прежде чем соскользнуть на пол и затереть в жалкой, уродливой позе.

Некоторое время они стояли молча. Изувеченная броня искрила и неприятно

скрежетала. Воины недвижно высились среди устроенного ими кровавого месива.

Наконец Талос прервал молчание. Он махнул рукой, указывая на тела:

— Берите их. Септимус снимет с них доспехи.

— Два месяца.

Талос расхохотался.

— Не шути со мной, Септимус. Я не в настроении.

Смертный раб почесал щеку там, где отполированный металл встречался с бледной кожей, и оглядел свою мастерскую, превратившуюся в мясницкую лавку. Семь трупов с почти неповрежденными доспехами — броню можно снять, а тела вышвырнуть в космос в течение суток. Но все пять воинов Первого Когтя едва стояли на ногах, а доспехи их выглядели более чем плачевно. Смазка текла из трещин и засыхала темными струйками на металле. Выбоины следовало залатать, куски расколовшегося керамита извлечь и заменить, изодранные слои композитных металлов запаять, перекрасить,

выпрямить...

Повреждения внутреннего слоя были куда хуже. Искусственную мускулатуру, сделанную из пучков волокон, придется перекроить. Сервомоторы надо заменить или починить. Инъекционные порты — стерилизовать и встроить заново. Разъемы интерфейса полностью перенастроить, и все это нужно было проделать прежде, чем браться за самую кропотливую работу: сенсорные системы в дисплеях шлемов.

— Я не шучу, господин. Даже если пустить в дело доспехи убитых, починка каждого комплекта займет не меньше недели. Надо вновь настроить сенсорные системы, подогнать их к вашим телам, наладить интерфейсы... Быстрее у меня не получится. Не уверен, что у кого-то другого получилось бы.

Кирион шагнул вперед. Сломанный стабилизатор заставлял его подволакивать левую ногу, а лицо было разбито и окровавлено.

— А если ты займешься только моим доспехом и твоего хозяина?

Септимус сглотнул, старательно избегая взгляда Узаса.

— Две недели, лорд Кирион. Возможно, три.

— Смертный. Почини мой.

Все обернулись к Узасу. Тот фыркнул.

— Что? Мой доспех надо починить, как и ваши, — сказал он.

Талос отстегнул горловые крепления шлема. Раздалось змеиное шипение сжатого воздуха. Снять шлем получилось только с третьей попытки, и лицо под ним оказалось сплошь изукрашено синяками и ссадинами. Один глаз был скрыт под коркой запекшейся крови и походил на отвратительного вида струп, но второй, ясный, черный и лишенный радужной оболочки, как у всех рожденных на Нострамо, горел яростным огнем.

— Во-первых, не смей обращаться к моему оружейнику — и нашему пилоту — так, словно он обычный мусорщик. Прояви уважение. — Пророк на секунду замолчал, чтобы вытереть кровь с губ тыльной стороной перчатки. — Во-вторых, ты угодили в эту передрягу по твоей

милости. Из-за того, что тебе приспичило прогуляться по смертным палубам, завывая и упиваясь кровью, мы на два месяца потеряли боеспособность. Не хочешь лично сообщить Вознесенному о том, что он лишился двух Когтей за одну ночь?

Узас облизнулся.

— Заклейменные вызвали нас. Им следовало отступить. Тогда они остались бы живы.

— Для тебя всегда все так просто.

Талос сощурил здоровый глаз. Он заговорил сдержанным тоном, стараясь не дать напряжению и боли просочиться в голос:

— Что за безумие в тебе поселилось? Почему ты не понимаешь, чего стоила нам твоя выходка этой ночью?

Узас пожал плечами. Отпечаток кровавой ладони на наличнике шлема — вот и все, что увидели остальные.

— Мы победили, разве нет? Только это имеет значение.

— Довольно. — Кирион тряхнул головой и положил руку в помятой

перчатке на наплечник Талоса. — С тем же успехом можно попытаться научить труп дышать. Брось это, брат.

Талос отстранился от успокаивающего прикосновения Кириона.

— Однажды наступит ночь, когда слово «брат» уже не спасет тебя, Узас.

— Это пророчество, сэр? — ухмыльнулся второй воин.

— Можешь лыбиться сколько влезет, но запомни мои слова. Когда эта ночь придет, я сам тебя прикончу.

Звякнула сигнализация двери. Все в мастерской насторожились.

— Кто идет? — крикнул Талос.

Ему пришлось моргнуть, чтобы прочистить зрение. Полученные в бою раны заживали намного медленнее, чем он ожидал, и Пророка не покидало неприятное ощущение, что внутренние повреждения куда серьезнее наружных.

В дверь трижды ударили кулаком.

— Ловец Душ, — приветственно проскрипел голос с другой стороны.

В нем слышалось неожиданно глубокое уважение, несмотря на то что по

резкости и сухости он мог соперничать с
вороньим карканьем.

— Нам надо поговорить, Ловец Душ.
Нам о многом надо поговорить.

Талос опустил клинок.

— Люкориф из Кровоточащих Глаз, —
сказал он.

Люкориф, как зверь, вполз в комнату на четвереньках. Его ноги в керамитовых ботинках переходили в бронированные когти: изогнутые, многосуставчатые, с острейшими лезвиями — настоящие ястребиные когти. Уже многие века Люкориф не мог ходить, и даже перемещаться ползком ему удавалось с трудом. Сопла ракетных двигателей на спине воина говорили о прерванном полете, о легионере-птице, запертом в тесноте корабельных коридоров.

Его глаза постоянно кровоточили, и

эта болезнь дала ему имя. По белому наличнику шлема из скошенных линз бежали две алые дорожки кровавых слез. Люкориф из Кровоточащих Глаз, с «птичьим» шлемом, превращенным в маску вопящего демона, окинул воинов Первого Когтя хищным взглядом. Когда по мышцам раптора пробегала волна судорога, шейные сочленения разражались механическим скрипом. Он оглядел каждого из собравшихся в мастерской Повелителей Ночи, дергая головой из стороны в сторону, как ястреб в поисках поживы.

Когда-то он был таким же, как они. О да. Точно таким же.

По его доспехам не представлялось возможным судить о принадлежности к легиону или генетической линии. Каждый из бойцов Люкорифа демонстрировал свою лояльность одним и тем же способом: по наличнику каждого струились кровавые слезы, как и у их вождя. Кровоточащие Глаза в первую очередь были верны своей секте и только во вторую — Восьмому легиону. Талос задался вопросом, где сейчас

остальные братья Люкорифа. Их отряд представлял собой половину тех дополнительных сил, что банда Вознесенного приобрела после эвакуации рот Халаскера на Крите.

— Вознесенный послал меня за тобой. — Голос Люкорифа звучал так, словно кто-то скреб когтями по наждачной бумаге. — Вознесенный разгневан.

— Вознесенный редко пребывает в ином состоянии духа, — заметил Талос.

— Вознесенный, — Люкориф замолк на секунду, чтобы втянуть воздух сквозь зубчатую решетку шлема, — гневается на Первый Коготь.

Кирион фыркнул.

— И это нельзя назвать редким случаем.

Люкориф раздраженно рявкнул — звук, очень похожий на крик ястреба, но искаженный вокс-динамиками.

— Ловец Душ! Вознесенный требует твоего присутствия! В апотекарионе!

Талос опустил свой шлем на рабочий верстак перед Септимусом. Смертный неприкрыто вздохнул, поворачивая

искалеченную реликвию в руках.

— Ловец Душ, — снова проскрипел Люкориф. — Вознесенный хочет видеть тебя. Сейчас же.

С лицом, изуродованным недавними ранами, в доспехах, загубленных местью его братьев, Талос неподвижно высился над сгорбленным раптором. Висящий у него за плечом золотой меч, украденный у Кровавых Ангелов, отражал тусклый свет мастерской. На его бедре на магнитном замке висел огромный двуствольный болтер героя Восьмого легиона.

Люкориф из Кровоточащих Глаз, в противоположность ему, пришел безоружным. Учитывая, кто послал раптора, это было странно.

— Вознесенный хочет видеть меня, — улыбнулся Талос, — или требует?

Люкорифа снова скрутила судорога. Птичий шлем дернулся, из-за демонической маски донеслось свистящее дыхание. Его левая клешня сжалась, и когтистый кулак задрожал. Когда пальцы расслабились, раздался скрип терзаемого металла.

— Хочет видеть.

— Все случается в первый раз, — подытожил Кирион.

Вознесенный облизнулся.

Он все еще носил свой боевой доспех, хотя керамитовые пластины давно вросли в мутировавшую плоть. Помещение апотекариона было обширным, но Вознесенному пришлось ссутулиться, чтобы не царапать потолок рогатым шлемом. Вокруг царила тишина — тишина запустения. Этим помещением практически не пользовались уже долгие годы. Проведя когтистым пальцем по хирургическому столу, Вознесенный задумался о том, как в самом скором времени эти десятилетия прозябания уйдут в прошлое.

Существо переместилось к криогенному хранилищу. Целая стена запечатанных стеклянных цилиндров, выстроившихся в идеальном порядке, — и на каждом нестратскими иероглифами выведено имя павшего воина. Из горла Вознесенного вырвался низкий сдавленный

рев, а острые, как кинжалы, когти со скрежетом заскребли по металлическим полкам. Так много имен. Так много.

Он закрыл глаза и некоторое время вслушивался в пульс «Завета». Вознесенный дышал в унисон с отдаленным ритмическим гулом плазменных реакторов крейсера — те мерно рычали, пока корабль оставался в доке. Капитан улавливал шепот, вопли, взвизги и сердцебиение всех находящихся на борту. Звуки эхом передавались через корпус «Завета» в сознание Вознесенного — постоянный напор жизней, который с каждым годом все сложнее и сложнее было игнорировать.

Очень редко до него доносился смех. И только с палуб смертных, где люди влачили свое жалкое, бессветное существование, запертые в черных недрах корабля. Вознесенный теперь не знал, как реагировать на этот звук, и не был уверен, что он означает. «Завет» стал крепостью существа, памятником его собственной боли и той боли, что Вознесенный принес в галактику отца своего отца. Смех

нервировал Вознесенного, — не пробуждая истинных воспоминаний, этот звук все же напоминал существу, что когда-то оно было способно понять его значение. И даже издавать схожие звуки — в те давние годы, когда вместо «существа» оно именовалось «человеком».

Его губы раздвинулись, и акульи зубы обнажились в безрадостной усмешке. Как меняются времена. И вскоре им вновь суждено измениться.

Талос. Люкориф. В сознании всплыли не просто их имена. Нет, он ощутил потоки их мыслей — плотно сплетенных, как неразборчивое письмо, и зараженных фрагментами их личностей. Их приближение было схоже с невидимой, неясно шепчущей приливной волной, захлестнувшей Вознесенного. Существо развернулось за мгновение до того, как дверь аптекариона со скрипом распахнулась.

Люкориф склонил голову. Раптор шел на четвереньках, и сопла реактивных двигателей у него на спине покачивались из стороны в сторону в такт неровной

поступи хозяина. Талос не озаботился приветствием. Пророк даже не почтил Вознесенного кивком. Вместо этого, он просто медленно вступил в комнату. От доспехов его остались одни воспоминания, и лицо выглядело немногим лучше.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

Один глаз Пророка скрывался под полосками рваной бледной кожи и сочащимися кровью струпьями. Череп был ободран до кости, а плоть обгорела и воспалилась. Рана от болтерного снаряда, почти убившего его. Любопытно.

Несмотря на типичную вызывающую дерзость Пророка, Вознесенный почувствовал укол благодарности за то, что тот пришел по его просьбе в таком состоянии.

— Ты ранен, — проворчало существо голосом дракона, поудобнее устраивающегося в логове. — Я слышу, как тяжело бьются твои сердца. А запах твоей крови... густой и резкий, свидетельство перенапряжения внутренних органов... Талос, ты ближе к смерти, чем хочешь признать. И все же

ты пришел ко мне. Благодарю за доверие.

— Третий Коготь мертв, — заявил Пророк со своей обычной прямотой. — Первый Коготь небоеспособен. Нам понадобится два месяца на восстановление.

Вознесенный кивнул. Конечно, он все это уже знал, но то, что Пророк доложил о происшествии, как исполнительный солдат, облегчало дело. По крайней мере на ближайшее время.

— Кто поработал над твоим лицом?

— Дал Кар.

— И как же умер Дал Кар?

Талос убрал руку с большой колотой раны в боку. Перчатка Пророка была в крови.

— Он умер, умоляя о пощаде.

Люкориф, скорчившийся на одном из хирургических столов, испустил из динамиков шлема визгливый смешок. Вознесенный рявкнул, прочищая горло, и проговорил:

— Тогда без него мы сильнее. Ты извлек геносемя Третьего Когтя?

Пророк стер слюну с губ.

— Я приказал сервиторам поместить

тела в криогенное хранилище. Я извлеку геноседя позже, когда у нас появится больше консервирующего раствора.

Вознесенный перевел взгляд на тортуарий — ряды ячеек, встроенных в дальнюю стену.

— Очень хорошо.

Талос откровенно передернулся, втягивая разбитыми губами воздух. Вознесенный подозревал, что боль, которую он испытывал, была почти нестерпимой. На это тоже стоило обратить внимание. Талос явился сюда не потому, что подчинился приказу. Даже будучи тяжело раненным, он пришел из-за места встречи, которое выбрал Вознесенный. Любопытством можно пронять даже самые упрямые души. Другого ответа нет.

— Я устал от этого существования, той Пророк.

Слова повисли в ледяном воздухе между ними.

— А ты разве нет?

Талос напрягся, озадаченный замечанием.

— Говори конкретнее, — выдавил он кровоточащим ртом.

Вознесенный снова огладил когтями сосуды с геносеменем, оставляя на драгоценных контейнерах нарочито заметные царапины.

— Я говорю о тебе и обо мне, Талос. Каждый из нас грозит существованию другого. Ах, и не думай спорить. Мне плевать, правда ли ты настолько лишен амбиций, как утверждаешь, или грезишь о моей смерти каждый раз, когда решаешься задремать. Ты символ, ты знамя отверженных и недовольных. Твоя жизнь — это клинок, приставленный к моему горлу.

Пророк подошел к другому операционному столу и равнодушно оглядел стальные манипуляторы хирургического аппарата, свешивающиеся с потолка. Слой пыли сделал поверхность стола серой. Когда воин смахнул пыль перчаткой, стол под ней оказался бурым от старой засохшей крови. Тридцать шесть лет назад. Я сам извлек его геносемя.

Вознесенный наблюдал за тем, как

Талос предается воспоминаниям. Существо могло проявлять терпение, когда того требовали обстоятельства. Спешкой сейчас нельзя было достигнуть ничего. Когда Пророк вновь обернулся к Вознесенному, его здоровый глаз оказался зловеще прищурен.

— Я знаю, зачем ты вызвал меня, — сказал он.

Вознесенный склонил голову набок, и лицо его украсилось зубастой усмешкой.

— Полагаю, знаешь.

— Ты хочешь, чтобы я начал пополнять наши ряды.

Талос поднял левую руку и выставил перед Вознесенным. Что-то блеснуло в локтевом сочленении.

— Я уже не апотекарий. Больше сорока лет я не ношу ритуальных инструментов. И никто из свежих пополнений, доставшихся нам от Халаскера, не имеет соответствующей подготовки.

Испытывая извращенное удовольствие оттого, что наконец-то решился заговорить об их отчаянном положении,

Талос обвел рукой помещение:

— Посмотри на это. Призраки воинов прошлого заперты в морозильных камерах, а три дюжины операционных столов покрываются пылью. Оборудование превратилось в рухлядь из-за многолетнего пренебрежения и повреждений в боях. Даже Делтриану не под силу починить большую часть инструментов.

Черный язык Вознесенного облизал зубастую пасть.

— А если бы я мог вернуть все то, что было утеряно? Сможешь ли ты тогда восполнить наши ряды? — Существо, поколебавшись, втянуло воздух и разразилось басовитым полурыком-полустоном. — Если мы останемся разобщенными, у нас нет будущего. Ты должен видеть это так же ясно, как я. Божья кровь, Талос, — неужели тебе не хочется, чтобы мы вновь стали сильны? Неужели ты не хочешь вернуть те времена, когда мы могли встретить врагов лицом к лицу и гнать их, как волки гонят добычу, вместо того чтобы

трусливо бежать от них?

— У нас осталась половина состава, да и то с натяжкой.

Талос облокотился о хирургический стол.

— Я сам подсчитал. Кровавые Ангелы перебили почти половину смертных и около тридцати наших воинов. Нас столько же, сколько было до присоединения людей Халаскера, — по крайней мере, не меньше.

— Не меньше? — Вознесенный втянул в пасть сталактиты слюны, свешивающиеся с клыков. — Не меньше? Не будь слеп к собственным проступкам, Талос. Ты уже убил семерых из них этой ночью.

Резкие слова сопровождал стон смятого металла. Вознесенный слишком сильно вцепился в стену, и чудовищные когти пробили сталь. С ворчанием существо высвободило клешню.

— Воины Халаскера присоединились к нам всего лишь пару месяцев назад, и внутренние свары разгорелись уже настолько, что кровь проливается почти

каждую ночь. Мы вымираем, Пророк. И ты, способный заглянуть в грядущее, не имеешь права быть настолько слепым. Взгляни сейчас и скажи мне, проживем ли мы еще сотню лет?

Талос на это не ответил. Да Вознесенный и не нуждался в ответе. Пророк покачал головой.

— Ты призвал меня сюда, предлагая мирное соглашение, условий которого я не понимаю, в конфликте, который не я развязал. Я не собираюсь идти по стопам Малкариона. Я не хочу командовать тем, что от нас осталось. Я тебе не соперник.

Люкориф снова издал звук, смешанный с треском статики, — то ли шипящий смех, то ли презрительное фырканье. Талос не был знаком с ним достаточно близко, чтобы сказать наверняка.

— Ловец Душ носит оружие Малкариона, но утверждает, что не хочет быть его наследником. Забавно.

Пророк оставил насмешку раптора без внимания и сосредоточился на том существе, что некогда было его командиром. Прежде чем заговорить, ему

пришлось сглотнуть скопившуюся во рту кровь.

— Я не понимаю, Вандред. Какие перемены заставили тебя заговорить так?

— Рувен.

Вознесенный выплюнул это имя, развернувшись всей тушей и упершись изуродованными клешнями в стену хранилища. Напружинив плечи, ссутулившись и глухо рыча, он уставился на заключенные внутри морозильных ячеек генетические сокровища.

— Это было на Крите, когда мы бежали от гнева Кровавых Ангелов. Мне до сих пор противно вспоминать о той ночи. Рувен, этот трижды проклятый ублюдок, нагло отдавал нам приказы, словно мы какие-то жалкие прислужники магистра войны. Я не собираюсь подчиняться тому, кто дезертировал из легиона. Я не склоню колени перед предателем, и не слабаку приказывать мне, что делать. Я... мы достойны лучшего.

Вознесенный снова обернулся, и его глаза впились в лицо Талоса с

бесстрастным и бездушным упорством существа, порожденного океанскими глубинами.

— Я снова хочу испытать гордость. Я хочу гордиться нашими боевыми заслугами. Хочу гордиться своими воинами. Гордиться тем, что облачен во тьму. Мы должны восстать снова, в величии, превосходящем былое, или сгинуть навек. Я стану бороться за это, брат. И я хочу, чтобы ты сражался рядом со мной.

Талос оглянулся на обветшавшее оборудование и пустые столы. Вознесенный против воли восхищался той стойкостью, с которой воин переносил терзавшую его боль. Что-то — какая-то сдержанная эмоция — блеснуло в здоровом глазу Пророка.

— Чтобы отремонтировать корабль и восстановить силы, нам снова придется сделать стоянку в Зрачке Бездны.

— Так мы и поступим, — проворчал Вознесенный.

Талос не ответил, позволив тишине говорить за него.

Вознесенный снова облизнул черные губы.

— Возможно, на этот раз нам не придется проливать столько крови.

В ответ Талос с усилием втянул воздух.

— Я помогу тебе, — сказал он наконец.

Когда Пророк вышел из апотекариона, растрескавшиеся губы Вознесенного растянулись, отдаленно напоминая улыбку. Дверь закрылась за спиной Талоса с металлическим лязгом.

— Конечно, ты мне поможешь, — прошептало существо в холодную пустоту комнаты.

Дверь захлопнулась, оставив его в одиночестве в каком-то из коридоров в верхней части корабля — и предоставив полную свободу поразмыслить над словами Вознесенного. У Талоса не было никаких иллюзий: существо предложило мирное соглашение лишь ради собственной выгоды, и все уверения Вознесенного не ослабили бдительности Пророка. «Завет» стал небезопасен, в то время как напряжение

между Когтями нарастало.

Когда, по мнению Талоса, он отошел достаточно далеко от апотекариона, поступь Пророка замедлилась. Приходилось постоянно вытирать кровь со здорового глаза, что изрядно раздражало. Обожженная половина лица замерзла, и холодный воздух поглаживал ее колючими пальцами. И кроме всего прочего, с каждым слабым ударом сердец по телу разносилась волна боли.

Оставаться здесь в одиночестве было неблагоразумно. После апотекариона ему в первую очередь следовало направиться к трюму с рабами. Если Вознесенный желал, чтобы его отряд стал сильнее, чем прежде, для этого требовались обученные слуги, артиллеристы, мастера-оружейники, но больше всего легионеры. Последнее было наиболее сложным, но в принципе достижимо. Станция Ганг стала поставщиком не только ресурсов, но и человеческого материала.

Пророк свернул в один из боковых коридоров. При каждом шаге сердца в груди судорожно сжимались. Они не бились,

а трепетали, — казалось, Талос слышит гудение перетруженных органов. Накатила новая волна тошноты, непривычная и непрошеная. Генетические изменения, которым он подвергся в юности, сделали его практически нечувствительным к головокружению в человеческом понимании этого слова, но сильные стимулы все еще могли вызвать дезориентацию. Боль, как оказалось, тоже.

Четыре шага. Четыре шага на север по коридору, прежде чем он привалился к стене. Рот заполнился медным вкусом крови и кислым привкусом секрета слюнных желез. Выдох перешел в припадок тошноты, и его вырвало кровью. Лужа, образовавшаяся на стальном покрытии палубы, шипела и пузырилась — в кровь попало достаточно едкой слюны, чтобы превратить жидкость в кислоту.

Что-то заткнуло в коленном суставе — наверняка поврежденное волокно, неспособное больше сокращаться. Пророк оттолкнулся от стены и захромал прочь от все еще шипящей лужи. Он в одиночестве двигался по темным

туннелям корабля. С каждым шагом под кожей вскипала новая порция боли. Рывок — и мир перевернулся. Металл загремел о металл.

— Септимус, — шепнул он в темноту.

Какое-то время все силы уходили на дыхание — он прогонял через легкие застоявшийся воздух корабля, чувствуя, как что-то горячее и мокрое капает из пробитого черепа. Зови не зови слугу, теперь не поможет. Да будут прокляты кости Дала Кара. На какую-то исполненную злорадства секунду он представил, как отдает шлем Дала Кара рабам, чтобы те использовали его в качестве ночного горшка. Соблазнительно. Очень соблазнительно. При мысли о такой ребяческой мести на его окровавленных губах заиграла слабая, виноватая улыбка — пусть даже в реальности он никогда не совершил бы такого мелочного поступка.

Прошла вечность, прежде он снова заставил себя подняться на ноги. Умирает ли он? Талос не был уверен. Он и Ксарл приняли на себя основной шквал болтерного огня Третьего Когтя. Их доспехи

оказались загублены вчистую, и Талос отлично понимал, что его раны должны быть очень тяжелыми, если длинный порез в боку не желает затягиваться. Во что превратилось его лицо, сейчас меньше волновало Пророка, однако, если не принять мер в ближайшее время, ему понадобится обширное хирургическое вмешательство и бионические имплантаты.

Еще дюжина шагов — и зрение поплыло. Талос заморгал, но это не помогло. Судя по жжению в инъекционных портах, доспехи затопили его тело синтетическим адреналином и обезболивающими уже до критического уровня.

Вознесенный не ошибся. Раны Талоса были куда серьезнее, чем он желал признать. От потери крови его руки уже лишались чувствительности, а ноги налились свинцом. Загон для рабов подождет час-другой. И все же его пальцы нащупали резервный вокс-линк на вороте доспеха.

— Кирион, — прошептал он в бусину

вокса. — Септимус.

Как же короток список имен тех, кому он может полностью довериться...

— Меркуций, — выдохнул раненый.

И затем, удивив себя самого:

— Ксарл.

— Пророк?

Ответ раздался из-за спины. Талос обернулся, тяжело дыша и пытаясь удержаться на ногах.

— Нам надо поговорить, — сказал вновь пришедший.

Секунда ушла у Талоса на то, чтобы опознать голос. Зрение все еще не прояснилось.

— Не сейчас.

Он не потянулся к оружию. Для угрозы это было слишком прямолинейно, да и Талос не чувствовал уверенности, что сумеет сейчас удержать меч или болтер.

— Что-то не так, брат? — Ужас протянул последнее слово с особенным удовольствием. — Ты паршиво выглядишь.

Как на это ответить? Давление в грудной клетке подсказало, что, по крайней мере, одно из легких отказывает.

У лихорадки был душный, терзкий привкус инфекции — подарок тысяч болтерных осколков, вонзившихся в тело. Добавьте к этому потерю крови и тяжелую физиологическую травму, плюс слабость от передозировки боевых наркотиков, автоматически введенных в организм системами брони... Список можно было продолжить. Что касается его левой руки... она теперь вообще не двигалась. Возможно, потребуется заменить ее протезом. Эта мысль совсем не радовала.

— Мне надо к Кириону, — сказал он.

— Кириона здесь нет. — Ухас театрально оглядел пустой туннель. — Только ты и я.

Он подошел ближе.

— Куда ты направлялся?

— В загоны для рабов. Но они подождут.

— Так сейчас ты ковыляешь к Кириону?

Талос сплюнул комок розоватой жгучей слюны. Она немедленно начала проедать палубу.

— Нет, сейчас я стою здесь, споря с

тобой. Если тебе есть что сказать, говори быстро. Меня ждут дела.

— Я чую запах твоей крови, Талос. Она течет из ран, словно молитва.

— Я никогда в жизни не молился. И не собираюсь начинать сейчас.

— Ты все воспринимаешь так буквально. Так прямо. Ты настолько слеп ко всему, кроме собственной боли.

Воин обнажил меч — не массивный цепной клинок, а серебристый гладиус длиной с его предплечье. Как и остальные бойцы Первого Когтя, он носил это оружие последнего удара в наголенных ножнах.

— Настолько уверен, — Узас огладил край клинка, — что тебе всегда будут повиноваться.

— Я спас тебе жизнь нынешней ночью. Дважды. — Талос улыбнулся сквозь заливающую лицо кровь. — А ты решил отплатить мне этим скулежом?

Узас все еще поигрывал гладиусом, переворачивая его в бронированных перчатках, разглядывая сталь с деланой беззаботностью. Кровавый отпечаток пятерни пятнал краской наличник воина.

Когда-то, одной далекой ночью, это была настоящая кровь. Талос вспомнил молодую женщину, которая билась в руках его брата, бессильно царапая окровавленными пальцами шлем Узаса. Вокруг них пылал город. Женщина извивалась, пытаясь избежать того самого клинка, который его брат держал сейчас в руках, — клинка, распоровшего ей живот.

После той ночи Узас всегда заботился о том, чтобы отпечаток оставался на его наличнике. Как напоминание. Как личный символ.

— Мне не нравится, как ты смотришь на меня, — произнес Узас. — Словно я испорчен. Полон недостатков.

Талос согнулся, и темная струйка крови потекла между его зубов на стальное покрытие палубы.

— Тогда изменись, брат.

Пророк с болезненным шипением выпрямился и слизнул с губ густой привкус меди.

— Я не собираюсь извиняться за то, что вижу тебя насквозь, Узас.

— Ты никогда не видел ясно.

Треск статики в воксе лишал голос воина всяких эмоций.

— Только по-своему. Только со своей пророческой высоты.

Он повернул гладиус, любуясь собственным отражением в клинке.

— Все остальное, по твоему мнению, подвержено порче, или сломлено, или неправильно.

Химический вкус стимуляторов обжигал язык кислотой. Талос подавил желание потянуться к клинку Ангелов за спиной.

— Ты собираешься прочесть мне нотацию? Я в восторге оттого, что ты ухитрился связать больше четырех слов в предложение, но не могли бы мы обсудить твои взгляды тогда, когда я не буду истекать кровью?

— Я мог бы убить тебя сейчас. — Ужас придвинулся еще ближе. Он направил острие меча на оскверненного орла на груди Талоса, а затем поднял клинок и приставил его к горлу Пророка. — Один удар — и ты труп.

Кровь стекала на клинок с подбородка

Талоса алой капелью. Она оставила следы в уголках его губ, похожие на дорожки от слез.

— Переходи к делу, — выдавил Пророк.

— Ты смотришь на меня, словно я болен. Словно я проклят. — Узас наклонился ближе, и яркое пятно наличника сверкнуло брату в глаза. — И так же ты смотришь на легион. Если ты ненавидишь собственную генетическую линию, зачем оставаться ее частью?

Талос ничего не ответил. В уголках его губ застыл призрак улыбки.

— Ты не прав, — прошипел Узас.

Клинок уколол кожу — легчайшее давление стали, почти незаметная ранка. Когда металл приласкал плоть, кровь начала скапливаться в серебряном желобке.

— Легион всегда был таким. Прошла тысяча лет, прежде чем ты наконец прозрел, и сейчас ты с ужасом бежишь от правды. Ты почитаешь примарха. А я ступаю в его тени. Я убиваю так же, как убивал он, — я убиваю, потому что могу, как и он. Я слышу отдаленные голоса богов

и беру их силу, не предлагая взамен служения. Они были орудиями Великого Предательства и остались орудиями Долгой Войны. Я чту своего отца так, как никогда не почитал его ты. Я — куда больше его сын, чем ты, Пророк.

Талос пристально смотрел в глазные линзы брата, представляя слюнявую физиономию за черепом наличника. Затем он медленно поднял руку и отвел клинок от своего горла.

— У тебя все, Узас?

— Я устал, Талос.

Узас отдернул клинок и вложил его в ножны одним плавным движением.

— Я пытался спасти твою гордость, сказав тебе чистую правду. Взгляни на Ксарла. Взгляни на Люкорифа. Взгляни на Вознесенного. Взгляни на Халаскера, или Дала Кара, или любого из сынов Восьмого легиона. Мы проливаем кровь потому, что человеческий страх сладок на вкус. Не ради мщения, не ради справедливости, не ради того, чтобы имя нашего отца прогремело в веках. Мы — Восьмой легион. Мы убиваем потому, что рождены для

убийства. Мы отбираем жизни, потому что это питает огонь наших душ. Ничего другого нам не осталось. Прими это и... и стань... рядом с нами.

Узас завершил фразу влажным, клокочущим рычанием и сделал шаг назад, чтобы удержать равновесие.

— Что с тобой?

— Слишком много слов. Слишком много разговоров. Боль возвращается. Ты прислушаешься ко мне?

Талос мотнул головой.

— Нет. Ни на секунду. Ты говоришь, что наш отец одобрял все то, что мне ненавистно. Если это правда, почему он обрек родной мир легиона на огненную смерть? Он превратил целую цивилизацию в пепел, лишь бы остановить раковую опухоль, расползающуюся в его легионе. Ты мой брат, Узас. Я никогда не предам тебя. Но ты не прав, и я спасу тебя от этих мучений, если смогу.

— Не нуждаюсь в спасении. — Второй воин развернулся спиной, и в тоне его прорезалось отвращение. — Всегда так слеп. Не нуждаюсь в спасении. Пытался

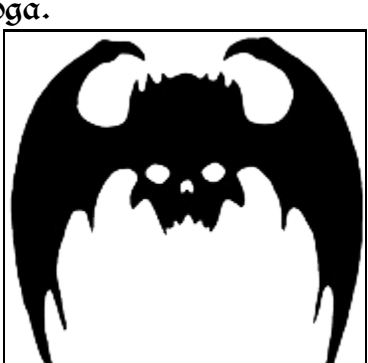
открыть тебе глаза, Талос. Помни. Помни
эту ночь. Я пытался.

Талос смотрел вслед брату, пока Узас
не растворился в тенях.

— Я запомню.

VII
ПОБЕГ

Свобода.



«Понятие относительное, — подумал Марух, — ведь я даже не знаю, где нахожусь».

Но начало было положено.

Сложно понять, сколько прошло времени, когда ничего не происходит. По оценке Маруха, его продержали здесь на цепи, как пса, шесть или семь дней. Точнее сказать было невозможно, так что пришлось ориентироваться по тому, сколько спали люди вокруг и как часто они гадили под себя.

Его вселенная сжалась до клочка темноты и вони человеческих испражнений. Время от времени на протяжении этих бесконечных часов трак прорезали тусклые лучи ручных фонарей. Бледные люди из команды корабля приносили им полоски соленого мяса и оловянные кружки с водой. У воды был металлический привкус. Они переговаривались на языке, которого Марух никогда прежде не слышал: шипящем, с многочисленными «аш-аш-аш»-ами. Никто из них не обращался к пленникам. Они приходили, кормили заключенных и уходили. Вновь оставленные во тьме, люди были скованы цепями так плотно, что не могли сдвинуться ни на метр.

С той же безмерной осторожностью, с которой он прожил последние дни на Ганге, Марух вытянул ногу из железного кольца, основательно натершего лодыжку. И вот он, грязный, оставшийся без ботинок, в одних носках стоял в луже холодной мочи. «И все же, — подумал он снова, — начало положено».

— Ты что делаешь? — спросил человек, прикованный рядом с ним.

— Ухожу.

Ну и вопросец!

— Собираюсь убраться отсюда.

— Помоги нам. Ты не можешь просто уйти, ты должен помочь нам.

Он слышал, как головы поворачиваются в его направлении, — хотя никто из пленников не мог видеть в абсолютной тьме. Другие голоса присоединились к мольбе.

— Помоги мне.

— Не бросай нас здесь...

— Кто там освободился? Помогите нам!

Марух зашипел, приказывая им заткнуться. Вонь и давление человеческих тел окружили его со всех сторон. Рабы стояли в чернильной тьме с кандалами на лодыжках, одетые в то, что было на них в момент поимки. Марух понятия не имел, сколько их набилось в этот трюм, но, судя по звукам, не меньше нескольких десятков. Голоса эхом отражались от стен. В какой бы грузовой отсек их ни законопатили, он

был огромен. С кораблем, который напал на Ганг, связываться явно не стоило — убийцы там из легенд или нет.

«Я решил, что не умру». Даже по его собственному мнению, это звучало глупо.

— Я иду за помощью, — сказал он, стараясь говорить как можно тише.

Это было легко — обезвоживание прошлось по горлу наждаком, практически лишив его голоса.

— За помощью?

Люди вокруг зашевелились, толкая Маруха, — кто-то впереди сдвинулся с места.

— Я из Сил обороны станции, — отозвался он хриплым шепотом.

— На Ганге все мертвы. Как ты освободился?

— Разогнул кандалы.

Он шагнул вперед, слепо нащупывая среди скучившихся тел дорогу туда, где, по его представлениям, была дверь. Люди проклинали его и толкали назад, словно свобода товарища по несчастью их оскорбляла.

Наконец его протянутая рука

коснулась холодного металла стены. Облегчение нахлынуло волной. Марух начал двигаться влево, придерживаясь за стену и нащупывая дверь кончиками грязных пальцев. Если бы удалось открыть ее, тогда появился бы шанс...

Здесь. Его ищущая рука наткнулась на косяк двери. Теперь оставалось понять, открывается ли она кнопкой на стене или кодовым замком...

Вот. Вот оно. Марух осторожно провел кончиками пальцев по панели с кнопками — стандартные девять цифр. Кнопки на ощупь оказались крупнее, чем он ожидал, и потерлись от долгого использования.

Марух задержал дыхание, надеясь унять бешеный стук сердца. Он нажал на шесть кнопок в случайной последовательности.

Дверь скользнула в сторону на давно не смазанных направляющих, заскрипев так яростно, что шум разбудил бы и мертвеца. Из-за двери в распахнутые глаза Маруха ударил свет.

— Э-э, привет, — сказал женский голос.

— Назад, — предостерегающе произнес Септимус.

Оба пистолета в его руках были нацелены в голову сбежавшего пленника.

— Еще на шаг. Вот так.

Октавия закатила глаза.

— Он безоружен.

Септимус и не подумал опустить пистолеты.

— Посвети внутрь. Сколько из них освободилось?

Октавия подчинилась, луч фонарика выхватил из темноты мрачную сцену.

— Только он один.

— Форфаллиан дал сур шисис лалил на ша дарил.

Слов Септимуса девушка не поняла, но по выражению лица догадалась, что он выругался.

— Нам надо быть осторожными. Смотри внимательно.

Октавия кинула на него быстрый взгляд. «Смотри внимательно»? Как будто она нуждалась в дополнительном предупреждении. Идиот.

— Конечно! — фыркнула она. — Тут просто уйма свирепых врагов.

— Я защищаю госпожу.

Служитель, неизменно следующий за ней по пятам, держал в замотанных бинтами руках грубый обрез. Его зашитые нитками глаза уставились на беглого раба. Девушка с трудом сдержалась, чтобы не отвесить обоим своим непрошеным защитникам пинка.

— Он не вооружен, — повторила Октавия, указав на Маруха. — Он... Сил ваша... э-э... Сил ваша нурэй.

Служитель захихикал. Октавия смерила его мрачным взглядом.

— Это означает: «у него нет рук», — пояснил Септимус.

Он все еще не опустил пистолеты.

— Ты. Раб. Как ты освободился?

Когда зрение приспособилось к свету, Марух обнаружил, что перед ним стоят три человека. Глаза первого, маленького горбуна в мешковатом плаще из дерюги, были зашиты нитками. Рядом с ним стояла высокая девушка с темными

волосами и очень бледной кожей — таких белокожих женщин он еще никогда не видел. А рядом с девушкой торчал потрепанного вида молодчик с бионическими протезами на виске и скуле и двумя пистолетами, направленными прямо в лицо Маруху.

— Разогнул кандалы, — признался беглец. — Послушайте... Где мы? Что вы с нами собираетесь делать?

— Меня зовут Септимус.

Парень все еще целился в лицо Маруху.

— Я служу легиону Астартес на борту этого корабля. — Его голос разнесся по темному трюму. Ни один из пленников не решился заговорить. — Я здесь, чтобы узнать, какими профессиями владеет каждый из вас, и определить вашу ценность для Восьмого легиона.

Марух сглотнул.

— Восьмого легиона не существует. Я достаточно знаком с мифологией.

Септимус не смог побороть улыбку.

— Поговори еще в таком духе, и тебя быстро убьют. В чем состояли твои

обязанности на Ганге?

Пистолеты опустились, а следом опустились и поднятые руки Маруха. Он внезапно и болезненно осознал, что нуждается в душе, как никогда прежде.

— В основном я работал на производстве.

— На заводе по очистке руды?

— На стройке. У ленты конвейера. На сборочной линии.

— И с машинами?

— Иногда. Когда они ломались и нуждались в хорошем пинке.

Септимус заколебался.

— Тяжелая работа.

— Это ты мне говоришь? — В груди рабочего, совсем некстати, вспыхнула странная гордость. — Уж мне ли не знать, какая это была адская работенка — ведь надрывался на ней я.

Септимус вложил пистолеты в кобуры.

— Когда я закончу здесь, пойдешь со мной.

— Да?

— Да. — Септимус деликатно

кашлянул. — И тебе надо помыться.

Оружейник вошел в отсек. Остальные последовали за ним. Служитель Октавии продолжал крепко сжимать обрез. Навигатор неловко улыбнулась незадачливому беглецу.

— Не пытайся смыться, — предупредила она. — Или он тебя пристрелит. Мы сейчас быстро закончим.

Септимус опрашивал пленников, одного за другим, и заносил их ответы в инфопланшет. Это был уже третий трюм, куда они спустились. Пока что ни один из рабов не попытался напасть.

— Их одурманили калмой? — шепотом спросила девушка в какой-то момент.

— Чем?

— Успокоительным наркотиком. Мы иногда использовали его на Терре.

В ответ на недоуменный взгляд Септимуса Октавия нетерпеливо вздохнула.

— Забудь. Ты что-то добавляешь им в воду? Почему они ничего не делают? Почему не нападают на нас?

— Потому что предлагаемое мной не отличается от того, чем они занимались раньше. — Поколебавшись, он обернулся к ней. — Насколько я помню, ты тоже не пыталась драться со мной.

Девушка наградила его тем, что сошло бы за кокетливую улыбку — исходи она от благородной наследницы аристократического терранского дома во всем блеске нарядов и фамильных драгоценностей. Здесь и сейчас улыбка гораздо больше смахивала на зазывный оскал портовой шлюхи.

— Ну, — протянула она, накручивая на палец выбившиеся из хвоста пряди, — ты обращался со мной куда лучше, чем с этими людьми.

— Конечно лучше.

Септимус направился к выходу. Девушка шла рядом, а следом тащились Марух и служитель. Остальным приказали оставаться здесь и ждать, пока за ними не придут другие члены команды, чтобы развести их по разным палубам. Там рабы смогут помыться и приступить к своим новым обязанностям.

— Так почему же ты лучше обращался со мной? — спросила Октавия.

— Потому что ты застала меня врасплох. Я знал, что ты навигатор, но раньше не видел ни одного навигатора. — Его живой глаз блеснул в свете фонарика. — Я не ожидал, что ты будешь красива.

Девушка порадовалась тому, что темнота скрывает ее улыбку. Когда он старался, то мог сказать совершенно пра...

— И потому что ты представляла большую ценность для легиона, — добавил он, — мне надо было обходиться с тобой аккуратно. Так приказал хозяин.

На сей раз темнота спрятала ее гневную гримасу. Идиот.

— Как тебя зовут? — спросила Октавия у Маруха.

— Марух.

Прежде чем ответить, она улыбнулась. Рабочий заподозрил, что ее папаша, должно быть, таял от таких улыбок.

— Не стоит привыкать к собственному имени, — сказала девушка. — У нашего господина и хозяина может быть

иное мнение на этот счет.

— А как зовут тебя? — поинтересовался Марух.

— Октавия. Я восьмая.

Марух кивнул и ткнул грязным пальцем в спину Септимуса.

— А он Септимус, потому что седьмой?

Парень оглянулся через плечо:

— Именно так.

— А у меня нет имени, — услужливо сообщил горбун. — Зашитые нитками глаза на секунду обернулись к Маруху. — Но Септимус зовет меня Псом.

Марух уже ненавидел маленького уродца. Он мучительно улыбался, пока коротышка не отвернулся, а потом снова взглянул на девушку и сказал:

— Септимус и Октавия. Седьмой и восьмая.

Когда та ответила лишь молчаливым кивком, он прочистил саднящее горло и спросил:

— Седьмой и восьмая... что?

Вознесенный, мрачно насупившись,

восседал в центре стратегиума на окруженном Чернецами-атраментарами троне. Гарадон и Малек стояли ближе всего к своему повелителю. Оба воина, облаченные в терминаторскую броню, обвешанную бивнями и рогами, отбрасывали гигантские тени. Их оружие было дезактивировано и вложено в ножны.

Вокруг тронного возвышения лихорадочно трудились члены команды, освещенные резкими лучами укрепленных над контрольными панелями ламп. В то время как командные палубы большинства боевых судов сияли яркими огнями, стратегиум «Завета крови» окутывала привычная тьма, прорезаемая лишь лучами светильников над консолями смертных офицеров.

Вознесенный втянул воздух и попытался уловить голос, которого больше не слышал.

— Что беспокоит вас, господин? — спросил Гарадон.

Чернец переменил позу, отчего сервомоторы брони взвыли скрипучим оркестром. Вознесенный не ответил

обеспокоенному атраментару, предпочитая держать свои мысли при себе. Смертная оболочка, которую носило существо, — маска демонической мощи — была отражением его собственной сущности. Демон проник в тело легионера и, выев его изнутри, переплавил генетический код — завоевание столь же изощренное, сколь и предательское. Тело, некогда принадлежавшее капитану Вандреду Анрати из Восьмого легиона, сменило хозяина: теперь в остатках смертной оболочки правил Вознесенный, гордый своей победой и привольно расположившийся в коконе из мутировавшей плоти.

Но в памяти и в разуме навеки остался отпечаток чужой души. Перебирая мысли смертного тела, Вознесенный становился вынужденным свидетелем воспоминаний другого существа и тратил немало усилий на то, чтобы отыскать в них смысл и закономерности. С каждым вторжением ментальные щупальца Вознесенного натыкались на разъяренную — и беспомощную — сущность, свернувшуюся

в глубине сознания. Тень Вандреда забилась в самый потаенный закуток его собственного мозга, навеки отрезанная от крови, плоти и костей, когда-то бывших у нее в подчинении.

А теперь... тишина. Тишина, длившаяся уже многие дни и недели.

Исчез смех, граничивший с безумием. Стихли мучительные крики, сулившие Вознесенному расправу всякий раз, когда он перебирал инстинкты и навыки былой личности.

Вознесенный вдохнул, широко распахнув пасть, и запустил мысленные щупальца глубже в сознание. В отчаянном поиске они проникали в тайники чужих чувств и воспоминаний.

Жизнь на планете вечной ночи.

Звезды в небе, настолько яркие, что безоблачными вечерами ранили взгляд.

Гордость при виде пылающего вражеского корабля на орбите, его сотрясающаяся туша, падающая и разбивающаяся о поверхность планеты внизу.

Благоговение, любовь,

сокрушительный поток эмоций при виде отца-примарха, не гордившегося ни одним из достижений своего сына.

И снова мертвенно-бледное лицо отца — сломленного собственной ложью, воображающего все новые предательства, чтобы утолить пожирающее его безумие.

Осколки того, что оставил после себя прежний владелец этой оболочки; фрагменты памяти, в беспорядке рассеянные в сознании.

Вознесенный тщательно просеивал их, разыскивая признаки жизни. Но... не находил ничего. В глубине мозга не ощущалось чужого присутствия. Вандред — та тень, что от него осталась, — ушел. Означало ли это новый этап в развитии Вознесенного? Освободился ли он наконец от надоедливого смертного прилипалы, который так много десятилетий цеплялся за жизнь?

Возможно, возможно.

Существо вновь втянуло воздух и слизнуло с клыков едкую слюну. Заворчав, оно подозвало Малека и...

Вандред.

Это было не просто имя, а внезапное давление чужой личности — яростный взрыв чувств и воспоминаний, опаливший мозг Вознесенного. Существо посмеялось над этой слабой попыткой — его позабавило, что душа Вандреда после стольких лет решилась предпринять атаку на доминирующее сознание. Значит, молчание не было признаком смерти. Нет, Вандред затаился, зарылся в недра их извращенного общего разума, копя силы для этого напрасного удара.

«Спи, маленький человечек, — хмыкнул Вознесенный. — Отправляйся назад».

Вопли начали медленно затихать, пока вновь не утонули в глубинах, превратившись в смутный фоновый шум на самой границе нечеловечески острого восприятия Вознесенного.

Что ж. Это развлекло его ненадолго и позабавило. Существо вновь открыло глаза и втянуло воздух в раздувшуюся тушу, чтобы отдать приказ Малеку.

Во внешнем мире его приветствовала буря света и звуков:

завывающие сирены, мечущаяся команда и пронзительные крики людей. Чувства Вознесенного покоробил смех изнутри: тень Вандреда упивалась своей жалкой победой. Ей удалось отвлечь демона на несколько драгоценных секунд.

Вознесенный поднялся с трона. Его нечеловеческий разум уже выискивал ответы в потоке сенсорной информации. Сирены означали, что враг на подходе, но опасность пока была не критической. «Завет» все еще оставался в доке. Панель ауспика тревожно и настойчиво звенела — тройной пульс: три приближающихся корабля или несколько малых судов, идущих плотной формацией. Учитывая их теперешнее местонахождение, это могли быть либо безвредные грузовые суда Адептус Механикус, либо имперский патруль, сбитый с курса ветрами варпа, либо, что наименее приятно, авангард флота ордена Астартес, охранявшего этот регион.

— Отсоединить все топливные шланги от станции.

— В процессе, господин.

Смертный офицер мостика. Даллоу? Датоу? Такие незначительные детали всегда ускользали из памяти Вознесенного. Офицер согнулся над своей консолью. С его имперского флотского мундира были содраны все знаки различия. Человек не брился уже несколько дней, и его подбородок украшала седоватая щетина.

«Даллон», — шепнул голос Вандреда в сознании Вознесенного.

— Все системы — в полную боеготовность. Мы немедленно совершаем разворот.

— Есть, милорд.

Существо мысленно потянулось к датчикам корабля, позволив собственному слуху и зрению слиться с дальнодействующими аусник-сенсорами «Завета». Там, в черной пустоте, горели угольки — двигатели вражеских кораблей. Вознесенный, доверившись чувствам, бесплотными пальцами ощупывал приближающиеся сущности — слепец, пересчитывающий камешки в ладони.

Три. Три меньших по размеру корабля. Сторожевые фрегаты.

Вознесенный открыл глаза.

— Доложить о готовности.

— Все системы к бою готовы.

Даллон все еще работал на своей консоли, когда ауспик-техник отозвался от панели со сканерами.

— Приближаются три корабля, милорд. Фрегаты типа «Нова».

На обзорном экране появились три судна Адептус Астартес, копьями пронзающие беззвездную тьму. Даже на такой скорости им понадобится не меньше двадцати минут, чтобы достичь зоны поражения бортовых орудий. Вполне достаточно времени, чтобы отстыковаться от станции и сбежать.

Тип «Нова». Убийцы кораблей. На них были установлены орудия для дальнего космического боя, в отличие от кораблей имперских космодесантников, предназначенных для абордажа.

Лица всех присутствующих развернулись к Вознесенному — если не считать сервиторов, прикованных к своим рабочим местам. Те бормотали, пуская слюну, и занимались вычислениями,

равнодушные ко всему, кроме вложенных в них программ. Смертные молчаливо ждали, готовые выполнить дальнейшие приказы.

Существо знало, чего они ожидают. С неожиданной ясностью Вознесенный осознал, что каждый человек в стратегиуме ждет очередного приказа об отступлении. Бегство представлялось разумным решением: «Завет» все еще оставался тенью своей прежней мощи и не очнулся от тех ран, что получил в Критской мясорубке.

Вознесенный облизнул пасть черным языком. Три фрегата. «Завет» в расцвете сил пронесся бы сквозь них, как копье, с презрительной легкостью расшвыряв их обломки по космосу. Возможно, если судьба будет на их стороне, «Завет» и сейчас...

Нет.

«Завет» едва дышал. Погрузчики боеприпасов пустовали, запасы плазмы в реакторах почти истощились. Они использовали «Вопль» не из пустой прихоти — Вознесенный приказал Делтриану запустить его по

необходимости, так же как смертный раб Талоса по необходимости сыграл роль внутреннего агента на станции. Атака на Ганг обычными средствами была невозможна. И пережить этот бой казалось невозможным — пусть противник и представлялся столь ничтожным.

Однако на какой-то миг искушение почти победило. Смогут ли они одержать верх? Вознесенный соединил свое сознание с железными костями корабля. Добыча, захваченная на Ганге, все еще покоилась в трюмах, непригодная к немедленному использованию. Все ресурсы галактики им сейчас не помогут.

Но время обнажить клыки и выпростать когти скоро придет. А пока следовало подчиниться рассудку, а не слепой ярости. Вознесенный сжал зубы и заговорил с деланым спокойствием:

— Выходите на траверз Ганга. Все батареи правого борта — открыть огонь! Если мы не можем выпотрошить станцию до дна, то и никто не сможет.

Корабль дрогнул, подчиняясь приказу. Вознесенный развернул рогатую башку к

офицеру мостика.

— Даллон! Подготовься к переходу в варп. Когда Ганг превратится в груду обломков — бежим.

Опять.

— Как прикажете, господин.

— Открой канал связи с навигатором, — прорычал Вознесенный. — Давай поскорее покончим с этим.

Она мчалась сквозь темноту, ведомая памятью и тусклым светом фонаря. Ее шаги звенели в металлических переходах, умножаясь и отдаваясь от стен таким гулким эхом, словно бежала целая толпа перепуганных людей. За спиной слышался суматошный топот пытавшегося не отстать служителя.

— Госпожа! — снова позвал он.

Его вопли затихали по мере того, как девушка удалялась.

Она не замедлила шаг. Палуба грохотала под ногами. Энергия. Жизнь. «Завет» снова запустил двигатели после многодневной спячки в доке.

— Возвращайся в свой отсек! — провыл

голос Вознесенного с нескрываемым раздражением.

Но она не нуждалась в дополнительных стимулах и угрозах. Она хотела этого. Она страстно желала вновь вести корабль сквозь Море Душ, и эта страсть придавала ей куда больше резвости, чем зов долга.

Тем не менее, даже подчинившись приказу, она не упустила случая ввернуть шпильку.

— Я думала, что Странствующие Десантники не появятся еще несколько месяцев.

Прежде чем оборвать связь, Вознесенный недовольно проворчал:

— Очевидно, у судьбы есть чувство юмора.

Октавия продолжала бег.

Ее покои были далеко от Черного Рынка. Когда девушка наконец-то ворвалась в свой отсек после десяти минут сумасшедшего бега вниз по лестницам, палубам и прыжков через несколько пролетов, служители Октавии кинулись врассыпную.

— Госпожа, госпожа, госпожа! — приветствовали они ее назойливым хором.

Задыхаясь, она протолкалась сквозь их сонмище и упала на командный трон. При ее появлении вспыхнула стена с экранами. Пиктеры и камеры, установленные на внешней обшивке корабля, одновременно распахнули глаза и уставились в вакуум под сотней разных углов. Переведя дыхание, Октавия увидела космос, космос и снова космос. Картина, ничем не отличавшаяся от той, что была на экранах в течение всех этих дней, пока они торчали в черной пустоте, пристыкованные к станции и полумертвые от полученных повреждений. Но теперь звезды двигались. Девушка улыбнулась, наблюдая начало их медленного танца.

На десятке экранов звезды сдвинулись влево. На десятке других они поплыли вправо, или вверх, или вниз. Она откинулась на железную спинку трона и сделала глубокий вдох. «Завет» разворачивался. В поле зрения появился Ганг — уродливый черно-серый замок. Октавия ощутила дрожь корабля и визг

его орудий. Против воли девушка улыбнулась. Трон, это судно могло быть величественным, когда желало того!

Служители собрались вокруг нее, держа в замотанных повязками пальцах кабели интерфейса и ремни.

— Отвалите! — гаркнула она и сорвала со лба повязку.

Это заставило их рассыпаться в стороны.

«Я здесь, — мысленно произнесла она. — Я вернулась».

В ее собственном разуме начала разворачиваться сущность, которая все это время таилась там, нервно подрагивая. Создание развернуло крылья, и ее собственные мысли уступили место потокам чужих, беспокойных эмоций. Потребовалось усилие, чтобы сохранить независимость от темных страстей захватчика.

«Ты», — прошептало существо.

С узнаванием пришло и отвращение, но все еще слабое и отдаленное.

Сердце Октавии застучало как барабан. Это не страх, сказала она себе.

Нет, это предвкушение. Предвкушение, возбуждение и... ладно, страх тоже. Но для взаимодействия ей требовался только трон. Октавия презрительно отвергла грубые псай-разъемы, не говоря уже о ремнях. Это были костыли для самых ленивых навигаторов, а, хотя ее генетическая линия не отличалась чистотой, девушка отлично чувствовала корабль и без дополнительных приспособлений.

«Не я. Мы».

Ее внутренний голос окрасило свирепое торжество.

«Мне холодно. Я устал. Я плохо соображаю. — Ответ прозвучал, как рокот подземных глубин. — Я пробудился. Но я скован льдом космической пустоты. Я голоден и измучен жаждой».

Она не знала, что сказать. Девушку удивило, что корабль говорил с ней так мягко, — пусть эта мягкость и была вызвана усталостью.

«Завет» почувствовал ее удивление через командный трон.

«Вскоре в моем сердце запылает

огонь. Вскоре мы устремимся сквозь пространство и его изнанку. Вскоре ты будешь кричать и проливать соленую воду. Я помню, навигатор. Я помню твой страх перед бесконечной пустотой, вдали от Маяка Боли».

Она не поддалась на эту примитивную подначку. Машинный дух корабля был злобной и извращенной тварью и в самом благодушном настроении — точнее, в наименее вредном — все равно презирал ее. Обычно даже слиться мыслями с кораблем было весьма непросто.

«Ты слеп без меня, — сказала она. — Когда же тебе надоест эта война между нами?»

«А ты без меня бессильна, — парировал корабль. — Когда тебе надоест уверять себя, что ты главная в нашем союзе?»

Она... она не думала об этом с такой точки зрения. Наверное, ее колебания передались сквозь связующую их нить, потому что черное сердце корабля забилось быстрее, а по корпусу вновь пробежала дрожь. На нескольких экранах

перед ней вспыхнули руны, все на нострамском. Она знала уже достаточно, чтобы прочесть новые данные о росте мощности в плазменном генераторе. Септимус обучил ее нострамскому алфавиту и тем пиктографическим символам, что нужно было знать для управления судном.

«Это необходимый минимум», — сказал пилот, словно она была исключительно тупым ребенком.

Значит, совпадение? Значит, дрожь вызвали не ее мысли, а ускоряющиеся двигатели?

«Я разогреваюсь, — поведал "Завет". — Скоро мы начнем охоту».

«Нет. Мы спасаемся бегством».

Каким-то образом она почувствовала его вздох. По крайней мере, так ее человеческая сущность восприняла краткую вспышку нечеловеческого разочарования, промелькнувшую на границе сознания.

Все еще встревоженная обвинениями корабля, Октавия постаралась удержать свои мысли при себе. Машинному духу ни к

чему знать о ее сомнениях. В молчании навигатор наблюдала за тем, как пылает Ганг, и ждала приказа направить корабль сквозь прореху в реальности.

Варп-двигатели включились с драконьим ревом, эхом отразившимся сразу в двух мирах.

— Куда? — вслух спросила Октавия.

Голос срывался на хриплый шепот.

— Направляйся к Мальстрему, — раздался утробный рев Вознесенного. — Мы не можем дольше оставаться в имперском космосе.

— Я не знаю, как попасть туда.

Но Октавия знала. Разве она не чувствовала это — раздувшееся, мучительное, как мигрень, присутствие, которое вызывало головную боль с каждым ударом пульса? Разве не чувствовала его так же отчетливо, как слепец ощущает тепло восхода на своем лице?

Но Октавия не знала пути туда через варп — это правда. Она никогда не вела корабль сквозь шторм, чтобы достичь ока бури. Однако подспудного чувства

направления должно было хватить.

Мальстрем. «Завет» ощутил ее боль и немедленно отозвался. Волна тошнотворного узнавания и близости захлестнула навигатора сквозь связующую их нить. По коже побежали мурашки, во рту скопилась кислая слюна. Смутное воспоминание судна стало ее собственным: воспоминание о космосе, кипящем отравленными призраками, о нечистых волнах, разбивающихся об обшивку. Целые миры, целые солнечные системы, тонущие в Море Душ.

— Я никогда не ходила в разрыв варпа, — выдавила Октавия.

Если Вознесенный и ответил, ответа она не услышала.

«Зато я ходил», — прошипел «Завет».

Она, как и всякий навигатор, знала флотские легенды. Погрузиться в разрыв варпа было все равно что нырнуть в кислоту. Каждая секунда в его ядовитом прибое сдирала новый слой с души мореходца.

«Выдумки и полуправда, — насмешничал корабль. — Это просто варп

и просто вакуум. Тише бури и громче космической пустоты».

А затем:

«Держись, навигатор!»

Октавия закрыла человеческие глаза и открыла тот, что видел куда вернее. Безумие, окрашенное в миллион оттенков черноты, ринулось на нее приливной волной. Но во траке вспыхнул луч беспощадного света: испепеляя вопящие души и бесформенную злобу, клубящуюся по сторонам, он прожег дорогу во тьме. Маяк, Золотой Путь, Свет Императора.

«Астрономикон», — выдохнула она в инстинктивном благоговении и направила корабль к нему.

Утешение, поддержка, путеводный свет. Безопасность.

«Завет» воспротивился. Его корпус затрясся и заскрипел от напряжения, не желая подчиниться приказу.

«Нет. Прочь от Маяка Боли. В волны тракa».

Навигатор откинулась на спинку трона и слизнула пот с верхней губы. Охватившее ее чувство сильно напоминало

то, что она ощущала в обсерватории на верхушке отцовского родового шпиля, — необоримое желание спрыгнуть с балкона самой высокой башни. Октавия часто чувствовала это ребенком: сладкая щекотка опасности и сомнение, боровшиеся в душе, пока она не наклонялась слишком низко. Тогда желудок взлетал к горлу и она приходила в себя. Она не могла прыгнуть. И не хотела — не по-настоящему.

Корабль ревел в ее сознании, переваливаясь с боку на бок. Волны бездны разбивались о его корпус. В ушах назойливым хором звучали вопли смертной команды, доносившиеся с верхних палуб.

«Ты убьешь всех нас, — злобно выплюнул корабль, оккупировавший ее мысли. — Ты слишком слаба. Слишком слаба».

Октавия была смутно уверена, что ее стошнило прямо на собственные колени. Судя по запаху, так и произошло. Чудовищные когти царапали обшивку судна, и волны, разбивающиеся о корпус, превратились в стук материнского сердца,

оглушительно громкий для свернувшегося в матке плода.

Повернув голову, она смотрела на то, как гаснет и исчезает луч Астрономикона. Поднимался ли он вверх, ускользая от нее? Или это корабль, отторгнув его, валился в...

Внезапно она напряглась. Кровь сковало льдом, а мышцы сжались стальными канатами. Они падали сквозь варп. Вопль Вознесенного, исполненный бессильной ярости, разнесся по всем палубам.

«Трон! — выдохнула она, проклиная все на свете и почти не осознавая, что с губ ее срываются приказы штурманской группе на командной палубе наверху. Она говорила инстинктивно, как дышала. Сейчас имела значение лишь битва в ее сознании. — Трон, проклятье и гре...»

Корабль лег на правильный курс. Без всякой грации — она почти полностью потеряла управление, и судно выправилось неловким рывком, — но «Завет» все же с облегчением рухнул в более спокойное течение. Нашаривая взглядом путь в Море

Душ, Октавия почувствовала, как корпус содрогнулся в последней мучительной конвульсии, встряхнувшей его вплоть до самого основания.

Машинный дух успокаивался. Судно следовало проложенным курсом, прямо, как рассекающий мрак клинок. Несмотря на то что корабль ненавидел своего навигатора, в полете он был куда элегантней грузной баржи под командованием Картана Сайна. Там, где «Звездная дева» тащилась вперевалку, «Завет крови» мчался словно стрела. Безупречная грация и воплощенный гнев богов. Ни один навигатор в ее генетической линии за все тридцать шесть поколений не водил такого корабля.

«Ты прекрасен», — сказала она «Завету», сама того не желая.

«А ты слаба».

Октавия вперила взгляд в черный прилив вокруг корабля. Наверху таял Свет Императора, а внизу проступали неясные контуры чего-то огромного и бесформенного, бьющегося во взбаламученном мраке. Она вела судно по

наитию, вслепую, к далекому оку бури.

Часть вторая
ЗРАЧОК БЕЗДНЫ

VIII
ГОРОД НОЧЬЮ

Мальчик знал, что он — один из «заторможенных» детей.

Так его учителя говорили о детях, которые сидели отдельно от остальных, — и он знал, что принадлежит к их числу. В его классе четверо ребят были «заторможенными». Мальчик уже приучился мысленно произносить это слово с той же деликатностью, с какой его проговаривали вслух взрослые. Их четверка располагалась у окна, зачастую совсем не обращая внимания на слова наставника, но их никогда за это не наказывали.

Мальчик сидел с ними, последний в этой четверке, и пялился в окно вместе с остальными. По ночным улицам проезжали машины. Их фары светили приглушенно, чтобы не ранить привыкшие к мраку глаза. Верхушки башен скрывали облачное небо, и каждый шпиль был украшен ярко освещенным знаком — торговой маркой, рекламирующей то, в чем, по мнению взрослых, они остро нуждались.

Мальчишка снова обернулся к учительнице. Некоторое время он слушал, как та рассказывает о языке, учит других — «незаторможенных» — детей новым словам. Мальчик ничего не понял. Почему слова были для них новыми? Он десятки раз встречал их в книгах своей матери.

Наставница заколебалась, поймав его взгляд. Обычно она не замечала его, забывала о его присутствии с давно отработанной легкостью. Но сейчас мальчик не отвернулся. Он с любопытством ждал, попытается ли она научить его новому слову.

Как оказалось, она попыталась.

Женщина указала на слово, написанное поперек помаргивающего пикт-экрана, и спросила, понимает ли мальчик его значение.

Он не ответил. Он очень редко отвечал учительнице. Должно быть, именно поэтому взрослые и называли его «заторможенным».

Прозвенел звонок, знаменуя конец уроков, и все ребята повскакивали с мест. Большинство распихивали по сумкам письменные планшеты. «Заторможенные» прятали по карманам клочки бумаги с корявыми детскими рисунками. Мальчику нечего было прятать, потому что почти весь вечер он смотрел в окно.

Дорога домой заняла больше часа и стала еще длиннее из-за дождя. Мальчик шел мимо застрявших в пробках машин, прислушиваясь к перебранке водителей. Неподалеку, в одном или двух кварталах от его обычного пути, раздался треск, как будто кукурузные зерна лопались на огне. Две банды выясняли отношения. Мальчик задумался, какие именно и сколько человек убито?

Он не удивился, когда друг догнал его, хотя и надеялся, что этой ночью сможет побыть один. Он улыбнулся, стараясь не выдать раздражения. Друг улыбнулся в ответ.

Его друг по-настоящему не был другом. Они назывались «друзьями» только потому, что их матери действительно дружили и их семьи занимали соседние квартиры в жилом блоке.

— Учительница задала тебе вопрос, — сказал его друг, как будто мальчик и сам не заметил.

— Я знаю.

— Тогда почему ты не ответил? Не знал, что сказать?

В этом и была вся беда. Мальчик никогда не знал, что сказать, даже если знал правильный ответ.

— Я не понимаю, зачем мы ходим на уроки, — в конце концов ответил он.

Город вокруг них дышал и жил своей обычной жизнью. На соседней дороге завизжали покрышки. Кричащие голоса обвиняли, умоляли и требовали что-то от обладателей других кричащих голосов. Из

соседних зданий неслась оглушительная музыка.

— Чтобы учиться, — ответил его друг.

Мать сказала мальчику, что, когда его друг вырастет, «он разобьет немало сердец». Мальчику так не казалось. По его мнению, друг всегда был либо растерян, либо зол, либо зол, потому что растерян.

Мальчик пожал плечами.

— Наша учительница никогда не говорит того, чего я не знал раньше. Но зачем нам нужно учиться? Вот чего я не понимаю.

— Потому что... так надо.

Сейчас друг выглядел растерянным, и это заставило мальчика улыбнуться.

— Когда ты наконец-то открываешь рот, то задаешь совершенно тупые вопросы.

Мальчик промолчал. Его друг никогда не понимал таких вещей.

Примерно на полпути к дому, в глубине того переплетения грязных улочек и переулков, которое взрослые называли «Лабиринтом», мальчик замедлил шаги.

Остановившись, он уставился в боковую аллею. Не пытался спрятаться или выступить на свет, просто смотрел.

— Что там? — спросил его друг.

Отвечать мальчику не понадобилось.

— Ох, — сказал друг через секунду, — пошли быстрее, пока они нас не заметили.

Мальчик остался на месте. Вдоль узкой аллеи валялись горы мусора. А среди мусора лежала обнимающаяся парочка. По крайней мере, мужчина обнимал женщину. Ее одежда была порвана и покрыта грязью. Женщина неподвижно лежала на сырой от дождя земле. Голова ее оказалась повернута к мальчику. Когда мужчина взгромоздился на женщину, ее черные глаза продолжали не мигая смотреть на двух детей.

— Идем, — прошептал друг и потянул мальчика прочь за руку.

Тот некоторое время молчал, зато его друг трещал без умолку:

— Нам повезло, что нас не пристрелили. Чего ты на них уставился? Твоя мама что, ничего не говорила тебе о приличиях? Нельзя просто так пялиться.

— Она плакала, — ответил мальчик.

— Ничего не плакала. Ты просто так говоришь.

Мальчик взглянул на своего друга.

— Она плакала, Ксарл.

После этих слов его друг затихнул. Остаток дороги они прошагали в молчании и, когда дошли до жилого шпиля, расстались, не попрощавшись.

Мать мальчика вернулась домой рано. Он почувствовал запах готовящейся лапши и услышал, как мать напевает во второй комнатке — в маленькой кухне с раздвижной пластиковой дверью.

Когда она вошла в жилую комнату, то опустила рукава, скрыв запястья. Это спрятало татуировки, покрывавшие ее предплечья. Мальчик никогда не спрашивал, почему она их прячет. Чернильные символы, въевшиеся в кожу, показывали, кому она принадлежит. Мальчик знал это, хотя порой задумывался, не означают ли татуировки чего-то большего.

— Сегодня мне звонили из твоей школы, — сказала мать.

Она кивнула на прелектор — пустой сейчас, но мальчик легко мог представить лицо учительницы на этом плоском, зернистом настенном экране.

— Потому что я «заторможенный»? — спросил он.

— Отчего ты так думаешь?

— Потому что я ничего плохого не сделал. Я никогда не делаю ничего плохого. Значит, это оттого, что я «заторможенный».

Мать присела на край кровати, сложив руки на коленях. Ее волосы намокли и потемнели — она недавно мыла голову. Вообще-то у матери были светлые волосы, что для жителей города считалось редкостью.

— Ты скажешь мне, что с тобой происходит? — спросила она.

Мальчик сел рядом с ней, и руки матери легли ему на плечи.

— Я не понимаю, зачем мы учимся, — ответил он. — Мы должны ходить на уроки, но я не знаю зачем.

— Чтобы стать лучше, — сказала она. — Чтобы ты мог жить на Городской

Периферии и работать где-нибудь... в каком-нибудь хорошем месте.

Последние слова она произнесла тише, почесывая татуировку с клеймом владельца на руке.

— Этого не будет, — сказал мальчик и улыбнулся, чтобы мать не расстраивалась.

В ответ она прижала его к себе и принялась тихо укачивать, как в те ночи, когда хозяин ее бил. В те ночи кровь, текущая у нее по лицу, капала на волосы мальчику. Нынешней ночью крови не было — только слезы.

— Почему нет? — тихо спросила она.

— Я вступлю в банду, как мой отец. И Ксарл вступит в банду, как его отец. И мы оба умрем на улицах, как и все остальные.

Мальчик выглядел скорее задумчивым, чем печальным. Те слова, что разбивали сердце его матери, почти не тревожили его самого. Факты остаются фактами.

— И потом, на Периферии ведь ничем не лучше, так? Если по правде?

Теперь мать плакала, как та

женщина в аллее. Та же пустота и обреченность сквозили в ее глазах.

— Нет, — шепотом признала она. — Там все то же самое.

— Так зачем мне учиться в школе? Зачем ты тратишь деньги на книги? Зачем мне их читать?

Ей потребовалось время, чтобы ответить. Мальчик услышал, как она сглотнула, и почувствовал ее дрожь.

— Мама?

— Ты можешь сделать кое-что еще.

Сейчас она укачивала его, укачивала так же, как раньше, в раннем детстве.

— Если ты будешь лучше других детей, если станешь самым умным и самым сильным, тебе никогда не придется возвращаться в этот мир.

Мальчик взглянул на нее снизу вверх. Он не был уверен, правильно ли расслышал и, если да, нравится ли ему эта идея.

— Покинуть наш мир? Кто...

Он почти спросил: «Кто будет заботиться о тебе?» — но от этого она снова бы расплакалась.

— Кто останется с тобой?

— Не волнуйся за меня. Со мной все будет в порядке. Но пожалуйста, пожалуйста, отвечай на вопросы учительницы. Ты должен показать, какой ты умный. Это важно.

— Но куда я пойду? Что буду делать?

— Ты пойдешь, куда захочешь, и будешь делать, что пожелаешь. — Мать улыбнулась ему. — Герои могут делать все, что захотят.

— Герои?

Эта мысль заставила мальчика рассмеяться. Его смех радовал мать больше всего на свете — он был достаточно взрослым, чтобы это заметить, но слишком маленьким, чтобы понять, почему такая простая вещь может ее утешить.

— Да. Если ты пройдешь испытания, тебя возьмут в легион. Ты станешь героем, рыцарем, покорителем звезд.

Мальчик смотрел на нее долго и пристально.

— Сколько тебе лет, мама?

— Двадцать шесть циклов.

— Ты слишком старая, чтобы пройти

эти испытания?

Прежде чем заговорить, мать поцеловала его в лоб. Внезапно она разулыбалась, и напряжение, повисшее в тесной комнатке, рассеялось.

— Я не могу участвовать в испытаниях. Я женщина. И ты не сможешь, если вырастешь таким, как твой отец.

— Но в легион все время берут мальчишек из банд.

— Так было не всегда.

Она пересадила его на кровать и вернулась на кухню помешать макароны в кастрюле.

— Помни, что легион берет только некоторых мальчишек из банд. Они всегда ищут самых лучших и самых умных. Обещай мне, что станешь таким.

— Хорошо, мама.

— Ты больше не будешь молчать на уроках?

— Нет, мама.

— Хорошо. Как там твой друг?

— Ты знаешь, он мне не настоящий друг. Он всегда злится. И он хочет

вступить в банду, когда повзрослеет.

Мать снова улыбнулась мальчику, но на сей раз улыбка была печальной и чуть-чуть неискренней.

— Все вступают в банды, мой маленький ученый. Таков порядок вещей. У всех есть дом, банда, работа. Просто запомни: можно делать плохие вещи потому, что вынужден это делать, а можно потому, что это тебе нравится. Чувствуешь разницу?

Она накрыла к обеду маленький стол, натянув на руки узкие перчатки, чтобы не обжечься об алюминиевые миски. Когда все было готово, мать бросила перчатки на кровать и улыбнулась, глядя, как сын делает первый глоток.

Он взглянул на нее снизу вверх и увидел, как странными рывками меняется ее лицо. Улыбка превратилась в кривую усмешку, глаза удлинились, сошлись к переносице и одновременно нечеловечески вытянулись к вискам. Влажные волосы встали дыбом, словно от электрического разряда, и превратились в плюмаж цвета свежей крови.

Она закричала на него — так пронзительно, что от визга вылетели оконные стекла, рассыпав осколки по мостовой внизу. Вопящая женщина потянулась за лежащим на кровати изогнутым клинком — и...

Он открыл глаза в умиротворяющей тьме зала для медитаций.

Но покой длился не больше секунды. Эльдарская ведьма тоже была здесь, последовав за ним из сна в реальный мир. Ведьма произнесла его имя. Женский голос разбил бархатную тишину, а застоявшийся воздух корабля заполнился чужим запахом.

Воин схватил ее за горло. Огромный кулак сомкнулся на бледной шее. Талос вскочил на ноги, увлекая ведьму за собой. В слабой попытке помешать она задергала ногами и разинула рот в беззвучном крике.

Талос разжал пальцы. Женщина пролетела метр и, ударившись ватными ногами о палубу, рухнула на четвереньки.

— Октавия?

Навигатор закашлялась, с трудом втягивая воздух и отплевываясь.

— А вы думали, кто?

В дверном проеме, ведущем в зал для медитаций, скорчился один из ее служителей. В перетотанных бинтами пальцах коротышки подрагивал ржавый обрез.

— Должен ли я напомнить тебе, — холодно сказал Повелитель Ночи, — что, целясь в одного из воинов легиона, ты нарушаешь законы «Завета»?

— Ты сделал больно госпоже. — Человек как-то ухитрялся смотреть сквозь зашитые нитками веки. Несмотря на нескрываемый страх, он не опускал оружия. — Ты сделал ей больно.

Талос опустился на колени и протянул Октавии ладонь, чтобы помочь ей встать. После секундного колебания девушка приняла руку.

— Похоже, ты вызываешь в своих служителях истинную преданность. В отличие от Этригия.

Октавия ощупала опухшее и саднящее горло.

— Все в порядке, Пес. Все в порядке, не волнуйся.

Служитель опустил обрез, засунув его куда-то в складки грязного и дырявого плаща. Навигатор сдула с лица выбившуюся прядь.

— Чем я заслужила такое приветствие? Вы говорили, что я могу заходить свободно, если дверь не заперта.

— Ничем.

Талос вернулся на холодную металлическую плиту, служившую ему кроватью в минуты отдыха.

— Прости меня — я был встревожен тем, что видел во сне.

— Я постучала перед тем, как войти, — добавила девушка.

— Не сомневаюсь.

На мгновение он прижал ладони к глазам, избавляясь от образа ксеносской ведьмы. Но боль осталась и была сильнее, чем когда-либо прежде. Боль пульсировала в виске, расползаясь оттуда паучьей сеткой по всему черепу. Раны, полученные месяц назад, только усилили ее. Теперь даже сон превратился в мучение.

Талос медленно поднял голову и взглянул на навигатора.

— Ты не в своих покоях. И корабль, к моей величайшей радости, больше не трясется. Но мы еще не могли добраться до места назначения.

Было совершенно ясно, что девушка не хочет об этом говорить.

— Нет, — сказала она, не вдаваясь в объяснения.

— Понимаю.

Значит, ей снова потребовался отдых. Вознесенный вряд ли пришел в восторг.

Все трое замолчали. Октавия водила лучом фонарика по стенам. Каждый сантиметр личных покоев Талоса был покрыт нострамскими письменами — поспешно нацарапанными строчками рун, перетекающих одна в другую. Кое-где новые пророчества были выцарапаны поверх старых. Видения, переполнявшие разум Талоса, выплеснулись на стены словами мертвого языка. Такие же руническое пророчества были выгравированы на некоторых участках его брони.

Талоса, похоже, не задело ее

любопытство.

— Ты плохо выглядишь, — сказал он девушке.

— Большое спасибо. — Она отлично знала, как паршиво выглядит: кожа цвета прокисшего молока, больная спина и глаза, настолько налившиеся кровью, что даже моргнуть было мучительно. — Вести корабль сквозь бездну душ не так уж легко, знаете ли.

— Я не хотел обидеть тебя. — Голос пророка прозвучал скорее задумчиво, чем виновато. — Галантность покидает нас в первую очередь. Способность вести светскую беседу. Когда мы перестаем быть людьми, это уходит первым.

Октавия фыркнула, но не позволила отвлечь себя от главного.

— О чем был твой кошмар?

Талос улыбнулся ей той кривой и насмешливой улыбкой, что обычно скрывалась под шлемом.

— Об эльдарах. В последнее время я вижу только их.

— Это было пророчество?

Она вновь собрала волосы в хвост,

попутно проверив, плотно ли держится повязка на лбу.

— Я уже не уверен. Иногда нелегко ощутить разницу между кошмаром и пророчеством. Это было воспоминание, под конец извратившееся и осквернённое. Ни пророческое видение, ни настоящий сон.

— Казалось бы, после стольких лет вы должны были научиться различать их, — сказала девушка, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Талос не ответил на укол, потому что знал, отчего навигатор злится. Октавия была напугана, потрясена тем, что он чуть не придушил ее при пробуждении, и старалась скрыть страх под маской раздражения. Почему люди позволяли таким мелочным чувствам управлять их поведением — оставалось загадкой для Пророка, однако он научился распознавать эти эмоции и не обращать на них внимания.

Ободренная его терпеливым молчанием, она наконец произнесла: «Прошу прощения».

Теперь их глаза встретились: ее

орехово-карие, как у большинства уроженцев Терры, и его непроницаемо-черные, лишенные белка очи истинного сына Нострамо. Девушка быстро отвела взгляд. Когда она слишком долго смотрела на этих генетически усиленных полубогов, по коже начинали ползти мурашки. Лицо Талоса почти зажило за прошедший месяц, и все же он больше напоминал оружие, чем живого человека. Под тонкими чертами Пророка скрывался форсированный и слишком массивный череп: каменная глыба, твердая, как сталь. От обоих его висков тянулись хирургические шрамы, белые на белом, почти незаметные на матово-бледной коже. Гармоничные черты, украсившие бы любого человека, на лице этого громадного воина казались почти лишними. Глаза, которые могли бы светиться любопытством и добротой, вместо этого горели разочарованием и еще чем-то отталкивающим и пугающим.

Ненавистью, подумала она. Хозяева люто ненавидели все, включая друг друга.

В ответ на ее изучающий взгляд Пророк улыбнулся. По крайней мере, хоть

это в нем оставалось человеческим. Насмешливая улыбка, когда-то принадлежавшая мальчику, знавшему намного больше, чем он желал показать. Изрезанная шрамами статуя гневного бога на секунду исчезла, уступив место чему-то большему.

— Полагаю, ты за этим и пришла, — сказал он, то ли спрашивая, то ли утверждая.

— Возможно. Что вам снилось, прежде чем... прежде чем пришли эльдары?

— Мой родной мир — до того, как мы вернулись и уничтожили его.

Пророк спал в полном боевом облачении, не считая шлема. Септимус с помощью Маруха починил его доспех. Октавия видела завершающий штрих этой работы, когда Талос вновь разнес изображение аквилы одним ударом ритуального молота.

— Какая у вас была семья?

Воин вложил золотой меч в ножны и закрепил за спиной. Рукоятка и крылатая гарда выглядывали из-за плеча Пророка, ожидая, пока за них возьмется хозяйская

рука. Талос ответил, не глядя на девушку:

— Мой отец был убийцей, как и его отец до него, и отец его отца. Моя мать была шлюхой на договоре у сутенера и состарилась прежде времени. В пятьдесят она выглядела на все семьдесят. Думаю, подцепила какую-нибудь болезнь.

— Извините, что спросила, — с чувством произнесла девушка.

Талос проверил магазин своего огромного болтера и одним щелчком задвинул его на место.

— Чего ты хочешь, Октавия?

— Септимус однажды сказал мне кое-что.

Талос развернулся и взглянул на навигатора сверху вниз. Ее макушка едва доходила ему до груди.

— Он сказал, что вы убили одного из ваших слуг. Очень давно.

— Терциуса. Варп завладел им. — Талос нахмурился, словно замечание Октавии его оскорбило. — Я дал ему чистую смерть. Он почти не страдал. Это не было бездумным убийством, Октавия. Я никогда не действую

безрассудно.

Девушка тряхнула головой.

— Я знаю. Не в этом дело. Но что произошло? «У варпа есть тысяча способов отравить человеческое сердце». — Октавия бледно улыбнулась, процитировав это древнее и напыщенное изречение навигаторов. — Что с ним случилось?

Талос закрепил двуствольный болтер на набедреннике.

— Терциус изменился, снаружи и изнутри. Он всегда был любознателен. Когда мы шли по Морю Душ, ему нравилось стоять на наблюдательной палубе и смотреть прямо в сердце безумия. Он вглядывался в бездну так долго, что она проникла в него. Поначалу никто почти не замечал признаков: судорог и носового кровотечения. А я тогда был младше и плохо знал, как обнаружить скверну. Когда я наконец понял, что он потерян навсегда, Терциус уже превратился в свирепую тварь. Он бродил по нижним палубам, выслеживая и пожирая смертных.

Октавия вздрогнула. Даже самым

неопытным из навигаторов приходилось сталкиваться с тысячами чудовищных изменений, поражающих человеческое тело и душу в варпе. И сама Октавия во время тягомотной службы на «Звездной деве» успела наглядеться на призраков скверны, затронувшей неосторожных членов экипажа. Конечно, не столь жуткие, как в рассказе Талоса, но все же...

— А что случилось с Секундусом? — спросила она.

— Я не хочу говорить о втором. Мне неприятно вспоминать о нем, и даже месть эти воспоминания не успокаивает.

Пророк взял в руки шлем и добавил:

— Просто скажи мне, что не так?

Девушка сузила глаза.

— Почему вы думаете, что что-то не так?

— Может быть, потому, что я не законченный идиот.

Октавия с трудом выдавила улыбку. Он мог убить ее. И он убьет ее без малейшего колебания, если посчитает это необходимым.

«Сейчас или никогда», — подумала

она.

— Я все время вижу Рожденную-в-пустоте.

Талос медленно выдохнул и ненадолго прикрыл глаза.

— Продолжай.

— Я слышу из-за угла ее плач. Я вижу мельком, как она проносится по пустым коридорам. Это она. Я знаю. Но Пес ее не замечает.

Служитель сконфуженно пожал плечами — его совсем не радовал испытующий взгляд Повелителя Ночи. Талос вновь обернулся к Октавии.

— Итак. — Она склонила голову к плечу. — Я заражена скверной?

В ответ Пророк устало вздохнул.

— От тебя одни проблемы.

Эти слова задели ее гордость. Девушка расправила плечи и выпрямилась во весь рост.

— Я могу сказать о вас то же самое. Вряд ли моя жизнь стала приятнее после того, как вы меня похитили. И это вы охотились на меня, помните? Вы притащили меня на борт, схватив за

горло, словно пойманную зверушку.

Талос рассмеялся. У него был тихий смех — немногим громче, чем дуновение воздуха, выдохнутого сквозь кривящиеся в улыбке губы.

— Твой острый терранский язычок никогда мне не наскучит. — Воин перевел дыхание. — Будь осторожна, Октавия. Несмотря на то что ты боишься собственной слабости, беда не в тебе. Этот корабль провел в варпе целую вечность. Скверна не в тебе, а в «Завете». Самые его кости нечисты, и мы вдыхаем заразу с каждым глотком воздуха. Мы еретики. Такова наша судьба.

— Это... не очень-то утешает.

Пророк взглянул на нее настолько по-человечески, что у девушки перехватило дыхание. Заломленная бровь, кривая полуулыбка и выражение, в котором отчетливо читалось: «А чего ты от меня ожидала?»

— «Завет» ненавидит меня, — сказала девушка. — Я это знаю. Его дух отшатывается с отвращением каждый раз, когда я к нему прикасаюсь. Но он не

стал бы нарочно запугивать меня призраками. Он слишком прост, чтобы додуматься до такого.

Талос кивнул.

— Конечно. Но «Завет» полон памяти о живших и встретивших смерть на его борту. На этих палубах умерло больше людей, чем числится сейчас у нас в экипаже. И корабль все еще помнит каждого из них. Подумай о крови, что впиталась в сталь вокруг нас, о сотнях последних издыханий, и сейчас циркулирующих в вентиляционной системе. Запертых здесь навечно, вновь и вновь проходящих сквозь легкие живых. Мы обретаемся среди воспоминаний «Завета», так что всем время от времени видятся странные вещи.

Октавия вздрогнула.

— Ненавижу этот корабль.

— Нет, — сказал Талос, снова взяв в руки шлем. — Это неправда.

— Но я воображала совсем другое. Вести боевой корабль легиона Астартес — об этом молится каждый навигатор. И «Завет» движется так, как бывает только

в чудесном сне, — он извивается, словно змея в масле. Но все здесь настолько... пропахло тухлятиной... — Голос Октавии звучал все тише и наконец утолк.

Некоторое время девушка пристально всматривалась в лицо Пророка, ощущая острый кислотный запах его дыхания.

— Ты довольно невежливо пялишься на меня, — заметил он.

— Вам повезло, что вы не потеряли глаз.

— Интересно сформулировано. Учитывая, что полчерепа мне заменили металлическими пластинами и, по словам Кириона, левая половина лица у меня выглядит так, словно я проиграл бой скальному кугуару.

Он провел кончиками закованных в перчатку пальцев по медленно рассасывающимся шрамам. Даже его сверхчеловеческой физиологии было нелегко справиться со всеми увечьями. Рубцы на левой половине лица тянулись от виска к уголку губ.

— Это не метка любимца удачи, Октавия.

— Выглядит не так уж и плохо, — возразила девушка.

Что-то в тоне Повелителя Ночи заставило ее почувствовать себя свободнее — возможно, нотка почти братской близости в его ровном голосе и открытом взгляде.

— Что такое «скальный кугуар»?

— Хищник моего родного мира. Когда в следующий раз встретишь одного из Чернецов, присмотрись к его наплечникам. Ревущие львы на них — это то, что мы называли «скальными кугуарами» на Нострамо. Если главарь банды мог покинуть город ради охоты на них, это считалось признаком процветания.

— Госпожа, — перебил его Пес.

Урок истории оборвался. Октавия резко обернулась.

— Что?

Пес неловко переступил с ноги на ногу.

— Однажды я убил скального кота.

Девушка скептически хмыкнула, но Талос ответил прежде, чем она успела вставить хоть слово:

— Народец Холмов?

Его низкий голос эхом пронесся по комнате.

Изуродованная голова с венчиком седых волос дернулась в кивке.

— Да, господин. И я правда однажды убил скального кота. Маленького. А потом съел.

— Возможно, так и было, — согласился Талос. — Народец Холмов селился вдали от городов. Они влачили весьма жалкое существование в горах.

Октавия все еще с интересом смотрела на Пса.

— Сколько тебе лет?

— Больше, чем вам, — ответил Пес и снова кивнул, будто его слова все объясняли.

«Странное созданьице», — подумала Октавия, вновь поворачиваясь к Талосу.

— Как ваша рука?

Воин покосился на закованную в доспех левую руку и сжал пальцы в кулак. Внешне она ничем не отличалась от правой. Но под керамитом скрывалось нечто совсем иное: протез из

металлических костей на гидравлических суставах. Тихое жужжание искусственных мышц и сервопередач все еще было в новинку Пророку. Талоса забавляла вибрация маленьких сервоприводов в запястье и пощелкивание, которое издавал локоть из пластали, если новая конечность двигалась слишком быстро. Он упражнял руку, притрагиваясь кончиком большого пальца к остальным и повторяя это раз за разом со все увеличивающейся скоростью. Даже самые легкие движения отдавались рокотом в доспехе.

— Кирион потерял руку на Крите, — усмехнулся Талос. — Не совсем то, в чем я бы хотел быть на него похожим.

— Как вы ее ощущаете?

— Как свою собственную руку, — он пожал плечами, — только чужую.

Девушка невольно улыбнулась.

— Все понятно.

— Я собирался поговорить с Делтрианом о предстоящем ремонте, — сказал Пророк. — Хочешь пойти со мной?

— Нет, что вы. Благодарю за предложение.

— Нет, — пропищал Пес, все еще маячивший в дверях. — Нет, сэр.

Судовые вокс-динамики с треском включились. Гортанное рычание Вознесенного разнеслось по коридорам: «Переходим в эмпирей через тридцать циклов. Всей команде вернуться к рабочим постам».

Октавия подняла голову к настенному динамику.

— Это был вежливый способ сказать: «Октавия, марш в свою комнату».

Талос кивнул.

— Возвращайся в свои покои, навигатор. Остерегайся призраков, блуждающих в здешних коридорах, но постарайся не обращать на них внимания. Сколько нам осталось до места назначения?

— День до границы Мальстрема, — ответила она. — Может быть, два. Есть еще кое-что.

— Что именно?

— Отец Рожденной-в-пустоте. Септимус велел мне не беспокоить вас такими мелочами, но я думаю, вам

следует знать.

Талос молча склонил голову, делая ей знак продолжать.

— Иногда на Черном Рынке или еще где-нибудь на палубах для команды он заводит разговор о том, что этот корабль обречен и проклят, что «Завет» погубит всех нас в одну из грядущих ночей. Кое-кто из тех смертных, что постарше, прислушивался к нему и соглашался... Вам известно, как они относились к девочке. Но сейчас и новые члены команды, те, что с Танга, стали прислушиваться. Аркия обвиняет вас. У девочки был ваш медальон, и все же она... вы знаете.

— Погибла.

Октавия кивнула.

— Я приказал Септимусу разобраться с этим, — пробормотал воин. — Но благодарю, что ты сообщила мне. Я сам покончу с этой ситуацией.

Талос заметил, что ее голос прозвучал неуверенно.

— Мертвые рабы бесполезны, — сказал он. — Но так же бесполезны и непокорные рабы. Я убью его, если он не оставит мне

иного выбора, однако у меня нет желания отнимать у него жизнь. Аркия — образец устойчивости к скверне, ведь он сумел зачать ребенка, хоть и провел в черных недрах корабля не один десяток лет. Я не глупец, Октавия. Для смертных он служит примером не в меньшей степени, чем его дочь. Его убийство принесет нам мало пользы и лишь настроит против нас команду. Покорность в людях следует воспитывать, устрашая их наказанием, а не бросая в глубины отчаяния, дабы сломить их дух. В первом случае мы получим преданных и усердных работников, которые будут трудиться, чтобы выжить. Во втором — пустую оболочку, от которой нам, хозяевам, не будет никакого проку.

В воздухе повисла неловкость. Талос буркнул:

— Это все?

— Что ждет нас в Мальстреме? Что такое Зрачок Бездны?

Талос мотнул головой.

— Увидишь своими глазами, если корабль продержится достаточно долго,

чтобы достичь дока.

— Значит, это док.

— Это... Октавия, я — воин, а не писец или сочинитель. У меня не хватает слов, чтобы воздать ему должное. Да, Зрачок Бездны — это док.

— Вы сказали «я — воин» так, словно это какое-то проклятие.

Прежде, чем продолжить, Октавия облизнула пересохшие губы.

— Кем вы хотели стать? — спросила девушка. — Я рассказала вам правду — я всегда мечтала о том, чтобы вести боевой корабль, и — к добру или к худу — судьба дала мне желаемое. А как насчет вас? Ничего, что я спрашиваю?

Талос снова рассмеялся тем же приглушенным смехом и постучал пальцем по оскверненному орлу на нагруднике.

— Я хотел стать героем.

В следующий миг он спрятал иссеченное шрамами лицо под череполиким шлемом, и на девушку бесстрастно уставились алые глазные линзы.

— А теперь погляди, что из этого вышло.

IX
ПОЛЕТ

Когда один из хозяев-Астартес явился той ночью на Черный Рынок, реакция была смешанной. Большинство застыли на месте, гадая, кто прогневал господ, и отчаянно соображая, не пришло ли время расплатиться за собственные прегрешения. Некоторые упали на колени в благоговении или приветственно склонили головы. Некоторые сбежали, едва заприметив во тьме блеск красных глазных линз хозяина. В основном это были заляпанные маслом рабочие с машинных палуб. Они врассыпную кинулись по коридорам, ведущим из общего

зала.

Их бегство осталось без внимания. Воин прошел сквозь расступившуюся толпу и остановился перед мужчиной, который торговал с прилавка обрывками белого полотна и небольшими амулетами, сплетенными из женских волос. Собравшиеся вокруг притушили фонари из уважения перед господином.

— Аркия, — прорычал воин.

Вокс-динамики превратили его голос в гортанный рев, вырывающийся из-за решетки шлема. Человек отшатнулся, пораженный ужасом. Только гордость и упрямство удержали его на ногах.

— Господин?

Воин медленным, рассчитанным движением потянулся к гладиусу в наголенных ножнах. Когда он снова выпрямился, клинок был в его руке, а взгляд алых линз все так же прикован к покрытому испариной лицу смертного. Астартес прорычал еще три слова:

— Возьми этот меч.

Талос швырнул гладиус на стол. Сталь зазвенела, безделушки посыпались во

все стороны. Клинок был длиной с предплечье смертного, а его серебристая сталь приняла янтарный оттенок в тусклом свете общего зала.

— Возьми его. Мне надо встретиться с техноадептом, и эта встреча откладывается, пока я нахожусь здесь. Мое терпение на исходе.

Дрожащими пальцами человек взялся за меч.

— Господин? — снова спросил он, и голос его задрожал.

— Клинок в твоих руках был откован на Марсе в ту эпоху, что уже давно стала мифом для большинства живущих в Империуме. Он отсекал головы мужчин, женщин, детей, ксеносов и зверей. Этими самыми руками я вогнал его в сердце человека, управлявшего целым миром.

Воин потянулся к поясу, с которого на короткой и толстой цепи свисал шлем Адептус Астартес. Одним рывком Талос сорвал шлем и бросил его на стол, где за несколько мгновений до этого лежал меч.

Красный керамит, покрытый царапинами и вмятинами. Зеленые

глазные линзы, растрескавшиеся и безжизненные. Шлем мертво и безмолвно уставился на Аркию.

— Этот шлем — все, что осталось от воина, убившего твою дочь, — сказал Талос. — Я сам прикончил его в схватке, бушевавшей на палубах во время нашего бегства с Крита. И когда это было сделано, я отрубил его голову тем самым мечом, который ты сейчас силишься удержать в руках.

Человек дернулся — он явно хотел опустить меч и положить его обратно на стол.

— Чего вы хотите от меня, господин?

— Говорят, что ты сеешь семена раздора среди смертной команды, что ты распространяешь слухи о проклятии, лежащем на этом корабле, и твердишь, будто все на его борту обречены на ту же участь, что твоя дочь. Это так?

— Знамения...

— Нет, — хмыкнул Талос. — Если хочешь дожить до конца нашего разговора, забудь о «знамениях». Ты будешь говорить правду или замолчишь навсегда. Итак, ты

распространяешь слухи о проклятии, лежащем на «Завете»?

Дыхание Аркии паром вырывалось изо рта в ледяном воздухе.

— Да, мой господин.

Воин кивнул.

— Хорошо. Я не сержусь. Рабам не запрещено испытывать чувства и иметь свое мнение, пускай и ошибочное, но только до тех пор, пока они выполняют свои обязанности. Какие у тебя обязанности, Аркия?

Пожилой человек отступил на шаг.

— Я... я просто чернорабочий, господин той. Я делаю то, что попросят другие члены команды.

Талос шагнул вперед. Его активированная боевая броня монотонно гудела. Звук резонировал, заставляя ныть зубы.

— И что же, остальные члены команды просят тебя убеждать их в том, что каждый из них проклят?

— Пожалуйста, не убивайте меня, господин.

Талос уставился на человека сверху

вниз.

— Я пришел сюда не затем, чтобы убить тебя, глупец. Я пришел, чтобы кое-что показать тебе, чтобы преподать тебе урок, который каждый из нас должен усвоить, чтобы не впасть в безумие от такого существования. — Талос кивнул на шлем и продолжил: — Этот воин убил твою дочь. Его клинок разрубил ее пополам, Аркия. Она умирала несколько секунд и, уверяю тебя, испытывала при этом куда более сильную боль, чем ты способен вообразить. Твоя жена тоже погибла во время атаки, так ведь? Пала от меча Кровавого Ангела? Если в тот последний миг она была с твоей дочерью, этот воин, скорее всего, убил их обеих.

Талос обнажил свой собственный меч. Клинок Кровавых Ангелов, длиной в рост человека, вырванный из мертвых пальцев убитого героя. Начищенный, с крыльями на рукояти артефакт был откован из серебра и золота — непревзойденно искусная работа, чью ценность не представлялось возможным измерить. Талос медленно и аккуратно опустил золотой клинок на

плечо смертного. Край лезвия почти касался шеи Аркии.

— Возможно, это и было последним, что они видели. Безликий воин, возвышающийся над ними. Клинок, готовый упасть, готовый разить, готовый оборвать их жизнь.

В глазах человека стояли слезы. Когда он моргнул, слезы потекли по щекам серебряными дорожками.

— Господин... — произнес он.

Всего лишь одно слово.

Талос прочел во взгляде несчастного вопрос.

— Я пришел, чтобы разрешить твои сомнения, Аркия. Я сделал все, что мог. Я разорвал ее убийцу на части. Я сохранил память о нем, я помню, как его кровь горчила на языке в ту секунду, когда я вонзил зубы в его сердце. Твоя дочь погибла, и ты вправе скорбеть о ней. Но вот перед тобой останки ее убийцы. Возьми меч. Разруби шлем. Утоли свою жажду мести.

Смертный наконец-то обрел голос.

— Я не хочу мести, господин.

— Нет?

Повелитель Ночи улыбнулся за наличником шлема, и не зажившие толком мышцы снова заныли. Несмотря на то, что он сказал Октавии, его лицо превратилось в маску непрерывной и изнурительной боли. Он даже подумывал о том, чтобы содрать с левой половины лица кожу, убить нервы и заменить покрытую шрамами плоть на аугметический протез. Он не понимал, почему до сих пор сопротивляется этой мысли.

— Если месть тебя не радует, — продолжил Талос, — тогда твои страдания не так уж сильны. Месть — это все, на что любой из нас может надеяться. Каждый раз мы зализываем раны и ждем, пока они перестанут болеть. Каждое существо на этом корабле, смертное и бессмертное, смирилось с этой истиной. Каждое, кроме тебя. Кроме тебя, настаивающего на том, что пострадал больше других. Тебя, который отстаивается шептать теням о своем несогласии, забывая, что в этой тьме

живут его хозяева. Тени нашептывают нам твои секреты, Аркия. Помни, маленький человечек, что на «Завете» с предателей живьем сдирают кожу.

Талос обращался уже не к Аркии. Воин развернулся и говорил с толпой, окружившей их, хотя слова его и предназначались для ушей пожилого раба.

— Так ответь мне: это эгоизм отчаяния заставил тебя нести изменническую чушь, как будто ты единственный потерял что-то бесконечно тебе дорогое? Или ты всерьез считаешь, что твои товарищи восстанут против легиона?

— Моя дочь...

Повелитель Ночи превратился в размытое пятно — проблеск движения, взвизг сервомоторов. В одну секунду он стоял лицом к толпе, спиной к Аркии, а уже в следующую держал рыдающего смертного за клок седых волос на макушке. Ноги мужчины беспомощно болтались в воздухе.

— Твоя дочь была одной из сотен, потерявших жизнь той ночью, — прорычал

Повелитель Ночи, — на корабле, который разваливается прямо у нас под ногами из-за полученных в бою повреждений. Ты хочешь, чтобы я извинился за то, что ее не защитил? Или это тоже ничего не изменит? Или эти слова — пускай и правдивые — будут столь же пусты и бесполезны, как месть? Разве они вернут ее к жизни?

Талос отшвырнул человека. Тот врезался в стол. Прилавок опрокинулся от удара.

— Мы потеряли десятки бойцов в ту же ночь, когда ты лишился своего ребенка. Десятки воинов, ступавших по земле Терры и видевших рухнувшие в пыль стены Императорского Дворца. Воинов, которые целую вечность сражались в безнадежной войне во имя возмездия. Мы потеряли сотни смертных. Каждый человек на борту потерял кого-то или что-то дорогое той ночью, но они молча проглотили свое горе и возложили надежды на месть. Только не ты. Ты обязан рассказать всем, что их потери ничего не значат по сравнению с твоими. Ты неистово

бормочешь о том, что каждый должен обмочиться в страхе перед неведомым будущим.

Талос вложил оба меча в ножны и покачал головой.

— Я скорблю о ее смерти, злосчастный отец, скорблю о том, что ее жизнь угасла, а вместе с ней и то, что она воплощала в этом аду. Я сожалею, что смог дать ей только покой отмщения. Но позволь мне выразиться предельно ясно. Ты живешь лишь потому, что мы разрешили тебе жить. Ты сделал свой первый вдох в империи, которую мы построили, и ты будешь служить нам, пока мы сдираем плоть с ее костей. Ненавидь нас. Презирай нас. Нам безразличны твои чувства. Мы не задумаемся о них, даже проливая свою кровь, чтобы тебя защитить. Но слушай меня внимательно, смертный. Не смей ставить свои потери выше чужих. Варп всегда находит путь в сердца глупцов. Нечистые мысли — призывный свет маяка для Нерожденных.

Толпа жадно смотрела. Талос повернулся и заглянул в глаза каждому из

рабов, одному за другим.

— Мы движемся по мрачным волнам, и я не собираюсь лгать никому из вас относительно того, что ждет нас в будущем. «Завет» истекает кровью и требует немедленного ремонта. Мы приближаемся к доку Зрачка Бездны — к месту, которое кое-кто из вас вспоминает без всякой радости. Когда мы причалим, вы останетесь запертыми в своих каютах — если, конечно, вас не призовут важные обязанности. Все, у кого есть оружие, должны постоянно носить его с собой.

Один из собравшихся, новый раб с Танга, выступил вперед.

— Что происходит?

Талос обернулся к человеку и смерил взглядом его небритую физиономию. Только тут Повелитель Ночи осознал, что говорит на нострамском. Половина команды состояла из новичков, и они не понимали мертвого языка.

— Проблемы.

Талос ответил на низком готике,ублюдочном языке Империума. С тех пор как на корабле появилась Октавия, воин

стал говорить на нем увереннее.

— Мы направляемся к гавани отступников в самом сердце имперского космоса и окажемся на месте через несколько часов. Есть вероятность того, что корабль попытаются взять абордажем, пока мы будем находиться в порту. Если это случится, защищайте «Завет» ценой собственной жизни. Восьмой легион — не самые добросердечные хозяева, но мы просто святые по сравнению с той швалью, с которой нам придется иметь дело. Помните это, если вас вдруг посетит мысль о побеге.

Талос приберег последний взгляд для Аркии.

— Ты, горемычный отец. Если посмеешь встать поперек дороги легиона с чем-то большим, чем горстка трусливых слов, я сдеру кожу и мышцы с твоих костей. Твой освежеванный скелет распнут прямо в центре этого зала в качестве предостережения для всех остальных. Кивни, если принимаешь эти условия.

Пожилой мужчина кивнул.

— Мудрое решение, — заключил Талос

и вышел из зала.

В тенях коридора он проговорил в вокс четыре слова:

— Первый Коготь, ко мне.

Он сидел, сжимая голову трясущимися руками и тихо покачиваясь взад и вперед, сидел посреди пустой комнаты, шепотом повторяя имена ненавистных ему богов.

Один из братьев позвал его сквозь затухающий и вновь нарастающий треск вокса.

— Я иду, — ответил Ужас, поднимаясь на ноги.

Он опустил огромный клинок и убрал палец с кнопки, позволив перемалывающим воздух зубьям утолкнуть. Пока воин вслушивался в призыв брата, мотор в рукоятке меча работал на холостом ходу. Под доспехами тело легионера омывал пот. Кожа чесалась, несмотря на то что влага быстро впитывалась в поглощающий слой комбинезона-перчатки.

— Скоро буду, — отозвался Ксарл.

Перо, царапающее пергамент, замедлило свой бег и наконец остановилось. Воин покосился на череполикий шлем, лежавший на письменном столе и следивший за ним немигающим взглядом. Затем неохотно опустил перо обратно в чернильницу. Пригоршня мелкого песка просыпалась на пергамент, чтобы просушить буквы. И только после этого Повелитель Ночи потянулся к микрофону вокса на вороте.

— Как прикажешь, — сказал Меркуций.

Он шагал по коридорам корабля, всматриваясь в темноту сквозь красное стекло линз и мерцающее белое перекрестье прицела. На дисплее сетчатки вспыхнула руна. Пиктограмма, обозначающая имя его брата, пульсировала, привлекая внимание воина. Он моргнул, открывая вокс-канал.

— Что-то случилось?

— Мы собираемся в Зале Памяти, — откликнулся голос Талоса.

— Звучит довольно уныло. По какому случаю?

— Прежде чем ты причалит, я хочу получить полный отчет о необходимых ремонтных работах.

— Я был прав, — отозвался Кирион. — Скука.

— Просто шагай туда.

Талос оборвал связь.

В Зале Памяти гудело эхо божественной машинерии. Сервиторы поднимали и переносили грузы, сверлили и стучали молотками. Каждый из них был облачен в черную робу с символом легиона — крылатым черепом на спине. У нескольких на лбу виднелись татуировки в виде нострамских иероглифов: так метили бывших рабов, совершивших незначительные преступления и приговоренных к существованию в качестве лоботомированных и аугментированных механизмов.

Десятки рабочих и сервиторов трудились у верстаков и длинных конвейеров, где производили болтерные

снаряды для воинов легиона, в то время как другие работали у настенных консолей, отыскивая неисправности и направляя ремонтные бригады в разные части корабля. В зале звенело эхо голосов, лязгающих инструментов и терзаемого металла.

Четыре громадных, обмотанных цепями и подвешенных к потолку саркофага виднелись у одной из стен. Лишь один из них оставался обернутым защитным коконом стазис-поля. Потрескавшаяся поверхность саркофага, скрытая голубоватой дымкой поля, была отреставрирована лишь наполовину.

Вместилища дредноутов содрогнулись при очередном рывке корабля, и цепи громко зазвенели. Внешняя оболочка каждого гроба была выкована из драгоценного металла и любовно украшена резьбой. За эту кропотливую и тонкую работу отвечал мастер, чье искусство намного превосходило те незамысловатые наладки, которыми занимались большинство рабов и оружейников.

Первый Коготь окружил

гололитический стол, стоящий в центре зала. Перед ними вращалось трехмерное изображение «Завета крови». Его терцающие контуры были испятнаны красными вспышками сигналов о повреждении. Проекция возникала и вновь исчезала при каждой судороге, сотрясающей корабль.

— Выглядит неважно, — заметил Кирион.

— Да, — прохрипел Люкориф, — совсем плохо.

Его присутствие в Зале Памяти оказалось неприятным сюрпризом для воинов Первого Когтя. Талос был совершенно уверен, что Вознесенный послал раптора, чтобы шпионить за ними.

— Техноадепт, — Талос обернулся к Делтриану, — мне нужен полный список необходимых ремонтных работ и материалов. Мне также необходимо знать, как долго «Завету» придется оставаться в доке на время ремонта.

Талос стоял рядом с Делтрианом напротив Ксарла и Люкорифа. Между тремя воинами было очень мало общего.

Пророк в боевой броне легиона, с оружием, вложенным в ножны, спокойно глядел на остальных. Его шлем лежал на краю стола. Люкориф не расстался со своей кровоточащей маской, — если говорить откровенно, Талос понятия не имел, может ли вообще раптор ее теперь снять, — и неловко наклонялся вперед, стараясь удержать равновесие на когтистых лапах. Ксарл тоже снял шлем и прикрепил к магнитному зажиму на бедре. По изрезанному шрамами лицу воина можно было, как по карте, прочесть трагичную повесть прошлых сражений. Он стоял в безразличной позе, переводя цепкий взгляд с Талоса на Люкорифа. Ксарл и не пытался скрыть заинтересованность — он чувствовал, как между двумя воинами зарождается соперничество, и пристально следил за обоими.

Делтриан ухмылялся, потому что ухмылялся всегда. Хромированный череп под капюшоном не мог принять другое выражение. Когда техножрец говорил, провода-вены и мышцы-кабели на его щеках и шее сокращались и растягивались. Его

синтетический голос был бесстрастным и монотонным, как у машины.

— Варп-двигатели за последние восемь месяцев подверглись повреждениям, не рекомендуемым техническими спецификациями, — тут Делтриан сделал паузу, направив взгляд зеленых линз на Люкорифа, — но они функционируют в допустимых границах.

Раздалось тихое шипение — это глазные имплантаты техноадепта увлажнились охлаждающим спреем из встроенных в слезные железы распылителей. Талос невольно покосился на Механикум. Воин старался удержать свое любопытство в рамках приличий, однако все время задавался вопросом, зачем техножрецу Механикум Марса понадобилось реконструировать свой облик по образу и подобию человеческого существа с ободранной кожей? Он подозревал, что дело тут в связи Делтриана с Восьмым легионом. Эта внешность, вызывающая страх в смертных, определенно ему подходила.

А может, все сводилось к религии.

Теперешний вид Делтриана соединял два аспекта — он показывал, как далеко техножрец продвинулся по пути ведущих к техническому совершенству изменений, и одновременно намекал на человеческое происхождение адепта Механикум.

Талос понял, что уже некоторое время беззастенчиво пялится на Делтриана. С виноватой улыбкой он снова перевел взгляд на гололитический экран.

Делтриан указал хромированной клешней на красные отметки, разбросанные по корпусу.

— Неисправные системы расположены в этих участках. Секции обшивки, нуждающиеся в капитальном ремонте, находятся здесь, здесь, здесь и здесь. Что касается внутренних систем, то Девятый легион серьезно повредил генераторы реальности. До настоящего времени проводимых на борту ремонтных работ хватало, чтобы поддерживать устойчивый полет в эмпиреях. Однако, если мы вскоре не встанем в док, чтобы провести капитальный ремонт генераторов реальности, предохранители будут

препятствовать активации варп-двигателей.

— И что это значит? — спросил Ксарл.

— Значит, что поле Геллера повреждено, — ответил Талос. — Варп-двигатели долго не протянут, если мы не починим генераторы щита.

— Да, — подтвердил Делтриан, оценивший безупречную точность формулировки.

Кивнув Легионес Астартес Один-Два-Десять, предпочтительное обращение — Талос, — техножрец завершил свою речь:

— Совершенно верно.

— Девятый... Кровавые Ангелы, — просипел Люкориф. — Больше не легион.

— Принято, — на мгновение склонил голову Делтриан. — Записано.

Кирион кивнул в сторону гололитического экрана.

— Поле Геллера повреждено?

Модуль голосовой передачи, встроенный в горло Делтриана, разразился треском машинного кода.

— Критически повреждено.

Временные наладки уже не спасают положения. Чем дольше мы пробудем в имматериуме, тем больше риск образования бреши.

Талос покачал головой, наблюдая за вращением гололитической проекции.

— Это займет недели. Может быть, даже месяцы.

Из глотки Делтриана вновь донеслась скороговорка машинного кода — мешанина цифр, перемешанная с треском статики. Из всего набора звуков, издаваемых техноадептом, это наиболее смахивало на ругательство.

— Неисправность варп-двигателя — не главная проблема «Завета». Смотрите.

Скелетообразные пальцы простучали по клавиатуре гололитического стола, вводя код. Изображение дрогнуло, и еще несколько участков корпуса замерцали красным. Когда ни один из воинов не сказал ни слова, Делтриан нетерпеливо рыкнул:

— Я повторяю — смотрите!

— Да, я вижу, — соврал Кирион. — Теперь все понятно. Но объясните это Узасу.

Талос бросил на брата яростный взгляд, оборвав его на полуслове.

— Просвети нас, техноадепт. Что мы тут видим?

Несколько секунд Делтриан просто смотрел на воинов, словно ожидая какой-то заключительной реплики. Не дождавшись, техножрец плотнее закутался в черный плащ. Серебряный череп скрылся в глубине капюшона. Талос никогда бы не поверил, что механический скелет способен выглядеть раздраженным, при этом сохраняя ухмылку на лице, однако так и было.

— Это статистический прогноз повреждений, которые мы получим за оставшиеся дни путешествия. Он основан на том, что турбулентность имматериума останется неизменной.

Талос провел кончиками закованных в перчатку пальцев по шрамам, расходящимся от виска. Воин не подозревал, что это бессознательное движение входит у него в привычку.

— Хватит, чтобы вывести корабль из строя.

— Почти, — согласился Делтриан. — Наш навигатор слаба и неопытна. Она бросает корабль в самые свирепые течения и ведет его прямо сквозь волны варпа, потому что не видит обходного пути. Представьте, какой ущерб проложенный ей курс наносит «Завету».

— Значит, она неумелый навигатор, — буркнул Ксарл. — Переходи к сути, техножрец.

— Если пользоваться нострамским жаргоном, навигатор вытряхнет из нас то дерьмо, что зовется жизнью. Корабль развалится на куски.

Делтриан выключил гололитический экран.

— Я объясню ситуацию предельно просто. До сего дня мы полагались на находчивость и воображаемую концепцию под названием «удача». Эти средства исчерпали себя. Раб три тысячи сто один, предпочтительное обращение — Октавия, своей некомпетентностью уничтожит корабль, если не сумеет договориться с машинным духом и не изменит технику навигации.

Раптор зарычал, втянув воздух сквозь решетку динамика.

Делтриан поднял хромированную конечность, предупреждая комментарий Люкорифа.

— Нет. Не прерывайте данную вокализацию. Есть еще кое-что. Мы доберемся до пункта назначения. Я говорю о будущих возможностях и проблемах. Она должна научиться управлять судном быстрее и искуснее, иначе при каждом путешествии сквозь имматериум «Завет» будет получать новые раны.

Талос ничего не ответил.

— Кроме того, — упорно продолжал Делтриан, — наш полет ускоряет износ нескольких жизненно важных систем. Вентиляции. Рециркуляции жидких отходов. Подзарядников, питающих батареи левого борта. Список можно продолжить. Наше судно получило столько повреждений в течение последнего стандартного солнечного года, что только тридцать процентов систем функционируют в рамках допустимых параметров. По мере того как мои

бригады сервиторов продвигаются вглубь корабля в ходе восстановительных работ, они обнаруживают новые неполадки и докладывают мне о них.

Талос кивнул, но по-прежнему молчал.

— Мне недостает опыта в считывании эмоциональных индикаторов с лиц, не подвергшихся аугментическому протезированию. — Делтриан склонил голову набок. — Кажется, вы испытываете эмоциональную реакцию. Какую именно?

— Он на тебя злится. — Узас облизнул клыки. — Ты обижаешь его ручного зверька.

— Я не понимаю, — признался Делтриан. — Я лишь говорю о фактах.

— Не обращай на него внимания, — сказал Талос, оглянувшись на Узаса. — Техножрец, я понимаю твою озабоченность, но мы работаем с тем, что у нас есть.

Люкориф, несколько минут хранивший молчание, разразился шипящим смехом:

— В самом деле, Ловец Душ?

Талос обернулся к раптору:

— Тебе есть что сказать?

— Разве не в этом отряде когда-то был воин, способный вести корабль через варп? — Люкориф передернулся и издал еще один свистящий смешок. — Да-да. Да, так и было.

— Рувена больше нет. Он теперь на поводке у магистра войны, и среди нас нет других колдунов. Вдобавок, ни один колдун не заменит навигатора, брат. Первые обладают знаниями, необходимыми, чтобы вести корабль по Морю Душ. Вторые для этого рождены.

Раптор фыркнул.

— У чемпиона Халаскера были колдуны. Многие из банд Восьмого легиона дорожат ими.

При этих словах Люкориф то ли резко кивнул, то ли его шейные мышцы скрутила очередная судорога.

— Они судачат о тебе, Ловец Душ. Талос из Десятой роты, воин с даром примарха, ни разу не заглянувший в тайны варпа. Сколько воинов легиона никогда не посягнут на дар нашего отца, не овладев прежде тайнами варпа? Но только не ты. Нет-нет, только не Талос из Десятой.

— Хватит. — Талос недобро прищурился. — Это бессмысленный разговор.

— Нет, не бессмысленный. Это правда. Ты слишком долго пробыл вдали от Великого Ока, Пророк. Тебя там ждут. Твои таланты следует тренировать. Колдовство — такое же оружие в этой войне, как похищенный тобой клинок и унаследованный тобой болтер.

Талос не ответил. Когда братья из Первого Когтя обернулись к нему, воина пробрал озноб.

— Это правда? — спросил Ксарл. — Заклинатели варпа из Черного легиона хотят заполучить Талоса?

— Истинная правда, — просипел Люкориф.

Кровоточащие глазные линзы его шлема смотрели немигающим взглядом.

— Магический потенциал сочится из Пророка, как черная аура. Ловец Душ, разве Рувен не хотел обучать тебя?

Талос пожал плечами.

— Я отказался. А теперь не могли бы мы перейти к более насущным...

— Я присутствовал при его отказе, — улыбнулся Кирион. — И скажу в защиту брата, что Рувен всегда, даже в лучшие времена, был дерьмоедом и злобным сукиным сыном. Я бы и оружия в бою ему не протянул, не говоря уже о том, чтобы позволить ублюдку превратить в оружие меня.

Люкориф пополз вокруг стола на когтистых лапах. Сопла двигателей покачивались у него за спиной в такт затрудненной походке. Несколько шагов он попробовал пройти на двух ногах — и сравнялся ростом с братьями по легиону, — но попытка явно его разочаровала. Вновь упав на четвереньки, он поковылял к опутанному цепями саркофагу, продолжая лениво разглагольствовать:

— А что насчет вас, Первый Коготь? Ксарл? Меркуций? Узас? Что вы думаете об этом странном упорстве Пророка? Каким он представляется вам сейчас, в новом свете?

Ксарл хмыкнул, ничего не ответив. Меркуций хранил обычное стоическое молчание и бесстрастную мину.

— Я думаю, — прорычал Узас, — что ты должен попридержать язык. Пророк выбрал свой путь, как и все мы, как и каждая живая душа. — Презрительно рыкнув в заключение своей речи, воин умолк.

Остальные, включая Люкорифа, уставились на него с нескрываемым удивлением.

— Довольно! — рявкнул Талос. — Хватит. Почтенный техножрец, прошу тебя, продолжай.

Делтриан продолжил, словно его и не прерывали.

— ...и неполадки в работе вспомогательных источников питания носовой батареи лазерных излучателей были обнаружены и зарегистрированы сорок шесть минут двенадцать секунд назад, по стандартному земному летоисчислению. Пятнадцать секунд. Шестнадцать. Семнадцать.

Талос обернулся к техножрецу.

— По-моему, вы пытаетесь сказать: «Нам крупно повезло, что этот корабль до сих пор не развалился на куски».

Делтриан неодобрительно застрекотал, выдав строчку машинного кода. Затем пояснил:

— Я бы никогда не озвучил свою мысль таким образом.

— Сколько времени понадобится, чтобы это отремонтировать? — спросил Ксарл. — Все это.

Капюшон Делтриана развернулся к воину. Из тени блеснули изумрудные глазные линзы и серебряная улыбка. Техножрец подготовил точные расчеты, но сильно подозревал, что Повелителям Ночи его дотошность не понравится.

— Если вся команда будет работать с восьмидесятипроцентной эффективностью, пять-точка-пять месяцев. — Подобная неточность причиняла ему почти физическую боль, но следовало сделать скидку на их слишком человеческий интеллект. — Восемьдесят процентов эффективности включают в себя вероятность болезней, травм, смертные случаи и некомпетентность работников.

— Проторчать в Зрачке Бездны пять

с половиной месяцев! Это слишком долго, — нахмурился Ксарл. — Что, если мы договоримся с Кровавым Корсаром и нам помогут его портовые рабочие? Заплатим за материалы и труд, вместо того чтобы вкалывать самим.

— Кровавый Корсар...

Талос смотрел на гололитический стол. Из-за колющей боли в висках голос воина звучал рассеянно.

— Идиотская кличка.

Кирион хмыкнул.

— От того, кого называют Ловцом Душ, это поистине суровый приговор.

Талос поскреб шрам на щеке, скрывая улыбку.

— Продолжай, техножрец.

— При участии рабочих Зрачка Бездны капитальный ремонт может быть завершен в пределах одного месяца.

— Простите за то, что вынужден это упомянуть, но нас там не особенно жалуют, — заметил Меркуций. — Вполне вероятно, что тиран запретит нам даже войти в док, не говоря уже о рабочих. И у нас недостаточно ресурсов для торга. Нам

необходимо все, что мы реквизировали с Танга.

— Просто скажи «сперли», — поддел его Ксарл. — «Реквизировали»? Что это вообще значит? Вы, вонючки с Городской Периферии, вечно скрываетесь за красивыми словами.

Меркуций ответил брату не менее яростным взглядом.

— «Прут» только человеческие отбросы из сточных канав Внутреннего Города. Мы ведем войну, а не грабим уличный ларек ради пригоршни медяков.

Поганая улыбочка Ксарла ничуть не увяла.

— Суровый выговор от богатенького сынка. Легко швыряться красивыми словами, если сидишь в креслице на верхушке шпиля и приглядываешь за преступным синдикатом, пока все остальные делают грязную работу. Когда парни с Периферии забредали в наш район, я их отстреливал. И наслаждался каждым их предсмертным воплем.

Меркуций втянул воздух сквозь сжатые зубы, не говоря ни слова.

Молчание длилось ровно 6,2113 секунды. Делтриан знал это, потому что, отсчитывая точное время, упражнял свои математические способности. В конце концов техножрец сам нарушил тишину, предприняв редкую попытку пошутить, — ему хотелось прекратить неуместную и непонятную свару.

— Если нам не позволят причалить, это, используя нестратскую лексику, будет большой... неудачей.

Слово плюхнулось в тишину, как камень в болото, и Делтриан немедленно ощутил неловкость. Техноадепт пожалел о том, что вмешался, и среагировал двумя способами. Во-первых, бессознательным человеческим жестом, которым смертные стараются отгородиться от тревоги и который странно смотрелся у полумеханического существа: он поплотнее закутался в плащ, словно защищаясь от холода. Конечно, ему не было холодно. Делтриан давно избавился от способности ощущать температуру поверхностью тела, оставив лишь термодатчики, встроенные в кончики пальцев. И во-

вторых, техножрец в ту же секунду стер слово «неудача» из кратковременной памяти, использовав функцию «удаление данных».

Тем не менее его экспромт оказался успешным. Талос улыбнулся и успокоил воинов тихой фразой:

— Братья, довольно. Даже техножрец Машинного Бога смущается при виде ваших семейных разборок.

— Как прикажешь. — Меркуций отсалютовал, ударив кулаком по нагруднику.

Ксарл изобразил пристальный интерес к гололитическому столу, но не прекратил ухмыляться.

— Люкориф? — позвал Талос.

— Ловец Душ?

— Пожалуйста, не называй меня так.

Раптор трескуче захихикал.

— Чего ты хочешь?

— Сообщи Вознесенному о расчетах техножреца и предполагаемых сроках ремонта.

— Так и сделаю, — выдохнул раптор, уже ковыляя к выходу из комнаты.

— Он мне не нравится, — буркнул Кирион.

Талос проигнорировал замечание брата и обратился к техножрецу:

— Не могли бы вы перенести все детали ремонтных работ на закодированный инфопланшет? Когда мы достигнем дока, я прослежу за тем, чтобы все делалось как можно быстрее.

— Принято.

Поколебавшись, Делтриан добавил:

— Но следует ли понимать вас так, что я не сойду с корабля в Зрачке Бездны?

— А вам бы хотелось? — нахмурился Талос. — Простите, я не подумал об этом. Если вы решите покинуть корабль, Первый Коготь будет сопровождать вас в качестве почетного эскорта.

— Позвольте озвучить мою благодарность, — ответил техножрец. — И, в дополнение к этому лингвистическому обмену, мне хотелось бы задать еще один вопрос. Ваша рука функционирует в приемлемой степени?

Талос кивнул.

— Да. Еще раз благодарю вас,

техножрец.

— Я горжусь этой работой, — ухмыльнулся ему Делтриан.

Впрочем, Делтриан ухмылялся всегда.

Марух покосился на погруженного в работу Септимуса. Свет лампы был тусклым, что подвергало испытанию и без того больные глаза Маруха, однако в последние недели чернорабочий с Ганга начал медленно привыкать.

— Что это? — Он поднял металлическую деталь размером со свой большой палец.

Септимус оглянулся на старшего раба. Верстак Маруха в их общей мастерской был завален сломанными сверлами, папками и промасленными тряпками. Поверх них лежал наполовину собранный болтерный пистолет. Септимус отложил помятую схему, которую до этого внимательно изучал.

— Подвеска. Для штурмового болтера лорда Меркуция.

Корабль снова вздрогнул.

— Какого?!.

— Нет.

Септимус отвел взгляд от встревоженной физиономии Маруха, уповая, что Октавия направит корабль в более спокойную зону.

— О чем бы ты ни собирался спросить, лучше не спрашивай. Просто работай.

— Послушай, Септимус...

— Я слушаю.

— Нас постоянно трясет. Даже больше, чем на грузовых транспортниках, а уж тамошнюю болтанку я хорошо помню. Может, что-то не в порядке?

Септимус ответил, невозмутимо глядя в глаза.

— И что ты собираешься делать? Вылезти наружу и залатать дыры в корпусе клейкой лентой? Вперед. Там миллионы монстров только и ждут, как бы разорвать в клочки твою душу. А мне, к сожалению, придется обучать кого-то другого.

— Как ты можешь быть таким спокойным? — Марух почесал щеку, оставив на коже пятно смазки.

— Я спокоен, потому что все равно ничего не могу сделать.

— Я слышал истории о том, как корабли пропадают в варпе...

Септимус снова вернулся к изучению схемы, хотя одну обтянутую перчаткой руку положил на кобуру с пистолетом.

— Поверь мне, никакие истории не сравнятся с правдой. Реальность намного хуже тех баек, которыми вас потчуют в имперском космофлоте. И сейчас совсем не время думать об этом.

«Завет» опять тряхнуло — на сей раз так сильно, что оба оружейника слетели со стульев. Крики с нижних палуб жуткой какофонией разнеслись по коридорам.

— Варп-двигатели снова отрубились, — выругался Марух, прижимая ладонь к окровавленному виску.

Падая со стула, он врезался головой в край верстака.

— Синфаллиа шар вор валл'велиас, — прошипел Септимус, поднимаясь с пола.

— Что это значит?

Второй раб запустил пальцы в волосы, откидывая с лица спутанные

пряди, и ответил:

— Я сказал: «Эта женщина угробит всех нас».

Октавия, устало поникнув в кресле, протерла закрытые глаза костяшками пальцев. Пот капал у нее со лба на палубу — тихое «кап-кап» редкого весеннего дождика. Девушка сплюнула, ощутив в слюне привкус крови. Око навигатора болело от слишком долгих усилий и чесалось от омывающего его соленого пота.

Со вздохом она вновь откинулась на спинку кресла. По крайней мере, «Завет» перестало трясти. Судя по прежнему опыту, в ее распоряжении от одного часа до трех, а потом Вознесенный вновь прикажет ей тащить корабль в варп. Это последнее сокрушительное падение из Моря Душ было куда хуже предыдущих. Через все еще не пресекшуюся связь с кораблем Октавия чувствовала панику команды, которая так и сочилась сквозь стальные стены. На сей раз пострадали люди. Она вывела корабль из варпа

слишком резко, хотя держалась до последнего, пока кровь чуть не закипела в жилах.

До нее донесся вопрос:

— Госпожа?

Девушка узнала голос и почувствовала, что говоривший совсем близко. Если она откроет глаза, то встретится взглядом с мертвой девочкой...

— Тебя здесь нет, — прошептала Октавия.

Мертвая девочка мягко погладила ее по колену. По спине навигатора побежали мурашки. Октавия отпрянула, вжавшись в кресло.

Открыть глаза оказалось необычайно трудно. На какую-то долю секунды третье око не желало закрываться, что доставило девушке странное удовольствие, а затем клубящиеся нецвета варпа сменились обычной чернотой. Человеческие глаза открылись с такой же неохотой. Ресницы слиплись от слез.

У ее трона на коленях стоял Пес. Его обмотанные повязками руки лежали у нее

на ноге.

— Госпожа? — почти проскулил он.

Пес. Это просто Пес.

— Воды, — ухитрилась выговорить она.

— У меня уже есть вода для госпожи, — откликнулся он.

Сунув руку под рваный плащ, служитель вытащил потертую фляжку.

— Вода теплая. Прошу прощения.

Она с усилием улыбнулась слепому уроду.

— Ничего, Пес. Благодарю.

Первый глоток был слаще медового нектара. Октавия почти видела, как прекрасная, сладостная влага оживляет ее усталые мышцы. На Терре она пила иноземные вина из хрустальных бокалов. А здесь готова была расплакаться от благодарности, получив глоток степлившейся, выцеженной неизвестно откуда воды из рук еретика.

Нет, она слишком устала, чтобы плакать.

— Госпожа?

Девушка протянула фляжку обратно.

— Что?

Пес беспокойно потер забинтованные руки и уставился на нее слепыми глазами.

— Вы летите с таким трудом. Я боюсь за вас. Вы потеете и стонете куда больше, чем Этригий, когда он вел корабль сквозь потаенные течения.

Улыбка Октавии стала более искренней. Девушка промокнула лицо повязкой.

— Наверное, он был куда лучшим навигатором, чем я. И гораздо опытнее. Я привыкла вести корабль в Свете Императора, а не во тьме.

Пес, похоже, обдумывал ее слова. Его иссохшие, зашитые нитками глаза смотрели ей прямо в лицо.

— С вами все будет в порядке? — спросил он.

В замешательстве она осознала, что все же не настолько устала, чтобы удержаться от слез. Беспокойство служителя тронуло ее, и уголки глаз подозрительно зачесались. Из всех осквернённых душ на этом корабле лишь он — презираемый всеми, уродливый человечек

— задал ей предельно простой вопрос. Тот самый, которого из-за свой дурацкой и упрямой вежливости избегал даже Септимус.

— Да, — сказала девушка, подавив желание заплакать. — Со мной всё...

Ее перебил приказ Вознесенного: «Всем членам команды, оставаться на местах. Подготовить варп-двигатель к возвращению в эмпирей».

Октавия тихо вздохнула и вновь закрыла глаза.

X
ЖИВОДЕР

Его называли Живодером, и не без оснований. Он не любил это прозвище, но и причин обижаться не находил. Имя просто появилось без всякого участия с его стороны, как и многое другое в его жизни.

Холодные глаза Живодера редко выражали какие-либо эмоции, кроме слабого интереса, а лицо было настолько худым, что казалось истощенным. Он работал, не снимая доспеха, так что несколько раз в день приходилось отмывать и вновь освящать многослойный керамит. Тряпка всегда оставалась

красной от крови, беспорядочным узором пятнавшей доспехи, — работа его к разряду чистых не относилась. Шлем его был белым, хотя Живодер редко носил его внутри станции.

— Живодер, — простонали рядом, — не дай мне умереть.

Вариил перевел холодные глаза на воина, распростершегося на хирургическом столе. От обожженной кожи раненого и спекшейся крови несло едкой вонью, а красные доспехи с бронзовой окантовкой превратились в обломки. Несколько секунд Живодер молча наблюдал за тем, как жизнь брата утекает сквозь сотни трещин.

— Ты уже мертв, — сообщил ему Вариил. — Просто твое тело еще с этим не смирилось.

Воин попытался негодующе крикнуть, но получился у него только слабый хрип. Он вцепился в громоздкую перчатку-нартециум на руке Вариила. Окровавленные пальцы зашарили по кнопкам и экранам, размазывая грязь.

— Прошу, не притрагивайся ко мне. —

Вариил осторожно освободил руку из пальцев умирающего. — Мне не нравится, когда меня трогают.

— Живодер...

— И пожалуйста, воздержись от ненужных просьб. Этим ты ничего не достигнешь.

Предплечье Вариила нависло над разбитым нагрудником воина. Измазанный кровью нартециум защелкал, проводя измерения. Сканер звякнул дважды.

— Ты получил тяжелые повреждения легкого и обоих сердец. Сепсис отравил твою кровь, и внутренние органы работают на грани отказа.

— Живодер... Прошу... Я хочу только служить нашему повелителю...

Вариил прижал кулак к потному виску воина.

— Я знаю тебя, Каллас Юрлон. Мы ничего не теряем с твоей смертью.

Тут он замолчал, но не для того, чтобы улыбнуться. Вариил не мог припомнить, когда он улыбался в последний раз. Точно не в минувшие десять лет.

— Желаешь обрести Мир Императора?

— Как ты смеешь издеваться надо мной? — Каллас попытался приподняться. Кровь сильней потекла из трещин доспеха. — Я... хочу говорить... с Владыкой Трупов...

— Нет. — Вариил сжал кулак. — Спи.

— Я...

В перчатке-нартециуме раздался писк поршня, вогнавшего адамантиевую иглу в висок и мозг воина. Каллас Юрлон немедленно обмяк, и Живодер аккуратно опустил его обратно на хирургический стол.

— Нет, тебе не удастся поговорить с лордом Гарреоном. Как я сказал, ты уже мертв.

Вариил разжал кулак, убрав кончики пальцев с пластины, встроенной в ладонь латной перчатки. Окровавленная игла втянулась обратно в паз на предплечье Живодера и замерла в капсуле с жидким антисептиком.

Вариил набрал короткую команду на клавиатуре нартециума, выдвинув из него

и активировав несколько более традиционных инструментов: лазскальпель, электропилу для костей и серебряные когти грудного зажима. Затем он занялся привычным делом, а именно: прижигал, резал, распиливал кости и отделял от них плоть. Как всегда, Живодер работал в полной тишине, неохотно вдыхая запахи паленого мяса и вывалившихся наружу кишок. Первый прогеноид отделился, потянув за собой комок липкой слизи. Слизь, изолирующая железу, клейкими нитями повисла между мешком с геносеменем и образовавшейся на его месте полостью.

Вариил опустил окровавленный орган в сосуд с химическим консервирующим раствором, а затем, переключившись на горло мертвого воина, повторил процедуру. На сей раз он работал быстрее, безжалостно кромсая труп. Сделав вертикальный разрез сбоку на шее, Живодер сунул туда пинцет. Плоть раздалась с влажным чавканьем, оросив стол кровью и обнажив внутренние ткани. Второй прогеноид оторвался от

сухожилия куда легче. С него свисало несколько порванных вен. Вариил поместил орган в тот же раствор и запечатал обе железы в стеклянном цилиндре с консервирующей жидкостью.

Затем, следуя мимолетному порыву, Живодер вновь активировал лазерный скальпель. Процедура не заняла много времени, и Вариил вскоре отделил от лица мертвого кожу. Ободранный труп стеклянно уставился в потолок.

Хирург медленно поднял взгляд от своей работы. Выражение его глаз осталось холодным и равнодушным, как и всегда. Теперь, когда дело было сделано, Живодер мог позволить себе отвлечься и обратить внимание на окружающее. Вокруг него бушевал разноголосый шум: вопли, стоны, клятвы и ругань, — и поверх всего витал неизменный, густой запах крови.

Вариил жестом подозвал двух рабов, прислуживавших в апотекарионе. На лицах их были выжжены Звезды Хаоса, а передники заляпаны кровавыми разводами. Аугментированные конечности позволяли

рабам перетаскивать трупы космодесантников, не снимая с них громоздкой боевой брони.

— Отнесите эту мертвечину в мусоросжигатель, — приказал Живодер.

Проводив служителей взглядом, Вариил поместил стеклянный цилиндр с его драгоценным содержимым в специальное хранилище, встроенное в набедренную броню.

И наконец Вариил сделал последнее, что оставалось, — продезинфицировал нартециум, сбрызнув его несколько раз антисептическим раствором, а затем, набрав в грудь воздуха, проговорил:

— Следующий.

Он знал, что за ним придут, и через несколько часов за ним пришли. Правда, пришли только двое, что немало удивило Живодера. Похоже, Каллас Юрлон пользовался куда меньшей популярностью среди своих братьев, чем предполагал Вариил.

— Здорово, — поприветствовал их Вариил.

Голос разнесся по коридору, но быстро заглох. Место они подобрали неплохое — здесь, в одном из запасных транспортных туннелей станции, услышать крики и выстрелы было практически некому.

— Живодер, — прорычал первый, — мы пришли за Калласом.

Вариил все еще не надел шлема, как и два брата, загородивших ему дорогу. Их ало-черная керамитовая броня была зеркальным отображением его собственной. Вариил всмотрелся в лицо каждому, особенно внимательно приглядываясь к ритуальным шрамам, изуродовавшим их черты. Оба изукрасили себя изображениями Звезды Хаоса.

Как характерно!

Вариил широко развел руки — воплощенное благодушие, если не считать того, что в глазах его не было и капли тепла.

— Чем могу услужить, братья?

Теперь уже второй воин выступил вперед, наставив на горло апотекария выключенный цепной меч.

— Ты мог спасти Калласа, — рявкнул

он, потаргивая налившимися кровью глазами.

— Нет, — солгал Вариил, — он был слишком близок к смерти. Я дал ему Мир Императора.

— Лжец! — расхохотался воин. — И предатель! Теперь ты оскорбляешь его память своими насмешками.

— Мы пришли за Калласом, — снова прорычал первый легионер.

— Да, по-моему, ты уже об этом упоминал. Я не глухой.

— Его дух преследует нас, требуя мести.

— Ну надо же!

Медленно, чтобы не спровоцировать братьев на нападение, апотекарий поднял руку и постучал пальцем по своему трофею — куску кожи, пришлепнутому к наплечнику. На двоих десантников безглазо уставилось плоское, вытянутое лицо Калласа Юрлона.

— Вот и он. Он вам очень рад. Видите, как разулыбался?

— Ты...

Если Вариил чего-то и не понимал в

своих братьях, так это их склонности — нет, их потребности — становиться в красивую позу. Каждый из них, похоже, считал себя главным героем собственной саги. Их ненависть была важнее всего; об их великих деяниях и чинимой против них несправедливости следовало распространяться на каждом углу.

Странная привычка.

Едва брат успел открыть рот, чтобы изрыгнуть очередную угрозу, как Вариил уже выхватил пистолет. Три снаряда угодили в грудь воина, усыпав коридор керамитовой крошкой и отшвырнув легионера к стене. Осколки застучали по светильнику на потолке, разбив его и погрузив узкий коридор в темноту. Когда цепной меч взревел, апотекарий уже сорвался с места.

Вариил несколько раз выпалил вслепую через плечо, прежде чем его генетически модифицированные глаза приспособились к темноте. Коридор озарился вспышками выстрелов и разрывов — вторая порция снарядов нашла цель. На бегу апотекарий перезарядил оружие,

вогнав в пистолет новую обойму. Он быстро миновал три поворота. За последним углом остановился и вытащил свой разделочный нож.

— Живодер! — орал второй воин.

С каждой секундой грохот его шагов приближался. Вариил сузил глаза, вглядываясь во мрак и крепко сжимая оружие.

Брат обогнул угол и напоролся на нож Вариила, вонзившийся прямо в мягкий горловой доспех. Захрипев и захлюпав, воин по инерции пролетел еще пару шагов и грянулся об пол под скрежет керамита и гул сервомоторов.

Вариил подобрался ближе, держа голову брата на прицеле. Увидев, что происходит, апотекарий удивленно распахнул глаза. Легионер ухитрился подняться на четвереньки и сейчас медленно вытягивал нож из горла, перемежая рывки затрудненными беззвучными вздохами. Подумать только, какая стойкость!

— Твои голосовые связки порваны, — сообщил Вариил. — Так что брось

попытки меня проклясть. Это просто нелепо.

Воин снова попробовал встать. Этому положила конец рукоять пистолета, врезавшаяся ему в макушку и с влажным треском расколовшая череп. Вариил прижал дуло пистолета к затылку упавшего брата.

— И к большому своему счастью, я избавлен от необходимости выслушать твои идиотские предсмертные речи.

Вариил сплюнул на доспех брата, и кислота немедленно начала проедать выгравированный там сжатый кулак — эмблему Красных Корсаров.

— Ты не подумай — никакого символизма, — сказал апотекарий обреченному воину и нажал на спуск.

Лорд Гарреон был из тех воинов, что, согласно бадабской поговорке, с улыбкой носят свои раны. В его случае выражение не стоило воспринимать слишком буквально. Главный апотекарий Красных Корсаров улыбался так же часто, как и его любимый ученик. Суть заключалась в том,

что он не пытался избавиться от полученных в битвах увечий с помощью бионических протезов. В результате лицо Гарреона напоминало горный склон, изъеденный полосами лавы, а хирургические шрамы делали его и без того уродливую физиономию еще неприглядней. Мышцы на правой стороне лица, особенно на виске и щеке, отмерли, стянув кожу и скривив рот в вечной усмешке.

— Вариил, мальчик мой.

Голос Гарреона, в отличие от лица, так и сочился добротой. Этот тон любящего дедушки шел вразрез с приказами о тысячах убийств, которые произнесли в свое время губы стареющего воина.

Вариил не обернулся на приветствие. Он остался стоять там, где стоял, вглядываясь сквозь наблюдательный купол в дымную пустоту и вращавшийся внизу мир. Мимо проплывали призраки — немногим больше, чем клочки бесформенного тумана, смутные контуры лиц и ищущих, но не находящих добычи

рук. Вариил не обращал на них внимания. Стенания павших душ его не интересовали.

— Приветствую вас, сэр, — ответил он.

— Почему так формально?

Гарреон подошел ближе. При каждом шаге воина на его броне позвякивала целая коллекция пузырьков, талисманов и святотатственных амулетов. Вариилу был отлично знаком этот звук. Воистину лорд-апотекарий проникся любовью к пантеону Хаоса не меньше, чем остальные братья ордена.

— Мои мысли блуждают, — признался младший воин.

— И куда же они направили свои стопы? К миру, вращающемуся у нас под ногами? — Гарреон замолчал, чтобы облизнуть подрагивающим языком губы. — Или к двум трупам во вспомогательном туннеле номер одиннадцать?

Глядя на черноту за стеклом, Вариил сузил глаза.

— Они из новых рекрутов, — ответил апотекарий. — Слабые. Бесполезные.

— Ты не извлек прогеноиды, — заметил его наставник. — Лорд Гурон будет крайне недоволен.

— Ничего ценного мы не утратили, — возразил Вариил.

Он отошел от края наблюдательной платформы и пересек ее, встав с другой стороны. Отсюда открывался лучший вид на грозовой, клубящийся варп и саму металлическую громаду станции, протянувшуюся на километры во всех направлениях. Вариил несколько минут наблюдал за прилетом и отлетом десятков крейсеров и комариной пляской малых кораблей, льнувших к более крупным судам. Боевые корабли кружились по орбите станции или оставались пристыкованными к причалам. Огни транспортных челноков расцветили ядовитую туманность мерцающими звездами, несущимися к станции или от нее.

— Вдохновляет, не так ли? — после долгого молчания проговорил Гарреон. — Подумать только, ведь когда-то мы владели всего одним миром. А сейчас в

наши ласковые коготки угодили десятки звездных систем. Миллиарды жизней. Триллионы. Вот оно, мальчик, истинное мерило власти: количество душ, которые ты сжимаешь в горсти, и количество жизней, которые можешь оборвать единым словом.

Вариил буркнул в ответ что-то неопределенное, а затем добавил:

— Я чувствую, что у вас есть новости, наставник.

— Так и есть. И они касаются твоих последних расточительных выходок. — Вариил уловил в тоне Гарреона дидактические нотки. — Наш господин желает получить геносемя. Полные закрома геносемени, чтобы влить как можно больше свежей крови в наши ряды. Он вскоре приступит к осаде. Мы готовились к этой битве два года. Он велит всем своим ваятелям плоти быть наготове.

Вариил покачал головой.

— Мне с трудом верится, что лорд Гурон всерьез решился на эту авантюру. Он не бросит жизни Корсаров на ветер.

Апотекарий махнул в сторону флотилии крейсеров, дрейфующих вокруг станции. Многие из них несли красно-черную броню Корсаров тирана, а раскраска других указывала на принадлежность к иным орденам-отступникам. Но большая часть флота состояла из имперских боевых судов. Их обшивку оскверняло нечистое клеймо — Звезда Хаоса.

— У лорда Гурона хватит сил, чтобы сокрушить хребет любой из армад Священного Флота, — добавил Вариил. — Но этого недостаточно, чтобы осадить крепость-монастырь. Нас уничтожат в ту же секунду, когда ты выйдет на орбиту. Представьте, наставник: все эти великолепные корабли превратятся в горящие остовы, с ревом рушащиеся в атмосферу. — Вариил фыркнул без грамма веселья. — Из них получится впечатляющее кладбище.

— Ты не генерал, мальчик мой. Ты косторез, ты ваятель плоти. Когда нашему повелителю понадобится твое мнение о его крестовых походах, он,

несомненно, попросит тебя высказаться. — Усмешка Гарреона стала еще более кривой. — Но я бы на твоем месте не стал с замиранием сердца ждать этого дня.

Вариил склонил голову и наконец-то взглянул в глаза учителю.

— Прошу прощения. Сегодня мое чувство юмора разыгралось не в меру. Что от меня требуется, господин?

Гарреон покровительственно кивнул ученику, мгновенно простив его и выкинув из головы неприятный разговор.

— Лорд Гурон нас не призывал, но мы пойдем к нему, не дожидаясь приказа.

Вариил отлично знал зачем — еще до того, как задал вопрос.

— Боль терзает его?

— Его всегда терзает боль. — Гарреон опять облизнул губы. — Ты знаешь это не хуже меня. Но пойдем — вновь облегчим ее на время, если сумеем.

Люфгт Гурон восседал на своем резном троне. Бронированные кулаки сжимали подлокотники. Огромный готический зал был пуст, если не считать

самого тирана: всех придворных, служителей, телохранителей и просителей отослали прочь, пока апотекарии занимались делом. Вариил не раз оказывался свидетелем того, как просторный зал заполнялся сотнями воинов — притом что эта космическая станция была далеко не самой большой и роскошной из цитаделей его повелителя. Теперь по пустой комнате носились лишь отзвуки хриплого дыхания Гурона и тройное гудение доспехов отступников.

— Гарррлллллллтттнннууу, — прохлюпал тиран. — Гарреллллтттх.

— Тише, величайший, — ответил лорд-апотекарий, копавшийся в черепе Гурона. — Вздохнув, он добавил: — Я откорректирую синаптические соединения. Опять.

Вариил скорчился рядом с железным троном, работая в горле тирана скальпелем и микропинцетом. С каждым судорожным вдохом гидравлика, заменявшая шейные мышцы Гурона, лязгала и клацала. То немногое, что осталось от плоти, — атрофировавшееся,

почти лишенное нервных окончаний месиво — бугрилось рубцами шрамов и деформировалось настолько, что к нему невозможно было приживить искусственную кожу. Много лет назад тиран получил травмы, почти несовместимые с жизнью. Механические имплантаты, которые поддерживали его существование, были грубыми, жуткими на вид и шумными... но действенными.

Однако они отличались скверным нравом.

Память Вариила, как и у всех смертных, вознесшихся до ранга Адептус Астартес, была настолько близка к абсолютной, насколько позволяли ограничения человеческого разума. По его подсчетам, он уже в семьдесят восьмой раз налаживал аугментические протезы своего повелителя — и это не считая первоначальных операций по спасению жизни тирана, которые он провел совместно с Гарреоном и двумя технодесантниками.

Те первые операции больше походили на работу инженера, чем хирурга. Тело

Гурона на треть превратилось в мешанину обугленного мяса и сожженных костей, и апотекариям пришлось отрезать еще больше, чтобы подготовить разъемы для сложной бионики. Правая часть его тела теперь целиком состояла из изощренных механизмов Машинного Культа: волокна искусственных мышц, поршни суставов и металлические кости, прикрепленные изнутри к доспеху.

Вариил собственными глазами видел показания биодатчиков как в тот первый раз, так и во все последующие. Болевые ощущения, зарегистрированные в мозгу Гурона, выходили далеко за пределы человеческой выносливости. Лорд Гарреон или Живодер прижигали синаптические соединения, притупляя чувствительность повелителя к боли, но это помогало лишь на несколько месяцев. Генетически модифицированный организм справлялся с повреждениями, и восстановившиеся нервные окончания вновь начинали подавать сигналы болью. Лекари не могли предложить никакого постоянного решения, за исключением лоботомии, а

лоботомия необратимо повредила бы немногие оставшиеся мозговые ткани.

Так что Гурон терпел. Терпел, мучился и в горниле этих мучений ковал свои пиратские амбиции.

Сейчас горло и грудь тирана были обнажены. Когда апотекарии сняли нагрудник, стали видны внутренние органы, больше напоминавшие покрытые грязной смазкой детали машины, чем человеческие внутренности. То, что осталось от лица Гурона, — серые, омертвевшие участки плоти, еще не уступившие места бионическим протезам, — подергивалось в судороге в ответ на манипуляции Гарреона.

Гурон со свистом втянул воздух и нити слюны, свисавшие с его губ.

— Лучше, — прорычал он. — Лучше, Гарреон.

Вариил использовал стальной скальпель, чтобы убрать кусок кожи, застрявший между железными зубцами одного из механизмов в горле тирана. Призвав на помощь терпение и синпластырь, он заделал прореху в плоти и

склеил края. Взгляд апотекария метнулся вверх и замер, встретившись со взглядом Гурона. Глаза тирана горели всепожирающим огнем честолюбия: каждый миг его жизни был окрашен мучительной болью, но каждый прожитый день Гурон властвовал над империей, раскинувшейся в самом сердце безумия.

— Вариил, — басовито проворчал повелитель, — я слышал, что К-каллас Юрлон умер сегодня на твоем с-столе.

Горловые спазмы прерывали его речь всякий раз, когда Гарреон поворачивал скальпель.

— Это так, милорд.

Гурон обнажил зубы в яростной усмешке. Взгляд Вариила был прикован к нему — к воину, которому следовало давным-давно умереть, к существу, которому ненависть помогала выжить не меньше, чем бионические протезы. Если бы речь зашла о любом другом человеке, апотекарий посчитал бы такую фразу идиотской гиперболой, попыткой создать легенду на пустом месте. Но Люфгт Гурон, тиран Бадаба, известный под

именами Черное Сердце и Кровавый Корсар, сам был живой легендой. Империя под его владычеством гарантировала ему черную славу; завоевания обеспечили ему место в истории; и с биологической точки зрения Живодер совершенно не понимал, как тиран ухитрялся существовать, не говоря уже о том, чтобы проявлять такое мастерство в сражениях.

Ответ был равно горек и фантастичен: орден Астральных Когтей сумел выжить и превратиться в Красных Корсаров лишь потому, что Гурон продал их души тайным хозяевам варпа. В чернейший час ордена он поклялся в верности Темному Пантеону и обещал богам Хаоса выступить в вечный крестовый поход против Империума, которому Астральные Когти некогда верно служили.

После того как оставшиеся воины ордена бежали в Мальстрем, мутации распространились в их геносемени со скоростью чумы. Вариил изучал этот процесс, так же как и лорд Гарреон и прочие выжившие апотекарии. Всего за

пару веков многие из Красных Корсаров подверглись не меньшим генетическим изменениям, чем воины из предательских легионов, обитавшие в Оке Ужаса тысячелетиями.

«Превосходная сделка, — уже в который раз мрачно подумал Вариил. — Выживание за счет потери собственной сущности».

— Каллас уже почти заслужил мантию чемпиона. Ты мог спасти его, Вариил.

Живодер не стал тратить время на то, чтобы выяснить, откуда лорд Гурон узнал правду.

— Возможно, мой господин. Я не стану врать и утверждать, что он мне нравился, но я исполнил свой долг. На одной чаше весов была его жизнь, на другой — предстоящая мне работа. Для того чтобы Каллас выжил, мне пришлось бы выделить несколько часов на сложную хирургическую операцию. Это обрекло бы на смерть других воинов, нуждавшихся в немедленной помощи.

По телу Гурона пробежала судорога —

Гарреон, завершив операцию, установил на место черепную пластину.

— Благодарю вас. Вас обоих. Вы снова хорошо потрудились.

Оба апотекария спустились с тронного возвышения. Гурон встал на ноги. Когда повелитель Корсаров удовлетворенно вздохнул, чеканная силовая броня отозвалась жужжанием и гулом. Огромная силовая клешня, заменявшая тирану правую руку, сжалась и разжалась. Изогнутые когти тихо скрипнули в стылом воздухе зала. На ладони Вариил заметил Звезду Пантеона, вырезанную в алом керамите. Знак, как и всегда, притягивал взгляд апотекария.

— Три часа назад меня известили, что на северных подступах появились незваные гости.

Когда Гурон повернулся, далекий свет солнца отразился от хромированных участков его черепа.

— Корабль легиона. Как бы ни было соблазнительно приказать одной из наших флотилий превратить их в обломки, я надеюсь получить от этих визитеров

большую пользу.

Ухмылка лорда Гарреона не дрогнула ни на секунду. Вариил молчал, пытаясь понять, зачем тиран заговорил об этом в их присутствии.

— Похоже, — лорд Гурон обнажил в смешке железные зубы, — что им нужно убежище и помощь. Их запрос о допуске на нашу территорию сопровождался длинным списком необходимых материалов и ремонтных работ. Они прибудут через две недели, после чего мы обсудим стоимость наших услуг.

— Кажется, вас это забавляет, милорд, — сказал Вариил. — Но я не понимаю почему.

Гурон хмыкнул. Слюна клейкими нитями протянулась между двумя рядами его стальных зубов.

— Потому что это «Завет крови». Если Вознесенный и его Пророк намерены покинуть Зрачок Бездны в целости и сохранности, не говоря уже о ремонте их драгоценного корабля, им придется очень старательно вылизать мои сапоги.

XI
МАЛЬСТРЕМ

«Завет крови» дрейфовал сквозь бурливый мрак. Его уже не терзали штормa истинного варпа, но корабль все еще подрагивал в более спокойных течениях того...

...того, чем являлось это место. Октавия не была уверена. Она подняла руку и притронулась к повязке на лбу, чтобы удостовериться, что полоска черной ткани все еще скрывает око.

Ей, дочери навигаторского Дома, знакомы были пути, которыми Море Душ проникает в материальный мир. Прорехи

в пространстве встречались редко, но все они были уродливыми и опасными язвами на теле реальности — гибельными рифами звездной навигации. Каждый навигатор, желавший сохранить в целости свой корабль и рассудок, старался избегать их любой ценой. Здесь варп и реальное пространство сливались, отрицая все природные законы: слабое подобие первого, наложившееся на искаженную, зловещую проекцию второго.

Они уже миновали несколько планет в трех звездных системах. Океаны одной из планет кипели — это было видно даже с орбиты. Сверхъестественные шторма исказили облик этого мира, а с небес на континенты лилась кислота, кровь и моча.

Само пространство было заражено. Девушка наблюдала за панелью экранов, вмонтированных в стену перед ее креслом. Тысячи оттенков красного и фиолетового клочьями тумана жались к объективам внешних камер. Ведьминское варево за бортом клокотало и переливалось, как пятна мазута на воде: две

несмешивающиеся жидкости бурлили в одном сосуде. Человеческому глазу эта безумная пляска цветов представлялась кисельным туманом — настолько густым, что корабль при соприкосновении с ним содрогался, и настолько прозрачным, что в нем проступали далекие огоньки звезд.

Если она всматривалась достаточно долго, то начинала различать руки и лица: кричащие, текущие, тянущиеся и вновь растворяющиеся в небытии. Некоторые казались до боли знакомыми. Девушка могла поклясться, что на какую-то секунду увидела Картана Сайна — последнего капитана, под чьим началом она служила. И не единожды из рябящего месива проступало лицо ее старшего брата, Ланника, чей корабль, направлявшийся к Восточной Границе, сгинул шесть лет назад в варпе.

— Зачем вы смотрите, госпожа? — спросил один из служителей.

Она оглянулась на беднягу — неестественно длинного, костлявого и бесполого в своей мантии, с лицом, обвязанным грязными бинтами. Еще

несколько служителей маячили у двери, перешептываясь друг с другом. В воздухе висел липкий запах их пота, окровавленных повязок и гниющей смазки бионических протезов.

— Потому что, — ответила она, — это похоже на варп, но... я могу видеть его человеческими глазами.

Как объяснить разницу тому, кто не был рожден навигатором? Невозможно.

Один из служителей придвинулся ближе.

— Госпожа... — пробормотал горбун.

— Привет, Пес. Ты не мог бы избавиться от остальных?

Она не стала говорить, что дело в запахе, — Пес и сам отнюдь не благоухал как майский цветник, да и она мылась в последний раз неизвестно когда.

Пока Пес прогонял остальных служителей из комнаты, Октавия вновь перевела взгляд на экраны. Корабль проходил мимо планеты, в небе которой не было облаков, а поверхность смахивала на ржавое железо. Как бы этот мир ни выглядел раньше, Мальстрем извратил

его, — казалось, сделанные из металлолома континентальные платформы вгрызаются друг в друга. Октавия смотрела на огромные каньоны, прорезавшие лицо планеты, размышляя, каково было бы прогуляться там, внизу.

— Коршия сей, — произнес женский голос у нее за спиной.

В мгновение ока она слетела с трона, развернулась и вытащила пистолет, целясь в...

— Интересное приветствие, — заметил Септимус.

Он опустил руки на пояс с кобурами, засунув за кожаный ремень большие пальцы.

— Я опять нечаянно рассердил тебя?

— Сколько ты там стоял? — Октавия сузила глаза. — Когда ты вошел?

— Пес только что впустил меня. Он снаружи с Марухом и остальными из твоего «нишаллита» общества.

Это слово она, как ни странно, знала. Нишаллита. Ядовитый.

Септимус подошел ближе, и девушка позволила ему забрать пистолет у нее из

рук. Он стоял так близко, что Октавия различила запах пота и железистый душок смазки, которой Септимус протирал оружие Первого Когтя. Положив пистолет на сиденье трона, оружейник взял ее руки в свои. Потрепанные кожаные перчатки накрыли ее бледные, неухоженные пальцы.

— В чем дело? — спросил он. — У тебя очень холодные руки.

Септимус был на голову выше Октавии, и, чтобы заглянуть ему в глаза, девушке пришлось смотреть снизу вверх. Падающие в беспорядке пряди его волос почти закрыли аугметические протезы на щеке и виске.

— На этом корабле всегда холодно, — ответила она.

Было трудно отвлечься от того, как близко он подошел.

Никто не подходил так близко к ней уже долгие месяцы — с тех пор, как Талос вынес ее из тюремной башни. И в тот раз она ощущала лишь усталое облегчение, ничего больше. Теперь же рядом с ней стоял настоящий человек, от которого

струилось живое тепло, — не гигантский фанатик в рычащей броне и не горбатый мутант с зашитыми нитками глазами.

— В чем дело? — спросил он.

Подбородок раба порос светлой щетиной — не брился последние два дня. Тревога отрачала его черты. И снова, уже в который раз, девушка невольно подумала, что могла бы назвать его красивым, не будь он еретиком, не теки в его венах чернота этого корабля.

— Я не привыкла к тому, чтобы меня трогали.

Октавия склонила голову, не замечая, как неприступно сейчас выглядит. Десятки поколений благородных предков, хоть и остались позади, никуда не исчезли.

Септимус отпустил ее руки, хотя и не сразу. Пальцы раба медленно разжались, и тепло, которое он принес с собой, ушло.

— Прости меня, — сказал он. — Иногда я забываю о твоем происхождении.

— Только это и заставляет меня мириться с твоим присутствием, — улыбнулась девушка. — Что ты сказал, когда вошел?

Момент был нарушен. Септимус сузил здоровый глаз, и аугметическая линза зажужжала, пытаясь скопировать движение.

— Я ничего не говорил. Я вошел и просто смотрел. Ты в кои-то веки выглядела спокойной. Мне не хотелось мешать тебе.

— Коршиа сей, — тихо проговорила она. — Что это значит?

— Это значит «остерегайся», — ответил Септимус. — Или, если переводить более дословно, это угроза на жаргоне родного мира легиона. Предупреждение тем, кто вскоре умрет: «Дыши сейчас». Объяснить значение просто: дыши, пока можешь.

— Да, я поняла. — Она изобразила улыбку. — Очаровательная культура.

Септимус пожал плечами, прошуршав тканью куртки.

— Угрозы нострамских головорезов. Хозяева часто их произносят. Ты слышала это от кого-то из команды?

— Перестань волноваться. — Девушка мотнула головой, наградив его настолько

сердитым взглядом, насколько способна была изобразить. — И убери руки с пистолетов. Я не девчонка, которую надо защищать на школьной игровой площадке от всякого, кто начнет ее обзывать.

Септимус отвел глаза, смущенный ее словами.

— Я ничего такого не подразумевал.

— Все в порядке, — сказала девушка, хотя тон ее говорил как раз об обратном. — Просто забудь.

— Как прикажешь. — Он склонил голову в учтивом поклоне. — Чувствую, что ты хочешь остаться одна, и подчиняюсь этому желанию.

— Подожди!

Он замер. Октавия прочистила горло.

— Я имею в виду, подожди минутку. Ты чего-то хотел? Теперь ты редко сюда заходишь.

Девушка постаралась отпустить последний комментарий небрежно, убрав из голоса все оттенки.

Усилия ее увенчались лишь частичным успехом. Октавия поняла это по тому, как Септимус взглянул на нее.

— Вознесенный велел не беспокоить тебя, — сказал раб. — И я выполнял свои обязанности. Надо было обучить Маруха. У нас на руках пять комплектов брони, требующих починки, и еще оружие Первого Когтя.

Октавия отмахнулась от его извинений.

— Так ты чего-то хотел?

Оружейник нахмурился.

— Прости, но я не понимаю, почему ты так враждебно настроена этой ночью. Я хотел повидать тебя, ничего больше.

Септимус сунул руку в карман куртки и задержал ее там. После неловкой паузы он поинтересовался:

— Как ты себя чувствуешь?

Значит, он собирается продолжать в том же духе. Как типично! Последнее, что ей сейчас надо.

— Ты не мог бы просто расслабиться? Хоть раз? Не уверена, что способна вынести твои формальные любезности нынешней ночью, Септимус. Мне нужен друг, а не очередной дрессировщик. Так что выбери, кто ты, и держись выбранного

курса.

Септимус сжал зубы, и девушка ощутила чуть неловкую радость победы. Она угодила в яблочко.

— Это не формальность, — ответил раб. — Это называется «уважение».

— Формальность или уважение, мне больше нравится, когда ты оставляешь его за дверью. — Натянуто улыбнувшись, она собрала волосы в хвост. — Ты в последнее время смотрел в окно? Метафорически выражаясь.

— Я стараюсь не смотреть. Тебе, возможно, следует поступать так же.

Вместо того чтобы пуститься в объяснения, Септимус обошел комнату. Раб переступил через брошенную на пол одежду и комки смятой бумаги — свидетельства ее многочисленных и неудачных попыток вести дневник.

— Когда ты в последний раз прибиралась? Похоже, ты тут безуспешно сражалась с торнадо.

— Все не так плохо.

— По меркам загонов для рабов, да, это практически дворец принцессы.

Вытащив руку из кармана, Септимус что-то швырнул девушке.

— Это тебе.

Октавия поймала подарок обеими руками. Крошечный сверток, не длиннее ее мизинца, обмотанный голубой тканью. Лоскуток материи, похоже, оторвали от униформы рабов легиона. Девушка покосилась на Септимуса, но тот деловито выключал две дюжины ее настенных экранов, один за другим. Октавия медленно развернула подарок.

На ее ладони лежало кольцо. Легкий ободок из нежно-кремовой кости, с вырезанными на нем миниатюрными и изящными нострамскими рунами.

— Ох! — сказала она, внезапно растеряв все слова.

Октавия не понимала, что должна чувствовать: удовольствие, удивление или смущение. Единственное, что девушка могла сказать определенно, — она чувствовала всё разом.

— Это в благодарность, — Септимус выключил последний экран, — за Крит. За то, что помогла нам бежать, хотя могла

бы и убить.

— Ох! — повторила она.

— Я выменял его, разумеется, — сказал раб, — на Черном Рынке.

Септимус вновь подошел к ней и встал рядом с троном.

— Они очень редкие. Из этого материала трудно вырезать украшения. Только тот, у кого есть доступ к станку, может изготовить их.

Девушка покрутила кольцо в руках. Мелкие нострамские руны она прочесть не смогла.

— Из чего оно сделано?

— Из кости. Кости Кровавого Ангела — одного из врагов, убитых на борту.

Октавия вновь подняла голову и взглянула ему в лицо.

— Ты купил мне подарок, вырезанный из костей героя Империума.

Она произнесла это без вопросительной интонации и без улыбки.

Септимус, однако, улыбнулся.

— Ну, если ты это так формулируешь...

— Я не хочу его.

Девушка протянула кольцо Септимусу. Встретившись с ним взглядом, она покачала головой.

— Ты невероятный придурок, и... и притом еретик.

Оружейник не взял кольцо обратно. Он просто отошел в сторону и ткнул носком ботинка груду мусора.

— Все обвинения справедливы.

Позволив гневу взять над собой верх, девушка неосторожно выпалила:

— Ты что, собирался впечатлить меня этим?

Септимус недоуменно воззрился на нее.

— Впечатлить? Для чего?

Она смерила его негодующим взглядом.

— Ты знаешь для чего.

Его смех разозлил Октавию еще больше.

— Так ты серьезно? — проговорил раб и снова расхохотался.

— Пошел вон, — сказала она, скупо улыбнувшись, — пока я тебя не пристрелила.

Он и не подумал уходить. Оружейник подошел к Октавии, взял ее руку в свои, медленно, осторожно поднес к губам и поцеловал давно не мытые костяшки пальцев. Поцелуй был мягок, как прикосновение ветерка.

— Все не так, как тебе представляется, Октавия. Ты — самый ценный раб на этом судне. Смертный приговор ждет всякого, кто вызовет твой гнев, потому что у легиона нет трофеев дороже тебя. Ты красива — единственный лучик красоты в этом бессолнечном мире. Но мне никогда не приходило в голову ничего, кроме как смотреть на тебя издалека. С чего бы мне даже мечтать о другом?

Похоже, ситуация его искренне забавляла. Руку девушки он так и не выпустил.

— Не в моих обычаях гоняться за недоступной добычей. Мой ежедневный труд и без того тяжел.

Навигатор все еще сердито смотрела на него, борясь с желанием облизнуть пересохшие губы. Взгляд Септимуса не был

дерзким, но она внушила себе, что оскорблена.

— Ты должен уйти, — повторила Октавия.

Голос ее сорвался. Трон, у него такие темные глаза... По крайней мере, один глаз. Линза была почти скрыта неровно остриженными волосами.

— К тому же я слышал, — он понизил голос, — что люди умирают от поцелуя навигатора.

— Похоже на страшную сказку, — ответила девушка, глядя на него снизу вверх. — Но как знать?

Она закинула голову, чуть приоткрыв губы.

— Навигаторы — опаснейшие существа. Не стоит им доверять.

Оружейник провел пальцем по ее подбородку, ничего не ответив. Октавия глубоко вздохнула, и...

...застыла, когда дверь со скрипом распахнулась. В мгновение ока девушка отпрыгнула от Септимуса, наткнувшись спиной на письменный стол. В комнату ввалился Пес с Марухом, идущим по

пятам. Пожилой раб стахивал в своей расхристанной униформе на нищего. Марух застенчиво помахал Октавии рукой, чувствуя, что помешал.

— Госпожа, — пропищал служитель. — Госпожа, простите меня.

— Все нормально. — На Септимуса она не глядела. — Все хорошо. Что случилось? Что-то не так?

— Посетитель, госпожа. Я не мог помешать ему войти.

Один из воинов легиона, пригнувшись, шагнул в комнату. Его броня цвета полуночи отразила тусклый свет ламп. По полированной поверхности тянулись зигзаги молний — словно вены в керамите. Воин был без шлема, и на его худощавом, не отмеченном шрамами лице горели темные глаза — выразительные, несмотря на глубокую черноту. Он улыбнулся, чуть приподняв уголки губ.

— Лорд Кирион.

Септимус согнулся в поклоне.

— Септимус, — приветствовал его Повелитель Ночи, — нынешней ночью ты причалим. Ты нужен нам в оружейной.

Кирион кивнул Маруху, и доспех отозвался механическим гулом.

— Ты тоже, Нонус. Вам придется хорошенько потрудиться, драгоценные мои оружейники.

Когда мужчины вышли из комнаты, Кирион оглянулся на покрасневшую Октавию. Навигатор делала вид, что крайне увлечена обрывками бумаги на своем столе, и благоразумно не поднимала взгляда.

— Ну, — сказал воин Октавии, — как поживаешь?

Зрачок Бездны приветствовал их двумя часами позже, и дело не обошлось без ненужной помпы. Фрегаты, объявившие себя специальным эскортом от флота Кровавого Корсара, окружили потрепанный «Завет» и сопровождали крейсер вплоть до самой станции.

Вознесенный сидел на мостике на своем командном троне. По бокам стояли Гарадон и Малек из Чернецов в массивной терминаторской броне. Вокруг них суетились смертные члены команды,

которым предстояла нелегкая задача ввести огромный боевой корабль в док.

— Мы добрались, — проворчал Вознесенный.

Малек склонил голову под мягкий гул шейных сочленений доспеха. Его клыкастый шлем развернулся к повелителю.

— А теперь нам предстоит сложная часть: надо пережить время до отлета.

Вознесенный утвердительно рыкнул, глядя на растущий на обзорном экране Зрачок Бездны. Существо не желало признать, что восхищается увиденным, однако мощь и богатство тирана Бадаба уступали разве что армадам Разорителя Хаоса. Зрачок Бездны вызывал в сердце демона особенную зависть как благодаря своему прошлому, так и благодаря тому, что воплощал собой сейчас. Порт являлся центром активности бунтовщиков и далеко не самым мощным в империи тирана. Сама станция когда-то была звездным фортом типа «Рамилис» под названием «Око Канаана». Она располагалась в глубоком космосе, на

территории, контролируемой орденом Астральных Когтей. Когда сотни лет назад, во времена Бадабской войны, по этому региону пронесся ураган бунта и предательства, крепость была в числе прочих захвачена мятежниками, желавшими отделиться от Империума. В имперских архивах значилось, что «Око Канаана» уничтожено боевым флотом под предводительством «Орлиного», линейного крейсера типа «Владыка». Однако терранские архивисты забыли упомянуть, что ренегаты-корсары, поднявшиеся на остатках ордена Астральных Когтей, впоследствии отбили крепость и отбуксировали ее в Мальстрем.

Столетия пиратских набегов только прибавили возрожденной станции величия. Она раскинулась в космосе рядом с мертвой, искаженной варпом планетой Ирукхаль, и ее металлическая громада стала домом для десятков тысяч душ и портом для сотен кораблей.

— Мурашки бегут по коже при мысли о возвращении сюда, — признался Малек.

— Слишком много кораблей, —

отметил Гарадон. — Слишком много даже для Зрачка Бездны.

Вознесенный коротко кивнул, не отрывая глаз от экрана. Огромные крейсера, пришвартованные к станции, заправлялись топливом, а более мелкие фрегаты и эсминцы охраняли периметр.

Материк из стали, населенный падальщиками.

— Сам Гурон должен быть здесь. Иначе нельзя объяснить, почему тут так много боевых кораблей, несущих его цвета.

Малек пробасил:

— Это не облегчит нам переговоры.

Вознесенный скрипнул зубами.

— Мастер ауспика, просканировать флот.

— Есть, повелитель, — откликнулся смертный офицер.

Двери с грохотом отворились, впуская еще двоих легионеров, Талоса и Люкорифа. Первый быстро шагал, не вынимая оружия из ножен, а второй полз за ним со своей чудовищной грацией горгульи.

— Кровь легиона! — выругался Талос, увидев экран. — Куда это мы заплыли?

— В море, кишащее акулами, — прошипел Люкориф. — Плохо. Очень, очень плохо.

Талос с опозданием отсалютовал Чернецам на тронном возвышении. Люкориф не стал утруждать себя. Он поковылял вдоль мостика, смущая пристальным взглядом смертных офицеров. Разрисованный и расчерченный дорожками кровавых слез наличник пялился на них с немигающей сосредоточенностью.

— Привет, — осклабился он на одного из офицеров.

Даже на четвереньках Люкориф был ростом с обычного человека и вчетверо шире благодаря громоздкой броне и турбинам реактивного двигателя на спине.

— Здравия желаю, мой господин, — ответил смертный.

Это был артиллерийский комендор в полинявшем, со срезанными знаками отличия, мундире имперского военного космофлота. Седые волосы смертного уже начали редеть на макушке. Несмотря на

то что он полжизни прослужил легиону — и, более того, на глазах Вознесенного, — чрезмерное внимание одного из хозяев заставило бы вспотеть и человека неробкого десятка.

— Меня зовут Люкориф, — проскрипел раптор. — Из Кровоточащих Глаз.

— Я... я знаю, кто вы, господин.

Воин подобрался ближе. В истекающих кровью глазных линзах засветилось холодное любопытство. Офицер инстинктивно попятился.

— Не беги. Это будет крайне неразумно. Плохие вещи происходят со смертными, которые оборачиваются ко мне спиной.

Артиллерист сглотнул.

— Чем могу служить, господин?

— Ты не из нашего мира. Твои глаза нечисты.

— Меня захватили. — Офицер прочистил горло. — Захватили много лет назад, во время десантной операции. Я служу верно, мой господин.

— Ты не из нашего мира, — прошипел Люкориф. — Значит, никогда не слышал

охотничий крик нестратского кондора.

Шея раптора дернулась, заставив сервомоторы взвыть.

Вторая тень, более высокая, упала на лицо смертного. Он поднял дрожащую руку в салюте и выдохнул:

— Лорд Талос...

Люкориф развернулся, скрипнув когтями. Талос, в доспехах, украшенных черепами и шлемами Кровавых Ангелов, стоял у него за спиной.

— Ловец Душ?

— Пожалуйста, не называй меня так.

Талос повел рукой в сторону офицера.

— Этого человека зовут Антион. Он прослужил нам двадцать три стандартных года, участвовал в уничтожении восьмидесяти семи имперских судов и в большем числе операций, чем я могу припомнить. Так ли это, комендор-офицер Антион Кэйсел?

Офицер снова отсалютовал.

— Так, мой господин.

Талос кивнул и опять перевел взгляд вниз, на Люкорифа.

— Мы не играем с жизнями тех, кто

служит нам, раптор. — Он опустил латную рукавицу на болтер Малкариона, притагниченный к бедру. — Это нецелесообразно.

— Мы со смертным просто беседовали.

В голосе Люкорифа угадывалась улыбка, скрытая демонической маской наличника.

— У смертного есть обязанности. Если нам понадобится открыть огонь, я предпочту, чтобы все офицеры-комендоры были на своих постах, а не отвлекались на беседы с тобой.

Люкориф издал визгливый смешок и пополз прочь под скрип доспехов.

— Благодарю вас, господин мой, — тихо сказал офицер, снова отсалютовав.

Благодарю вас. Опять те же слова. Второй раз за год. Талос почти улыбнулся, поймав себя на этой мысли.

— Возвращайтесь к своим обязанностям, Кэйсел.

Отвернувшись, Талос вновь направился к тронному возвышению. На дисплее вспыхнула руна — входящее

сообщение. Пиктограмма-иероглиф известила его, что это Малек из Чернецов. Талос мигнул, открывая голосовой канал.

— Хорошая работа, — передал Малек.

— Рапторы, — ответил Талос. — Не помешало бы держать их на поводке.

— И в наморднике, — согласился Малек. — Брат, предупреждаю: Вознесенный встревожен. Гурон здесь, в Зрачке Бездны.

— Принято.

Талос оборвал связь и поднялся на ступени, ведущие к трону. Взойти на сам пьедестал могли только Чернецы и Вознесенный.

— Аспик-скан завершен, — передал вокс-техник.

Глаза Вознесенного были закрыты. Пока «Завет» разворачивался с помощью маневровых двигателей, чувства демона протянулись за жесткую и холодную обшивку судна, мягко нащупывая течения варпа. Фрегаты эскорта разорвали строй и отошли в сторону, вновь присоединившись к патрулирующим

границы судам.

Что-то... Вознесенный чувствовал это там, за бортом. Что-то знакомое...

— Говори, — потребовало существо. — Его черные глаза распахнулись. — Не перечисляй названия кораблей и прочие детали. Меня интересует только то, что имеет значение.

— Повелитель, вражеский флот...

— Они нам не враги, — рявкнул Вознесенный. — Пока что. Продолжай.

— Силы Корсаров значительны, но структура их флота необычна. Многие крейсера лишены кораблей поддержки, а несколько фрегатов и эсминцев не приписаны ни к какому крупному судну. Это соединение состоит из отдельных флотилий, и я насчитал по меньшей мере девять знаков принадлежности к различным боевым отрядам. Похоже, здесь собрались несколько орденов-отступников и захваченные или имперские корабли.

— Нет, — прорычал Вознесенный. — Тут есть что-то еще.

Демон уставился на обзорный экран. Его когти застучали по клавиатуре на

подлокотнике трона, перебирая изображения с внешних камер.

— Вот, — хрипло пролаял он сквозь зубы. — Этот — не корабль Красных Корсаров, какая бы у него там ни была раскраска.

— В регистре он значится под именем «Яд первородства».

Вознесенный мотнул рогатой и клыкастой башкой.

— Нет. Копай глубже. Загляни под слои ауспик-маскировки.

— Провожу направленный скан, повелитель.

Вознесенный сузил посверкивающие глаза, не в силах отвести взгляд от экрана. Корабль, острозубый готический красавец, был родным братом «Завета», созданным с тем же искусством и по тому же образцу. Обводы «Завета» напоминали о первых днях Великого крестового похода, когда корпуса кораблей еще не строились по Стандартным Шаблонным Конструкциям Марса. В то же время большая часть флота Корсаров состояла из более однородных судов, построенных в

согласии с жесткими принципами, введенными на Марсе за последние десять тысячелетий.

«Яд первородства» не подчинялся этим принципам. Он мог быть рожден только в наивно благополучные века Великого крестового похода или в кровавое, исполненное ненависти десятилетие Ереси Хоруса. В любом случае он происходил из той давней эпохи, когда остальной части флота Корсаров не было и в помине.

— Мой господин? — Голос офицера звучал напряженно.

— Говори.

— Программа приемоответчика этого корабля была изменена. Я вижу следы кода, искажающего опознавательные сигналы.

— Взломай его. Сейчас же.

— Есть, мой господин.

Вознесенный снова закрыл глаза, потянувшись ментальными щупальцами к кораблю. С обманчивой нежностью его призрачные пальцы зашарили по обшивке судна, опутывая бронированную громаду

псайкерской сетью. Да, этот корабль был старым, даже древним, намного древнее остальных судов. Он имел благородную родословную, и он бороздил Море Душ со времен Великого Предательства — уже десять тысячелетий.

«Приветствую тебя, космический охотник, — прошептал Вознесенный кораблю. — Ты — не оружие этих выродков, Корсаров. Ты старше, могущественнее и некогда был чем-то большим».

Что-то внутри корабля, некое средоточие холодного разума, ответило хищным рыком. Его присутствие было циклопическим, а эмоции слишком чуждыми, чтобы вместиться в человеческий мозг или даже в мозг демона. При всей своей колоссальности оно уделило незваному гостю лишь секунду внимания.

«Прочь, — стукнуло огромное сердце, — прочь, жалкий карлик!»

Секундного слияния хватило. Вознесенный вернулся в оболочку присвоенного им смертного тела и снова открыл глаза.

— Мой господин, это был простой код.

Я обошел его и обнаружил, что корабль...

— Я знаю, что это за корабль, — прорычал Вознесенный. — Точнее, что это был за корабль. Ты установил его прежнее название?

— Да, милорд.

— Произнеси его вслух, чтобы слышали все.

— Согласно первоначальному опознавательному коду, это «Эхо проклятия».

Чернецы по бокам от трона по-волчьи подобрались, а Люкориф испустил длинное шипение — поток нестрамских ругательств. Вознесенный скрипуче хмыкнул, чувствуя, как при звуке этого имени дух Вандреда забился внутри.

— Да, — проворчал он. — Вот, братья, истинное лицо тех падальщиков, с которыми мы вынуждены иметь дело. Корсары, в своей бесконечной погоне за чужим добром, присвоили один из боевых кораблей Восьмого легиона. Взгляните на него и скажите мне, что вы об этом думаете.

Ответил ему Талос:

— Некоторые злодеяния нельзя спускать с рук. — Воин развернулся к Вознесенному. Слова его горели внутренним убеждением, отчетливо слышимым даже сквозь треск вокса. — Это наш корабль. — Пророк сжал зубы за наличником шлема. — И мы без него не уйдем.

Даже в доке эфирные волны Мальстрема бились об обшивку «Завета». Этот чуть ощутимый прибой возникал из-за того, что просочившиеся из варпа энергетические потоки медленно остывали в ледяном вакууме реального космоса. Команда невольно прислушивалась к тихому шелесту, с которым нечистый солнечный ветер ласкал корпус судна. Несмотря на все то, что Септимус видел и слышал за последние десять лет, от этого звука у него мороз бежал по коже. Он проверил пистолеты, уделив особое внимание счетчику боеприпасов и заряду батареи.

— Нонус, — позвал оружейник.

Марух неодобрительно прищелкнул

языком.

— Не уверен, что смогу привыкнуть к этому имени.

— Это несложно, поверь мне.

Септимус протянул ему один из пистолетов.

— Когда-нибудь стрелял из такого?

Старший раб почесал небритый подбородок, уже основательно заросший колючей седой щетиной.

— Разумеется, нет.

— Вот как это делается.

Септимус поднял пистолет, изобразил активацию и три раза выстрелил вхолостую.

— Это просто. Они предназначены для Имперской Гвардии, поэтому разберется в них и младенец.

— Эй!

Септимус заломил бровь.

— Да?

— Не насмехайся над Гвардией, сынок. Они герои, все как один.

Септимус улыбнулся.

— Когда твои хозяева после каждой битвы разгуливают в броне, украшенной

черепами имперских гвардейцев, смотришь на это слегка по-другому.

— Я, знаешь ли, хотел стать гвардейцем.

Септимус предпочел сменить тему.

— Как я говорил, держи пистолет при себе все время. Зрачок Бездны — на редкость негостеприимный порт.

Марух — он все еще не привык мысленно называть себя Нонусом — растерянно заморгал.

— Мы сходим с корабля?

— Конечно. — Септимус примотал мачете к голени. — Нам предстоят дела. Это место опасно, но, если мы будем вести себя осторожно, ничего плохого не случится.

— Октавия пойдет с нами?

Септимус косо взглянул на него.

— Она навигатор. Легион не может рисковать ее жизнью в этой адской дыре.

— А твоей и моей может?

Оружейник хмыкнул.

— Более чем. Пошли. Чем скорее мы покончим с этим, тем лучше.

Первый Коготь миновал стыковочный коридор, ведущий к станции, но дорогу к противоположному люку им преградил отряд воинов тирана. Броня Корсаров — ало-черная с бронзовой окантовкой — ярко контрастировала с темно-синими и костяно-белыми доспехами Повелителей Ночи.

— Не сморозьте какую-нибудь глупость, — предупредил Талос своих бойцов по воксу.

— Как будто мы собирались, — огрызнулся Кирион.

Оружие воинов было обнажено, как и у встретивших их Красных Корсаров.

— Стойте! — приказал командир отряда.

Его взгляд из-под рогатого шлема стерил поочередно каждого из Повелителей Ночи.

— Какое у вас дело в Зрачке Бездны?

Ксарл фыркнул, опустив свой громадный цепной меч на плечо.

— У меня тут тоже возник вопрос. Почему вы, выродки с разжиженной кровью, не преклоняете колени перед воинами

первых легионов?

Талос вздохнул.

— Ты прирожденный дипломат, брат.

Ксарл в ответ проворчал что-то нечленораздельное.

— Предполагается, что это шутка? — спросил начальник Корсаров.

Талос пропустил его слова мимо ушей.

— Нам нужно сделать ремонтные работы. Мой командир уполномочил меня вести переговоры с лордом Гуроном.

Корсары переглянулись. Большинство не надели шлемов, выставив на всеобщее обозрение изуродованные шрамами лица. Талос заметил, что многие выжгли и вырезали на себе символы Губительных Сил. Какая преданность! Какая истовая, горячая преданность!

— Я знаю ваш корабль, — сказал командир Корсаров. — Я помню «Завет крови», и я помню тебя, Пророк. Когда ты в последний раз был здесь, твои действия не завоевали ничьей дружбы.

— Если ты знаешь нас, то дальнейшие представления бессмысленны, — ответил

Талос. — А теперь позволь нам пройти.

— Я — хранитель врат этого дока, — прорычал Корсар сквозь вокс-динамики шлема, — и тебе стоило бы проявить немного уважения.

— А мы, — вмешался Меркуций, — уже вели Долгую Войну за несколько тысячелетий до того, как ты был рожден. Уважение предполагает взаимность, ренегат.

Корсары ощетинились, крепче сжав рукояти болтеров.

— И где же было это пресловутое уважение, когда вы в последний раз пришли к нам? Некоторые из моих бойцов до сих пор носят шрамы, оставшиеся после нашей прошлой встречи. Что, если я решу отправить вас обратно на ту дырявую посудину, на которой вы явились?

— Это было бы неразумно. Лорд Гурон ожидает нас.

Талос потянулся к герметическим креплениям воротника и под шипение декомпрессирующегося воздуха стянул шлем с головы. В коридоре разило трупами и машинным маслом, с легким

привкусом серы. Черные глаза Пророка стерили каждого из Корсаров.

— Я понимаю, что ваша гордость пострадала, — сказал он. — Мы были крайне неблагодарными гостями, когда явились сюда в последний раз. Но ваш повелитель уже заявил о своих намерениях, выделив нам сопровождение до дока. Он хочет нас видеть. Так что мы можем обойтись без гордых поз, и никто на этот раз не умрет. Мы пройдем мимо вас — или мы пройдем через вас.

Корсары, все как один, вскинули к плечам оружие. Рукояти болтеров стукнули о броню наплечников. Первый Коготь не остался в долгу — цепные лезвия взревели, и пистолеты согласно вздернулись вверх. Талос держал болтер Малкариона в одной руке, целясь в наличник командира Корсаров.

Кирион хмыкнул в воксе:

— Еще один теплый прием.

— Опустите оружие, — потребовал Корсар.

— Привратник, — предостерег его Талос, — нам обоим это ни к чему.

— Опустите оружие, — повторил воин Гурона.

— Талос, — приветственно прозвучал новый голос.

Сквозь ряды Корсаров протиснулся другой воин в броне павшего ордена. Собравшиеся у люка кивали брату, но тот не спешил с ответным кивком.

Корсар встал между двумя отрядами, перекрыв обоим линию огня. Талос немедленно опустил болтер. Ксарл, Меркуций и Узас, поколебавшись, сделали то же самое.

— Брат, — сказал Корсар и протянул руку Пророку.

Их доспехи лязгнули — оба Астартес на секунду сжали запястья друг друга в воинском приветствии, пришедшем из незапамятных времен.

— Рад видеть тебя, — сказал Пророк. — Я надеялся, что ты будешь здесь.

Корсар покачал головой.

— А я надеялся, что тебя здесь не будет. Ты, как всегда, выбрал самое неподходящее время, Талос.

Он обернулся к стоявшим у него за

спиной воинам.

— Пропустите их.

Корсары, отсалютовав, подчинились приказу. Их командир мрачно проворчал:

— Как скажешь, Живодер.

— Идемте. — Вариил обвел холодным взглядом воинов Первого Когтя. — Я отведу вас к лорду Гурону.

XII
ПРОРОК И ПЛЕННИК

— Вы отправитесь с нами на Вилам.

«Я знал, что все идет слишком хорошо», — передал Кирион по закрытому каналу.

Талос не ответил.

— Такова цена моей помощи, — добавил сидящий на троне. — Когда мы осадим Вилам, вы пойдете в авангарде.

Тронный зал лорда Гурона в Зрачке Бездны был чужд всякой утеренности. Комнату военного совета переделали в королевские покои, в комплекте с тронным возвышением и целыми рядами боевых

знамен крестового похода, свисавших с потолка. Вдоль стен выстроились телохранители, просители и лизоблюды всех мастей: смертные, Астартес-отступники и существа, совершенно неопознаваемые из-за мутаций, приобретенных за годы верного служения Хаосу. На палубе гордо красовались разнообразные пятна — кровь, гарь и слизь в равной пропорции, — а в воздухе висел запах серы, проникший туда вместе с дыханием собравшихся воинов.

Все это только усиливало болезненную пульсацию в голове Пророка.

— Ничто, — тихо сказал Меркуций по вокс-линку, — так не воняет, как логово Красных Корсаров.

Талос, вступив на станцию, снова надел шлем.

— Нам придется согласиться с его требованиями. Если мы откажемся, Гурон не выпустит нас живыми.

— Он предлагает нам совершить самоубийство, — заметил Кирион. — Это ясно как дважды два.

— Надо посоветоваться с

Вознесенным, — отозвался Меркуций.

— Да, — Ксарл ухмыльнулся под маской наличника, — как же без этого? Просто соглашайся, Талос. Вонь уже начала просачиваться сквозь мой доспех.

— Итак? — спросил сидящий на троне.

На изуродованном лице лорда Гурона читался настешливый интерес. Тиран был не из тех, кто прячет свои эмоции, и то, что осталось от его человеческих черт, кривилось в снисходительной усмешке. Он знал, что одержал верх, еще до того, как остатки Восьмого легиона явились вымаливать его покровительство, и без всяких колебаний демонстрировал свое торжество. Но даже это чудовищное ликование не казалось мелочным. Он выглядел так, словно поделился с Первым Когтем веселой шуткой.

Талос поднялся с колен. Первый Коготь у него за спиной повторил движение вожака. Вариил стоял в стороне, старательно изображая беспросветную скуку.

— Хорошо, лорд Гурон, — сказал Талос. — Мы принимаем ваши условия.

Когда мы выступаем?

Гурон откинулся на спинку костяного трона — ни дать не взять, варварский царек древности.

— Как только бригады моих рабочих воскресят ваш «Завет крови». Через месяц, возможно меньше. Вы предоставите нам материалы?

Талос кивнул.

— Набег на Ганг был вполне плодотворным, милорд.

— Да, но вы сбежали от Странствующих Десантников. Если бы не они, все прошло бы куда плодотворнее, не так ли?

— Это правда, господин.

Глядя на вождя Корсаров, Пророк искренне желал, чтобы его непринужденные манеры не были столь обезоруживающими. От изувеченной фигуры тирана Бадаба исходила странная, почти пугающая харизма.

— Я видел, как «Завет» вошел в порт, — сказал Гурон. — Как вы ухитрились превратить такой грандиозный корабль в развалину — это, я

полагаю, целая история.

— Так и есть, — согласился Талос. — И в более подходящее время я ее с радостью расскажу.

Воспаленные глаза Гурона моргнули. Их переполняло недоброе веселье, а наплечники чуть звенели от беззвучного смеха.

— По-моему, сейчас самое подходящее время, Повелитель Ночи.

По залу пронесся смешок.

— Мы хотим послушать твой рассказ сейчас.

Талос сглотнул. Его мозг отчаянно работал, стараясь перебороть боль. Тот словесный капкан, куда он угодил по вине Гурона, был прост, примитивен и совершенно безнадежен. На какую-то секунду Талос, поддавшись слепому инстинкту, чуть не оглянулся на Вариила.

— Мой господин, — Пророк склонил голову, — думаю, вам уже известны основные детали нашей критской неудачи. Для того чтобы воздать этой истории должное, нужен более поэтический голос,

чем той.

Гурон облизнул мертвенно-серые губы.

— Прошу тебя, сделай одолжение. Поведай мне о том, как вы предали Черный легион и сбежали от Кровавых Ангелов.

Смех в зале зазвучал громче.

— Да будет Вознесенный проклят за то, что втравил нас в это дело, — вздохнул Кирион по воксу.

— Он нас подначивает, — раздался в ответ низкий и холодный голос Ксарла.

Пророк не был в этом настолько уверен. Он отвесил театральный поклон, словно решил принять участие в развлечении.

— Простите меня, лорд Гурон, — и я забыл, как трудно вам получить надежную информацию о войне, которую ведут первые легионы. Те из нас, кто когда-то шагал рядом с примархами, не осознают, какими одинокими и никчемными ощущают себя их меньшие братья, Астартес из орденов-отступников. Конечно, я расскажу вам о приготовлениях Абаддона к грядущему крестовому походу и о том, какая роль в нем отведена

Повелителям Ночи. Я лишь надеюсь на взаимность — вы ведь расскажете, как ваши пираты забавляются здесь, вдали от передовой?

Последние слова Талоса прозвучали в абсолютной тишине — лишь Узас совершенно по-детски захихикал в воксе.

— И ты отчитывал Ксарла за недостаток дипломатичности? — пораженно выдохнул Меркуций. — Ты погубил всех нас, Пророк.

Талос ничего не ответил. Он просто смотрел на раскинувшегося на троне тирана. Ряды Красных Корсаров вытянулись по стойке «смирно», готовые к приказу открыть огонь. У их ног вилась какая-то тощая, невнятно причитающая тварь.

Гурон, владыка Мальстрема и величайшего пиратского флота на восточной окраине Галактики, наконец-то соизволил улыбнуться. Это стоило определенных усилий — подрагивающие тускулы и отмертвевшие губы с трудом изогнулись в широкой ухмылке.

— Мне хотелось бы пройтись по

Нострамо, — после долгого молчания проговорил тиран. — У ее сынов интересное чувство юмора.

Побарабанив бронированными когтями по подлокотнику трона, Гурон разразился смехом, больше похожим на хрип удавленника.

— Был рад развлечь вас, господин, как и всегда, — улыбнулся в ответ Талос.

— К твоему сведению, ты все так же ослеплен собственной самоуверенностью, Пророк.

— И это меня безмерно тяготит, — парировал Повелитель Ночи.

Владыка снова засмеялся своим клокочущим смехом — с таким звуком мокрота булькает в обожженных легких. Сквозь расползающуюся кожу на горле тирана видны были тонкие, проталкивающие воздух поршни.

— А если бы я не потребовал от вас этой маленькой услуги, легионер? Что тогда?

— Тогда вы помогли бы нам чисто по доброте душевной, господин.

— Понимаю, почему Вознесенный тебя

ненавидит, — снова ухмыльнулся владыка Корсаров.

Напряжение в зале развеялось одним отдающим кислотой выдохом. Гурон поднялся с трона и махнул Повелителям Ночи своей огромной клешней. В ответ на его движение та тварь, что носилась по залу, — безволосое, жалкое четвероногое существо с кожистыми недоразвитыми конечностями — подбежала к владыке Корсаров и вскарабкалась по его доспеху, помогая себе шишковатыми когтями. Тиран не обратил никакого внимания на бестию, свернувшуюся на силовой батарее у него за спиной и вцепившуюся в броню когтистыми лапами. Заплывшие глазки зверя злобно уставились на Повелителей Ночи, а редкие зубы сердито защелкали.

— Во имя бездны, это еще что такое? — выдохнул Кирион.

Талос шепотом ответил:

— Не уверен, что хочу знать.

— Оно выглядит как плод греховного соития собаки и обезьяны, и притом освежеванный. Думаю, кто-то из нас должен сказать Кровавому Корсару, что у

него по спине ползет нечто отвратительное.

— Полагаю, он знает, Кир.

Гурон снова сделал приглашающий жест. Суставы молниевой клешни громко скрипнули.

— Идем, воины первых легионов. У меня есть кое-что, принадлежавшее вам. Думаю, вы захотите это видеть.

Мириады палуб Зрачка Бездны кипели жизнью, но гвардия тирана очистила целый уровень звездного форта, где разместился штаб Корсаров. Здесь, под охраной самых сильных бойцов Гурона, командиры Красных Корсаров планировали походы против Империума. И здесь, под бдительным наблюдением элиты ордена, томились в темницах непрошеные гости, которым предстояло скрасить досуг тирана.

Пока воины шагали по пустынным коридорам, где гулко отдавался стук ботинок о палубу, Талос скользил взглядом по загаженным металлическим стенам. Все переборки были густо исчерчены

богохульными заклинаниями и именами, выведенными чернилами или выжженными в стали.

Не раз взгляд Пророка обращался к Гурону. Владыка Красных Корсаров был калекой, но даже в его прихрамывающей походке, в каждом мучительном движении чувствовалась огромная скрытая сила. Сейчас, когда Талос разглядывал его почти вплотную — так близко, что стал виден нечистый поблескивающий свет, струящийся из-под доспехов, — Пророк отчетливо понял, почему тиран Бадаба выжил. Некоторые воины слишком упрямы, чтобы умереть.

Талос подозревал, что, будь он смертным, одно присутствие Гурона заставило бы его преклонить колени. Немногие вожди излучали столь явную ауру угрозы, основными слагаемыми которой были обезображенное лицо, вымученная улыбка и механическое рычание волоконных кабелей в сочленениях доспеха. С другой стороны, немногие вожди повелевали сепаратистскими империями, не говоря уже о звездном королевстве

таких колоссальных масштабов и мощи.

— Что-то в моем лице вызывает твой интерес, Пророк?

— Ваши раны, мой господин. Они причиняют вам сильную боль?

Услышав странный вопрос Повелителя Ночи, Гурон оскалил зубы. Оба воина были продуктом кропотливых, обширных и архаичных генетических манипуляций и хирургических операций. Для этих сверхлюдей с двумя сердцами, тремя легкими и привычкой сплевывать кислоту боль превратилась в относительное понятие.

— Достаточно сильную, — сказал лорд Корсаров, не углубляясь в тему.

За спинами воинов Первого Когтя коридор заполнили гигантские туши терминаторов Красных Корсаров, тащившихся за Повелителями Ночи с тупым упорством танковой колонны. У их ног вилась безволосая уродливая тварь. Кирион то и дело оглядывался на нее.

— Перед тем, как я вручу тебе свой подарок, — Гурон вновь смочил языком потрескавшиеся губы, — скажи мне,

Повелитель Ночи, почему ты решился на ту рискованную шутку в моем тронном зале.

Талос не замедлил с ответом:

— Ваше королевство — раковая опухоль, разрастающаяся в самом сердце Империума. Говорят, что у вас в подчинении больше воинов, чем у командующего любым легионом — не считая самого магистра войны.

Пророк обернулся к Гурону, и обезображенное лицо тирана всплыло в перекрестии прицела.

— Я не знаю, правда ли это, лорд Гурон, но сомневаюсь, что подобный человек стал бы разменяться на мелочную месть из-за пары неосторожных слов.

Тиран Бадаба ничего не сказал, лишь в его налившихся кровью глазах промелькнули насмешливые искры.

— А нам вообще нужен этот подарок? — спросил Ксарл по вокс-каналу отделения.

— Нет, если это то, что я думаю. — Ответ Кириона прозвучал чуть

рассеянно. — Лысая уродина все еще следует за нами. Как бы я ее не пристрелил!

— Эзхек джай гругулл шиврейк ваг скир, — объявил Гурон, заставив всех их остановиться.

— Я не говорю ни на одном из бадабских диалектов, — признался Талос.

В ответ Гурон указал своей гигантской силовой перчаткой на запертый люк впереди. Когда-то изогнутые когти перчатки были красными, как и керамит доспеха, но множество битв опалили оружие, и красный цвет сменился угольно-черным. Обернувшись к Повелителям Ночи, тиран склонил голову, и свет люминополос на потолке отразился от хромированных участков его черепа.

— Здесь находится то, что я хотел показать тебе, Талос, — произнес он. — Пытать его было весьма приятно и познавательно, но, думаю, и тебе доставит удовольствие полюбоваться им. Считай эту маленькую демонстрацию знаком благодарности за то, что вы

приняли мое предложение.

Люк начал открываться, и Талос подавил желание выхватить оружие.

— Не снимайте шлемов, — предупредил тиран.

Он не знал, как долго пробыл здесь — в слепоте, одиночестве, чувствуя, как глаза обжигают струящиеся по лицу невольные слезы. Кандалы его не беспокоили, несмотря на то что железо крепко стиснуло прикованные к стене запястья. То же самое можно было сказать о голоде — терпимая боль, как и жажда, наполнившая вены сухим песком.

Ошейник на горле — да, это уже испытание, но не из разряда непосильных. Он не мог видеть рун, нацарапанных на холодном металле, но не чувствовать их эманации было невозможно. Боль, боль, боль в его шее, тягучая и непрерывная пульсация, как в загноившемся зубе. Лишиться голоса и той власти, которой обладало каждое произнесенное им слово... что ж, это было унизительно. Еще одно унижение в ряду многих и многих.

Нет. Он мог и должен был вытерпеть все это. Он даже мог вытерпеть чужое вторжение в собственное сознание — безжалостные и невидимые щупы, отбрасывающие его ментальную защиту в сторону с той же легкостью, с какой слюнявый ребенок-идиот рвет бумагу. Было больно думать. Было больно вспоминать. Только спокойная чернота медитации спасала от этой боли.

И все же он мог пережить это — сосредоточиться и сохранить ясность рассудка за счет отчаянной концентрации.

Но свет — другое дело. Какое-то время он кричал, хотя и не знал сколько. Оборвав крик, раскачивался взад и вперед, опустив голову к обнаженной груди и истекая слюной сквозь сжатые зубы. Слюна въедалась в пол, и хлористый запах растворяющегося металла только усиливал тошноту.

Силы окончательно покинули его. После недель — месяцев? — в неволе он только и мог, что стоять на коленях, широко разведя прикованные к стене руки и уронив голову на ноющей шее. Из глаз

струились слезы, но облегчения не приносили. Свет бился о сомкнутые веки едкой, кислотной волной — белое мутное сияние, настолько сильное, что заставляло плакать не ведающую горя и сострадания душу.

Сквозь эту дымку мучения и путаницу мыслей пленник уловил какой-то звук. Дверь его клетки в очередной раз открылась. Заключенный трижды медленно вдохнул и выдохнул, словно воздух мог очистить его тело от боли, и выкрикнул то, что собирался сказать в продолжение всего своего бескровного распятия.

— Когда я освобожусь, — слова вылетели у него изо рта с брызгами слюны, — я убью всех вас.

Один из его мучителей подошел ближе. Пленник услышал гул брони и приглушенный лязг машинных мускулов.

— Атриллэй, вайлас, — прошептал палач на мертвом языке мертвого мира.

Но его тюремщики не знали этого языка.

Пленник поднял голову, слепо

уставившись вперед, и ответил теми же словами.

— Приветствую тебя, — сказал он, — брат.

Талос не желал даже вообразить боль, терзавшую узника. Его собственные глазные линзы с трудом могли приглушить ослепительный свет комнаты. Несмотря на шлем, по лицу катились слезы.

Пророк сжал закованными в бронированную перчатку пальцами нестриженые, грязные волосы пленника и откинул его голову назад, обнажив покрытое испариной горло. Талос прошипел на змеином языке Нострамо, понизив голос, чтобы его слова не достигли чужих ушей:

— Я поклялся убить тебя во время нашей последней встречи.

— Я помню. — Рувен слабо улыбнулся, преодолевая боль. — Теперь тебе выпал шанс, Талос.

Пророк вытащил гладиус и прижал край лезвия к щеке пленника.

— Назови хоть одну причину, почему я не должен содрать кожу с твоих костей, предатель.

Рувен выдавил смешок. Когда маг покачал головой, меч оцарапал его щеку, оставив неглубокий порез.

— Не назову. Избавь нас обоих от этого спектакля. Давай остановимся на том, что я не буду просить у тебя пощады, а ты сделаешь то, зачем пришел.

Талос убрал клинок. Какое-то время он молча смотрел на каплю крови, ползущую по стальному лезвию.

— Как они тебя схватили?

Рувен сглотнул.

— Магистр войны прогнал меня. За мои неудачи на Крите.

Талос не сдержал кривой улыбки.

— И ты сбежал сюда?

— Конечно. Куда же еще? Разве есть лучшее укрытие для подобных нам? Мальстрем остается единственным разумным ответом. — Лицо пленника скривилось в гримасе. — Я ведь не знал, что кое-кто из моих бывших братьев настолько уронил репутацию Восьмого

легиона среди Корсаров.

Талос все еще смотрел на стекающую по клинку кровь.

— Мы не снискали особой дружбы у Корсаров, когда были здесь в последний раз, — наконец сказал он. — Но Гурон не поэтому бросил тебя в тюрьму, так ведь? Следующие слова могут стать для тебя последними, брат. Не стоит отрачать их ложью.

Некоторое время Рувен ничего не отвечал. Затем произнес свистящим шепотом:

— Взгляни на меня.

Талос так и сделал. По экрану визора побежали столбцы данных.

— Ты обезвожен до такой степени, что ткани скоро начнут отмирать.

Узник ухмыльнулся.

— В самом деле? Тебе следовало остаться апотекарием.

— Говори правду, Рувен.

— Правду... Если бы все было так просто. Гурон разрешил мне остаться в Зрачке Бездны, если я передам ему все тайные знания, которые обрел за

десятилетия изучения варпа. Поначалу я согласился. Но затем произошло... недоразумение.

Андрогинное лицо Рувена прорезала сухая улыбка.

— Три Корсара призвали из варпа слишком могущественные сущности. Куда более могущественные, чем им под силу было удержать. Прискорбно, Талос. Крайне прискорбно. И разумеется, Гурон считал этих кретинов многообещающими кандидатами в библиарии.

Пророк молча смотрел на мага.

— Ты все еще здесь, брат, — сказал Рувен. — Я тебя слышу.

— Я все еще здесь, — согласился Талос. — И я пытаюсь отделить правду от лжи.

— Я сказал тебе правду. К чему мне лгать? Они держат меня здесь в кандалах — по ощущениям, уже несколько месяцев. Свет выжигает глаза. Я не могу видеть. Я не могу пошевелиться. Абаддон вышвырнул меня, лишив места в Черном легионе. Зачем мне лгать тебе?

— Это я и собираюсь выяснить, —

ответил Талос и поднялся на ноги. — Потому что я знаю тебя, Рувен. Правда жжет твой язык пуще огня.

— Опасный трофей, не так ли? — поинтересовался лорд Гурон. — Я с ним почти закончил. Он мне наскучил, и, полагаю, ему нечем больше поделиться с моими магами. Наши заклинатели варпа извлекли из его сознания всю полезную информацию.

— Какое преступление он совершил?

Талос оглянулся через плечо на коленопреклоненную фигуру своего бывшего брата, омываемую безжалостным светом.

— Из-за него погибли трое посвященных, и он отказывался поделиться знаниями. Нам пришлось... подтолкнуть его к откровенности другими способами. — Жуткие черты Кровавого Корсара расплылись в улыбке. — Лишить его магической силы — это уже само по себе было нелегким делом. Сейчас, в ошейнике, колдун не опасен. Он не может призвать варп себе на помощь. Это была первой мерой предосторожности, которую я

принял — сразу перед тем, как ослепить его.

— Не заиграйся, брат, — предупредил по закрытому каналу Кирион. — Нас ждет такая же судьба, если мы предадим Корсаров.

— Если? — отозвался Талос. — У них «Эхо проклятия». Я не уйду без него.

— Хорошо. Когда мы предадим их.

Вместо ответа Талос передал по воксу сигнал подтверждения.

— Пусть сгниет здесь, — сказал Пророк владыке Корсаров. — А что с его броней и оружием?

Губы Гурона изогнулись в ухмылке.

— Его броня и оружие у меня. И я отдам их тебе. Считай это еще одним жестом доброй воли.

Рувен сдавленно застонал. Цепи зазвенели — колдун попробовал их на прочность впервые за долгие недели.

— Не оставляйте меня здесь.

— Гори в варпе, предатель, — хмыкнул в ответ Ксарл.

— Благодарю вас за подарок, — сказал Талос Гурону. — Всегда поучительно

наблюдать, как изменники пожинают то, что посеяли. Убейте его, если хотите. Он для нас ничего не значит.

— Талос, — прошептал Рувен, и во второй раз имя сорвалось с его губ криком: — Талос!

Пророк обернулся к пленнику, и визор шлема вновь с трудом приглушил ослепительное сияние. Рувен смотрел прямо на него. По щекам мага, как слезы, бежала кровь — свет выжигал сетчатку его глаз и мягкие ткани за ней.

— По-моему, ты сказал, что не будешь просить пощады, — произнес Талос.

Прежде чем Рувен успел ответить, люк с грохотом закрылся, оставив мага в камере один на один с его собственными криками.

Септимус отхлебнул напиток, но проглотить его оказалось намного сложнее. Раб поставил бы сто против одного, что это пойло гнали из машинного масла.

Бар был одним из множества подобных заведений на борту Зрачка Бездны и ничем не отличался от сотни других грязных забегаловок. Жалкого вида мужчины и женщины скучились во мраке, потягивая омерзительную сивуху, пересмеиваясь, крича и споря на десятке разных наречий.

— Ох, Трон! — прошептал Марух.

Септимус нахмурился.

— Не произноси это слово, если хочешь выбраться отсюда живым.

Старший раб махнул рукой вертлявой девице на другом конце комнаты. Женщина переходила от столика к столику. Волосы стекали по ее обнаженной спине водопадом белого шелка, а изящные бедра подчеркнуто женственно покачивались на каждом шагу.

Септимус мотнул головой:

— Не заговаривай с этим существом.

На секунду Маруху показалось, что по лицу второго оружейника скользнула улыбка.

Существом? Не заговаривай с этим существом?

Но она уже заметила интерес Маруха.

— Фрикш саркаа, — промурлыкала девушка, приближаясь.

Платье из потертых кожаных полос шелестело, соприкасаясь с молочно-белой кожей хозяйки. Пальцы цвета чистейшего фарфора погладили небритую щеку раба.

Словно в знак одобрения, девушка кивнула.

— Врикай гу снегра?

Голос ее был тонким, как у ребенка — девочки, стоящей на самом пороге юности.

— Я... Я не...

Она заставила Маруха замолчать, приложив бледный пальчик к его пересохшим губам.

— Врикай гу снегра... сайжак...

— Септимус...

Марух сглотнул. Ее огромные глаза сияли ярко-зеленым — цветом лесной листвы, которую раб видел только на гололитических снимках. У ее кожи был запах мускуса и перца, незнакомый и волнующий.

Септимус прочистил горло. Грациозная, гибкая, девушка быстро развернулась к нему и облизнула губы раздвоенным язычком.

— Трайжак ма секх?

Оружейник отвел полу куртки, продемонстрировав вложенный в кобуру пистолет. Медленно, со значением он покачал головой и указал на другой стол.

Девушка сплюнула на пол у самого его

ботинка и ускользнула прочь, по-прежнему призывно поводя бедрами.

— Эта девчонка — что-то особенное... — Марух проводил ее взглядом, жадно пялясь на обнаженную спину красотки.

— Охотник за кожей. — Септимус сделал вид, что снова отхлебнул свой напиток, и поморщился — глотать эту дрянь он больше не собирался, но хватало и терзкого вкуса на губах. — Этот ее кожаный наряд... заметил, как он сшит?

— Да.

— Так вот, он не из звериной шкуры.

Марух с ужасом проследил за тем, как девушка оглаживает кончиками пальцев затылок трачного вида верзилы.

— Я тут долго не просижу, — пробормотал раб. — У той жирной штуки на другом конце комнаты слишком много глаз. Красивая девушка со змеиным языком расхаживает в платье из человеческой кожи. Все здесь вооружены до зубов, а тип за соседним столиком выглядит так, словно окочурился пару дней назад.

— Сохраняй спокойствие. — Теперь Септимус не сводил с него глаз. — Веди

себя естественно. Мы в безопасности до тех пор, пока не привлекаем к себе внимания. Если запаникуешь, нас прикончат еще до того, как первый крик сорвется с твоих губ.

— Со мной все будет в порядке.

Марух глотнул для храбрости из собственного стакана. В груди разлилось приятное тепло.

— Отличное пойло.

Септимус промолчал, но выражение лица все сказало за него.

— Что? — встрепенулся Марух.

— Насколько мне известно, это может оказаться концентрированной крысиной мочой. Постарайся не увлекаться им.

— Да. Конечно.

Марух снова украдкой оглядел комнату. Один из посетителей бара был, похоже, слишком мал для собственного скелета — кости торчали у него из каждого сустава, включая хребет и натянутую, как на барабане, кожу щек.

— Твой хозяин, знаешь ли, был прав.

— Насчет чего?

— Насчет побега. Застрять здесь куда хуже, чем оставаться на борту «Завета». Трон!..

Септимуса передернуло.

— Перестань повторять это.

— Извини. Слушай, тебе хотя бы сказали, чем закончились переговоры?

Септимус пожал плечами.

— Первый Коготь поклялся, что легион примет участие в какой-то осаде. Они собрались осаждать что-то под названием «Вилам».

— Планету? Вражеский флот? Город-улей?

— У меня не было возможности спросить.

Марух снова перевел взгляд на красавицу.

— А много тут... таких?

Септимус кивнул.

— Свежевание — одна из самых распространенных традиций во многих культах. Если вспомнишь, и легиону она не чужда. Церемониальный плащ лорда Узаса когда-то был королевским семейством из провинциального мирка, ставшего

жертвой «Завета».

— Ты имеешь в виду, что плащ когда-то принадлежал им?

— Нет. Был ими. Он тоже не из звериной шкуры. Но охотники за кожей — довольно обычный культ. В основном они мутанты. Избегай их любой ценой.

— Я думал, она хотела...

— Хотела. — Человеческий глаз Септимуса покосился на дверной проем, и оружейник поправил серебряное кольцо на пальце. — Но затем она бы содрала с тебя кожу. Пошли.

Марух последовал за Септимусом к двери. Младший раб распустил волосы, до этого собранные в короткий хвост на затылке. Неровно остриженные пряди рассыпались у него по щекам, прикрывая дорогостоящие бионические протезы.

— Держи оружие наготове, — предупредил он. — Никогда не знаешь, кому придет в голову на тебя наброситься.

— Ты все еще не сказал, зачем мы здесь, — шепнул Марух.

— Сейчас узнаешь.

Октавия вздохнула так, словно вместе с вырвавшимся из легких воздухом избавилась от солидной части веса. Прикрыв глаза и откинув голову, она выдохнула долгие недели напряжения.

По лицу барабанили потоки теплой воды. Щекотали веки, нежными струйками стекали по губам и подбородку. Мыла у девушки не было, но даже это не могло притушить ее энтузиазм. Она скребла тело жесткой губкой, почти ощущая, как грязь, скопившаяся за месяцы небрежения, сползает с кожи.

Теперь, когда «Завет» пристыковался к станции, запасы свежей воды на борту пополнились, и установки рециркуляции получили временную передышку.

Октавия отважилась опустить глаза и оглядеть себя. К ее удивлению, на это потребовалась немалая решимость.

Хотя девушка и была далека от костлявого призрака, каким себя воображала, ее кожа побледнела и подернулась синеватой сеткой вен. Но все же выглядела навигатор куда лучше, чем казалось по ощущениям. Очевидно,

напичканная белками, углеводами и витаминами бурда, служившая их корабельным рационом, была довольно питательна, хотя и отвратна на вкус.

Сморщив нос, девушка извлекла из пупка маленький нитяной комок того же темно-синего цвета, в который была выкрашена униформа рабов легиона. Очаровательно.

Негромко рассмеявшись, Октавия щелчком отправила нитки прочь.

— Госпожа? Вы нас звали?

Вздрогнув, Октавия вскинула глаза и прикрылась руками. Видимо, у навигатора сохранились какие-то остатки человеческих инстинктов, потому что она попыталась скрыть свою наготу от постороннего взгляда. Одна рука метнулась к обнаженной груди, а вторая ко лбу, защищая участок кожи от бровей и до линии волос.

Но Октавия не успела. Тень — человеческая или похожая на человеческую — на мгновение скользнула по искаженной границе ее второго зрения. Навигатор увидела разноцветное, замутненное пятно

души на фоне беснующегося вокруг варпа.

Она посмотрела на кого-то — пусть только на секунду — своим истинным оком.

Служитель, замерший на пороге общей душевой, сдавленно захрипел. Он потянулся к горлу дрожащими руками — воздух встал комом у него в глотке. По перемотанному повязками лицу разлилась тьма — густая, липкая тьма, исторгнутая распахнутыми черными глазами служителя и его открытым ртом. Кровь мгновенно промочила грязную ткань, заляпав бинты гнойно-красным.

Служитель ударился спиной о стену и рухнул на пол. Тело его сотрясали спазмы, затылок бился о стальную перегородку. Забинтованные руки сорвали повязки с головы, обнажив лицо — до ужаса человеческое, хоть и лиловое от удушья. Изо рта старика зловонным потоком хлынула кровавая рвота, забрызгав мокрый пол.

Человек лежал, хрипя, содрогаясь в конвульсиях и истекая кровью, а на Октавию по-прежнему лилась горячая вода.

Девушка сглотнула. Ее человеческие глаза все еще были прикованы к несчастному, когда другой служитель, прихрамывая, ввалился в комнату. Не глядя на нее, горбун направился к умирающему старику. В руках коротышка сжимал свой помятый обрез. Он сунул укороченное дуло в распахнутый рот старого служителя и надавил на спуск. На несколько секунд душевая наполнилась эхом выстрела. То, что осталось от старика — а осталось от него выше плеч очень мало, — наконец-то затихло.

— Я не виновата, — выдохнула Октавия, переполненная смесью стыда, потрясения и гнева.

— Я знаю, — сказал Пес.

Он обернулся к госпоже, уставившись на нее слепыми глазами. Девушка отчего-то медлила опускать руки. Обе руки.

— Я велела вам всем ждать снаружи.

— И это я знаю.

Пес дослал в ствол еще один патрон, клацнув затвором. Дымящаяся гильза звякнула о грязную палубу и покатилась, пока не замерла у стены.

— Телемаху было очень больно. Я вошел, только чтобы прекратить боль. Сейчас я выйду, госпожа.

— Думаю, я уже закончила...

Октавия отвернулась от безголового тела и кровавого пятна на стене.

Но она не вышла с Псом, вместо этого оставшись в помещении с мертвецом. Навигатор стояла, упершись руками в стену и подставив голову под струю воды. Ее волосы — отросшие почти до пояса — свисали черным бархатным занавесом.

Она никогда прежде не убивала с помощью ока. Единственная попытка закончилась неудачей — это было много месяцев назад, когда ее захватили в плен и когда Талос притащил ее в эту новую жизнь, сдавив безжалостными пальцами за горло. Все истории, которые она слышала за долгие годы, нахлынули, захлестнув девушку горько-сладким приливом: те легенды, что шептали друг другу члены команды Картана Сайна, когда думали, что Октавии рядом нет, и предостережения, внушаемые каждому отпрыску Навис Нобилите во время

многолетнего обучения, и то, чего никогда не говорили учителя, но во что она поверила после чтения старых бортовых журналов, принадлежавших ее семье.

«Навигатор не может убивать безнаказанно», — гласили истории.

«Кровь моей крови, не запятнай свою душу подобным деянием». Слова ее отца.

И примечание в фамильном журнале Мерваллионов, более грозное, чем все остальное: «Каждый умертвляющий взгляд — это маяк для Нерожденных, свет в их кромешной тьме».

Она не стала оглядываться на труп. В этом не было нужды — распростертое тело навсегда отпечаталось в ее памяти, опалило чувства уродливым клеймом безысходности.

В горле запершило. Через несколько секунд Октавия уже стояла на коленях, выблевывая дневную порцию каши в ржавую решетку водостока. Ее слезы смешались с льющейся водой и остались тайной для всех, кроме нее самой.

Апотекарион Корсаров оказался

бойким местом. На многих операционных столах лежали жертвы бесконечных дуэлей и яростных свар, то и дело вспыхивающих на борту Зрачка Бездны. Большинство из пострадавших были людьми, хотя попадались и другие, чьи мутировавшие тела занимали свое законное место в эволюционных таблицах известных видов.

Делтриан двигался сквозь этот хаос, ухмыляясь направо и налево из тени капюшона. За ним шагали Талос, Вариил и два воина, якобы выполнявших обязанности почетного эскорта. Техножрец ненадолго остановился перед очередным хирургическим блоком, свисающим с потолка. Механоконечности аппарата неприятно напоминали о подогнутых под брюхо лапках мертвого паука.

— Нам требуется один такой прибор для стереотактических процедур, с манипуляторами в разъемах A, Г и E.

Сервитор с бессмысленным взглядом, одетый в такой же плащ, как у Делтриана, тащился за первой троицей.

Прохлюпав подтверждение, он записал приказ хозяина во встроенную датабазу.

Делтриан снова остановился и подобрал серебряный инструмент.

— Тиндаллер. Хватит семи штук. И нам потребуется такое же количество этих окклюдеров.

Сервитор снова прохрипел подтверждение.

Вариил напрягся, когда рука раненого Корсара вцепилась в его нартециум. Тонкие черты апотекария скривились в гримасе.

— Не прикасайся ко мне. Твою рану скоро обработают.

Вариил ловко высвободил руку, борясь с желанием в наказание отрубить пальцы воина. Секундой позже он нагнал Талоса.

— Если вам так много от нас требуется, ваш недотсек на «Завете» должен быть практически бесполезен.

— Ты недалек от истины. Почти все, что у нас есть, разрушено в боях или пришло в негодность от долгого бездействия. В последнем сражении мы потеряли один из Когтей, когда те

попытались выкурить из апотекариона абордажную команду Кровавых Ангелов. Ты не можешь и вообразить, какой ущерб нанесли недоумки в красном. Не говоря уже о Когте, который так и не сумел с ними справиться.

— Криотом, — перебил их Делтриан. — Любопытно.

Вариил не обратил на него внимания.

— «Завет» — куча обломков, которые держатся вместе только за счет везения. И ты начинаешь сильно его напоминать.

Проходя мимо очередного стола, Талос задержался на минуту, чтобы перерезать горло лежавшему там рабу. Он подарил ему быструю смерть — иначе человек умирал бы еще долго, захлебываясь собственной кровью. Повелитель Ночи слизнул кровь с гладиуса, чтобы на мгновение пощекотать чувства неверными отблесками чужих воспоминаний.

Неряшливая комната, ощущение безопасности; окоп, ливень грязи и осколков, рукоять сабли в его заледеневшей руке; тошнотворные смертные эмоции —

сомнение, страх, слабость, появляющаяся с уходящей из тела жизнью...

Как они могут существовать и действовать с таким количеством мусора в голове?

Воин вкусил лишь один глоток, не больше, и видения были призрачными, как туман. Они лишь мимоходом затронули Талоса и, поблекнув, растаяли.

— Ты о моих шрамах? — спросил он после того, как снова вложил гладиус в ножны и провел закованными в перчатку пальцами по едва заметным шрамам на щеке.

— Нет. Кожа хорошо заросла и восстановилась после ранений, и эти следы скоро почти исчезнут. Я говорю о признаках боли, которые читаю на твоем лице, — они менее заметны неопытному глазу.

Вариил поднес руку в перчатке вплотную к лицу Талоса, но ему хватило ума не притрагиваться к Повелителю Ночи. Апотекарий свел пальцы полукругом, словно держал у виска Пророка невидимый шар.

— Здесь, — произнес он. — Боль исходит отсюда, растекаясь под кожей с каждым ударом пульса, и сквозь вены добирается до остальных участков твоего черепа.

Талос покачал головой.

— Я никогда не был таким искусным апотекарием, как ты.

Вариил убрал руку.

— Отчасти ты прав. Насколько я помню, тебе всегда не хватало терпения.

Талос не стал спорить. Несколько секунд он наблюдал за Делтрианом. Техножрец склонился над бьющимся в судорогах человеком, явно заинтересованный столом для анализов, на котором лежал раненый.

— Головные боли усиливаются, так ведь? — спросил Вариил у Талоса.

— Как ты догадался?

— Твой левый глаз воспален; слезные протоки в нем расширены по сравнению со вторым. Склера тоже начинает замутняться, и в ней уже различимы частицы крови. Смертный бы ничего не заметил, но все признаки налицо.

— Сервиторы восстановили мой череп после стычки с Далом Каром и Третьим Когтем.

— Болтерный снаряд?

Талос кивнул.

— Врезался в мой шлем и снес кусок головы. — Он рубанул ладонью в воздухе у виска. — Первые несколько часов я держался на анальгетиках и инъекциях адреналина. А затем отключился на три ночи, пока медицинские сервиторы занимались своим делом.

Устешка Вариила приблизилась к улыбке настолько, насколько это было вообще свойственно апотекарию.

— Они топорно сработали, брат. Но полагаю, обстоятельства сложились не лучшим для тебя образом.

Повелитель Ночи еле удержался, чтобы раздраженно не пожать плечами.

— Я все еще жив, — возразил он.

— Действительно. Пока жив.

Талос гневно взглянул на апотекария.

— Продолжай.

— Та боль, что ты чувствуешь, — это давление на мозг, вызванное

отмирающими кровеносными сосудами. Часть из них отекла, а другие, вероятно, уже на грани разрыва. Новая форма черепа — дополнительный фактор. Если давление продолжит расти, то твой левый глаз вытечет из глазницы. Также, вполне вероятно, тебя ожидает некроз кровеносных сосудов в мозгу и соседних тканях, что приведет к дальнейшим мозговым спазмам. Но я могу исправить то... что напортачили ваши сервиторы... если хочешь.

Талос заломил черную бровь. Его лицо было даже бледнее, чем обычно.

— Я не доверил бы никому из воинов собственного отделения помочь мне облачиться в доспехи, а ведь все они несут крылатый череп Нострамо. С какой стати я доверю воину с когтем Гурона на наплечнике копаться в моем мозгу?

Улыбка Вариила не затронула глаз.

— Из-за фриги, Талос. Потому что я все еще тебе должен.

— Благодарю за предложение. Я над ним подумаю.

Вариил набрал команду на

клавиатуре нартециума.

— Подумай. Если мои оценки верны, отказ будет означать, что ты умрешь к концу этого солнечного года.

Ответа Талоса апотекарий так и не услышал, потому что поблизости раздалось мягкое жужжание сервомоторов и шелест мантии — Делтриан возвращался к ним.

— Я собрал всю необходимую информацию, — объявил техножрец с ноткой машинной гордости в голосе.

Вариил отсалютовал ударом кулака по нагруднику.

— Я передам список оборудования моему господину. Лорд Гарреон отвечает за переоснащение вашего судна.

Талос осознал, что массирует висок костяшкой большого пальца. Пророк с раздраженным рыком опустил на голову шлем, со щелчком загерметизировал горловые клапаны и ощутил, как привычное гудение датчиков доспеха омывает его теплым спокойствием.

— Я провожу тебя на «Завет», техножрец. Я должен лично отчитаться

Вознесенному.

— Подумай о том, что я сказал, брат, — повторил Вариил.

Талос кивнул, но ничего не ответил.

Марух с трудом нагнал Септимуса. Старшему рабу было все тяжелее проталкиваться сквозь переполненные людьми коридоры. К тому же он едва сдерживал брезгливую гримасу: кое-кто из прохожих мутировал настолько, что мало походил на человека. Марух едва не столкнулся с тощей чернокожей женщиной. Та обругала его, и лицо ее при этом шло рябью и плавилось, как масло. Раб пробормотал извинение и поспешил дальше. Куда бы он ни повернул голову, в воздухе висел острый запах пота, смешанный с железистым кровяным душком. Люди — и «люди» — вопили, рычали, отпихивали друг друга локтями и пересмеивались повсюду вокруг.

Септимус протянул руку и схватил за плечо очередного торопящегося пешехода. Это оказалась молодая женщина. Застыв на месте, она

обернулась, прижимая к пухлому животу пустое ведро из пластека.

— Жиграш кул кух? — спросил раб.

Женщина покачала головой.

— Низкий готик? — еще раз попробовал Септимус.

Толстуха снова мотнула головой и во все глаза уставилась на дорогостоящие бионические протезы, едва заметные под его волосами. Женщина подняла руку, чтобы отвести пряди и пощупать аугметику, но Септимус легонько оттолкнул ее ладонь.

— Оперор вое агноско? — спросил он.

Прищурившись, женщина быстро кивнула.

«Отлично», — хмыкнул про себя раб. Какой-то захолустный вариант высокого готика, которым он и так владел с трудом.

Септимус осторожно отвел свою собеседницу, одетую в обрывки разношерстного имперского обмундирования, к краю широкого коридора. Несколько минут у него ушло на то, чтобы растолковать, что ему нужно.

В конце этого спотыкающегося объяснения женщина снова кивнула.

— Михи инсиста, — сказала она и сделала знак следовать за ней.

— Наконец-то, — пробормотал Септимус.

Марух снова потащился за ним. Приглядевшись к ведру в руках женщины, старший раб понял, что оно не совсем пусто. На дне стучали боками друг о друга три плода, напоминавшие маленькие коричневые яблоки.

— Тебе нужна была торговка фруктами? — шепнул он Септимусу.

Выражение лица Маруха при этом ясно говорило, что напарник, по его мнению, рехнулся.

— В том числе, — негромко ответил оружейник.

— Может, объяснишь мне зачем?

Септимус бросил через плечо уничижительный взгляд.

— Ты что, слепой? Она беременна.

Марух отвесил челюсть.

— Нет. Ты это не серьезно.

— Откуда, по-твоему, легион берет

новых воинов? — прошипел Септимус. — Нужны дети. Дети, не запятнанные скверной.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не собираешься...

— Я брошу тебя здесь, Марух. — Голос Септимуса стал ледяным. — Клянусь, если ты станешь усложнять и без того неприятное дело, я тебя здесь брошу.

Троица свернула в соседний коридор. Женщина шла впереди, все еще прижимая к животу ведро. Здесь толпа поредела, но свидетелей оставалось слишком много. Септимус ждал подходящего момента.

— Что ты ей сказал? — после долгого молчания спросил Марух.

— Что я хочу купить еще фруктов. Она ведет нас к другому торговцу.

Голос оружейника слегка оттаял при взгляде на ошарашенную физиономию старшего раба.

— Не только мы занимаемся этим. По всей станции рабы, верные легиону, ведут ту же игру. Просто... это то, что должно быть сделано.

— Ты уже поступал так раньше?

— Нет. И я собираюсь все сделать правильно, чтобы не пришлось вскоре возвращаться к этому.

Марух ничего не ответил. Они шли еще несколько минут, пока сбоку не замаячил вход в узкий темный туннель.

Глаза Септимуса — человеческий и магнетический — оценивающе оглядели коридор. Если он не окончательно сбился с пути в этом мерзком лабиринте, боковой переход должен вывести их обратно к кораблю быстрее, чем основной туннель.

— Будь наготове, — шепнул он Маруху и снова похлопал женщину по плечу.

Серебряное кольцо на пальце чуть оцарапало ее шею. Торговка остановилась и обернулась.

— Квис?

Она казалась растерянной. Толпа все еще текла мимо, и женщина прикрывала ведром живот.

Септимус молчал, следя за тем, как веки торговки опускаются. Как только глаза женщины начали закатываться, он быстро подхватил ее и удержал на ногах. Для всех проходящих мимо — точнее, для

тех немногих, что обращали внимание на окружающее, — это выглядело так, словно раб внезапно ее обнял.

— Помоги мне, — приказал он Маруху. — Мы должны доставить ее на корабль прежде, чем она очнется.

Марух поймал ведро, выпавшее из разжавшихся пальцев. Оставив ведро у стены, они потащили женщину прочь. Ее руки лежали на плечах у мужчин, ноги переступали автоматически, а глаза закатились, как у пьяной. Так она под руку со своими похитителями направилась к новой жизни в загоне для рабов на борту «Завета крови».

Выйдя из общей душевой, Октавия поплотнее закуталась в куртку. Ее вооруженные служители удерживали в коридоре смертных из команды корабля, дожидавшихся своей очереди. По вполне очевидным причинам Октавии приходилось мыться в одиночестве. Несмотря на то что команде эти причины были известны, популярности навигатору они не прибавили.

Когда девушка вышла в коридор, большинство отвернулись. Некоторые осенили себя знаками, отгонявшими зло, что показалось Октавии довольно глупым, учитывая, где жили эти люди. Обратившись к двоим из служителей, навигатор негромко попросила вынести тело Телемаха из душевой и поступить с ним так, как они сочтут нужным.

Когда девушка пошла прочь, вслед ей понеслось бормотание на нострамском. Даже в своей одинокой жизни никогда еще она не чувствовала себя настолько изгоем. По крайней мере, экипаж «Звездной девы» ее не ненавидел. Боялся, это правда. Смертные всегда ощущали страх в присутствии навигаторов. Страх являлся частью ее генетического наследия, столь же неотъемлемой, как третье око. Но здесь все было по-другому. Они ненавидели и презирали ее. Ее презирал даже сам корабль.

Пес тащился по пятам за хозяйкой. Некоторое время они шли в молчании. Октавии было все равно, куда идти.

— Сейчас вы пахнете очень по-

женски, — неловко сообщил Пес.

Она не стала спрашивать, что это значит. Возможно, вообще ничего — просто еще одно из его до боли очевидных высказываний.

— Я не хочу больше так жить, — сказала Октавия в пространство, глядя на серые стены коридора.

— Нет выбора, госпожа. Другой жизни нет.

Трон, до чего же болел ее третий глаз! Зуд под повязкой делался все сильнее. Октавии очень хотелось впиться ногтями в кожу вокруг закрытого ока и расцарапать ее, чтобы хоть как-то облегчить жжение.

Девушка продолжала идти, наугад сворачивая в боковые коридоры. С одной стороны, ее раздражала собственная слабость, с другой — в последнее время на нее свалилось чересчур много.

Издалека донесся крик — кажется, женский, хотя он оборвался слишком быстро, чтобы можно было сказать наверняка. Молотки, или что-то вроде них, стучали поблизости в угрюмом

индустриальном ритме, приглушенном толстыми металлическими стенами.

Око снова пронзила боль — настолько сильная, что от нее затошнило.

— Пес? — Девушка остановилась.

— Да, госпожа.

— Закрой гла... Не важно.

— Да, госпожа.

Остановившись, он принялся озираться вокруг, пока Октавия снимала повязку. Кожа на лбу стала липкой от пота и горела под пальцами. Навигатор дунула вверх, но это лишь отбросило в сторону несколько влажных прядей и заставило ее почувствовать себя еще глупее. Никакого облегчения не наступило.

На нос упала капля пота. Октавия стахнула влагу ладонью и тут заметила, что по пальцам размазалось темное.

— Трон Бога-Императора! — выдохнула она, глядя на собственные руки.

Пес содрогнулся при звуках проклятия.

— Госпожа?

— Мое око... — пробормотала Октавия, вытирая руку о куртку. — Из него идет кровь.

Слова бессильно повисли в воздухе. Стук молотков сделался громче.

От прикосновения ко лбу девушка вздрогнула, но все же заставила себя промокнуть банданой воспалившуюся плоть. Око навигатора не кровоточило. Не совсем. Оно плакало. Из него лились кровавые слезы.

— Где мы? — спросила Октавия.

Голос ее дрожал, а дыхание паром клубилось у губ.

Пес принюхался.

— У апотекариона.

— Почему тут так холодно?

Горбун вытащил ржавый обрез из-под тряпья.

— Не знаю, госпожа. Я тоже замерз.

Октавия снова повязала банданну, а Пес направил оружие в бесконечную вереницу теней.

Впереди них со скрипом открылся тяжелый люк, ведущий в апотекарион. Стук молотков стал еще громче и четче. Он исходил изнутри.

— Пес? — шепнула девушка, понизив голос до шепота.

— Да, госпожа?

— Не ори...

— Прошу прощения, госпожа, — прошептал он.

Тупоносый обрез нацелился на дверной проем и открывшееся их взглядам помещение. Там, во мраке, тянулись ряды пустых хирургических столов.

— Если ты увидишь там Рожденную-в-пустоте, стреляй в нее.

— Рожденная-в-пустоте мертва, госпожа.

Пес оглянулся через плечо, и его изуродованное лицо скривилось в озабоченной гримасе.

Октавия ощущала, как кровь стекает по носу, щекочет губы и капает с подбородка. Повязка не сдерживала кровотечения — не лучше, чем полоска грязного бинта. Черная ткань уже промокла насквозь.

Навигатор приблизилась к двери, вытаскивая собственный пистолет.

— Госпожа.

Она взглянула на Пса.

— Я пойду первым, — заявил он.

Не дожидаясь ответа, служитель переступил через порог. Горб мешал ему, так что приходилось держать обрез на уровне зашитых нитками глаз.

Девушка последовала за ним, глядя вдоль линии прицела.

Комната была пуста. На столах — ничего. Заброшенные аппараты стояли неподвижно и тихо. Октавия моргнула человеческими глазами, чтобы стряхнуть щиплющую их кровь. Это не слишком помогло.

Металл бил о металл. Грохот почти оглушал в ледяном сумраке пустого зала. Девушка резко развернулась к дальней стене, наведя пистолет на десять герметически запечатанных люков, каждый высотой и шириной с человека. Один из них вздрагивал в унисон с доносящимися изнутри ударами. Что бы ни находилось там, оно хотело вырваться на волю.

— Давай убираться отсюда, — выдохнула Октавия.

Пес, однако, не спешил спасаться бегством.

— Может ли оно причинить нам вред, госпожа?

— Это просто эхо. — Она проверила счетчик патронов. — Просто отзвуки былого. Как и девочка. Просто отзвуки. Отзвуки никому не могут причинить вреда.

Псу не представилось случая согласиться или возразить. Дверь склепа с грохотом распахнулась на взвизгнувших петлях. Во тьме за ней шевельнулось что-то бледное.

— ...не хочу, чтобы меня убило оружие Малкариона...

Призрачный голос, безжизненный, но четкий, прорезал холодный воздух.

— — ...хотел бы вступить в Первый Коготь...

Октавия широко распахнула глаза. Прошипев Псу приказ следовать за ней, девушка попятилась.

Но путь к отступлению перекрыла другая фигура. Высокий силуэт чернел во мраке, красные глазные линзы безмолвно следили за движением Октавии.

— Талос! — выдохнула она, ощутив,

как волной накатывает облегчение.

— Нет, навигатор. — Повелитель Ночи вступил в комнату, обнажая оружие. — Не Талос.

Он вернулся, как Вариил и предполагал. Живодер приветствовал гостя кивком и закрыл гололитический текст, который изучал до его прихода.

Талос явился не один. За его спиной стояли Кирион, Ксарл и Меркуций — вооруженные, в шлемах и молчаливые, не считая гудения их боевой брони.

— Когда я сплю, — голос Пророка звучал почти пристыженно, — я вижу сны. Мышцы реагируют, но я не просыпаюсь. Если я порву ремни, привязывающие меня к столу, братья подержат меня, пока ты будешь проводить операцию.

— Один не пришел, — заметил Вариил.

— Ужас часто не отвечает на наш зов, — ответил Кирион, — кроме тех случаев, когда грозит бой.

— Очень хорошо.

Апотекарий Корсаров подошел к

единственному хирургическому столу в его
личных покоях.

— Давайте приступим.

XIV
ВЕРНОСТЬ

Голоса братьев доносятся до него смутно и не имеют никакого значения. Они принадлежат миру дурных запахов, болезненных мыслей и саднящих мускулов. Если сфокусироваться на них, сон будет нарушен и придется вернуться в ледяную комнату, где его несовершенное тело бьется на операционном столе.

Пророк обрывает связи с этим миром и ищет убежища в другом.

Его братья исчезают в тот момент, когда он...

...открыл глаза. Неподалеку взорвался еще один снаряд, тряхнув серые бастионы у него под ногами.

— Талос, — раздался голос капитана, — ты отходим.

— Мне надо извлечь прогеноиды, — ответил он сквозь зубы.

Его руки работали с механической точностью, взламывая, делая надрезы, распиливая и извлекая. Сверху раздался рев сбоящего двигателя. Талос решился взглянуть вверх, где катер Железных Воинов с визгом вошел в штопор. Из дюз корабля вырвалось пламя. Цилиндр с геносеменем скользнул в перчатку апотекария как раз в тот момент, когда «Громовой ястреб» врезался в одну из сотни ближайших башен. Стену снова сильно тряхнуло.

— Талос, — в искаженном помехами голосе капитана слышалось нетерпение, — где ты?

— Я закончил.

Он поднялся, подобрал болтер и бегом сорвался с места, оставив на камне распростертое тело брата-легионера.

— Я вернусь за ним, — сказал воин из его отделения по вокс-каналу.

— Только быстро.

Капитан был, по понятным причинам, в отвратительном расположении духа.

В глазах у апотекария помутилось — его шлем пытался справиться с ослепительными вспышками очередного артобстрела. Орудия на верхушке башни поливали небо огнем, исторгая гром и пламя из разверстых глоток. Впереди возвышалась еще одна крепостная стена, где его братья добивали артиллерийские расчеты. Разорванных на куски смертных швыряли вниз, и они валились в стометровую пропасть чудовищным градом.

Что-то ударило апотекария в спину, настолько сильно, что он упал на четвереньки. На секунду его дисплей подернулся сеткой помех. Талос мигнул и ударил лбом о каменную кладку. Ясность зрения немедленно вернулась. Воин перевернулся и начал палить из болтера, еще не окончив движения.

— Кулаки! — передал он. — Позади нас!

Они мчались, разбив строй и сжимая болтеры в золотых латных перчатках. Несмотря на расстояние, еще один снаряд отскочил от наплечника Талоса, засыпав крепостную стену осколками.

Когда он попытался подняться, болтерный снаряд угодил в грудь. Взрыв повредил нагрудник и разбил выгравированный там символ легиона. С беззвучным стоном апотекарий снова рухнул на спину.

— Не вставай, — велел один из братьев.

На визоре вспыхнула опознавательная руна — имя его сержанта.

Темная перчатка упала на ворот доспеха, цепляясь за керамит.

— Продолжай вести огонь! — приказал сержант. — Прикрой нас — или мы оба покойники!

Талос перезарядил болтер, со щелчком вогнав новую обойму, и снова открыл стрельбу. Брат, согнувшись, стрелял из пистолета и тащил апотекария за собой.

Сержант отпустил его, когда оба они укрылись за грудой щебня.

— Спасибо, брат, — сказал Талос.

Сержант Вандред перезарядил свой пистолет.

— Не стоит благодарности.

«Держите его!»

Вот. Снова голоса его братьев, отчетливее, чем прежде.

«Я держу».

Ксарл. Он сердит. В голосе брата слышатся те же резкие нотки беспокойства, что окрашивали его и в ранней юности.

Пророк чувствует, как костяшки его пальцев отбивают чечетку на столе, — это судорожно сокращаются кистевые мускулы. Возвращаются ощущения реального мира, а с ними и боль. Воздух, предательски ледяной, врывается в легкие.

— Проклятье!

Голос Вариила. Брата по клятве, а не по крови.

— Он в сознании или спит? Датчики показывают и то и другое.

Пророк — уже не апотекарий на бастионах Терры — бормочет, захлебываясь слюной.

— Это видение.

Кирион. Сейчас говорит Кирион.

— Так у него случается. Просто делай свое дело.

— Это «видение» влияет на его сон и нарушает показания датчиков. Кровь Пантеона, его каталепсический узел после этого может никогда больше не заработать — тело пытается отторгнуть имплантат.

— Его что?

— Я не шучу. Его организм бунтует и отторгает любые имплантаты, связанные с мозгом. Это, вероятно, происходит при каждом его видении, а раны усиливают процесс. Чем бы ни были эти сны, они не естественные производные его геносемени.

— Ты имеешь в виду, он нечист? Запятнан варпом?

— Нет. Это не мутация, а продукт генетического развития. Во многих инициатах геносемя не приживается. Вы, конечно, не раз это видели.

— Но у него прижилось.

— Да, однако с большим трудом. Взгляните на его анализы крови и белковые маркеры — тут и вот тут. Смотрите, что имплантаты делают с его человеческими органами. Его собственное геносемя ненавидит его. Те вещества, что вырабатывались в юности, чтобы превратить Талоса в одного из нас, все еще бушуют у него в крови. Они пытаются изменить его даже теперь. Как и все мы, он не может развиться дальше этого генноусиленного состояния. Но его тело все еще пытается. И, как результат, он подвержен видениям. Тело Талоса слишком агрессивно реагирует на кровь вашего примарха. Его гены постоянно изменяются.

И тогда Пророк задумывается: а не в этом ли заключалось проклятие его отца? Его генетического сюзерена — примарха Восьмого легиона, Конрада Курца. Возможно, измененные манипуляциями Императора гены так никогда и не прижились в его теле? Возможно, сила Конрада Курца порождена тем, что более

слабый организм отторгал кровь Императора?

Талос пытается улыбнуться, но с губ его летят только брызги слюны.

— Держите его.

Вариил не рассержен — он никогда не сердится, но в голосе явственно звучит недовольство.

— Эти конвульсии и без того затрудняют работу, но сейчас ему грозят серьезные повреждения мозга.

— Пожалуйста, Корсар, просто сделай все, что сможешь.

Меркуций. Сын богача, наследник синдиката на Городской Периферии. Всегда такой вежливый. Он замечает улыбку Пророка, но принимает ее за судорожную гримасу, порожденную не юмором, а мышечным спазмом.

— У него нарушение сердечного ритма. В обоих сердцах. Талос! Талос?

— Он не слышит тебя. Во время видений он никого не слышит.

— Странно, что он вообще способен это пережить.

Вариил умолкает, и мозг Пророка

пронзают новые вспышки боли, затопляющие поле зрения красным.

--- Мне... надо... активировать его анабиозную мембрану, чтобы стабилизировать работу основных органов... Он...

...был дома.

Он был дома, и мысль о том, что это всего лишь сон, не помешала привычному холодноватому чувству покоя охватить его. Воспоминание. Все это уже давно произошло.

Нет, это был не Ностромо. И не «Завет». Тсагуалса — их убежище, крепость на самом краю галактики.

Двери в Галерею Криков стояли распахнутыми. Стражи-Чернецы преграждали вход всем, кроме избранников примарха. В позах их читалась упрямая гордость — они не могли войти сами и все же охраняли покои примарха от вторжения. Терминаторы, элита легиона, ходили в те ночи с высоко поднятыми головами. Отказ Чернецов служить вновь избранному первому капитану был

воспаленной раной на теле легиона, но странным образом повышал их статус. Теперь, когда Севатара не стало, а на его место назначили терранца, гвардия прежнего Первого капитана разбилась на охотничьи стаи. Они держались вокруг уважаемых или командиров рот, вместо того чтобы остаться единым воинским формированием под началом у чужака.

Одним из терминаторов был Малек – еще в шлеме без клыков, с глазными линзами, то и дело вспыхивающими красным при наведении на цель. Талос отсалютовал двум Чернецам, прежде чем вступить в атриум.

Стены этой комнаты, как и многое другое в цитадели легиона, были сделаны из черного камня и изображали пытки. Скрюченные человеческие фигуры безмолвно корчились и изгибались, запечатленные в момент наивысшей агонии. Широко распахнутые глаза смертных и застывшие в крике рты молчаливо славили их мучителей.

Застывшие. Не вырезанные в камне. Талос задержался у дверей и провел

пальцами по открытым глазам маленькой девочки. Девочка тянулась к простертым в защитном — и таком бесполезном — жесте рукам взрослого мужчины — возможно, ее отца. Кем была она до того, как легион опустошил ее мир? Что успела в своей коротенькой жизни, прежде чем ее накачали паралитиком и залили роккритом? Какие мечты оборвались, когда ее, еще живую, замуровали в твердеющих стенах личного святилища примарха?

Или быть может, частью животного, бьющегося в панике сознания она понимала, что в смерти станет частью чего-то более значимого, чем любое из ее несостоявшихся достижений?

Там, в глубине камня, она была уже много лет как мертва. И смотревшая из стены маска обессмертила ее как вечное воплощение юности. Лицо девочки не обезобразили следы времени. Его не уродовали шрамы, доставшиеся в боях против Империума — того Империума, который уже много лет как утратил право на существование.

Пророк убрал руку с застывшего лица. Внутренние двери открылись, омыв его теплом расположенных за ними покоев.

Нынешней ночью Галерея Криков была в голосе — ее заполнял целый хор басовитых причитаний, пронзительных воплей, прерывистых всхлипов и скорбных стонов.

Талос шагал по центральному проходу, стуча ботинками по черному камню, а пол по обе стороны от его трона подергивался и шел рябью от бесконечных мучительных гримас. Глаза, носы, зубы, языки, торчащие из распахнутых ртов... Весь пол состоял из сплавленных воедино человеческих лиц, сохранявших подобие жизни с помощью гротескных кровяных фильтров и симуляторов органов, располагавшихся этажом ниже. Как апотекарий, Талос отлично знал эти механизмы: он был одним из тех немногих, кто отвечал за поддержание чудовищного спектакля Галереи. Облаченные в робы сервиторы выполняли свою единственную задачу — опрыскивали ковер из моргающих глаз водой, чтобы сохранить нужную

влажность.

Некоторые из избранников примарха уже ожидали внутри. Хеллах, чья преданность не знала границ, а искусство владения мечом — равных. На его нагруднике красовался череп в потеках багровой краски. Сахаал, терранец, недавно произведенный в Первые капитаны, — один из немногих чужаков, имевших доступ в это святилище. Аристократический лед в жилах принес Сахаалу немало насмешек от братьев, и повиновались ему неохотно. Йаш Кур, чьи пальцы непрерывно сжимались в судороге, а прерывистое дыхание было слышно даже сквозь динамики шлема. Тайридал, водивший точилом по гладиусу, отчего черепа на его доспехах сухо клацали. Латную перчатку воина пятнала красная краска — метка приговоренных легиона, тех, кто совершил преступления против собственных братьев и ожидал смерти от рук самого примарха. Приговор, висевший над головой Тайридала, будет исполнен тогда, когда лорд Курц сочтет преступника далее бесполезным.

Малкарион, скрестивший руки на груди, держался чуть в стороне. В Галерее Криков не существовало чинов и званий. Талос ограничился негромким приветствием своему капитану, и слова его потонули в поднимающихся от пола стенаниях.

Примарх вошел безо всякой торжественности. Курц распахнул двойную дверь за Троном Костей. Его бледные ладони казались еще светлее на кованом железе створок. Без вступления, без ритуального приветствия повелитель легиона опустился на свой трон.

— Нас так мало? — спросил он.

Узкие губы раздвинулись в акульей усмешке — зубы примарха были заточены до остроты наконечника стрелы.

— Где Якр? Фал Ката? Ацерб? Надиграф?

Малкарион прочистил горло.

— На пути в Анселадонский сектор, лорд.

Мертвецкое лицо Курца развернулось к капитану Десятой роты. Темные глаза источали трачный свет, вызывавший

мысли о притаившейся за ними болезни.

— Анселадон? — Примарх облизнул синеватые губы. — Зачем?

— Потому что вы приказали им отправиться туда, мой лорд.

Курц, казалось, задумался над услышанным. Его взгляд расфокусировался и устремился куда-то за стены дворца. Все это время ковер из человеческих лиц на полу продолжал завывать.

— Да, — наконец отозвался примарх, — Анселадон. Авангард флота Ультрамаринов.

— Так, мой лорд.

Когда-то волосы Курца были черными, по-нострамски черными — темные волосы того, кто вырос в мире без солнца. Теперь они утратили блеск, а на висках инеем прорезалась седина. Вены, вьющиеся под его бледной кожей, проступали так явственно, что казались картой подземных каналов. Отверженный принц, чья плоть умерла, но дух горел ненавистью столь жгучей, что тело не могло упокоиться в могиле.

— Я направил тридцать одну

флотскую группировку разной силы во владения моего отца. Полагаю, мы наконец-то взбесили Империум достаточно, чтобы Терре пришлось напасть. Но они не осадят Тсагуалсу. Этого я не допущу. Нет, я позабочусь о том, чтобы месть моего отца приняла более элегантные формы.

Во время разговора Курц поглаживал старые шрамы на горле — горькое наследие, оставленное его братом, Львом.

— И что вы станете делать после моей смерти, сыны мои? Рассеетесь по Галактике, как гнус, бегущий от восхода солнца? Легион возник для того, чтобы преподать урок, и этот урок будет дан. Взгляните на себя. Ваши жизни и так уже практически бесцельны. А когда клинок наконец упадет, у вас не останется вообще ничего.

Избранные с растущей тревогой переглянулись. Талос шагнул вперед.

— Отец?

Примарх хмыкнул. Его смех был как шелест волн, скребущих по отмели.

— Ловец Единственной Души. Говори.

— Легион хочет знать, когда вы вновь поведете нас в бой?

Курц вздохнул — долгий задумчивый вздох — и откинулся назад на уродливом троне из беспорядочно соединенных человеческих костей. Его боевой доспех, покрытый географическими вехами царапин, вмятин и старой чеканки, лениво зыркнул.

— Это спрашивает легион?

— Да, отец.

— Легиону больше не нужна моя рука на плече, потому что он уже созрел. Скоро нарыв прорвется, раскидав вас меж звезд. — Примарх слегка наклонил голову и провел ногтями по костяному подлокотнику. — Долгие годы вы убивали в свое удовольствие. Все вы. Нострамо скатился обратно в анархию, и то же самое произошло с легионом. Эта опухоль разрастется. Таков порядок вещей. Человек пятнает все, к чему прикасается, если его не остановить. Сыны Нострамо — не исключение. По правде говоря, они из самых худших. Хаос течет в их крови.

Тут он улыбнулся.

— Но ты ведь знаешь это, не так ли, Ловец Душ? И ты, военный теоретик? Все вы, рожденные в мире без солнца? Вы видели, как ваш мир сгорел, потому что грехи его жителей заразили Повелителей Ночи. И как же это было приятно — уничтожить грязный, раздувшийся от пороков шарик. Какой верной казалась мне мысль, что таким способом я излечу отравленный легион.

Примарх снова фыркнул.

— Как я был наивен!

Несколько долгих секунд Конрад Курц раскачивался, сжимая виски. Его плечи поднимались и опускались в такт с медленным, затрудненным дыханием.

— Господин? — одновременно заговорили сразу несколько воинов.

Возможно, беспокойство, прозвучавшее в их голосах, заставило Курца поднять голову. Трясущимися руками примарх стянул длинные волосы в хвост на макушке, убрав темные пряди с лица.

— Этой ночью мой разум в огне, — признался он.

Болезненный блеск в глазах примарха чуть поугас. Повелитель вновь откинулся на спинку трона.

— Как дела у армады, отправленной в Анселадон?

— Она достигнет места назначения через неделю, господин, — ответил Йаш Кур.

— Превосходно. Неприятный сюрприз для Жиллимана.

Курц махнул двум сервиторам, стоящим за троном. Под их робами прятались сильно модифицированные тела. Вместо рук сервиторам прирастили манипуляторы промышленных погрузчиков. Каждый из слуг осторожно держал священное оружие — две огромные перчатки из поцарапанного, изношенного керамита с пальцами, оканчивающимися гладкими металлическими когтями. Оба аугментированных раба одновременно приблизились и с благоговейной неспешностью подняли механические конечности. Словно оруженосцы древности, склоняющие колени перед рыцарем, они предлагали господину свою службу.

Курц встал с такой же медлительностью. Сейчас он возвышался над всеми присутствующими в зале. Непрекращающийся вой перерос в настоящие крики.

— Севатар, — нараспев произнес примарх, — выйди вперед.

Хеллах напомнил:

— Севатар мертв, мой принц.

Примарх замер, не донеся рук до керамитовых латных перчаток.

— Что?

— Мой принц... — Хеллах низко поклонился. — Первый капитан уже давно мертв.

Курц сунул руки в перчатки, подсоединив их к доспеху. Гул активированной боевой брони стал громче, и кривые когти задрожали от поступающей энергии. Сервиторы попятились, слепо наступая на вопящие лица и давя подошвами тяжелых ботинок носы и зубы.

— Севатар умер? — рявкнул примарх, разъяряясь. — Как? Когда?

Прежде чем Хеллах успел ответить,

генераторы в перчатках Курца с воем включились и по стальным лезвиям побежали искры.

— Мой принц... — Хеллах предпринял еще одну попытку. — Он погиб на войне...

Курц завертел головой, словно прислушиваясь к звукам, не слышным никому из его сынов.

— Да. Я вспомнил.

Когти отключились, гася покров из рукотворных молний. Примарх оглядел Галерею Криков — это аляповатое воплощение его собственного внутреннего раздора.

— Хватит разговоров о прошлом. Соберите роты, что остались в этой звездной системе. Мы должны приготовиться к...

— ...конвульсиям.

— Мне надо только зашить кожу. Он с невозможной скоростью перерабатывает даже специально синтезированные анестетики. Держите его.

Пророк чувствует, что говорит, что с его не полностью онемевших губ потоком

текут слова. Но они не имеют смысла. Он пытается рассказать братьям о доме, о Тсагуалсе, о том, каково было стоять в угасающем свете последних дней их отца.

— И...

...Малкарион выдернул меч из горла подыхающего Кровавого Ангела и пнул противника в нагрудник, отправив его обратно в зал.

— В брешь! — проревел капитан сквозь решетку вокса. — Сыны бессолнечного мира! В брешь!

Его поредевшие отделения хлынули вперед, прорвавшись еще на уровень глубже в дворец-континент. С потолка зала, украшенного картинами и статуями галереи, на головы Повелителей Ночи сыпались куски штукатурки. Каменная крошка и щебенка стучали по наплечникам апотекария.

Ксарл нагнал Талоса и побежал рядом. Под окровавленными подошвами их ботинок хрустела мозаика и мрамор.

— Чтоб этим Ангелам провалиться! Они отбиваются не слабее, чем мы

атакует.

Его задыхающийся после горячки боя голос звучал еще резче, чем обычно. В зубьях цепного меча застряли куски плоти.

Талос ощущал вес цилиндров с геносеменем в пазах-хранилищах своего доспеха.

— Мы сражаемся, чтобы победить. Они дерутся, чтобы выжить. Они отбиваются куда яростнее, чем ты атакуешь, брат. Можешь не сомневаться.

— Как скажешь.

Второй Повелитель Ночи задержался, чтобы обрушить ботинок на мозаичный рельеф имперской аквилы. При виде разлетевшегося на куски символа Талос подавил желание сплюнуть кислотой.

— Останавливаемся здесь! — прокричал капитан. — Возводите баррикады, укрепляйтесь в этом зале. Занимаем оборонительные позиции!

— Кровавые Ангелы! — крикнул один из воинов у входной арки.

Повелители Ночи валили столбы и статуи. Бесценные творения искусства

превратились в построенные на скорую руку укрытия, призванные защитить их во время ближайшей перестрелки.

— Апотекарий! — позвал один из сержантов. — Талос, сюда!

— Долг зовет, — ухмыльнулся Ксарл за наличником шлема.

Талос кивнул и выскочил из укрытия. Пригибаясь, он перебежал туда, где воины из другого отделения Малкариона засели в тени опрокинутой колонны.

— Сэр, — обратился он к сержанту Узасу из Четвертого Когтя.

Узас не надел шлем. Его острые глаза все еще внимательно следили за дверью, откуда ожидались Ангелы. Болтер Узаса, прижатый к нагруднику, был уникально тонкой работы — подарок от самого капитана. Малкарион лично заказал его в оружейной мастерской легиона, чтобы почтить победы Четвертого Когтя в Трамасском крестовом походе.

— Я потерял трех бойцов, — тихо сказал сержант.

— Их генетические линии не пресекутся, — ответил Талос. — Сжав

левую руку в кулак, он выдвинул из нартециума хирургическую иглу. — Я собрал их геноседя.

— Я в курсе, брат, но будь осторожен. Наши враги знают, какая ответственная миссия на тебя возложена. Им хочется убить тебя не меньше, чем Малкариона.

— За Императора! — неотвратимо грянуло из-за порога.

Талос вскочил вместе с воинами Четвертого Когтя и, подняв болтер, открыл огонь по Ангелам. Два снаряда взорвались, ударившись об арку, — Кровавые Ангелы оказались слишком осмотрительны, чтобы решиться на лобовую атаку.

— Я надеялся, — Узас перезарядил болтер одним плавным движением, — что жажда крови бросит их прямо под наш огонь.

Талос снова присел за колонну.

— Их укрытие надежнее, чем наше. У нас есть статуи. У них — стены.

Еще одна группа Повелителей Ночи перебралась за гигантский столб. Вандред и Ксарл были среди них.

— Вот тебе и единство отделений, — проворчал Талос.

— А, ты заметил? — хохотнул Вандред и стукнул по своему поврежденному шлему.

Одну из глазных линз рассекла тонкая трещинка.

— Мой вокс не работает. Ужас?

Второй сержант покачал головой.

— Даже каналы легиона забиты помехами. На канале Тридцать первой роты ничего, кроме визга. Что бы там с ними ни происходило, радости им это не доставляет.

— Я думал, это просто сбой вокса, — ответил Вандред. — Приятно знать, что все мы в одном и том же дерьме.

Один из устроившихся неподалеку Повелителей Ночи поднялся из-за укрытия и выпустил в Ангелов целую обойму. В его голову врезался единственный болтерный снаряд, сорвав шлем и обсыпав шрапнелью. С проклятием воин снова съежился за колонной, стирая с лица кровь и едкую слюну.

— Эти ублюдки хоть когда-нибудь

промахиваются?

Талос оглядел поредевшую Десятую роту, рассыпавшуюся по комнате.

— Не так часто, как нам хотелось бы.

Ханн Вел выстрелил вслепую поверх колонны. Прежде чем он успел в третий раз нажать на спуск, болтер взорвался в его руке, оторвав ему кисть. Став очередной жертвой снайперской стрельбы Кровавых Ангелов, Ханн Вел взревел, как раненый буйвол, и сжал обожженную культю здоровой рукой.

Затем, выражаясь до смешного витиевато для такой ситуации, он проорал:

— Чума на этих краснолатых шлюхиных детей!

«Выглядит паршиво», — подумал Талос.

Кривую улыбку апотекария скрыл шлем. Пусть варп заберет Ханна Вела, он был идиотом и в лучшие времена.

— Капитан! — кричал Узас в вокс. — Капитан, это Узас!..

Ответ военного теоретика едва пробился сквозь шипение статики.

— Да?

— Три отделения пойдут в атаку, остальные прикроют их огнем?

— Мои мысли в точности. По-другому нам не выбраться из этой вонючей дыры. Первый, Четвертый и Девятый, приготовиться к атаке.

— Эк нам свезло, — улыбнулся остальным Узас. Обнажив гладиус, он поднял голову и прокричал: — За магистра войны! Смерть Ложному Императору!

Клич подхватили остальные: боец за бойцом, отделение за отделением. Их крик ненависти волной ударил по Кровавым Ангелам.

Выругавшись сквозь зубы, Талос...

...увидел, как сцена боя тает. Величайшая из осад — все эти бесконечные часы, когда они пробивались из одного залитого кровью зала императорского дворца в другой, — вновь погружалась в глубины памяти.

— Как долго длятся эти припадки? — спрашивал Вариил.

— Столько, сколько нужно, — отвечал

Кирион.

Он...

...смотрел, как существо движется, медленно и лениво извиваясь. Оно лишь отдаленно напоминало человека. Примерно такой результат получился бы, если б кто-то попытался представить людей по крайне смутному и схематичному описанию. Из туловища торчали две руки. Две ноги несли его, ступая с отвратительной мягкостью. Каждая конечность была недоразвитой, состоящей из вывернутых суставов и костей, ворочающихся под бледной кожей с прожилками вен.

Топор Ужаса обрушился на существо, отсекая куски дымящейся плоти и разбрызгивая жидкость, заменяющую твари кровь. Туман облекал молочно-белое тело, мерцал по краям, формируя жуткое подобие брони легиона.

Клубок тумана на месте головы довершал образ, свиваясь в карикатурное изображение шлема Повелителей Ночи.

Позади и по сторонам Талос увидел

темные металлические стены заброшенного апотекариона «Завета». Октавия держала пистолет в обеих руках и поливала мечущуюся тварь лазерным огнем. Рядом монотонно грохотало — это карлик-служитель, вечно таскавшийся за навигатором, стрелял из своего обреза.

Узас снова активировал цепной топор.

Талос открыл глаза и обнаружил, что в маленькой комнатке остался только Вариил. Апотекарий работал в одиночестве, покрывая смазкой детали разобранных пистолетов.

— Узас... — произнес Пророк, но сорвавшийся голос его подвел.

Сглотнув, он снова попробовал заговорить.

Глаза Вариила были обведены темными кругами и покраснели от усталости.

— Они знают. Твои братья знают. Они слышали, что ты бормотал... во время сна.

— Сколько прошло времени? — Пророк приподнялся, напрягая ноющие мышцы. —

Когда они ушли?

Апотекарий Корсаров почесал щеку.

— Я провел четыре часа, восстанавливая твой череп и мозг с помощью как минимум тринадцати различных инструментов и спасая тебе жизнь и рассудок. Но к чему заострять на этом внимание, если можно предаться бессмысленному ажиотажу?

— Вариил?

Больше Пророк ничего не сказал, зато его взгляд выразил все то, что не смогли слова.

Живодер вздохнул.

— Нострамо рождал неблагодарных сынов, не станешь отрицать? Ну ладно. Что ты хочешь знать?

— Просто расскажи мне, что произошло.

— Это эхо варпа. — Голос Узаса пробился сквозь вокс-динамики шлема.

Не сводя с твари глаз, Узас открыто издевался над ней.

— Фантом. Ничто.

— Я знаю, что это, и лучше тебя. —

Октавия застыла у двери со взведенным лазпистолетом в руках. — Поэтому я и бежала.

Казалось, Повелитель Ночи ее не слышит.

— И винить за это следует тебя.

Ужас отвернулся от склепа, где слепленная из белой кожи и страдного тумана тварь рывками выползала из люка в зловещей пародии на неудачные роды. Взгляд красных глазных линз Ужаса остановился на Октавии.

— Ты это сделала.

Девушка не опустила пистолет.

— Я не хотела.

Повелитель Ночи вновь развернулся к существу. Оно поднялось во весь рост на трясущихся ногах. Тело было мертво уже несколько недель, но холод морга предохранил его от черных пятен тления. Создание оказалось голым, безголовым и безоружным, однако в его природе сомневаться не приходилось.

— Ты мертв, Дал Кар, — насмешливо бросил Ужас выходцу из варпа.

— ...хотел бы вступить в Первый

Коготь...

Голос существа был как перестук льдинок на ветру.

В ответ Узас нажал кнопку активации на рукояти топора. Зубья сердито взревели — им хотелось отведать чего-то поплотнее, чем пустой воздух.

— ... не хочу, чтобы меня убило оружие Малкариона...

Октавии не стыдно было признать, что она чувствовала себя гораздо храбрее сейчас, когда воин легиона — пусть даже именно этот воин — встал между ней и отвратительным призраком. Она выпустила три заряда из-за широкой спины Узаса, и Пес, как по сигналу, выстрелил вместе с ней. Пустые гильзы зазвенели по палубе.

Из огнестрельных ран на теле Дала Кара потекла дымящаяся, молочно-белая жидкость, однако существо продолжало приближаться спотыкающейся походкой. Шлем из тумана уставился на трех человек, а босые подошвы ног шлепали по полу при каждом шаге-рывке.

— Нет крови для жертвы. Нет черепа

для трофея.

Голос Повелителя Ночи утратил четкость, вместо слов из шлема донеслось мокрое хлюпанье.

— Ни крови, ни черепа. Напрасный бой. Напрасный.

Топор взревел громче.

— Умри во второй раз, Дал Кар. Умри во второй раз!

Узас бросился в атаку — без всякой грации, без отточенного изящества бойца. Он широко размахивал топором, с силой обрушивая его на противника, и одновременно рубил и кромсал тварь гладиусом во второй руке. Его беспорядочные удары выглядели бы смехотворно, если бы их наносил не воин почти трехметрового роста, чье оружие разрывало призрака на куски. Дымящаяся лимфа забрызгала ближайшие столы. Ошметки ядовитой плоти расплылись по полу серными лужами, с яростным шипением въедавшимися в палубу.

Поединок, если это можно было так назвать, закончился за считаные секунды.

— Ффух, — выдохнул Узас, завершив

бой.

Он с отвращением выронил оружие, загремевшее об пол.

— Ни крови. Ни черепа. Ни геносемени для победного пира. Просто туша из слизи, растаявшая в воздухе.

— Ужас? — позвала Октавия.

Повелитель Ночи обернулся к ней.

— Ты сделала это. Ты призвала к себе Нерожденного. Я знаю истории. Ты убила своим мутантным глазом. Я знаю. И Нерожденный пришел. Слабый. Легкая добыча. Надо убивать их, пока не наберутся силы. В этот раз, в этот раз навигатору повезло. В этот раз, в этот раз.

— Благодарю тебя. — Девушка понятия не имела, слышит ли ее Повелитель Ночи, и если да, то есть ли ему дело до ее слов. — Благодарю за то, что убил Нерожденного, пока он... оно... было слабым.

Воин оставил оружие на полу.

— «Завет» не может лететь без тебя.

Ужас заколебался, оглянувшись на

склепы. Один из морозильников стоял распахнутым — широкий проем люка темнел, как дыра на месте выпавшего зуба.

— Боль возвращается. Убей одного жалкого демона, которого и соплей можно перешибить, — и боль возвращается. Ни крови. Ни черепа. Ничего не осталось для приношения, ничего, чтобы доказать, что деяние совершено. А тварь была слишком слаба, чтобы что-то значить. Даже не настоящий демон. Пропащая душа. Фантом. Я уже говорил это раньше, да? И вот я убил твоего маленького дурацкого призрака. Но другие все еще преследуют тебя, ведь так? Если ты убиваешь своим оком, они становятся сильнее. Истории о навигаторах. Слышал много таких.

Октавия кивнула, хотя при звуках его неуверенного голоса по коже бежали мурашки.

«Он не лучше, чем эхо варпа», — подумала она и ощутила укол вины.

— Октавия. Восьмая.

— Да... господин.

— Септимус. Седьмой. Он

отказывается чинить мой доспех, если Талос ему не прикажет. Седьмой похож на моего брата. Он следит за мной и думает, что я не в себе.

Октавия не знала, что сказать.

— Теперь я стал сильнее, — добавил он и тихо, невесело засмеялся. — Но и боль — тоже сильнее. Видеть истину. Красть силу. Оружие. Не вера. Но сложно держать себя в руках, когда мысли разлетаются.

Двери апотекариона снова со скрипом распахнулись, и на пороге встали трое. На фоне тускло освещенного коридора возникли три Повелителя Ночи с оружием в руках.

— Ужас, — Ксарл выплюнул это имя с отвращением, — что здесь произошло?

Повелитель Ночи поднял меч и топор, с которых капала ядовитая лимфа.

— Ничего.

— Ответь нам, — предостерегающе произнес Меркуций.

Штурмовой болтер в его руках — тяжелая пушка из черного металла — угрожающе нацелился на ссутулившуюся фигуру в центре комнаты.

— Уйдите с дороги, — проворчал Узас. — Я пройду мимо вас или пройду через вас.

Ксарл, не скрываясь, хмыкнул. Динамики вокса превратили смех в треск.

— Ну у тебя и фантазия, брат!

— Пропустите его, — сказал Кирион, отступая в сторону. — Октавия, ты в порядке?

Навигатор кивнула, глядя вслед ковыляющему к двери Узасу.

— Я... да. Я в порядке.

Она добавила «господин» на несколько секунд позже, чем надо, но все же добавила. В этот раз.

XV
БЕСПОКОЙСТВО

Люкориф из Кровоточащих Глаз протер промасленной тряпкой зубья своего цепного меча. От скуки раптор страдал нечасто, за что благодарил судьбу. В тех редких случаях, когда скука его настигала, он с трудом мог перенести вялость и уныние, сопровождавшие эти периоды бездействия.

«Завет» вел себя так же, как любой другой корабль легиона в нейтральном доке. А именно: накачивался припасами и людьми, забирая без спросу то, что не мог купить, и отрыгивая в ответ

награбленное добро. И все это происходило под мертвенный лязг молотков ремонтных бригад, барабанящих по корпусу.

Вораша, один из лучших бойцов Люкорифа, заполз в трюм, который оккупировали Кровоточащие Глаза. Раптор передвигался на четвереньках, той же звериной походкой, что и большинство из его собратьев. Стальные когти оставляли вмятины — а порой и сквозные прорехи — в металлическом покрытии палубы.

— Долгие недели в доке, да-да.

Вместо ответной реплики, Люкориф вздохнул. Речь Вораши всегда действовала ему на нервы: второй раптор уже почти не выговаривал слова, довольствуясь шипением и пощелкиванием. Его высказывания зачастую чередовались с таким вот ребяческим лепетом. «Да-да, — бормотал он снова и снова. — Да-да». Если бы Вораша не был столь искусным бойцом, Люкориф давно бы уже его прикончил.

— Надо бы полетать, — гнул свое Вораша. — Да-да.

Двигатель на его спине закашлялся,

соглашаясь с хозяином, и испустил тонкую струйку дыма. В трюме завоняло жженым углем.

Перед тем как заговорить, Люкориф сердито каркнул, давая понять, что под бесстрастной маской прячется гнев.

— Тут не на что охотиться. Расслабься, крылатый брат.

— Много дичи, — хихикнул Вораша. — Можно охотиться на Корсаров. Вскрывать их доспехи. Пить теплую кровь, хлещущую из разорванных вен.

— Позже.

Люкориф покачал головой — редкий в его исполнении человеческий жест.

— Пророк согласился служить Кровавому Корсару. Мы союзники... пока что. Время предательства наступит позже.

Он вернулся к чистке своего разделочного клинка, хотя даже это портило ему настроение. Меч, не отведавший крови, не нуждался в чистке — в чем и состояла проблема.

Вождь рапторов оглядел грузовой трюм. Кабели в шейном отделе его

доспеха сокращались с механическим жужжанием. Мебелью тут служили вышедшие из строя орудия. Группка закутанных в плащи рабов легиона тихо переговаривалась в дальнем углу.

— Где Кровоточащие Глаза?

— Кое-кто на станции. Кое-кто на корабле. Да-да. Все ждут осады Вилата.

Люкориф исторг из себя скрежет, отдаленно напоминавший смех. Ах да. Вилат.

Талос и Малек стояли друг напротив друга по разные стороны стола. Эта расстановка, пусть и невольно, отражала их позиции в споре.

— Мы должны лететь с Корсарами, — повторил Пророк. — Я не возражаю против того, чтобы отдать долг Гурону. Но «Завет» стоит любых двух крейсеров в его флоте. Когда корабли Гурона рассредоточатся при осаде Вилата, «Завет» продержится столько, сколько нам потребуется. Тогда-то мы и сделаем свой ход. Мы быстро уйдем от Вилата, пока войска Гурона еще только будут

высаживаться. А затем мы захватим «Эхо проклятия».

— Это идиотизм. — Малек повернул свою массивную голову к сидящему на троне Вознесенному. — Мой господин, мы не можем принять план Пророка.

Существо царственно махнуло им обоим когтистой перчаткой.

— Ах, но мне нравится его план. Я разделяю его страсть к кровопролитию и тоже не желаю, чтобы «Эхом проклятия» владели те, кто не рожден на Нострамо.

— Но, господин, мы слишком многое оставляем на волю случая. Даже если мы преуспеем, «Завет» получит тяжелые повреждения. А что, если нас возьмут на абордаж в то время, когда, по плану Пророка, палубы будут пусты?

— Тогда команда и те легионеры, что останутся на борту, умрут.

Демон стащил свою громадную, облаченную в экзоскелет тушу с трона. Сочленения доспеха отозвались протяжным скрипом.

— Пророк.

— Сэр?

— Ты не учел одного. Прежде чем мы захватим «Эхо проклятия», нам придется помочь Гурону прибрать к рукам Вилам. Сколько людей мы там потеряем? Никого, если судьба спляшет под нашу дудку. А если фортуна предпочтет иной мотив, как это происходит обычно? Каждый воин, которого убьют на Вилате, — это боец, который не встанет рядом с тобой при штурме «Эха».

Талос набрал короткую команду на консоли гололитического стола. Источники питания, мигнув, включились, и проекторы развернули перед советом трехмерную иллюзию. Ложь. Подрагивающее, вращающееся изображение ударного крейсера Корсаров, фальшивый «Яд первородства».

— Просто дайте мне Кровоточащие Глаза, — сказал Талос. — Я поведу их на штурм вместе с Первым Когтем. Мы захватим «Эхо проклятия» во время отступления от Вилата.

Демон облизнул губы черным языком.

— Ты многого просишь. Мое лучшее отделение и только что доставшуюся мне

секту рапторов. Крайне ценные для меня ресурсы.

— Я не подведу легион. — Талос кивнул на гололит. — Это ты пришел ко мне, Вандред. Ты хотел воссоздать нас из пепла. Дай то, что мне нужно, и я вернусь с еще одним боевым кораблем.

Вознесенный смерил Пророка долгим взглядом. В последнее время нечасто увидишь такое рвение, свет такой убежденности в глазах воина легиона.

— Я тебе доверяю, — сказал демон. — Брат. Я дам тебе необходимые силы и приму на себя огонь Корсаров, пока ты будешь претворять в жизнь свой план. Пока что я вижу в твоей задумке только один недостаток.

— Назовите его, сэр.

— Если ты ворвешься на корабль и захватишь его, навигатор Корсаров может отказаться служить тебе. Или хуже того, перебросит судно обратно к Зрачку Бездны.

— Я убью навигатора «Первородства», — откровенно признался Талос. — Я уже думал о возможности

предательства.

Демон склонил голову к плечу.

— И как же ты собираешься затащить свой новый корабль в варп?

Пророк замешкался с ответом.

«Ах, — подумал Вознесенный, — это мне вряд ли понравится».

— Октавия? — сказал демон. — Ты собираешься забрать ее с собой?

— Да. Она пойдет с нами во время штурма. Она поведет корабль, когда мы его захватим.

Вознесенный зашелся полусмехом-полурычанием.

— А «Завет»? Кто поведет его через Море Душ, когда ты сбежишь, оставив нас на потеху батареям Гурона?

Талос снова заколебался.

— У меня... есть идея. Надо еще подумать над ней, но, полагаю, это может сработать. Я приведу свой план в действие только тогда, когда каждый фрагмент мозаики встанет на место. Обещаю.

— Хорошо. Тогда я даю тебе разрешение. Но для начала ты должен сосредоточиться на первой из наших

проблем. Прежде чем предать Гурона, мы должны пережить союз с ним.

Малек втянул воздух, и седеющую щетину на его подбородке прорезала едва заметная усмешка.

— Вилам.

— Так и есть, — проворчало создание. — В первую очередь мы должны пережить Вилам.

Шли недели, и недовольство Октавии росло. Воины легиона занимались тренировками и боевыми учениями, готовясь к битве, о которой ей не удосужились рассказать. Никто из Первого Когтя не приходил навестить Октавию в ее покоях. Не то чтобы она этого ожидала, но скука приводила ее в отчаяние.

Из смертной команды навигатор знала только Септимуса, Маруха и Пса. Первый из этого списка... Что ж, в любом случае ей не хотелось сейчас видеться с ним. Последняя их встреча прошла крайне неловко. Девушка почти радовалась, что Кирион помешал им, — хотя даже не знала наверняка, чему именно он помешал.

Второй в списке обычно крутился рядом с Септимусом. Сейчас они оба были на станции и занимались там какой-то сомнительной деятельностью, о которой предпочитали не распространяться. Значит, ей оставался Пес. При всех своих достоинствах служитель был не лучшим из собеседников. Царственную кровь в ее венах, возможно, и разбавили многие поколения неудачников, однако Октавия все еще оставалась аристократкой Терры и несколько раз устраивала приемы для правящей элиты метрополии.

Основной темой разговоров служителя была его госпожа. Похоже, вне этого предмета его мало что интересовало, хотя он оказал навигатору немалую помощь в изучении ностармского — змеиного языка, ушедшего от готических корней куда дальше, чем любое известное ей людское наречие. Но как только девушка перестала искать сходство, дело пошло легче.

И все же скука всегда стояла у нее за плечом. Навигаторы не были рождены для безделья.

Кроме бесед с Псом, ей приходилось занимать себя бесконечными отчетами о проделанных ремонтных работах, но в последние дни даже они истощились до тонкого ручейка. «Завет» был готов покинуть док.

Датчик движения на двери снова звякнул. Октавия поймала себя на том, что рука автоматически тянется к повязке на лбу. Кое-какие привычки развивать не стоит, а от этой уже было трудно отвязаться. Слишком часто девушка чувствовала, что во время разговора с Псом рука ее беспокойно подергивается. И при каждом громком шуме с верхних палуб Октавия ощупывала закрытое банданой око.

Пес, проковыляв через замусоренную комнату, задрал голову и проверил экран над входным люком.

— Это Септимус, — сообщил служитель. — Он один.

Навигатор с деланым вниманием уставилась на свой личный экран, вмонтированный в подлокотник командного трона. Пока Октавия

проглядывала логи информационной базы «Завета», на четырехугольнике дисплея сменялись схемы, отчеты и записи бортового журнала. Данные, поступающие со Зрачка Бездны, переполнили и без того обширную бортовую базу новыми сведениями о местных субсекторах.

— Госпожа?

— Я тебя слышала.

Октавия нахмурилась, всматриваясь в мерцающий экран, и в третий раз ввела: «ВИЛАМ», уточняя условия поиска.

— Должен ли я впустить его, госпожа?

Она покачала головой.

— Нет, благодарю. Ты знаешь, что такое Вилам?

— Нет, госпожа.

Пес отошел от двери и уселся на свое обычное место, спиной к стене.

На черном экране вспыхнула ядовито-зеленая надпись «ОБЪЕКТ НАЙДЕН». Девушка открыла файл, в котором обнаружились колонки текста и цифр.

— Это бы сильно мне помогло, — вздохнула Октавия, — если бы я умела

читать по-бадабски.

Текст сопровождали размытые снимки с орбиты. Навигатор удивленно охнула, когда пикты прояснились. Планета на них не отличалась от тысяч других миров — за одним разительным исключением.

— Я не понимаю, почему мы... Ох! Ох, Трон Бога-Императора... Они же не собираются атаковать...

Октавия оглянулась на Пса, который увлеченно теребил выбившийся из повязки конец бинта.

— Пес, — сказала она, — по-моему, я знаю, что такое Вилам.

Септимус направлялся к Черному Рынку. Он твердо вознамерился держать себя в руках и не дать дурному настроению взять верх. Октавия даже в самые мирные свои часы была непредсказуемым созданием. Пытаться понять ее — все равно что попробовать сосчитать звезды.

Несколько торговцев приветствовали его кивками, кое-кто — косыми взглядами, но большинство — улыбками. Огромный зал

кипел активностью. Новое оборудование и инструменты разлетались в ту же секунду, как их контрабандой протаскивали на борт со Зрачка Бездны. Рядом с некоторыми прилавками топтались бандитского вида телохранители, стерегущие ценный товар. Раб заломил бровь, проходя мимо стола, заваленного награбленным оружием Имперской Гвардии, — там был даже цепной меч, переделанный под человеческую руку. Однако его взгляд привлекло другое.

Септимус указал на массивную, длинную лазерную винтовку. Ее ствол и приклад были отлиты из тусклого, ничем не украшенного металла. Царапины и пятна окалины на оружии остались как после старых боев, так и после недавнего осквернения, — видимо, кто-то убрал символ имперской аквилы.

— Вулуша? — спросил раб пожилого торговца в рваной униформе легиона. — Вулуша сетришан?

Человек ответил профессионально-фальшивой улыбкой и назвал теновую цену.

Улыбка Септимуса была не менее притворной.

— Ничего себе цена! Это всего лишь винтовка, друг мой. Не жена.

Торговец взял с прилавка цепной меч. Раздувшиеся в костяшках пальцы старика обхватили рукоять так неумело, что в настоящем бою его бы разоружили за долю секунды. Человек несколько раз неуклюже взмахнул мечом.

— У меня больше товара, чем у других. Как насчет этого клинка? Лучше, чем тот тесак, что притотан у тебя к голени, правда? И погляди, какой у него превосходный баланс. Видишь? Когда-то этот меч принадлежал герою.

— Это цепной меч, Мелаш. Ни один цепной меч не может похвастаться превосходным балансом. Они вообще не сбалансированы.

— Зачем ты пришел сюда и угрожаешь мне?

— Потому что я хочу эту винтовку.

Мелаш провел языком по язве на губе.

— Хорошо. Но винтовка тоже принадлежала герою. Ты знаешь, что я

никогда бы не стал тебе врать.

— И снова мимо.

Септимус постучал ногтем по стершемуся инвентарному номеру Мунитория на ложе винтовки.

— По-моему, это гвардейское оружие стандартного образца. Что еще ты скажешь, старик? Что тебе надо кормить семью?

Торговец вздохнул.

— Твои слова глубоко меня задевают.

— Не сомневаюсь.

Септимус посторонился, пропуская плотную группку рабов. Черный Рынок казался оживленным как никогда. Находиться в центре такой толпы было почти утомительно, словно на настоящем ночном рынке крупного города. Факелы освещали десятки незнакомых лиц.

— Просто продай мне эту несчастную винтовку, Мелаш. Что ты хочешь взамен?

Старик пожевал нижнюю губу.

— Можешь достать аккумуляторы? Мне нужны батарейки, Септимус. Все притаскивают на борт фонари, но запасы батареек кончатся через пару недель после

того, как мы отправимся в путь. И кофеин. Сможешь принести мне кофеиновый порошок со станции?

Септимус окинул его пристальным взглядом.

— А теперь скажи мне, чего ты действительно хочешь. Не стоит вилять, даже если думаешь, что я откажусь.

Старик улыбнулся — более искренне, но в то же время смущенно.

— Поработаешь на меня?

Септимус вскинул бровь. Его аугметический глаз защелкал и зажужжал, пытаясь повторить выражение настоящего.

— Продолжай.

Мелаш почесал плешь.

— Есть проблемы с одной бандой на нижних палубах. Ребята Хокроя — недавно появившаяся группировка с Ганга. Они новички и еще не успели усвоить наши законы. Они кое-что у меня украли. Немного, но многого у меня и не было. Монеты, пистолеты, пару украшений моей жены... Она мертва. Погибла во время нападения Ангелов, но... Мне бы хотелось

вернуть все это, если ты можешь такое устроить.

Септимус протянул руку. Мелаш сплюнул на ладонь и взял его ладонь, намереваясь пожать.

— Это значит — дай мне винтовку, Мелаш.

— Ох! Да, понимаю.

Человек вытер руку о форменные штаны. Септимус, брезгливо поморщившись, сделал то же самое.

— Очаровательно, — пробормотал он. — Ремень ты украл вместе с винтовкой?

— Ремень?

— Да, ремень, чтобы носить ее на плече.

— Ремень, ты посмотри-ка. Я не имперский склад, мальчик мой.

Торговец вручил ему лазвинтовку.

— Между прочим, ее надо зарядить. Я пока не заряжал аккумулятор. Доброй охоты тебе там, внизу.

Септимус снова смешался с толпой. Он прошел мимо прилавка Аркии. Лавочка вдовца, когда-то самое оживленное место на Черном Рынке, теперь превратилась в

глаз бури: зона полнейшего спокойствия в бушующем вокруг хаосе.

Раб остановился у пустого прилавка.

— Где Аркия? — спросил он у стоявшей рядом женщины.

— Септимус.

Женщина приветствовала оружейника застенчивой улыбкой. Несмотря на то что по возрасту торговка годилась ему в бабушки, она подняла руку и поправила спутанные седые волосы.

— Разве ты не слышал? Аркия покинул нас.

— Покинул?

Пару секунд он всматривался в толпу.

— Он переселился на станцию? Или ушел вглубь корабля?

— Он... — Старуха заколебалась, заметив винтовку в его руках. — Аркию убили через несколько ночей после того, как господин из легиона явился сюда и отчитал его.

— Прошло уже много недель. Никто мне не сказал.

Торговка смущенно пожала плечами.

— Ты был занят, Септимус.

Ухлестывал за навигатором и собирал урожай для легиона, как я слышала. Дети и матери... Скольких ты привел на борт? Когда их выпустят из рабских загонов?

Оружейник отмахнулся от вопроса.

— Расскажи мне об Аркии.

Старуха скривилась, словно ледяной воздух коснулся одного из ее гниющих зубов.

— Когда сюда пришел господин из легиона, Аркия стал изгоем. Люди думали, что подойти к нему — дурной знак, что это может навлечь и на них недовольство легиона. Потом дела пошли еще хуже. Он начал утверждать, что снова видел свою дочь: будто бы она пробегала в коридорах за Черным Рынком. После этого он остался совсем один. Через неделю мы нашли его тело.

Женщина не пыталась скрыть от собеседника свои чувства и горечь в выцветших глазах. Убийства были обычным делом среди смертной команды «Завета» и случались с такой регулярностью, что затмевали уровень преступности в любом имперском городе-улье. На избитых до смерти и зарезанных

натыкались так часто, что большинство при подобной находке и глазом бы не моргнули — если, конечно, это не был кто-то из их близких. Однако Аркию здесь знали все, пусть только благодаря его дочери.

— Как он умер? Какие следы нашли на теле?

— Ему выпустили кишки. Мы обнаружили его сидящим у стены в одном из зернохранилищ. Глаза были открыты, рот закрыт, в руке — одно из тех украшений, что он сплетал из волос своей дочери. Его внутренности вывалились наружу — на колени и на пол вокруг.

Ужас. Мысль пришла непрошеной, и Септимус не дал ей сорваться с языка. Старухе, однако, слова были ни к чему. Женщина все прочла в его глазах.

— Ты знаешь, кто это сделал. — Торговка уставилась на него. — Разве нет, Септимус? Вероятно, один из воинов легиона. Может быть, даже твой господин.

Он пожал плечами, делая вид, что не понимает.

— Талос содрал бы с него кожу и повесил труп на Черном Рынке, как и обещал. Ты должна знать — он поступал так раньше. Если Аркию убил кто-то из легиона, это был другой.

Ужас.

Это мог быть любой из них, но имя прилипло, как пиявка, с той секунды, как пришло ему на ум. Ужас.

— Мне надо идти. — Септимус вымученно улыбнулся. — Благодарю тебя, Шалла.

Он не считал себя убийцей, но боги по обе стороны этой войны были свидетелями, что ему пришлось убивать не раз. Долг звал на бой, и его призывы зачастую сопровождались вонью фуцелина и грохотом винтовочных выстрелов в тесных залах или хрустом врубающегося в плоть мачете. Каждый раз, когда Септимус вспоминал сопротивление входящего в тело и натыкающегося на кость клинка, по пальцам его правой руки пробегала неприятная дрожь. Он был всего лишь человеком, и отрубить руку

противника удавалось иногда только со второй или третьей попытки — особенно если противник при этом пытался вцепиться ему в глотку.

Но все же Септимус не считал себя убийцей. Не истинным убийцей.

Вдобавок к этой иллюзии, за которую он цеплялся с таким усердием, словно искал в ней защиты, оружейник гордился тем, что никогда не наслаждался убийством. Пока, по крайней мере. Большинство из тех, кто погиб от его руки за последнее десятилетие, заслужили подобную участь — просто потому, что сражались на стороне противника.

Он мог даже успокоить свою совесть, когда дело касалось последних похищений. Он говорил себе — и своим жертвам, — что на борту «Завета» их ждет неизмеримо лучшая жизнь, чем в забытой богами корсарской дыре, откуда он их уводил.

Но тут было другое. И беда заключалась даже не в том, что он заранее замышлял убийство. Почему-то вся эта сделка, начиная с его согласия и кончая осуществлением замысла, вызывала

в нем внутреннюю дрожь.

Октавия. Он провел с девушкой слишком много времени. Слишком много часов он просидел с ней, обсуждая жизнь на борту «Завета», обдумывая и анализируя свое существование, вместо того чтобы рваться вперед, обгоняя вину и находя прибежище в привычном отрицании.

Когда-то — не так уж давно — она спросила, как его зовут.

«Не Септимус. — Октавия расхохоталась, услышав его ответ. — Как тебя звали раньше?»

Раб так и не сказал ей, потому что прежнее имя уже не имело значения. Он был Септимусом, Седьмым, а она Октавией, Восьмой. Ее прошлое имя тоже вряд ли что-то значило: Эвридика Мерваллион умерла. Разве фамильные связи или богатство ее семьи сейчас на что-то влияли? Разве имели значение изящные манеры, которым ее, наследницу терранских аристократов, так старательно обучали?

«Завет» изменял их по своему образу и подобию. Септимус был порождением

этих черных коридоров: мужчиной с мертвенно-бледным лицом, трудившимся на благо предателей, не выпускавшим из рук пары пистолетов и шагавшим теперь сквозь тетные внутренности проклятого корабля, замышляя убийство. Он был пиратом, пилотом, оружейником... и не меньшим еретиком, чем те, кому он служил.

Горечь заключалась даже не в самих мыслях, а в том, что они вообще приходили ему в голову. Будь проклята эта женщина. Зачем она сотворила это с ним? Да и знала ли она, какое влияние оказывает на него? Уже несколько недель Октавия отказывалась его видеть. Что, во имя бездны, он сделал неправильно? Это ее вопросы подняли муть с глубины его души — тот страдный осадок, что лучше было оставить нетронутым.

Дверь оружейной Первого Когтя распахнулась перед Септимусом на смазанных маслом поршнях. Раб в последний раз оглядел винтовку, проверяя ее перед тем, как вручить новому владельцу.

— Марух, у меня есть кое-что для... Господин?

Талос высился у стойки с оружием, в то время как Марух работал напильником, зачищая край наплечника Повелителя Ночи. Невысокому Маруху пришлось взобраться на стул, чтобы дотянуться до плеча легионера.

— Небольшая царапина, — сказал Талос.

Повелитель Ночи был без шлема. Взгляд его черных глаз упал на Септимуса.

— Я фехтовал с Ксарлом. Где ты откопал винтовку имперской гвардии кантраэльского образца?

— На Черном Рынке. Это... подарок Маруху.

Талос склонил голову набок, и во взгляде его промелькнуло что-то хищное.

— Как идет жатва?

— Загоны для рабов вновь переполнены, господин мой. Но найти не затронутых скверной детей нелегко. На борту Зрачка Бездны кишат мутанты.

Повелитель Ночи согласно хмыкнул.

— Это правда. Но в чем дело? Ты выглядишь встревоженным. Не пытайся лгать мне — я могу читать у тебя по глазам и по голосу.

Септимус уже давно привык к бескомпромиссной прямоте своего хозяина. Отвечать ему следовало такой же честностью.

— Аркия мертв. Его выпотрошили и оставили в зернохранилище.

Повелитель Ночи не шелохнулся. Марух продолжал работу.

— Отец Рожденной-в-пустоте? — спросил Талос.

— Да.

— Кто убил его?

Септимус покачал головой, не сказав ни слова.

— Понимаю, — тихо произнес Талос.

Вновь наступила тишина, если не считать скрежета напильника по доспеху. Марух, очевидно, понятия не имел, о чем они говорят, потому что не знал ни слова по-нострамски.

— Что еще?

Септимус положил лазвинтовку на

верстак Маруха. Когда раб вновь обернулся к Талосу, его человеческий глаз сузился, а зрачок бионического расширился в попытке сымитировать выражение.

— Откуда вы знаете, что есть что-то еще, господин?

— Догадался. А сейчас говори.

— Мне придется убить несколько смертных. Из команды. Мелкие сошки.

Талос кивнул, но выражение его лица хорошего не предвещало.

— Почему они должны умереть?

— Договор, который я заключил на Черном Рынке. Они с Ганга. Похоже, кое-кто из новичков слишком активно наслаждается беззаконием на нижних палубах.

— Назови мне их имена.

— Главаря банды зовут Хокрой. Это все, что мне известно.

Талос все еще не сводил с него глаз.

— И ты решил, что я запросто тебе это позволю? Бродить в одиночку по нижним палубам, убивая других членов команды?

— Я... не подумал, что вы будете

возражать, господин.

— В другое время я бы и не возражал.

Повелитель Ночи одобрительно заворчал, оглядев проделанную Марухом работу.

— Хватит, благодарю тебя.

Марух спрыгнул со стула.

— У команды нет права вершить суд, Септимус. У них не было права убивать Аркию, а у тебя нет права охотиться на банду грабителей. Времена меняются, и мы должны измениться вместе с ними. Новым членам команды с Ганга предстоит узнать, каковы последствия беззакония. Привычка Вознесенного игнорировать проступки смертных уже не работает. У нас по палубам расхаживает слишком много новых людей, и слишком многие из старожилов привыкли не отвечать за свои действия.

Замолчав на секунду, Талос шагнул к верстаку Септимуса, где лежал его шлем.

— Я считаю, что легиону пришло время ужесточить контроль над своими слугами и восстановить железный порядок, как в былые времена. Рабам нельзя

вручать ключ от царства, иначе последует анархия.

В кривой улыбке Талоса была изрядная доля горечи.

— Поверь, я уже видел это прежде, — добавил он.

— На Нострамо?

— Да. На Нострамо.

Воин надел шлем. Септимус услышал змеиное шипение герметизирующегося ворота.

— Я разберусь с этим, как должен был поступить недели назад.

— Господин, я...

— Нет. Ты ничего делать не должен. Это задача легиона, Септимус, а не твоя. А ты займись приготовлениями к осаде. Мы отбываем к Вилату через считаные дни.

Слуга взглянул на господина.

— То, что говорят на станции, правда?

Талос негромко фыркнул.

— Зависит от того, что именно говорят на станции.

— Что Вилат — это крепость-

монастырь Адептус Астартес. Что флот Кровавого Корсара в полном составе собирается осадить один из самых укрепленных миров в Империуме.

Талос проверил оружие, прежде чем примагнитить его к доспехам: болтер — на бедро, меч — за спину.

— Да, — ответил он. — Это правда.

— Вас не беспокоят предстоящие потери, господин?

Легионер чуть заметно пожал плечами. Черепа на доспехе, качнувшись, заклацали, переговариваясь на безъязыком наречии.

— Нет. Все, что нам надо, — это выжить, потому что время для настоящего боя наступит позже. И вот тогда прольется кровь, Септимус. Тогда, когда мы вернем себе «Эхо проклятия».

XVI
ГАМБИТЫ

На Черном Рынке было куда тише, чем обычно, и Октавия быстро поняла почему. Причина — точнее, семь освежеванных причин — болталась над головами людей, подвешенная к потолку на ржавых цепях.

Пес при входе на Рынок вступил в лужу крови, что вызвало в толпе негодующий шепот.

— Легион преподал команде урок, — откомментировал служитель, не пытаясь стереть кровь со стоптанных ботинок.

Урок был весьма влажным. С каждого

из семи подвешенных тел изрядно накапало, если судить по пятнам на палубе. Вдобавок, торговцы и покупатели подошвами размазали кровь по всему Рынку, и запах, даже для корабля еретиков, был неописуемый. Пока Октавия оглядывалась, по «Завету» пробежала дрожь — еще один пробный запуск двигателей, устроенный инженерной командой. Тела на цепях закачались, и из разрезанного живота одного из мертвецов вывалилось что-то длинное и вонючее. Оно плюхнулось на пол мотком слизистой, сплетенной из мяса веревки.

Пес заметил ее ошеломленный взгляд и, перепутав отвращение с недоумением, пояснил:

— Кишки.

— Благодарю, я догадалась.

— Тебе не стоит их есть, — продолжил он с умудренным видом.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

Октавия снова перевела взгляд на толпу. Никто не смотрел в ее сторону дольше секунды. Раньше для одних

навигатор была диковинкой, а другие не обращали на нее внимания. Теперь все, от стариков и до самых молодых, старались ее избегать и отворачивались, встретившись с ней взглядом.

Конечно, она знала почему. Слухи широко разошлись с того дня, когда она нечаянно убила своего служителя. Девушке уже казалось, что она зря покинула комнату, — но сидеть в одиночестве, томясь от скуки, Октавия тоже больше не могла. В изоляции она свихнется еще быстрее, чем предприняв рискованную прогулку по темным коридорам корабля.

Один из легионеров, в броне и шлеме, шагал через Черный Рынок. Судя по расслабленной походке, он совершал рутинный обход. Правда, раньше Октавия никогда не видела, чтобы легионеры заходили сюда, — разве что по особому делу.

— Навигатор.

Проходя мимо, Повелитель Ночи приветствовал ее кивком. Его шлем украшал стилизованный гребень — распростертые и откинутые назад крылья,

как у нетопыря или демона со страниц священной книги.

Октавия не узнала воина — он был из другого Когтя, — поэтому ограничилась тихим «господин...» в ответ.

Воин покинул Черный Рынок, направляясь вглубь корабля.

«Это тоже объясняет, почему все такие смирные», — подумала девушка.

Освежеванные тела болтались наверху трачной пародией на боевые знамена легиона, развешанные на мостике корабля. Трупы раскачивал легкий ветерок из вентиляционной системы. Когда Октавия задержалась у прилавка с оловянными безделушками, недалеко от ее лица оказалась ободранная пятерня. Торговец, стеклянно улыбнувшись ей, быстро отвернулся.

Октавия двинулась дальше. Дойдя до стола Аркии, она провела пальцами по голым доскам и оглянулась, пытаясь понять, куда исчез пожилой торговец. Все отводили глаза прежде, чем она успевала задать вопрос. Навигатор проверила бандану, хоть и знала, что та на месте, и

наконец-то приняла решение. Пора отсюда выбираться. Можно найти и другие места для прогулки — скажем, наблюдательную палубу.

Девушка развернулась и немедленно столкнулась с кем-то. Стукнувшись головой о его грудь, она поскользнулась и рухнула на залитую кровью палубу. Из глаз брызнули слезы, а ушибленный зад ощутимо заболел.

— Твою звезду!.. — пробормотала она, прижимая ладонь ко рту и носу: из-под пальцев закапала кровь.

— Прошу прощения. — Септимус протянул ей руку. — Не ожидал, что меня попытаются проткнуть в грудь.

Девушка сжала руку оружейника и с его помощью встала на ноги. Пес предложил хозяйке обрывок тряпки, которая выглядела так, словно карлик протирал ею самые неприглядные части своего тела. Октавия покачала головой и вытерлась рукавом. Кровь размазалась по темной материи. Эх, видел бы ее сейчас отец...

Девушка сморщила нос.

— Сломан?

— Нет, — ответил Септимус.

— А болит так, будто сломан.

— Как я уже сказал, извини. Я искал тебя. У Первого Когтя собрание, и они приказали, чтобы мы оба пришли.

Ничего хорошего это не обещало.

— Отлично. После тебя.

— Вы хотите, чтобы я сделала... что? — неверяще переспросила Октавия.

Она не засмеялась. Хотела, но не могла выдавить из себя смех.

Первый Коготь собрался в оружейной отделения, но воины были не одни. Войдя в комнату с Септимусом и Псом, Октавия обнаружила, что Марух уже там. Это ее не особенно удивило, но вот техножрец — дело другое. Механический человек, казалось, обращал мало внимания на Повелителей Ночи. Он бродил по их святилищу — железный голем в шелестящей мантии, — увлеченно изучая необычные приспособления и запасные детали доспехов.

— Я никогда прежде не получал

доступа в оружейную Легионес Астартес, — заметил он с ноткой машинного интереса в голосе. — Такой интригующий беспорядок.

Техножрец ростом не уступал воинам легиона, но в сравнении с ними был тощ как скелет. Согнувшись над верстаком Маруха, Делтриан покатал по нему ручной термодатчик. Вид жреца был при этом такой же сосредоточенный, как у ребенка, который тычет пальцем в дохлого ручного зверька, решая, дышит тот или уже нет.

— Он сломан, — объявил Делтриан остальным в комнате.

Когда никто не ответил, техножрец выдвинул из кончиков пальцев миниатюрные инструменты и занялся починкой.

— Что, по-вашему, я должна сделать? — снова спросила Октавия. Голос у нее все еще был настолько недоумевающий, что слова прозвучали без всякой почтительности. — Я не понимаю.

Талос заговорил, негромко и спокойно — как и всегда, когда на нет не было

шлема:

— Когда осада Вилата завершится, ты собираешься атаковать судно Красных Корсаров — один из их флагманов, именующий себя «Ядом первородства». Ты высадишься с нами в абордажной капсуле. Как только мы захватим корабль, нам надо будет уйти в варп вместе с «Заветом крови» и направиться к Великому Оку в Сегментум Обскурус.

Пес, совсем как его тезки, издал горловое рычание. Октавия едва могла поргнуть.

— Как «Завет» совершит прыжок без меня?

— Я разберусь с этим, — ответил Талос.

— И как мы захватим целый вражеский корабль?

— И с этим я разберусь.

Октавия тряхнула головой.

— Со всем уважением, но... если это будет честный бой...

На сей раз Талос рассмеялся.

— Не будет никакого честного боя. Поэтому ты победим. У Восьмого легиона

нет особой склонности к честным боям.

— Как правило, мы их проигрываем, — философски заметил Кирион.

— Кровопускание — наше дело. — Голос Ксарла, искаженный воксом, превратился в рык, но каким-то образом не утратил обычной резкости. — Не ломай над этим свою маленькую хрупкую черепушку.

— Но... как вы это сделаете? — не унималась Октавия.

— Предательство. — Талос склонил голову к плечу. — Как еще, по-твоему? Детали сейчас не важны. Все, что тебе нужно знать, — это что ты должна быть вооружена и готова, когда мы возвратимся с Вилата. Ты присоединишься к нам в абордажной капсуле, и мы станем защищать тебя во время продвижения по вражеским палубам. Навигатор «Первородства» должен умереть быстро, чтобы он не успел уйти в варп с нами на борту. Мы убьем его, посадим тебя на его место и захватим вражеский мостик.

Октавия перевела взгляд на Делтриана.

— А... почтенный техножрец?

— Тоже пойдет с нами, — кивнул Кирион.

Техножрец развернулся под мягкое жужжание сервоприводов.

— Согласно вашему запросу, мои сервиторы переоборудованы и перепрограммированы для выполнения новых функций на случай непредвиденных обстоятельств.

Девушка оглянулась на Септимуса. Тот ответил неловкой улыбкой.

— Я тоже иду. И Марух.

Марух проворчал:

— Это наказание за мои многочисленные грехи.

Сглотнув, он затих в ту же секунду, когда к нему обернулся Узас.

— Я тоже иду, — объявил Пес.

За его заявлением последовала тишина.

— Я иду, — упрямо сказал он и обернул слепое лицо к Октавии. — Госпожа?

— Прекрасно, — хмыкнул Кирион. — Прихвати с собой и этого крысенка.

— Пса, — ответил Пес с комической угрюмостью.

Теперь, когда у служителя появилось имя, горбун цеплялся за него с завидным упорством.

— Я знаю, что такое Вилам, — проговорила Октавия. — Поэтому я не понимаю, как вы можете быть настолько уверены, что выживете. Крепость-монастырь? Планета Адептус Астартес?

Кирион повернулся к Талосу.

— Почему она никогда не добавляет «господин», обращаясь к нам? Помнится, ты держал этих смертных в узде, брат.

Талос пропустил его слова мимо ушей.

— Никто из нас не погибнет на Виламе, — сказал он.

— Вы говорите это очень уверенно... господин.

Пророк кивнул.

— Я уверен. Мы не участвуем в основной осаде. Гурон поручит нам что-то другое. Если я не ошибаюсь, в первый раз за то время, что ты на корабле, ты будем драться по-своему.

— И этих боев ты не проигрываем, — добавил Кирион.

В кои-то веки в его голосе не было и тени сарказма.

Вариил открыл глаза.

— Войдите.

Дверь распахнулась с ужасающим скрипом. Апотекарию совершенно не нравились те периоды, когда его орден базировался в Зрачке Бездны. Станция могла быть чудом военной техники, что не мешало ей утопать в грязи и отвратительной запущенности.

— Вариил, — приветствовал его вошедший Талос.

Вариил, сидевший на полу в центре комнаты, не двинулся с места. Медитативный транс медленно покидал его, сменяясь звуками и ощущениями реального мира. Его основное сердце, замедлившееся до почти полной остановки, забилось в нормальном ритме. Апотекарий почувствовал привычное жжение — это давали о себе знать иглы интерфейса доспеха, впивавшиеся в тело.

— Так и думал, что ты будешь погружен в себя, — пробурчал Талос сквозь

решетку вокса. — Но время не терпит.

Вариил кивнул на хирургический стол у стены.

— Оба твоих послеоперационных осмотра не выявили недостатков в моей работе или в процессе заживления.

Талос покачал головой.

— Я не за этим пришел.

— Тогда зачем?

— Я пришел поговорить с тобой, Вариил, как брат с братом. Здесь, где нас не могут подслушать ни воины моего легиона, ни твои братья по ордену.

Корсар сощурил холодные глаза.

— И все же ты явился... как у вас говорят? Облаченным во тьму? Крылатый череп Нострато глядит на меня с твоих доспехов так же, как кулак Гурона — с моих.

— Это наблюдение? — Талос улыбнулся за череполикой маской шлема. — Или предостережение?

Вариил не ответил на вопрос. Вместо этого он произнес:

— Ты даже не решаешься показать мне свое лицо.

— Здесь слишком светло.

— Хорошо. Говори.

— Ты брат Первому Когтю. Эту связь сковала Фрига, и она осталась нерушимой в течение двух десятилетий. Прежде чем я скажу что-то еще, мне надо знать, собираешься ли ты хранить верность клятве, данной той ночью.

Вариил почти никогда не мигал. Талос заметил это уже давно и подозревал, что пристальный взгляд аптекария немало смущает смертных. Повелителю Ночи было интересно, воспитал ли Вариил у себя эту привычку, или врожденная особенность усилилась после внедрения геносемени?

— Для меня с Фриги прошло почти тридцать лет. Только двадцать для тебя, говоришь? Любопытно. У варпа восхитительное чувство юмора.

— Клятва, Вариил, — напомнил Талос.

— Я не давал на Фриге никакой клятвы. Только обещание. Замечаешь разницу?

Талос обнажил свой меч, и по голым

стенам комнаты заплясали яркие блики.

— Это все еще один из лучших клинков, которые мне довелось повидать, — почти вздохнул Вариил.

— Он спас тебе жизнь, — сказал Пророк.

— А я спас твою всего лишь пару недель назад. Кое-кто мог бы сказать, что ты в расчете и я выполнил свое обещание. Тебе все еще снятся эльдары?

Талос кивнул, но развивать тему не стал.

— Спас ты мне жизнь или нет, мне нужна твоя помощь.

Вариил все-таки встал и подошел к дальнему концу своего рабочего стола — стерильной раковине, окруженной полками с инструментами и растворами. Очень тщательно он отстегнул латные перчатки, снял и медленно, раздражающе медленно вымыл руки, и до этого совершенно чистые.

— Ты хочешь, чтобы я предал свой орден, так?

— Нет. Я хочу, чтобы ты их предал, обокрал и бросил.

Вариил моргнул — медленно, как греющаяся на солнце ящерица.

— Бросил их... Любопытно.

— И более того. Я хочу, чтобы ты вступил в Первый Коготь. Ты должен быть с нами, должен сражаться в этой войне в рядах Восьмого легиона.

Вариил просушил руки белоснежным бумажным полотенцем.

— Ближе к делу, брат. Что ты задумал?

Талос вытащил из накладного кармана на поясе ауспик. Ручной сканер знавал лучшие времена. Десятилетия службы изрядно его потрепали, но работал он все еще достаточно надежно. Талос включил ауспик, и на маленьком экране появилось двухмерное изображение некоего объекта. Вариил узнал его в ту же секунду.

— «Яд первородства», — сказал апотекарий.

Он поднял голову, впервые пытаясь встретиться взглядом с Пророком. Это ему удалось, хотя и сквозь глазные линзы Повелителя Ночи.

— Мне было интересно, заметил ли ты его происхождение и, если да, значит ли оно для тебя что-нибудь?

— Значит. — Талос выключил аупик. — Это наш корабль, и после Вилата он снова перейдет в руки Восьмого легиона. Но для того, чтобы вернуть его, мне потребуется твоя помощь.

С наплечника Вариила на Повелителя Ночи безглазо таращилось растянувшееся лицо Калласа Юрлона. Звезда Пантеона все еще гордо красовалась на высохшей коже — черная на фоне беловато-розовой плоти.

— А если я соглашусь... Что мне придется сделать? — спросил Вариил.

— Мы не можем штурмовать крейсер, под завязку набитый Красными Корсарами. Мне надо, чтобы у нас было преимущество еще до того, как абордажные капсулы пробьют их обшивку.

— Ты знаешь, большая часть команды там до сих пор с Нострамо, — сказал Вариил, не глядя на Талоса. — Выжившие. Офицеры, прошедшие отложение, — их

ценят за большой опыт. Потомки первых изгнанников с вашего погибшего мира. Хотя Повелителей Ночи вряд ли можно назвать содружеством милостивых господ, думаю, многие предпочтут холодную дисциплину Восьмого легиона плетям надсмотрщиков из Красных Корсаров.

Апотекарий фыркнул.

— Возможно, они помогут вам отбить ваш корабль. Но не навигатор. Эсмеральда — любимица Гурона.

Талос не поддавался.

— Мне нужна твоя помощь, брат.

Апотекарий закрыл глаза и некоторое время простоял с опущенной головой, опираясь о рабочий стол. Из-под брони вырывалось глубокое и размеренное дыхание. Плечи поднимались и опускались под гул активированного доспеха.

Наконец Живодер издал какой-то звук и вздрогнул. Талос уже почти собрался спросить, что случилось, но тут его собратим повторно издал тот же звук. Плечи апотекария затряслись. Когда Вариил отошел от стола, глаза его ярко блестели, а губы изгибались в

жутковатой, мертвенной пародии на улыбку. Он продолжал повторять странный звук, что-то среднее между хриплым стоном и приглушенным криком.

В первый раз за долгие десятилетия Вариил Живодер смеялся.

Когда дверь снова открылась, он поднял голову, хотя заговорить получилось не с первого раза.

— Еженедельный глоток воды? — глумливо спросил он на готике.

Ответ прозвучал на нострамском:

— Вижу, они все еще держат тебя здесь в ошейнике, как особо ценную шлюху.

Рувен зарычал, сдерживая изумление.

— Опять пришел посмеяться надо мной, брат?

Под ровный гул доспеха Талос присел рядом с пленником.

— Не совсем. Я говорил с Корсарами о твоей судьбе. Они собираются вскоре тебя казнить, потому что не надеются больше вытянуть ничего ценного.

Рувен медленно выдохнул:

— Не уверен, что когда-нибудь снова

смогу открыть глаза. Веки не останавливают свет и, по ощущениям, склеились намертво.

Маг дернулся в цепях, но это был лишь слабый жест раздражения.

— Не позволяй им убить меня, Талос. Я лучше умру под клинком легионера.

— Я тебе ничего не должен.

Рувен улыбнулся. Растрескавшиеся губы раздвинулись, обнажив окровавленные зубы.

— Да, верно. Так зачем же ты пришел?

— Хотел узнать кое-что, прежде чем ты умрешь, Рувен. Ради чего ты совершил первое предательство? Почему отвернулся от Восьмого легиона и облачился в цвета Сынов Хоруса?

— Мы все Сыны Хоруса. Все мы несем в себе его наследие. — В голосе Рувена невольно зазвучала страсть. — Абаддон — Бич Империума, брат. Это его имя шепчут триллионы испуганных душ. Ты слышал легенды? Империум даже верит в то, что он — клонированный сын Хоруса. И магистр войны держится за эту сказку не

без причины. Империум падет. Может, не в этом столетии. Может, не в следующем. Но он падет, и Абаддон будет там в момент его падения и наступит ботинком на горло обескровленному трупу Императора. Абаддон будет там, когда Астрономикон потухнет и Империум — наконец — погрузится во тьму.

— Ты все еще веришь, что мы можем выиграть эту войну? — Талос заколебался — эта мысль просто никогда не приходила ему в голову. — Если Хорус потерпел поражение, какие шансы у его сына?

— Все шансы, потому что, независимо от того, что скажу я или скажешь ты, это начертано в самих звездах. Как сильно возросли наши силы в Оке Ужаса с тех времен, когда проигравшие бежали туда с Терры? Сколько миллиардов людей, какое несчетное множество кораблей пришло под знамена магистра войны за десять тысячелетий? Мощь Абаддона превосходит все, чем когда-либо владел Хорус. Ты знаешь это не хуже меня. Если бы мы перестали грызться между собой хоть ненадолго, мы бы уже сплясали на

костях Империума.

— Даже примархи потерпели поражение, — не отступал Талос. — Терра сгорела и вновь восстала из пепла. Они проиграли, брат.

Рувен обернул невидящее лицо к Пророку и сглотнул, превозмогая боль.

— Вот поэтому ты слеп и отвергаешь нашу судьбу, Талос. Ты все еще преклоняешься перед ними. Почему?

— Они были лучшими из нас.

По голосу Пророка Рувен ясно понял, что Талос никогда прежде не думал об этом.

— Нет. Сейчас в тебе говорит вера, но, брат, нельзя оставаться настолько наивным. Примархи были наивысшим воплощением рода человеческого — все величайшие людские достоинства сочетались в них с самыми чудовищными недостатками. За каждую победу или проблеск гениальности они расплачивались сокрушительным поражением или делали еще один шаг по дороге к безумию. И кем они стали сейчас? Те, что еще живы, превратились в отдаленные символы, в

аватаров богов. Они вознеслись на немыслимую высоту и посвятили свое существование Великой Игре. Подумай о Циклопе, который встатривается единственным отравленным оком в тысячи возможных реальностей, пока несколько его выживших сынов ведут в бой легион ходячих мертвецов. Подумай о фулгриме, настолько поглощенном славой Хаоса, что его не обеспокоило даже поражение собственного легиона. Подумай о нашем отце, который закончил свои дни терзаемым видениями безумцем. Ты ведь помнишь, как он твердил о том, что хочет преподать Императору какой-то великий идеалистический урок, а в следующий миг уже только и мог, что пожирать сердца попавшихся под руку рабов и хохотать над воем обреченных в Галерее Криков.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос, Рувен.

Пленник снова сглотнул.

— Отвечаю, Талос. Отвечаю. Восьмой легион слаб и расшатан — это банда отступников, забывших все ради

садистских удовольствий. Он не ставит перед собой более высоких целей, чем массовые убийства. У него нет амбиций выше, чем примитивное выживание и резня. Это не секрет. Я уже не Повелитель Ночи, но все еще остаюсь нестратцем. Неужели ты думаешь, что я с наслаждением склоняю колени перед Абаддоном? Неужели, по-твоему, меня радует, что магистр войны вышел не из моего собственного легиона? Я ненавидел Абаддона и одновременно уважал его, потому что он может совершить недоступное другим. Боги отметили его, оставив в материальном мире. Он — их избранник. Он сделает то, на что никогда не были способны примархи.

Рувен прерывисто втянул воздух. Разговор лишал его последних сил.

— Ты спросил, почему я перешел под знамя Разорителя. Ответ заключается в судьбе примархов. Им никогда не суждено было унаследовать эту империю. Их жребий определен с рождения, не говоря уже об их вознесении. Они лишь отзвуки, эхо, почти затихшее в Галактике. Они

увлечены Великой Игрой Хаоса вдали от глаз смертных. Империя принадлежит нам, и мы все еще здесь. Мы — те воины, что остались на поле боя.

Талос несколько секунд обдумывал ответ.

— Ты действительно веришь в то, что говоришь. Я вижу.

Рувен сокрушенно рассмеялся.

— Каждый верит в это, Талос, по одной простой причине: это правда. Я оставил легион, потому что отверг бесцельные убийства и наивную, бессмысленную надежду как-нибудь пережить войну. Мне недостаточно было выживания. Я хотел победы.

Узник обвис в цепях. Однако вместо того, чтобы почувствовать опору, он полетел вперед и врезался в холодную палубу. Поначалу он не мог пошевелиться — слишком велики были шок и боль в пробудившихся мускулах, вызванные падением.

— Я... я свободен, — выдохнул Рувен.

— Да, брат. Ты свободен.

Талос помог дрожащему магу сесть.

— Пройдет несколько минут, прежде чем ты снова сможешь владеть ногами, но нам надо поторопиться. А пока выпей это.

Рувен протянул руки, и его пальцы сжались вокруг кружки. От нее в онемевшие ладони заструилось тепло. К рукам и ногам уже возвращалась чувствительность.

— Я ничего не понимаю. Что происходит?

— Я заключил сделку с Кровавым Корсаром. Обменял наши запасы феносемени на твою жизнь.

Талос замолчал, дав магу время оценить невероятную щедрость этого предложения.

— А затем я пришел сюда, чтобы освободить тебя, — откровенно продолжил Пророк, — или перерезать тебе горло, в зависимости от того, что ты скажешь. И я согласен с тобой в одном, брат. Мне тоже надоело просто выживать на этой войне. Я хочу побеждать в ней.

— Мне нужны мои доспехи. И оружие.

— Они уже доставлены в оружейную Первого Когтя.

Рувен сжал железный ошейник на горле.

— И это. Его нужно снять. Я не могу пользоваться своими силами.

— Септимус его снимет.

Маг хмыкнул. Смешок прозвучал довольно злорадно.

— Ты уже добрался до Септимуса? Когда я в последний раз ступал по палубам «Завета», тебе служил Квинтус.

— Квинтус умер. Ты можешь встать? Я тебя поддержу, но время не терпит, а свет уже ранит мои глаза даже сквозь шлем.

— Я попробую. Но я должен знать, почему ты освободил меня? Ты не склонен к благотворительности, Талос. Не с врагами. Скажи мне правду.

Пророк поднял бывшего брата на ноги, приняв на себя большую часть его веса.

— Мне надо, чтобы в обмен на спасение твоей жизни ты кое-что сделал.

— Согласен. Говори, что я должен сделать.

— Очень скоро «Завету» придется лететь без навигатора. — Пророк понизил

голос. — Мы снимем ошейник и вернем тебе силы, потому что никто другой не сможет сделать того, что нам надо, Рувен. Я хочу, чтобы ты повел корабль в варп.

Часть третья
«ЭХО ПРОКЛЯТИЯ»

XVII
ВИЛАМ

Тарина протерла усталые глаза костяшками больших пальцев, надавив так сильно, что под веками зателькали цветные пятна. Когда боль прошла, женщина поправила бусинку вокс-микрофона в ухе и дважды постучала по ней, чтобы окончательно удостовериться — микрофон так же бесполезен, как и во все последние недели.

С некоторых пор ее аускик уже не звенел, а скорее сдавленно шипел. Ритмический тембр сканирования превратился в прерывистую икоту

статики. Картинка на экране соответствовала звуку: там размазались какие-то неотчетливые полосы, интерпретировать которые было невозможно.

Тарина знала, в чем причина помех. Все знали. Но это не помогало ее устранить. Женщина повернулась в кресле.

— Хранительница примарис? — позвала она через комнату.

Хранительница примарис Матаска Шул подошла ближе, облаченная в суровое молчание, как в саван. Тарина не сомневалась, что в скором будущем ее ждет взыскание за громкие разговоры.

— Да, сестра, — с нарочитой заботой произнесла старшая женщина.

Тарина набрала на клавиатуре код перенастройки, но на экране сканера абсолютно ничего не изменилось.

— Хранительница примарис, простите, что помешала вам. Я только хотела знать, уточнили ли авгуры свои прогнозы относительно длительности помех.

Хранительница примарис одарила ее

улыбкой.

— Нас всех беспокоит солнечный шторм, сестра. Когда колокол позовет нас к третьей медитации, Совет Примарис встретится с капитаном Десятой. До тех пор положись на свое чутье и на инструменты, как бы слепы они сейчас ни были.

Тарина поблагодарила начальницу и вернулась к приборной консоли. Солнце по имени Вила, расположенное в сердце системы Вилам, было, без сомнений, своенравным благодетелем. Тарина только начала свой седьмой год в хранителях Вилама, и это был уже пятый солнечный шторм на ее памяти. Однако ни один еще не тянулся так долго. Предыдущие периоды солнечной активности кончались через несколько дней. Этот длился уже третью неделю и, судя по всему, прекращаться не собирался.

Тарина пролистала архивные снимки горделивого огненного сердца системы. Несколько последних изображений, заснятых наблюдательными спутниками монастыря-крепости непосредственно

перед потерей связи с поверхностью, показывали, как из солнца вырываются огромные туманные дуги плазмы. Совсем не похоже на обычную солнечную вспышку.

Обучение Тарины в основном касалось межзвездных операций, что оправдывалось ее должностью в командном стратегиуме монастыря-крепости. Она знала, что сейчас видит, и, хотя вполне могла назвать явление «солнечным штормом», это было неточное определение.

Выброс корональной массы. Естественный феномен, и не столь уж редкий среди агрессивных звезд вроде Вилы. Что не мешало ему превратить наиболее чувствительную электронику монастыря-крепости в груду бесполезного хлама. И Тарине не хотелось бы сейчас очутиться на поверхности планеты без усиленного скафандра радиационной защиты.

Не то чтобы там было на что посмотреть. Вилам, крепость-монастырь Странствующих Десантников, являлся единственным очагом жизни на всей планете. Тарина родилась здесь и умрет

здесь, как и ее отец с матерью, как суждено и ее детям.

— Сестра Тарина, — позвали с дальнего конца консоли.

Обернувшись, женщина увидела, что на нее смотрит Джеркис. Он опустил капюшон, выставив на свет иссушенное заботами и испещренное морщинками от частых улыбок лицо. Джеркису было под пятьдесят, и он все еще не нашел себе пары. Тарине он нравился. Женщину привлекало нечто отеческое в его виде.

— Брат Джеркис.

Она старалась говорить потише, зная, что хранительница примарис бродит где-то неподалеку.

— Сестра, хочу попросить тебя провести направленный скан к востоку от крепости. Вот координаты.

Она покосилась на данные, которые брат Джеркис переслал на ее экран, и покачала головой.

— Мои инструменты не работают, брат. Разве с твоими не творится то же самое?

— Пожалуйста, — сказал он. — Сделай

тне одолжение.

Она ввела координаты, направив сфокусированный импульс аустика на заданную или точку. Это заняло почти минуту — тарелкам радаров на крепостных бастионах требовалось время, чтобы развернуться и синхронизироваться. Когда высветилась пиктограмма «Готово», Тарина набрала свой персональный код.

На экране замелькали бессмысленные пятна. Графики выглядели ничуть не яснее.

— Я ничего не вижу из-за шторма, — пожаловалась Тарина. — Извини, брат.

— Пожалуйста, — повторил Джеркис, и в его мягком голосе мелькнуло тревожное любопытство, — пожалуйста, попробуй еще раз.

— Хранительница выполнила просьбу — все равно делать было нечего — и несколько секунд вглядывалась в поступившие на сканер искаженные данные.

— Я ничего не вижу, брат.

— Ты не могла бы проверить мои результаты?

Она удивленно моргнула.

— Конечно.

Джеркис передал на ее дополнительный монитор несколько изображений. Тарина просмотрела их по очереди.

— Ты это видишь? — спросил напарник.

Она не была уверена. На нескольких снимках посреди пустоши угадывалось какое-то сооружение, но помехи мешали определить его размеры — если вообще там что-то было. В центре двух или трех пиктов виднелось пятно величиной с отпечаток большого пальца, почти терявшееся в сумятице искажений.

— Не думаю, — пробормотала Тарина.

Она перенесла снимки на основной экран и включила команду распознавания образов. Совпадений в базе не нашлось.

— Это ошибка сканера, брат. Я в этом совершенно уверена.

И все же она бросила взгляд в сторону хранительницы примарис. Когда аупик не работал, о таких вещах следовало докладывать.

Джеркис кивнул и, подняв руку, подозвал начальницу.

Тарина направила в сомнительную зону еще один импульс, включив сканер на максимальное разрешение. Поступившая на экран картинка была ничуть не отчетливее тех, что она получала в течение последних недель. Призрачного пятна не наблюдалось. Под присмотром старшей Тарина очистила кэш сканера и запустила отдельную программу по каждому параметру поиска. Движение, температура, признаки жизни — все. Один за другим, сканы выдавали отрицательные результаты.

Все, кроме последнего.

— У меня... есть сигнал, — объявила она. — Выявлено присутствие железа в двухстах шестидесяти километрах к востоку от крепостных стен.

— Какая масса?

Хранительница примарис, внезапно насторожившись, всмотрелась в экран намного внимательнее, чем прежде.

— По массе ничего. — Тарина покачала головой. — Помехи не позволяют

уточнить детали.

— Это посадочная капсула, — вмешался Джеркис. — Посмотрите на ее форму.

Тарина негромко и задумчиво хмыкнула, снова вглядевшись в снимки Джеркиса. Нет. Не может быть.

— У Странствующих Десантников нет войск на орбите, — возразила хранительница. — Откуда ей здесь взяться?

— Сестра, мы понятия не имеем, что у Десантников есть на орбите и чего нет, — Джеркис смущенно улыбнулся, не желая с ней спорить, — потому что не можем видеть, что творится наверху.

— Вероятно, это один из наших спутников. Наблюдатель или ракетная платформа. При выбросе корональной массы такой силы некоторые из спутников почти наверняка должны были выйти из строя и упасть на поверхность.

— Так скоро?

— Многое зависит от самих спутников и природы неисправности. Но да, так скоро.

Джеркис взглянул снизу вверх на хранительницу примарис, пытаясь убедить уже только ее.

— Это посадочная капсула, госпожа. Я в этом уверен.

Тарина снова уставилась на пикты, посасывая нижнюю губу. В конце концов она произнесла:

— Я не могу сказать ничего определенного. Это может быть спутник. Но может быть и посадочная капсула.

Хранительница примарис кивнула:

— Я немедленно оповещу Странствующих Десантников. Они, несомненно, захотят обследовать этот объект.

Радиация на поверхности была очень жесткой, так что послали Тереса и Морфода. Скауты Адептус Астартес, несмотря на обширные модификации, могли пострадать в голой пустыне во время терзающего систему солнечного шторма. Оставались опытные космодесантники. Терес и Морфод немедленно вызвались добровольцами.

Оба они с гордостью носили знаки различия Восьмой роты. Гравировка с номером отделения располагалась на их броне. Шлемы обоих были окрашены наполовину в синий, наполовину в белый. Оба, как всегда, спорили друг с другом.

— Это окажется ложной тревогой, — говорил Морфод. — Помяни мое слово, мы охотимся за упавшим метеоритом или, хуже того, за ошибкой ауспика.

Морфод занимал место стрелка в «Ленденсидере». В латных перчатках Астартес сжимал рукоятки штурмового болтера.

Терес сидел в пилотском кресле. Он гнал скиммер над неровным ландшафтом на полной скорости. За машиной тянулся султан пыли. Ревущие двигатели превращали его в сонмище дымных призраков.

Десантники переговаривались по встроенному в доспехи воксу, которому нипочем была звездная буря в небесах. Их броня, по имперским меркам, казалась чудом инженерной мысли, но относительная простота и ограниченный

набор сенсоров делали доспехи нечувствительными к помехам, выводившим из строя более сложную технику.

— Вот увидишь, — завершил свою упрямую тираду Морфод.

«Ленд спидер» накренился, обходя гладкий каменный выступ. Обоих воинов тряхнуло. Терес, целиком сосредоточившийся на управлении машиной, ответил, не оглядываясь на брата:

— Разве это не лучше, чем вторая возможность?

Морфод фыркнул, глядя сквозь сетку прицела.

— Это не первый случай, когда наши спутники разваливаются и падают на поверхность.

— Нет, — ответил Терес. — Другая возможность.

— С чего бы один из наших кораблей...

— Я говорю не о наших кораблях. Ты это знаешь. Брось упрямиться. Инициатов это, может, и забавляет, а меня вовсе нет.

Морфод, как и его брат, полностью

сконцентрировался на своей задаче. Широкое дуло штурмового болтера цепко следовало за его взглядом.

— Теперь ты говоришь о невероятном.

Несколько секунд Терес молчал.

— Не стоит думать, что родные миры орденов неприкосновенны, брат, — наконец пробормотал он.

— Возможно. Но поблизости нет орд безмозглых ксеносов, а кто еще способен на такое решиться? Ну же, брат, будь серьезен. Что за странная меланхолия?

Терес резко обогнул торчащий скальный клык. Ландшафт становился все суровее. Чем дальше в пустошь, тем глубже разверзались ущелья.

— Мы слишком долго оставались на базе. Вот и все. Мне не терпится снова отправиться в крестовый поход.

Казалось, он собирался сказать что-то еще, но только буркнул:

— Держись.

Двигатели спидера перешли с пронзительного рева на приглушенный визг. За бортом стала видна уносящаяся назад равнина, которая до этого казалась

бесконечным размытым пятном.

— Уже близко, — сказал Терес. — За следующим хребтом.

Морфод провел перчаткой по термостойкой броне, смахивая гарь, оставшуюся после входа в атмосферу. Это, без сомнения, была посадочная капсула. И без сомнения, принадлежала она не их ордену.

Перед тем как приблизиться к капсуле, они попытались связаться с Виламом по воксу. Попытка, конечно же, оказалась неудачной. Терес тщательно обыскал окружающую местность, и лишь потом воины высадились и спустились в каньон. Даже сейчас, когда остальных братьев их отделения не было с ними, в каждом движении Десантников читались слаженность и единство: один спускался по скальной стене, а второй прикрывал его, нацелив болтер в глубину ущелья.

На дне они разделились и осмотрели скальный лабиринт поодиночке, непрерывно поддерживая вокс-связь. Только убедившись, что вокруг чисто,

Десантники сошлись у приземлившейся капсулы.

— Одна капсула, во время такого сильного шторма. — Терес окинул взглядом пустые противоперегрузочные кресла внутри открытого аппарата. — И в этой пропасти... Удивительно, что наблюдатели вообще ее засекли.

Морфод поднес свой ручной ауспик к опаленному корпусу.

— Углеродный анализ показывает, что она тут недавно. Совершила посадку не больше недели назад.

— Поищи их опознавательные символы.

Пока брат сканировал капсулу, Терес держал болтер на изготовку, поводя стволом в поисках врагов.

— Давай быстрее. Мы должны вернуться в крепость.

Морфод выключил сканер и стряхнул с брони капсулы еще один слой угольной пыли. Его усилия увенчались успехом. На корпусе проступил выцветший символ: рогатый череп с демоническими крыльями.

— Ты что-то видишь? — спросил по

воксу Терес.

— Да. — Морфод уставился на эмблему, чувствуя, как по коже ползут мурашки. — Это Предатели.

Поражение не позорно, говорили ему. Он все еще мог принести пользу. Он все еще мог сыграть свою роль в славных трудах ордена. В поражении даже заключалось горько-сладкое торжество, потому что из тех тысяч и тысяч, что решились на испытание, очень немногие пережили провал. Списки погибших бесславной смертью были длинны, и имена их записывались лишь ради точности ведения хроник, а вовсе не из почтения к умершим.

И все же он оставался человеком и, значит, пребывал во власти эмоций. Каждый раз, когда ему приходилось кланяться одному из господ, в горле вставал ядовитый комок зависти и сожаления. Всегда всплывал один и тот же вопрос: что, если бы он приложил больше усилий? Что, если бы он потерпел еще несколько мгновений? Может, это он

стоял бы сейчас в священной керамитовой броне, в то время как ничтожные смертные ползали и преклонялись бы перед ним?

«Служить — значит познать чистоту». Эти слова были начертаны над каждой аркой, ведущей в спальни для слуг. Конечно, он гордился своей работой. Все хранители гордились. Их труд был жизненно важен, а их бдительность не вызывала сомнений. Все хранители — от жалкого программера сервиторов до самых уважаемых оружейников — ценили свою значимость для ордена.

Просто одни уживались с этой двойственностью лучше других. Он часто допускал неосторожные высказывания, жалуясь на неудачу. Многие из его сестер и братьев, казалось, получали от своих обязанностей лишь чистую радость. Они ревностно служили ордену, не задумываясь о том, что могло бы быть.

Ешик натянул капюшон, чтобы защититься от вечного холода этих стен. Ему предстояла долгая ночная вахта — дежурство в Мериториуме, где Ешик

записывал деяния ордена на свитках и печатях чистоты. Свитки и печати затем украшали священные доспехи воинов. Тяжелый труд, потому что в записях надлежало соблюдать абсолютную точность, а почерк должен был быть отчетливым. В некоторых случаях описание подвигов получалось таким обширным, что буквы на свитках не представлялось возможным прочесть невооруженным глазом. Ешик делал свою работу хорошо и прекрасно об этом знал. Однажды он столь поэтично пересказал подвиги капитана Третьей роты, что тот собственноручно выписал ему благодарность. Когда Ешик отнес свиток с благодарностью Хранительнице Примарис, его почтили священным знаком ордена — падучей звездой, выжженной на запястье.

Войдя в Мериторию Секундус, меньший из двух залов, отведенных для этой работы, Ешик миновал десятки столов, занятых такими же писцами. Некоторых он поприветствовал кивком. В деревянном пенале у него под мышкой были

его собственные писчие принадлежности. Ешик поместил пенал на край стола, вдавив в специальную нишу. Со скрупулезной тщательностью хранитель приготовил чернила, перья и горшки с песком для просушки записей.

Он уже протянул руку к первому куску пергамента, когда уловил какой-то шум в атриуме.

— Ты это слышала? — спросил он у Лиссель, молодой женщины, работавшей за соседним столом.

Раздраженная помехой, она нахмурилась, не переставая водить пером по пергаменту. Тишину здесь нарушали редко. Лиссель покачала головой, не поднимая глаз от работы.

И вот опять! Приглушенный, чуть слышный лязг, удар металла о металл.

Писец оглянулся через плечо на дверь, ведущую в атриум.

— Не обращай внимания, — проворчала Лиссель. — Это просто Кадри приводит в порядок полки. Он отправился туда за пару минут до того, как ты пришел.

Тем не менее Ешик поднялся со стула

и, подойдя к закрытой двери, набрал код. Когда портал мягко открылся, ничего необычного писец поначалу не заметил. В Мериториуме Секундус было огромное хранилище с целым лесом полок, забитых пергаментами, футлярами для свитков, чернильницами и инструментами для смешивания красок.

Ешик вошел внутрь. Прикрыв дверь, чтобы не мешать остальным, писец негромко позвал Кадри.

В воздухе повис назойливый гул, от которого сводило скулы. Ешик не понимал, где источник шума. Это был звук работающего механизма, без всякого сомнения. Писец продвинулся вглубь хранилища, шагая вдоль рядов полок. Ощущение разлитого в воздухе статического электричества росло. Гул становился громче. Звучало почти как активированная священная броня. Но Странствующие Десантники никогда не забредали в это крыло здания. Ешик ухмыльнулся от одной мысли — десантник с трудом бы протиснулся в дверь Мериториума.

— Кадри? Кад... Ах!

Старик сидел, согнувшись над автоматической точилкой для перьев. Работающая вхолостую машина стояла на рабочем столе, на своем обычном месте. Пронзительное гудение заполнило все вокруг — скорее назойливое, чем громкое, и достаточно сильное, чтобы глаза заслезились от почти неощутимых вибраций. Писец оглянулся в поисках Астартес, но никого не обнаружил. Все было в полном порядке, если не считать безжизненную позу Кадри.

— Кадри? С тобой все хорошо?

Он притронулся к плечу старика. Кадри мешком рухнул на скамью лицом вниз.

Значит, сердечный приступ. Бедный старый дурак. Ешик проверил пульс на шее собрата, но не нашел ничего. Однако кожа Кадри была еще теплой. Младший писец забормотал молитву, пытаясь подобрать нужные слова. Кадри достойно прослужил семьдесят лет. На его похороны сойдутся многие из хранителей — возможно, даже двое или трое Десантников из тех

немногих, что остались на Виламе.

Ешик перевернул тело, чтобы заглянуть старику в лицо. Он хотел закрыть его глаза, прежде чем прибудет похоронная команда.

Грудь старика заливала кровь. Глаз не было. На их месте чернели пустые провалы.

Ешик крутанулся на месте. Он успел отбежать всего на один шаг, прежде чем чья-то рука схватила его за горло. Закованные в железо ледяные пальцы сжались. Писец только и мог теперь, что бессловесно хлопать губами и брызгать слюной.

Ешик поднял взгляд от бронированного запястья к плечу. Его обидчик свисал с потолка. На нем был древний, искусно украшенный керамитовый доспех — такого слуге ордена еще видеть не доводилось. Одна рука десантника сжимала край вентиляционного люка, а вторая безо всяких усилий потащила извивающегося писца вверх.

Сердце Ешика успело отстучать всего три удара, прежде чем десантник нырнул

в служебный туннель, увлекая слугу за собой.

«Не Десантник, не Десантник, не Десантник...»

— Не пытайся молиться своему Императору, — прошептал воин, чуть слышно треснув воксом и уставившись на человека кровавыми линзами глаз. — Или будешь умирать еще дольше.

— Кто?..

Воин снова сжал пальцы, не давая ему вздохнуть.

— И не задавай глупых вопросов, иначе я скормлю тебе твои собственные глаза.

Сквозь истошно скачущие мысли писца пробился образ Кадри. Над старым толстяком издевались — ослепили его и запихнули вырванные глаза в рот... Может, бедняга даже подавился ими прежде, чем сумел проглотить.

— Благодарю, — прошептал воин. — Послушание избавило тебя от последней трапезы, которой насладился твой приятель.

Не-Десантник вытащил из ножен серебряный меч и прижал острие к

подбородку Ешика.

— Подождите, — всхлипнул слуга. — Пожалуйста.

Воин издал что-то вроде вздоха и сделал рыдающему человеку признание из трех слов:

— Я ненавижу мольбы.

Он надавил на рукоять, наполовину похоронив клинок в языке, нёбе, черепе и мозгу смертного. Ешик задергался в конвульсиях, слабо ударяясь о стенки трубы.

Спустя какое-то время писец Мериториума затих. Воин бесшумно приступил к делу: раздробил навершием меча грудину смертного и несколькими ударами взломал ребра. Раздвинув их словно крылья и обнажив внутренние органы, убийца выпихнул труп из туннеля. Тело с влажным чавканьем шлепнулось на пол. Его содержимое начало просачиваться наружу. Включая запах.

Талос оглядел свою работу — старика с вырванными глазами, выпотрошенного писца помоложе. Его девятая и десятая жертвы с тех пор, как час назад он проник

в крепость. Какой чудесной находкой они станут для какого-нибудь случайного уборщика.

Воин задержался лишь для того, чтобы протереть свой клинок и вложить в наголенные ножны. Как раз в эту секунду взвыли сирены.

Талос озадаченно покосился вниз, но трупы пока никто не потревожил. Сирены продолжали бушевать. Звучало это так, словно весь монастырь завопил от ужаса — что в каком-то смысле было правдой. Где-то в коридорах необъятной крепости нашли один из прежних шедевров, оставленных им или его братьями.

XVIII
ВНЕДРЕНИЕ

Планом Гурона легко было восхититься, как и энтузиазмом, с которым владыка Корсаров представил его на рассмотрение. Демонстрируя удивительное смирение и доверительное отношение к сотне воинов, которых он собирался послать на смерть, тиран явился на борт «Завета» с минимальным количеством охраны. Он лично обратился к Повелителям Ночи. Стоя на мостике «Завета» с двумя гвардейцами-терминаторами по бокам, повелитель Корсаров изложил свой план в деталях и

наметил возможные пути атаки Повелителей Ночи. Он даже упомянул, что в конечном счете прибытие Восьмого легиона стало редкостной удачей. Их бойцы больше подходили для первой стадии вторжения. Далее тиран заявил, что, хотя он полностью полагается на союзников в выборе средств, наилучшего результата они, несомненно, достигнут, действуя собственными методами.

Талос все это видел. Первый Коготь разомкнутым строем собрался вокруг гололитического стола. Там же толпились и остальные Когти. Лишь один из Повелителей Ночи держался в стороне. Он стоял поодаль в своем свежевыкрашенном доспехе, однако изоляция, казалось, его не смущала. Рувен не принадлежал ни к одному из Когтей, потому что все его отвергли. Реакция Вознесенного и его Чернецов была самой жесткой: они вслух пообещали прикончить предателя, если тот хоть раз по глупости вызовет их недовольство.

Посреди своей речи Кровавый Корсар включил гололитическое изображение

крепости-монастыря Вилат. Даже эта грубая мерцающая проекция зажгла в пристальном взгляде Талоса что-то вроде зависти. Ни одна крепость Астартес не походила на другие, и Вилат возносился к небесам, словно кафедральный собор Экклезиархии. Зубчатые стены, ступенчатые крепостные валы, посадочные платформы и, на самых верхних уровнях, доки для боевых кораблей, прибывающих сюда на починку, превратили собор в могучую готическую цитадель.

— «Завет» мог бы врезаться в него, — заметил Ксарл, — не оставив и царапины.

Воин держал шлем на сгибе локтя. По причинам, неясным Талосу, с момента прибытия в Зрачок Бездны Ксарл взял в привычку носить свой церемониальный шлем. Шлем был украшен под стать эмблеме легиона: два гладких нетопырьих крыла поднимались над ним изысканным гребнем.

— Зачем ты его носишь? — тихо поинтересовался Талос во время обсуждения миссии.

Ксарл покосился на шлем у себя в руке

и окинул Пророка хмурым взглядом.

— Немного гордости не помешает, брат.

Талос оставил его в покое. Возможно, в словах Ксарла был смысл.

Гурон ненадолго прервался, чтобы прочистить забитое желчью горло. Когда тиран сглотнул, в его шее и груди заклацали шестеренки.

— Крепость-монастырь — это оборонительное сооружение, превосходящее любую другую твердыню. Каждый из вас это знает, но и такие цитадели отличаются по степени боеспособности. Вилам — не провинциальный замок на границе Империи. Согласно гололитическим симуляциям, даже атака всей армады Корсаров с орбиты имеет крайне сомнительный шанс на успех. Такой бой никому из нас не принесет славы, уверяю вас.

Несколько из собравшихся воинов хмыкнули.

— Вы вправе задать вопрос: почему я ставлю вас под удар? — согласился Гурон. — Ответ прост: если ваш легион не добьется

успеха на первых этапах вторжения, вся осада заранее обречена на провал. Я использую вас, но не как хозяин — рабов. Я использую вас как генерал, полагающийся в бою на свое оружие.

— А нам-то с того какая корысть? — выкрикнул один из Кровоточащих Глаз.

Вопрос вызвал у остальных его братьев целую симфонию шепелявых смешков. Их было тридцать, и большинство стояли на четвереньках, опираясь на когтистые лапы, хотя несколько наименее изменившихся держались прямо.

Гурон не улыбнулся. Он чуть наклонил голову, словно признавая правомерность вопроса.

— Некоторые могли бы сказать, что я уже достаточно вознаградил вас, позволив «Завету» войти в док. Но я не жаден, когда дело касается трофеев. Вам известно, что я хочу получить в результате атаки. Восьмой легион может забирать все, что пожелает, кроме запасов геносемени Странствующих Десантников. Берите доспехи, реликвии, пленников — мне все

это не нужно. Но если я обнаружу, что вы разграбили генные хранилища, я отменю амнистию. Мы не просто обстреляем «Завет» и изгоним с территории Корсаров, как было в прошлый раз, когда вы решили... испытать мое терпение. Мы его уничтожим.

Вознесенный, заставив пол задрожать, подтащил свою бронированную тушу к гололиту. Огромные когти легли на стол, а воспаленные черные глаза наполовину скрылись под распухшими веками, прячась даже от слабого света проекторов.

— Все Когти примут участие в наземной атаке. На корабле останутся только Чернецы.

Существо замолчало, чтобы втянуть воздух и выдохнуть его вместе с брызгами ядовитой слюны.

— Я высажу вас в десантных капсулах.

— А как мы пробьем орбитальные уровни обороны? — Карша, командир Второго Когтя, обращался скорее к Гурону, чем к Вознесенному. — Надеюсь, ты не собираешься швырнуть нас всех на алтарь

судьбы, рассчитывая, что горстка выживших выполнит твой приказ?

Гурон снова кивнул.

— Понимаю ваш скептицизм, но мы планировали эту операцию долгие годы. Флотилии рейдеров много лет тревожили этот субсектор, вынуждая Странствующих Десантников постоянно расширять зону патрулирования. Уже почти десять лет орден уходит все дальше и дальше от крепости в своих крестовых походах, пытаясь защитить уязвимые торговые маршруты Империума. Чтобы нам представилась эта возможность, я пожертвовал множеством кораблей и уложил в преждевременные могилы больше воинов, чем мне бы хотелось. Крепость-монастырь защищает сейчас максимум одна рота имперских космодесантников. Их флот рассеялся по субсектору. Остались только орбитальные защитные платформы, и, хотя это тоже не шутка, за всю историю Красным Корсарам еще не выпадало случая захватить такой приз почти голыми руками. — Улыбка Гурона была ничуть не

менее хищной, чем у Повелителей Ночи. — Неужели вы считали, что я собираюсь бездумно бросить воинов на эту планету, уничтожив все шансы на внезапную атаку? Нет. Как тебя зовут, легионер?

— Карша. — Повелитель Ночи не стал утруждать себя салютом. — Карша Неприсягнувший.

— Карша.

Гурон повел в сторону гололита гигантской силовой перчаткой. Огромные когти сомкнулись вокруг группы радарных тарелок, установленных на восточных стенах крепости.

— Звезду системы, Вилу, заставили кровоточить, и она испускает в космос невероятные вспышки энергии. Солнечный ветер и пертурбации магнитного поля уже захлестнули систему Вилам. Когда этот прилив обрушится на планеты, на них начнутся геомагнитные штормы. В небе над полюсами вспыхнет полярное сияние, и...

Карша заворчал в невольном восхищении:

— ...и все вокс-установки и аусники на

поверхности вырубятся.

— Как и на орбите, — добавил Гурон. — Магнитные помехи выведут из строя аусник-сканеры и вокс-передатчики по всей системе. Из-за шторма нам придется наступать практически вслепую, потому что и на собственные приборы мы полагаться не сможем. Первая фаза атаки, а именно проникновение на Вилам, будет нетрудной. Но вот вторая, когда начнутся осложнения... Ее мы можем обсудить позже.

Талос выступил вперед.

— Как вы спровоцируете выброс корональной массы солнца?

Хотя вопрос предназначался Гурону, взгляд Пророка скользнул туда, где в одиночестве стоял Рувен.

— Этот феномен не может быть вызван искусственно.

Рувен ничего не сказал, зато ответил Гурон.

— Нет ничего невозможного, Пророк. Мои заклинатели варпа способны совершить куда больше, чем тебе кажется.

Он произнес эти слова без тени

хвастовства, просто констатируя факт.

— На самом деле нет ничего сложного в том, чтобы дотянуться до сердца звезды и ускорить термоядерный синтез. Мои люди знают, что нужно сделать, и скорее умрут, чем подведут меня.

— Если ты сможешь ослепить крепость-монастырь Странствующих Десантников, — признал Карша, — тогда и ты не подведем.

По рядам побежал согласный гул. Ксарл ухмылялся, Меркуций что-то бормотал себе под нос, Ужас таращился в никуда бессмысленным взглядом. Кирион встретился глазами с Талосом.

— Как ты и говорил, — подтвердил он. — Мы будем драться в этом бою по-своему.

Пророк кивнул, но ничего не ответил.

В ту же ночь «Завет крови» вышел из дока и нырнул в варп, направляясь к системе Вилы.

Десантные капсулы рухнули на планету девять дней спустя.

Пока он продвигался сквозь лабиринт

служебных туннелей и вентиляционных шахт, в голове крутилась единственная мысль: Если мы продолжим охотиться, у нас есть шанс; если станем добычей, не протянем и одной ночи.

Десантная капсула Первого Когтя села к востоку от крепости, вписавшись в ущелье — одно из многих в этом скалистом ландшафте. Эрозия и землетрясения долгие тысячелетия забавлялись с этой равниной, изрыв шрамами неприветливое лицо пустынной планеты. Выбравшись из каньона, Астартес помчались к западу, рассыпавшись по голым плато и бросив друг другу на прощание лишь пару неприветливых слов.

Талос добрался до крепости-монастыря через две ночи после того, как покинул ущелье, преодолев почти двести километров безжизненной и безводной равнины. С помощью перчаток и ботинок он выбил опору для рук в стенах и пробрался в крепость через широкую пасть воздухообменника системы отопления. Пламя внутри было индустриальным —

природный огонь, а не разъедающее липкое месиво огнеметов, — и Пророк безнаказанно прошел сквозь него, не обращая внимания на обуглившийся доспех и обожженные трофеи-черепа.

Он понятия не имел, какая судьба постигла его братьев.

Настоящая скрытность никогда не работала при первой фазе атаки. Боевая броня легионеров Астартес не позволяла им превратиться в невидимых и неуловимых ассасинов. Священный доспех гудел, как работающий вхолостую двигатель, превращал воинов в трехметровых гигантов и оставлял энергетический след, который легко могли засечь даже самые примитивные аускик-сканеры. Когда Восьмой легион вступал в бой, он не прятался под завесой секретности в тщетной надежде остаться незамеченным. Подобную трусливую тактику они оставляли бездушным ведьмам, порожденным на свет инкубационными чанами Храма Каллидус.

Талос коротко взглянул на хронометр, отображавшийся на дисплее. С

того момента, как сирены начали истошно завывать, прошло уже две минуты. Продолжая бежать по служебному туннелю, Пророк сверился с гололитической схемой на своей левой глазной линзе. Впереди было обширное помещение, почти наверняка центральный операционный узел слуг ордена на этом уровне. Если он убьет там всех, кроме нескольких визжащих беглецов, это, несомненно, привлечет внимание.

Уже недалеко.

Люкориф никогда не утверждал, что был любимцем своего генетического сюзерена, и не питал особенного почтения к другим воинам, которые хвастались принадлежностью к внутреннему кругу примарха. Как и у большинства его братьев, у Люкорифа появились совсем другие цели и ценности за то время, что прошло со смерти Курца. В первую очередь он был раптором, а во вторую — принадлежал к Кровоточащим Глазам. И лишь в третью и наименее значимую — оставался Повелителем Ночи. Он не

разрывал связей с легионом, но и не обвешивал себя с ног до головы крылатыми черепами Нострамо.

В конечном счете это была просто планета. Даже не все воины легиона происходили оттуда. Довольно солидную часть составляли терранцы, уроженцы метрополии — потомки генетических линий, положивших начало всей человеческой расе.

Вораша, со всеми своими дурацкими стешками, демоническим наличником шлема и сочащимися кровью глазами, был выходцем с Земли. И это тоже ничего не значило. Люкориф знал, что Вораша думает так же, как он: в первую очередь рапторы, во вторую — Кровоточащие Глаза и в последнюю — верность древнему легиону. Так что же значил родной мир? Такие детали ничего не меняли. Люкорифа бесило то, что другие придавали этому столь огромное значение. Они всегда смотрели в прошлое, отказываясь видеть славу в настоящем и победы в грядущем.

И Пророк был хуже всех. От его

чудовищно искаженных представлений о примархе Люкорифа тошнило. Курц убивал, потому что хотел убивать. Его душа прогнила насквозь. И своим последним поступком, вынесенным самому себе смертным приговором, он преподал глупейший урок: зло заслуживает кары.

Каждый раз, когда раптор задумывался об этом, он не мог сдержать глумливый смешок. Если урок был таким жизненно важным, таким необходимым, таким бескорыстным, зачем Курц оставил после себя целый легион убийц, терроризирующих галактику во имя погибшего примарха? Он умер сломленным, превратившись в тень того воина, каким был прежде. Единственным чувством, способным проникнуть сквозь его безумие, была ненависть. Он умер, чтобы преподать урок уже убитому отцу. Он умер, чтобы явить истину, известную любой душе в галактике. Это было не оправдание прошлых грехов, а глупость. Слепая, ничем не оправданная глупость, полная гордыни.

Примархи. При мысли о них вожаку

раторов хотелось сплюнуть. Бесполезные, порочные создания. Пусть мертвые примархи гниют в поэтических виршах и на страницах исторических хроник. Пусть выжившие навсегда останутся в высших сферах имматериума, распевая гимны безумным богам. А ему досталась война, которую надо выиграть, освободившись от оков и заблуждений легендарных времен.

Вознесенный потребовал от него многого, и Люкориф с охотой принес ему кровавую клятву, обещая успех. Его связь с Кровоточащими Глазами была священна. Он был членом обширного братства, распространившегося на несколько секторов и заключившего союз с бесчисленными бандами Хаоса. Люкориф гордился тем, что его воины числятся среди лучших в этой вездесущей секте. Он возглавлял тридцать бойцов, многие из которых без колебаний вырвали бы ему глотку, если б надеялись занять место вожака. Но когда кровь звала в бой, они становились одной стаей.

Изъевший Вилам лабиринт служебных туннелей предназначался для

того, чтобы по нему могли пройти бригады сервиторов, выполнявших множество ремонтных работ. Сквозь эту часть он пробрался легко, мягкой леопардовой пробежкой, скребя когтями по металлу. Шум его не беспокоил. Пусть враги придут. В отличие от Когтей, привязанных к земле и вынужденных медленно карабкаться по крепостным стенам, все Кровоточащие Глаза сразу взлетели на средние уровни, оседлав ветер и включив реактивные ранцы.

Из-за двигателя на спине Люкориф не мог пробраться в узкие вентиляционные шахты, так что приходилось выбирать из ограниченного числа маршрутов. Осторожность так же играла роль, как и конечная цель. На правой глазной линзе помаргивала схема крепости. Очертания коридоров сменялись новыми, по мере того как раптор поднимался выше. То и дело план крепости исчезал в мельтешении помех, заставляя Люкорифа раздраженно хлыкать сквозь динамики вокса. По крайней мере, они еще не подвели — но корональный шторм сеял хаос повсюду, не

делая различия для правых и неправых.

Сирены завывали уже несколько минут. Вероятно, кто-то из Когтей на нижних уровнях начал развлекаться. Люкориф несся дальше, скалясь уродливой маской наличника на готические украшения коридора. Даже эти служебные туннели были построены с редкостным, но нелепо избыточным мастерством.

Внезапно раптор остановился. Замерев на месте и напружинив мускулы, Люкориф принялся ждать. В течение нескольких секунд единственными звуками были удары его основного сердца и шум дыхания. Но затем на самой границе слышимости...

Раптор сорвался на стремительный бег. Его огорчало лишь то, что вынужден передвигаться по земле, словно презренная четвероногая тварь, — он, рожденный летать. В конце туннеля мелькал свет, слышались голоса и воняло человеческим потом...

Добыча.

Люкориф с ястребиным криком вырвался из туннеля, сбив по пути тонкую

железную решетку. Они уже услышали его — раптор об этом позаботился — и ждали у входа, сжимая бесполезное оружие. Их руки не дрожали. В этих рьяных защитниках цитадели не было страха, да и откуда бы? Разве за всю свою безбедную и безопасную жизнь в самом сердце неприступной крепости они хоть раз узнали, что такое настоящий страх? Им следовало преподать урок.

Лазерный огонь опалил его доспехи напрасными поцелуями, но в падении раптор изогнулся, прикрыв уязвимые сочленения брони. Когда он приземлился, каменный пол содрогнулся и от всех четырех когтистых лап побежали трещины. За две следующие секунды он получил еще три лазерных заряда в наплечники и отследил всех четверых облаченных в мантии защитников крепости. Сетка целеуказателя определила виды оружия в руках смертных и смутной пульсацией обозначила их сердечный ритм.

Пока все эти детали мелькали у него перед глазами, Люкориф оценил

расстояние до цели. Смертные были слишком далеко, чтобы настичь их одним прыжком и прикончить.

Досадно.

Развернувшись к стене, он под рев проснувшегося двигателя взвился в воздух. Его прыжок ничем не напоминал человеческий, — скорее, так прыгает распластавшая лапы ящерица. Ударившись о стену руками и ногами, он на секунду застыл там в пародии на рептильную неуклюжую позу. Уже в следующий миг он двигался, ощущая огонь в мышцах и дрожь в сочленениях доспеха. Когти рук и ног вонзались в камень, унося его выше, прочь от вражеского огня. Когда раптор взобрался достаточно высоко, он оттолкнулся от украшенного резьбой камня, позволяя гравитации и весу доспеха довершить работу.

Лучше.

Раптор спикировал вниз, выставив вперед припорошенные каменной крошкой когти и пронзительно визжа сквозь динамики шлема.

Хотя у слуг ордена и не было боевого

опыта, военное обучение они прошли. Гордость и преданность, горевшие в сердцах, заставили их продолжить огонь, в то время как более боязливые — или менее фанатичные — смертные уже обратились бы в бегство. Люкорифа всегда восхищала смелость и то, чего можно достичь с ее помощью в тех редких случаях, когда судьба и сила человеческого духа сливаются в нечто необыкновенное. Чаще всего смелость приводила лишь к тому, что храбрецы умирали на несколько секунд раньше, чем трусы. Если бы рабы в белых рясах попытались сбежать, ему пришлось бы их преследовать. Но вместо этого они остались, где были, и продолжили бой. И погибли — быстрой, хотя и мучительной, смертью.

Покончив с этим, Люкориф снова опустился на четвереньки. Его оружие оставалось в ножнах, но когти окрасились алым. Раздраженно рыкнув, он дернул ногой, вытряхивая застрявший между когтями ступни кусок мяса. Коридор превратился в бойню, усыпанную обрывками одежды. Прислушавшись, он

уловил шум шагов приближавшихся смертных. Их поступь была слишком легкой, чтобы принадлежать Астартес. Охотничий азарт обжег раптора, скорчившегося в разлитой крови. Предвкушение холодком пробежало по телу, когти дрогнули от чувства неутоленного голода.

Он произнес: «Охотничье зрение», но из динамиков шлема вылетело только хриплое горловое пощелкивание и рычание. Сейчас, когда раптора охватила ярость, его нострамский звучал не лучше, чем у Вораши. Он ощутил, как густая липкая слюна заполняет пространство между языком и нёбом.

Охотничье зрение залило коридор всеми оттенками серого. Даже рассыпанные вокруг тела размылись, став мутными пятнами в бесцветном месиве. Лишь когда враг показался из-за угла, глазные линзы осветились движением и жизнью — острые вспышки белого в сером ничто. Многие воины Восьмого легиона настраивали шлемы так, чтобы отслеживать тепло или движение.

Люкориф из Кровоточащих Глаз предпочитал все делать по-своему. Он следил за визуализацией звуков. Человекоподобные силуэты, мелькавшие перед глазами, складывались из шороха шагов и ударов сердец, усиленных голосами и треском винтовочных выстрелов.

Раптор встретил их торжествующим криком и ринулся вперед, взмыв над полом на реактивной тяге и обнажив оружие.

Талос поднял за волосы отсеченную голову, не обращая внимания на льющуюся из шеи слабую струйку. Удар не был чистым, и силовой меч не прижег обрубок. Когда голова женщины скатилась с плеч, коридор забрызгало кровью. Тело рухнуло на пол комом смуглой плоти и смятой ткани.

Пророка вряд ли можно было назвать экспертом в подобных вопросах — и выражение лица мертвой женщины с отвисшей челюстью и закатившимися глазами тоже осложняло дело, — однако при жизни она, вероятно, была красива.

Используя волосы своего трофея как веревку, Талос привязал голову к одной из цепей на поясе. Голова закачалась, постукивая об уже висевшие там черепа. По бедру и наголеннику потекла кровь, но Повелитель Ночи даже не заметил этого.

Носком ботинка он перевернул другое тело. Глаза убитого юноши смотрели в потолок, сквозь убийцу. Талос уже отворачивался, когда по дисплею визора пробежала чуть заметная вспышка. Склонив голову к плечу, Астартес сверху вниз поглядел на убитого. Пульс?

В уголке сомкнутых губ раба вздулся кровавый пузырь. О, так он все еще дышал! Значит, парень был не настолько мертв, как казалось.

— Ты, — сообщил ему Талос, — заслужил почетное место.

Он поволок умирающего человека на другой конец комнаты. Талос тащил свою жертву за ногу, оставляя на каменном полу ярко-алый след артериальной крови. В том, чтобы убивать этих жалких рабов, особой радости не было — по крайней мере, для Пророка. Зачищая одну комнату

за другой, он испытывал лишь краткое удовольствие от удачной охоты. Талос снова задумался, как обстоят дела у братьев, и тут его внимание привлекли шаги за дверью.

Он крутанулся на месте, вскинув болтер и направив его на дверной проем. Узас опустил свое оружие. И гладиус, и цепной топор покрывала блестящая пленка крови.

— Брат, — приветствовал его Узас. — Что за охота! Что за добыча! Вонь их крови так сильна, что почти оглушает!

Талос опустил болтер, хотя и с секундной задержкой.

— Что хочешь с этим делать? — Узас показал топором на умирающего человека.

— Он как раз собирался помочь мне изготовить еще одного кровавого кондора.

— На этом участке выживших мало...

Узас слегка покачивался, но Талос сомневался, что брат это замечает.

— Нет смысла делать кровавого кондора. Я убил многих. Кирион убил многих. Некому смотреть.

Талос выпустил лодыжку смертного.

С элегантной небрежностью он раздавил горло человека каблуком. Все это время Пророк не сводил глаз с топтавшегося в дверях Ужаса.

— Где Кирион?

Ужас не ответил.

— Где Кирион?

— Не здесь. Ушел. Я видел его давно.

— Как давно?

— Какое-то время мы убивали вместе. Потом он ушел, чтобы охотиться в одиночку. Он ненавидит меня. Я видел, как он душил, и рубил, и пожирал мертвецов. Потом он ушел, чтобы охотиться в одиночку.

Талос фыркнул — низкое, хриплое ворчание затравленного хищника.

— Я хочу спросить тебя кое о чем, — сказал он. — О важном. Мне надо, чтобы ты сосредоточился на моих словах, брат.

Ужас перестал раскачиваться. Мотор его цепного топора кашлял со случайными интервалами. Палец Повелителя Ночи подрагивал на спусковой кнопке.

— Спрашивай.

— Отец Рожденной-в-пустоте...

Команда нашла его мертвым. Последние несколько недель я считал, что это сделал кто-то из старых членов команды. Но я ошибался, так ведь?

Узас, казалось, закашлялся. Что бы ни означал этот звук, ответом он не был.

— Зачем ты это сделал, Узас?

— Сделал что?

Голос Талоса не выдавал ни гнева, ни даже усталости. Его тон был нейтральным и ровным, как куски мертвого камня, оставшиеся от их родного мира.

— Я знаю, что ты слышишь меня. Я знаю, что ты там, внутри.

Узас на несколько секунд запустил цепной топор. В конце концов воин покачал головой.

— Иногда смертные просто умирают. Не всегда надо винить меня.

Развернувшись, он оглядел коридор.

— Я иду на охоту.

Так он и сделал, не проронив больше ни слова.

Сирены все еще надрывались. По всей крепости-монастырю Когти превращали

помещения нижних уровней в мертвецкие. Воины вопили, завывали и делали все, чтобы привлечь к себе внимание.

Талос несколько секунд смотрел на опустевший дверной проем. Он пытался понять, закончена или нет беседа с Узасом.

Плотоядно ухмыльнувшись, Повелитель Ночи решил, что нет.

Ксарл, в отличие от своих братьев, не радовался выпавшей им бесславной роли. Пробраться на нижние уровни крепости и перебить связанных клятвой рабов — одно дело. Кто-то должен был выполнить эту досадную миссию. Но вот то, что ее поручили Первому Когтю, — совсем другое.

Размышляя над этим, он выковыривал кусок плоти, застрявший в зубьях цепного меча. Этот оказался таким крупным, что проклятую железяку заклинило, но, учитывая, сколько жизней Ксарл пожал в последние минуты, ничего удивительного тут не было. Семнадцать изрубленных на куски рабов ордена ровным слоем усеяли коридор. Ксарл не понимал, что заставляло обычных смертных,

вооруженных только ножами и мелкокалиберными пистолетами, бросаться на него, однако легко мог обойтись и без этого знания. Судя по всему, те, кто это понимал, быстро отправлялись на тот свет. Так что лучше было оставаться в неведении.

Диверсия. Слово звучало почти как ругательство.

Когти рассредоточатся по крепости-монастырю, — провозгласил Вознесенный, с царственным высокомерием цедя слова, — и диверсиями отвлекут внимание противника, тем самым позволив Кровоточащим Глазам проникнуть в генераторум.

И Талос просто-напросто согласился с этим. Он стоял там, кивая, пока Кровоточащим Глазам поручали добыть главный приз.

При воспоминании о той минуте Ксарл покачал головой.

— Мне это не нравится, — вслух произнес он.

Меркуций для этого задания предпочел штурмовому болтеру

стандартный цепной меч.

— Ты говоришь это всего-то в сороковой раз.

Двое воинов встретились еще до того, как взвыли тревожные сирены. Оба гнали смертных сквозь катакомбы этой огромной, ненавистной им крепости. Меркуций признал, что шел по оставленному Ксарлом кровавому следу, надеясь соединиться с Талосом.

Клинок Ксарла заревел снова, разбрызгивая с мокрых зубьев кровь. Его хозяин ухмыльнулся:

— Обычно ты всем недоволен. Даже странно, что сегодня ты такой жизнерадостный.

— До жизнерадостности мне далеко, но что угодно лучше, чем сидеть на корабле. И здесь, по крайней мере, мы слышим вопли ужаса.

Признание, кажется, его смутило.

— Мы слишком долго не были в бою. Мне это нужно. Мне нужно знать, что мы все еще ведем войну.

Двуручный меч Ксарла ворчал все слабее, пока не утих до ровного гула

режима ожидания.

--- Ведем войну. Ты даже говоришь сейчас, как Талос.

Реакция Меркуция на тон Ксарла была едва уловимой, но вполне однозначной. Его клинок чуть поднялся, плечи напружинились, а глазные линзы загорелись недобрым огнем.

-- И что, если так?

Второй воин хмыкнул.

-- Меня и без того достало его нытье о поблекшей славе и упадке легиона. Если ты присоединишься к его бредням о доблестном прошлом, которого у нас никогда не было, я сам прикончу тебя из жалости.

Ксарл двинулся дальше по коридору, пробираясь под стрельчатыми, взмывавшими к потолку арками из темного базальта. Меркуций с нелегкой душой последовал за ним. На секунду он подумал: а не вонзить ли меч в затылок Ксарлу? Подобное предательство казалось ниже его достоинства... Предательство, но не искушение. Ксарл был свиреп и непредсказуем, несмотря на то что Талос

ему доверял. Пророк полагался на него больше, чем на остальных братьев, однако Меркуций всегда считал, что от Ксарла так и несет возможным предательством.

Мысль об убийстве брата вызвала другую, еще более мрачную: сколько раз Ксарл думал о том, чтобы убить его? Меркуций знал, что ответ ему не понравится. Некоторые вопросы лучше было не задавать.

Пока они шли, повсюду вокруг продолжали завывать сирены, обращая свои жалобные голоса к верхним уровням.

Когда они миновали пустые молельные залы, настроение Ксарла испортилось окончательно. Здесь не было ни мебели, ни, что печальнее, добычи.

— Ответь-ка мне на один вопрос, — ни с того ни с сего брякнул он.

Меркуций постоянно оборачивался, ожидая атаки с тыла. Коридор со всеми своими изрубленными мертвецами оставался безмолвным, как склеп. Впрочем, они действительно превратили его в склеп.

— Говори, — тихо произнес воин.

— Когда именно была та великая и славная эра, о которой талдычит Талос? Я все это время находился рядом с ним, как и ты. Я сражался в Трамасском крестовом походе и до крови разбил кулаки о броню Ангелов в черном. Я присутствовал при усмирении Шестьдесят шесть — двенадцать. Я видел, как Малкарион казнил царька той помойной дыры, Райла, и помню, как мы три дня и три ночи транслировали по сети крики его дочери, пока армия бунтовщиков не сложила оружие. И я не помню никакой славы. Тогда наш отец вел себя честно — мы шли в крестовый поход потому, что были сильны, а враг слаб. Мне нравился вкус их страха, и Галактика истекала кровью под нашими ударами. Так когда же, брат? Когда был тот золотой век?

Меркуций оглянулся на второго Повелителя Ночи.

— Это вопрос восприятия, Ксарл. Что с тобой? Недовольство в твоем голосе граничит с гневом.

— Талос. — В устах Ксарла имя

наполнилось ядом. — В последнее время я часто задумываюсь: как далеко он намерен зайти в своем ослеплении? Я устал от него. Если он хочет обманывать себя, отлично, это его право, но я не вынесу еще одной лекции о благородном легионе, существующем лишь в его воображении.

— Не понимаю, почему ты именно сейчас решил выплеснуть злость?

Меркуций остановился. Ксарл медленно обернулся. Голос Повелителя Ночи зазвучал глухо от переполнявшей его ярости:

— Потому что после этой дебильной осады мы вступим в бой, который действительно важен, — бой за «Эхо проклятия». И что потом? Талос приступит к своим новым обязанностям. Вознесенный хочет пополнить наши ряды. И кто же будет контролировать процесс восстановления? Талос. Кто станет обучать новичков после того, как имплантирует им геносемя? Талос. Кто наполнит их мозги ядовитой ложью о том, как Император потребовал от нас, великого и славного Восьмого легиона,

стать имперским оружием страха? О том, как мы совершали во славу Империума то, на что не решался ни один другой легион? Талос. — Ксарл вздохнул, что было ему совсем несвойственно. — Он вырастит поколение глупцов, разделяющих его заблуждения. Они выйдут из наших рядов — защитники вымышленного правого дела, преемники наследия, которого никогда не было.

Меркуций ничего не ответил. Ксарл взглянул на него.

— Ты думаешь так же, как он, правда?

— Я тоже все видел собственными глазами, Ксарл. И мы действительно были оружием, в котором нуждалось человечество. Я лелею воспоминания о временах, когда целые миры сдавались, едва заслышав о появлении Восьмого легиона на их орбите. Нам никогда не узнать, требовал этого Император от примарха или нет. Но мы были тем оружием, брат. И я горжусь этим.

Покачав головой, Ксарл зашагал дальше.

— Я окружен глупцами.

Вознесенный откинулся на спинку трона. Он прислушивался к шумам стратегиума, просачивавшимся сквозь завесу беспокойных мыслей. Вокруг во всю мощь наяривал тошнотворный оркестр человеческого существования: гротескно-преувеличенный звук влажного дыхания; шелест одежды, трущейся о кожу; шепелявая сухость слов, произнесенных в твердой, но напрасной уверенности, что господа из легиона не услышат.

Вандред, к облегчению демона, вновь погрузился в молчание, прихватив с собой

тени эмоций. Вознесенный молился лишь о том, чтобы на этот раз человек канул в небытие навечно, хотя особенно на такую удачу не надеялся. Вероятно, душа прежнего владельца тела свернулась где-то в самых отдаленных глубинах их совместного разума, вынашивая план следующей бесполезной атаки.

Что за тоска...

Взгляд Вознесенного скользнул к обзорному экрану, на котором яростно бурлили метановые океаны спутника Вилата. Луна была их щитом, гарантией того, что неисправные сканеры монастыря-крепости все же не смогут каким-то образом засечь их присутствие на орбите. Вместо того чтобы оставаться в верхних слоях атмосферы с риском быть обнаруженными, Вознесенный ударился в другую крайность. После запуска десантных капсул он отвел «Завет» как можно дальше.

Расслабившись в последние спокойные минуты перед бурей, демон погрузился в собственный разум. Существо попыталось уловить хоть тень воспоминания, запах, по

которому оно могло бы найти Вандреда. Не обнаружив даже призрачного следа, Вознесенный мысленно пожал плечами и вновь обратил чувства к вращавшейся внизу планете.

Эта задача была куда сложнее — она требовала полной и продолжительной концентрации. Вознесенный от усилия оскалился, обнажив черные клыки и роняя с челюстей капли кислотной слюны.

Обнаружив цель, демон мысленно потянулся к ней.

Люкориф.

Марух чистил винтовку с натренированной сноровкой, вполуха прислушиваясь к тому, как Септимус отвечает на бесконечные вопросы Октавии.

Если говорить о подарках, то лазвинтовку его товарищ явно выбрал не без умысла: оружие гвардейца для того, кто всегда мечтал вступить в Гвардию. Однако Марух не совсем понимал, что, по мнению Септимуса, он должен делать с подарком. Раб плохо видел, в чем

изначально и заключался корень проблемы. Он сильно сомневался, что попадет в цель с расстояния больше двадцати метров. Да, в ближайшее время медали за меткость стрельбы ему не выиграть.

Пес сидел рядом с Марухом. На коленях служителя лежал грязный обрез, а бинты на пальцах казались еще грязнее. Бывший рабочий с Ганга не мог наверняка определить, куда «смотрит» Пес, но, судя по развороту его лица, слепой коротышка наблюдал за Септимусом и Октавией — то есть нагло делал именно то, чего сам Марух старался избежать.

Тем временем Септимус и Октавия занимались тем, что у них всегда лучше всего получалось.

Седьмой из рабов Талоса не поднимал глаз от работы — он зачищал узоры, выгравированные на штуртовом болтере лорда Меркуция. Напильник в его руках негромко поскрипывал, снимая чуть заметные пятна ржавчины с вырезанных в металле рун.

— Наши Когти просто отвлекают внимание, поднимаясь вверх с нижних

уровней. — Напильник все так же скрежетал. — Вилам защищают тысячи смертных, но Когти пройдут сквозь них, как акулы сквозь морскую воду. Следует беспокоиться лишь о небольшом гарнизоне, который могли оставить в крепости Странствующие Десантники. Хотя Десантники вряд ли ждут нападения в самом сердце их родного мира, они остаются имперскими космодесантниками и будут защищать свой монастырь до последнего. Для того чтобы план сработал, их следует увести подальше от основных целей. Тут-то Когти и вступают в игру. Они устроят бойню среди жителей Вилама и отвлекут на себя Странствующих Десантников.

Октавия, которой нечем было заняться с момента прибытия в систему Вилы, околачивалась по мастерской Маруха и Септимуса. Она щелчком отправила через комнату бесполезную нострамскую монету. Пес поднялся и поковылял за денежкой, чтобы принести ее хозяйке.

Навигатор довольно часто играла в

эту игру. Пес, казалось, ничего не имел против.

— А что насчет тех, кто шипит и плюется? — спросила девушка. — С этими... — Она согнула пальцы, изображая когти.

Септимус прервал работу, чтобы отхлебнуть тепловатой воды из чашки.

— Ты имеешь в виду Кровоточащие Глаза? Главное — заглушить вспомогательный генераторум. Это задача Кровоточащих Глаз. Когда они его обесточат, орбитальные защитные батареи отключатся. А затем мы нанесем удар. «Завет» и остальная часть флота Гурона войдут в атмосферу. И начнется осада.

— А что, если Странствующие Десантники ударят по Кровоточащим Глазам, а не по Когтям?

— Этого не случится.

Септимус оторвал взгляд от болтера и покосился на Октавию, чтобы проверить, не перечит ли она из чистого упрямства. Девушка вроде бы слушала внимательно, но о ней никогда ничего нельзя было

сказать наверняка.

— Этого не случится, — продолжил он, — потому что Когти притупятся специально привлекать к себе внимание, а Кровоточащие Глаза должны просочиться незамеченными. Ты видела размер крепости на гололите? Мне встречались города-ульи куда меньше. Очень маловероятно, что кто-то из воинов наткнется на имперского легионера до начала второй фазы осады. Даже эти диверсии не так уже необходимы, но Талос будет очень осторожен. Учитывая, что нас ждет дальше, они не хотят потерять ни одного бойца.

Октавия ненадолго задумалась.

— Я почти чувствую себя виноватой, — призналась она. — Если бы мне не так трудно было управлять кораблем, я не разбила бы его в течениях варпа и нам не пришлось бы участвовать в этом безумии.

Септимус взял другой напильник и перешел к следующей строке рун.

— Когтям плевать. Эта осада бессмысленна, и они постараются выложиться там, на поверхности, по

минимуму. Посмотришь, как будет действовать «Завет» во время осады. Вознесенный сохранит почти все боеприпасы для того, что последует дальше. Талоса ничего не волнует, кроме захвата «Эха проклятия».

— Но мы только-только успели собрать команду, достаточную для управления одним кораблем. Зачем им два?

— Зачем им вообще что бы то ни было? — Септимус, пожав плечами, оглянулся на нее. — Чтобы получить новые черепа. Потому что им нравится проливать кровь врагов. Просто ради мести, невзирая на цену победы. Я служу им, Октавия. Я не пытаюсь понять их.

Октавия не стала развивать тему. Уловки ради уловок, диверсии ради диверсий... Все в Восьмом легионе было непросто. Ну, если не считать тех случаев, когда они бежали с поля боя.

Она снова бросила монету, и Пес послушно отправился за поноской. Когда он присел у двери, пытаясь ухватить металлический кругляш забинтованными

пальцами, люк со скрипом открылся. Пес попятился, шарахнувшись обратно к хозяйке. Люди уставились на заполнившую дверной проем гигантскую фигуру. Пришелец ворочал шлемом вправо и влево, по очереди оглядывая каждого из них.

Легионер вступил в мастерскую. На его броне почти не было украшений — ни единого черепа или свитка с клятвой. Теперь, когда все Повелители Ночи, кроме Чернецов, высадились на поверхность, Септимусу не составило труда узнать гостя.

Раб не поднял руку в церемониальном приветствии. Ни за какие коврижки он не собирался салютовать перед этим.

Воин окинул взглядом четверых смертных. Все это время он хранил молчание, если не считать гудения доспеха, усиливающегося при каждом движении. В одной руке легионер сжимал черный посох. Навершие было выточено из черепа странной твари, демонстрирующего как минимум три ряда зубов.

— В этой комнате, — прорычал воин

на готике, — так и разит соитием.

Марух отвесил челюсть. Он не был уверен, что правильно расслышал. Невидящие глаза Пса обратились к Септимусу и Октавии. Повелителю Ночи только того и надо было.

— Ах. Не соитием. Желанием. Так пахнет ваше животное влечение друг к другу. Вы гистологически совместимы.

Повелитель Ночи фыркнул — так чихает зверь, избавляясь от неприятного запаха.

— Еще один отвратительный недостаток человеческой физиологии. Если от вас не разит страхом, то воняет похотью.

В начале его тирады Октавия сузила глаза. Навигатор понятия не имела, кто этот воин, но ее ценность для команды прибавила девушке смелости.

— Я не человек, — сказала она с куда большим ехидством, чем намеревалась.

В ответ Повелитель Ночи хмыкнул.

— О чем однозначно говорит тот факт, что раб уставился на тебя своим единственным глазом с нескрываемым

вожделением. Никогда не предполагалось, что Homo sapiens и Homo navigo будут генетически совместимы. Баланс ваших феромонов весьма любопытен. Удивительно, что вы не вызываете друг у друга отвращения.

Септимус и не пытался скрыть лед в голосе.

— Что тебе нужно, Рувен?

— Так, значит, ты меня знаешь. — Раскосые глазные линзы легионера впились взглядом в оружейника. — Ты, должно быть, седьмой.

— Да.

— Тогда тебе стоило бы проявить ко мне больше уважения, если не хочешь разделить судьбу второго.

Рувен снова хмыкнул низким баритоном.

— Ты когда-нибудь видел, как вырывают душу из ее телесной оболочки? На один миг — прекрасный, восхитительный миг — тело остается стоять. Каждый нерв передает волну электрических импульсов от работающего вхолостую мозга. Сама душа

бьется в судорогах — она все еще связана с плотью и разделяет агонию умирающей нервной системы, но уже не способна ни на что, кроме как корчиться в потоках эфира.

Рувен удовлетворенно вздохнул.

— Честно говоря, редко мне доводилось встречать более точное воплощение ужаса. Я искренне благодарен Второму за дар его смерти, потому что в ту ночь узнал много нового о варпе и о моих собственных силах.

— Ты убил Секундуса. — Септимус сглотнул. — Ты его убил.

Воин в маске отвесил изящный поклон.

— Виновен.

— Нет. — Септимус сглотнул, отчаянно стараясь сосредоточиться. — Талос убил бы тебя.

— Он пытался.

Рувен двинулся в обход мастерской, разглядывая рабочие инструменты Септимуса. Дойдя до Пса, он остановился.

— А ты что за мелкое недоразумение?

Маг пнул служителя ботинком, скинув его со стула.

— Навигатор Этригий не слишком заботился о своих рабах, так? — Рувен оглянулся на Октавию. — Тебе достались одни отбросы, девочка.

Пес зарычал на него с пола, но Рувен уже зашагал дальше.

— Септимус, ты сильно переоцениваешь возможности своего хозяина — и его благоразумие, — если считаешь, что Талос способен меня убить. После того как я прикончил Секундуса, он пытался. Каждый раз я нарадоваться не мог на его энтузиазм. В конце концов, хоть Пророк и не простил меня, он оставил эти тщетные усилия отомстить. По-моему, неудачи ему надоели.

Октавия приподняла бровь. Оставил попытки отомстить? Не похоже на Талоса.

Септимус был менее склонен держать язык за зубами.

— Ты сотворил это с моим лицом! — рявкнул он. — На тюремной планете в

системе Крита.

Рувен сверху вниз уставился на смертного, изучая обширные и искусно сделанные аугметические протезы, заменившие висок и глазницу Септимуса.

— Ах, так это ты был пилотом «Громового ястреба»? Для грызуна ты неплохо обучен, мальчик.

Септимус сжал зубы и кулаки, изо всех сил борясь с желанием схватиться за пистолеты.

— Это ты на Соласе послал тех заключенных, чтобы убить нас.

Самоконтроль Октавии тоже начал таять. Когда Септимуса приняли за мертвого и оставили его изувеченное тело в рубке «Громового ястреба», ее избили почти до потери сознания и за волосы затащили в самые страдные подвалы тюремного комплекса.

— Так это был ты? Ты послал их? Четыре часа, — прошипела она, — я была там в темноте, с этими... животными. Целых. Четыре. Часа.

Рувен покачал головой, отмахиваясь от мелодраматической человеческой

белиберды.

— Хватит ныть. Мой доспех нуждается в техосмотре.

— Я не твой оружейник, — почти расхохотался Септимус.

— Ты ухаживаешь за броней и оружием Первого Когтя, разве нет?

— Да. Но ты не из Первого Когтя.

— Был когда-то. И снова буду.

— Тогда, если Первый Коготь снова примет тебя, ты сможешь приказать мне починить твой доспех — но я опять откажусь. А пока что убирайся.

Рувен по очереди взглянул на каждого из смертных.

— Что ты сейчас сказал?

— Убирайся.

Септимус встал. Он не вытащил пистолеты, зная, что это бесполезно. Легионер мог убить их всех в мгновение ока, если бы захотел.

— Убирайся из оружейной моего господина. Это место предназначено для Первого Когтя и тех, кто им служит.

Рувен молчал. Такого он никак не ожидал. Любопытство и удивление

перевесили гнев.

— Убирайся.

Октавия, в отличие от Септимуса, вытащила пистолет и направила его на рогатый шлем колдуна.

Пес немедленно последовал ее примеру, и из-под его рваного тряпья показался ржавый обрез.

— Госпожа говорит, что ты должен уйти.

Марух последним поднял свою отполированную лазвинтовку.

— Леди попросила вас удалиться.

Рувен все еще не сдвинулся с места.

— Когда-то у Талоса были куда более высокие стандарты тренировки рабов, — проговорил он.

Теперь уже Септимус вытащил пистолеты и направил оба на нагрудник Повелителя Ночи. Бессмысленный жест или нет, но рабы остались едины.

— Я велел тебе убираться, — повторил он.

— Ты ведь не считаешь всерьез, что этот спектакль меня устрашит?

Рувен шагнул вперед. На его левой

глазной линзе вспыхнули две красные точки — это Септимус убрал предохранители. Легионер тряхнул головой.

— Я оставляю вам жизнь лишь потому, что вы ценны для легиона.

— Нет, — прорычал Септимус. Его человеческий глаз налился чернотой, а механический равнодушно поблескивал. — Ты оставляешь нам жизнь потому, что ты один на этом корабле и все остальные тебя презирают. Мой господин многое мне рассказывает. Я знаю, что Вознесенному нужен лишь самый ничтожный, мельчайший повод, чтобы тебя казнить. Я знаю, что Первый Коготь скорее прикончит тебя, чем вновь тебе доверится. У тебя нет власти над нашей жизнью и смертью. Мы живы не потому, что ценны, а потому, что ты ничего не стоишь.

Прежде чем Рувен успел ответить, Октавия протянула руку к бандане и запустила пальцы под повязку.

— Пошел вон. — В другой руке ее подрагивал пистолет. — Убирайся.

Рувен склонил голову, признавая свое поражение.

— Это было крайне поучительно, рабы. Благодарю вас.

С этими словами он развернулся и вышел из комнаты. Люк за ним захлопнулся.

— Кто, во имя бездны, это был? — спросил Марух.

— Черная душа, — скривился Пес. Даже его зашитые нитками глаза сморщились и впали в глазницы больше, чем обычно. — Очень черная душа.

Септимус зачехлил пистолеты. Затем в три шага пересек комнату и обнял Октавию. Марух отвернулся, ощутив внезапную неловкость. Раньше при нем они почти не прикасались друг к другу, и пожилой раб знал оружейника достаточно хорошо, чтобы понять — для такого дерзкого поступка Септимусу пришлось собрать всю свою смелость. Он не колеблясь наставил бы пистолет на полубога, но никак не мог набраться решимости для того, чтобы утешить дорогого ему человека.

Девушка почти немедленно вывернулась из его объятий.

— Не... не трогай меня. Не сейчас.

Вырываясь из рук оружейника, Октавия дрожала, но ее собственные руки продолжали трястись и после того, как девушка освободилась.

— Пес, пошли.

Голос навигатора сорвался на простой команде.

— Да, госпожа.

Когда дверь вновь захлопнулась, двое мужчин остались одни. Марух положил винтовку обратно на верстак.

— Что ж, это было захватывающе.

Септимус все еще смотрел на закрытую дверь.

— Я пойду за ней, — сказал он.

Ради друга Марух выдавил из себя улыбку, хотя после стычки с легионером сердце в его груди все еще гулко колотилось.

— Ты выбрал неверное время, чтобы начать вести себя как мужчина. Дай ей побыть в одиночестве. То, что она сказала о заключенных... о том, как они захватили

ее на Солясе, — это правда?

Септимус кивнул.

— Тогда последнее, чего она сейчас хочет, — это мужские ладони на своем теле, — заметил Марух.

Септимус рухнул на стул, уронил руки на колени и опустил голову. Пепельно-русые волосы упали ему на лоб, закрывая бледное лицо. Темный глаз моргнул, голубая линза завращалась и защелкала.

— Я ненавижу этот корабль.

— Она тоже так говорит.

Септимус покачал головой.

— До того как она появилась здесь, все было намного легче. Являться по приказу. Выполнять обязанности. Знать, чего ты стоишь. Я никогда не задавал вопросов, потому что мне не перед кем было отвечать.

Он набрал в грудь воздуха, стараясь найти правильные слова, но дело закончилось только вздохом.

— Сколько времени прошло с тех пор, — мягко спросил Марух, — как ты в последний раз судил себя по человеческим меркам? Не как раб, не имеющий другого

выбора, а как человек, проживший уже половину своей единственной жизни?

Септимус поднял голову, встретившись глазами с Марухом.

— О чем ты?

— Трон, на этом корабле так холодно! У меня ноют кости. — Пожилой раб потер затылок руками, черными от машинной смазки. — Ты знаешь, о чем я. До того как тут появилась Октавия, ты просто делал свое дело, даже не пытаясь взглянуть на себя со стороны. Ты делал то, что делал, потому что у тебя не было выбора. И ты никогда не оценивал свои действия. Зачем, если нет свидетелей? Но теперь есть она и есть я. И внезапно ты почувствовал себя еретиком и проклятым сукиным сыном, так ведь?

Септимус промолчал.

— Ну что ж, очень хорошо. — Марух улыбнулся, но его улыбка была скорее снисходительной, чем насмешливой. — Ты должен это чувствовать, потому что такой ты и есть. Долгие годы ты не решался признаться себе самому, но теперь на тебя смотрят другие.

Септимус уже приматывал мачете к ноге в грубой пародии на наголенные ножны легионерских гладиусов.

— Куда собрался? — спросил Марух.

— Мне нужно время, чтобы подумать. Пойду проверю мой боевой катер.

— Твой боевой катер? Твой?

Септимус одернул свою поношенную куртку, после чего направился к двери.

— Ты меня слышал.

Кирион, как с ним порой случалось, размышлял о жизненной позиции своих братьев. Одолев очередной пролет спиральной лестницы, он миновал анфиладу залов. В каждом его встречал суровый холод и скудные украшения, сделавшие бы честь кафедральному собору Экклезиархии. Воин начал гадать, где же прячутся населяющие этот уровень рабы.

Если здесь вообще кто-то жил.

Время от времени он встречал заплутавших смертных. Они были безоружны и напуганы, и Кирион сильно сомневался, что, убив их, сможет привлечь к себе внимание. Все же он прикончил

большинство из них, оставив в живых лишь нескольких беглецов. Те, вопя, рассыпались по коридорам монастыря.

Кириону план понравился куда меньше, чем остальным братьям. Его не заботило то, что Кровоточащим Глазам досталось право захватить вспомогательный генераторум, — пусть играют в свои игры и щеголяют заслуженной славой, если им это по душе. Нет, его желудок сжимался от куда более простой и тревожной мысли.

Кириона, как и братьев, не волновала судьба Вилата.

Империум, без сомнения, сочтет произошедшее величайшей трагедией. Писцы истратят океаны чернил на описание гибели крепости. Лорд Гурон, в свою очередь, многое выиграет в результате этой осады, и в истории захват Вилата будет значиться как одно из самых дерзких и удачных его деяний.

День, когда Странствующих Десантников обрекли на медленное и бесславное вымирание. Ночь, когда погиб орден Адептус Астартес.

Именно это беспокоило Кириона. Они послужат орудием в осаде, которая нанесет Империуму страшный удар, — но ему и братьям это было безразлично.

Все взоры обратились к их грядущему трофею — «Эху проклятия». Талос, Ксарл, Вознесенный — все Повелители Ночи жаждали сразиться с такими же, как они, Астартес-предателями. Они скорее готовы были выпустить кишки собственным союзникам, чем посвятить себя войне с Империумом.

Эта позиция не казалась новой: Кирион не раз посещал Око Ужаса и был свидетелем жестоких крестовых походов, развязанных остатками легионов друг против друга. Брат против брата, одна военная группировка против другой — миллионы душ, проливающих кровь во имя избранных или вождей.

Он сам участвовал в таких войнах против орд легионеров, сражавшихся за власть, за веру, за добычу или вообще ни за что, кроме желания выплеснуть накопившуюся ярость. Гнев хлестал из них, как гной из вскрытого нарыва. Не раз

Кирион брал на прицел других Повелителей Ночи и убивал братьев, чей единственный грех заключался в том, что они встали под иное знамя.

Величайшим врагом отступников была их неспособность объединиться в отсутствие безусловного лидера. Лишь немногие воины обладали достаточной силой и хитростью, чтобы держать под контролем разношерстные армии Ока Ужаса. Вместо этого, легионеры отдавали свою верность мелким вождям. Банды формировались из тех, кто собирался вместе выживать и разбойничать. Предательство было нормой существования, потому что каждый в составе этих армий однажды уже пошел на предательство. Что значила еще одна измена, когда они нарушили клятву верности Империуму человечества?

Кирион, несмотря на все свои недостатки, не был глупцом. Он знал все эти базовые законы выживания и смирился с ними.

Но никогда прежде он не сталкивался

со столь явным их проявлением. В прошлом, даже на Крите, важнее всего было причинить вред Империуму. Это казалось единственной целью, ради которой разрозненные бандформирования могли объединиться, пускай только на время.

Но сейчас никого из них не интересовал Вилам. Никто из них не ставил своей задачей убрать этот жалкий, незначительный орден со страниц истории. Нет, они стирали его с лица Галактики с тем же равнодушием, с каким смахивали кровь с ботинок.

Значит, вот так это и начиналось? Дорога, в конце которой стоял Узас — ослепленный ненавистью ко всему живому, променявший человеческую речь на рычание зверя. Возможно, именно так скверна и пробирается в души... в тихие минуты, когда к тебе приходит осознание того, что месть за прошлое важнее надежды на будущее?

И еще одна мысль. Что они станут делать, когда выиграют войну? Кирион усмехнулся на ходу — вопрос явно не имел

ответа.

Воин вынужден был признать, что Вилат отличался величественной и угрюмой красотой, а такие вещи ему нравились. В какой-то мере цитадель напоминала ему о Тсагуалсе, раздувая почти потухшие угольки давней тоски. Тсагуалса была устрашающе прекрасна — никакие слова не могли описать эту крепость, возведенную тысячами рабов, чьи жизни безвестно канули в пыль пустынного мира.

Кирион снова надел шлем. На губах еще ощущался вкус крови последних трех убитых им смертных. Перед глазами воина мелькали смутные тени воспоминаний, бесплотные и бессмысленные. Мгновения самых сильных переживаний в их жизни... радость, ужас, боль... Все вздор.

Шаги легионера эхом раскатились по коридору. Он вышел из зала и вновь углубился в хитросплетения туннелей, связывающих субсекторы этого огромного монастыря-лабиринта. Как прекрасно было бы сделать такую крепость своим домом и

убежищем вместо сырых палуб «Завета» или, что еще хуже, планет легиона в Оке Ужаса. Но гигантские размеры крепости играли против захватчиков. Карта на визоре его шлема уже давно стала бесполезной, и он еще не прошел достаточного числа уровней, чтобы в голове сложился полный план цитадели.

Бродить среди выпотрошенных трупов беззащитных рабов ордена было, конечно, очень увлекательно, но...

Отряд вооруженных и обмундированных рабов выскочил из-за угла, на ходу снимая лазвинтовки с предохранителей и располагаясь на огневых позициях. Кирион услышал, как офицер выкрикивает приказы. По сравнению с тем, что он видел раньше, это была самая организованная оборона. Наконец-то Вилам ответил на атаку и его защитники начали охоту на непрошеных гостей. Легионер едва не набросился на них. Зов инстинкта был силен, несмотря на то что все больше и больше людей появлялось в дальнем конце коридора. Их шаги дробно грохотали по

каменному полу.

До сих пор убийства давались Кириону легко, но сейчас вещи принимали более серьезный оборот.

Воин развернулся и побежал, заставив своих медлительных преследователей пуститься в погоню. Он уже слышал, как те вызывают по воксу подкрепление и приказывают перерезать ему впереди дорогу.

Что ж, пусть приходят. Чем больше их соберется здесь, тем меньше останется для защиты верхних уровней.

Брекаш гневно защелкал сквозь ротовую решетку шлема. Расслышать этот шепелявый свист могли все, но только братья Брекаша по Кровоточащим Глазам сумели бы понять его значение.

Люкориф понял даже слишком хорошо. Развернувшись на месте, он уставился на своего бойца. Его когти раздраженно потрескивали, выдавая крайне скверное расположение духа вожака рапторов.

— Не вынуждай меня прикончить

тебя, — предупредил он.

Брекаш махнул в сторону гудящего генератора размером с «Лэндрейдер». Из вокалайзера вырвался еще один залп бессловесного пощелкивания.

— Это бессмысленно, — упрямо произнес второй раптор. — Сколько этих штук мы уже разрушили? Сколько?

Люкориф не остался в долгу, ответив криком кондора. Вопль хищника вершин предшествовал гневным словам.

— Ты ведешь себя как идиот, и мое терпение уже на пределе. Уничтожь его, и двинемся дальше.

Брекаш был среди тех немногих воинов стаи, что предпочитали держаться на двух ногах. И сейчас он стоял во весь рост, глядя сверху вниз на скрючившегося на четвереньках вожака.

— По твоей милости мы творим глупость. Где Странствующие Десантники? Они не приходят на защиту генераторов, потому что это место ничего не значит.

Шлем Люкорифа дернулся. По шее раптора пробежал заметный тик. Силовые

кабели и гибкие трубки, свисавшие с затылочной части шлема, во время спазма заплясали, словно механические дреды.

— Мы не видели Странствующих Десантников, потому что этот монастырь величиной с город-улей, глупец. На планете осталось не больше сотни лоялистов. И если они вообще способны как-то ответить на нападение, то защищают сейчас от Когтей нижние уровни.

Люкориф перемежал слова свирепым рычанием, но Брекаша было не так-то легко запугать.

— Что с того, что мы их уничтожаем? Не вижу результата. Мы уже разрушили девять генераторов. И никакой разницы я не замечаю.

Люкориф велел двум другим воинам бросить трупы смертных рабов, с которыми те забавлялись.

— Урит, Крайл, уничтожьте генератор.

Рапторы подчинились. Они пересекли комнату длинными прыжками, под прерывистый кашель реактивных ранцев. Без особых затей воины вцепились в

вибрирующую машину когтями и забарабанили по ней кулаками, пробивая дыры и вырывая куски стальной обшивки. Когда в кожухе генератора появились дыры, рапторы зашвырнули туда несколько ручных гранат.

— Сорок секунд, господин, — прошипел Крайл.

Люкориф кивнул, но не отошел. Он снова развернулся к Брекашу.

— Крепость Десантников — вражеский город, и мы сейчас у него в кишках. Мы движемся на север и на юг, вверх и вниз, тыкая по пути в различные органы. Представь, что это сердце легионера, брат. — Раптор вытянул когтистую клешню и сжал пальцы, словно держал на ладони человеческое сердце. — Это многослойный плод, с отсеками и коридорами, ведущими внутрь и наружу. Перережь один сосуд — и тело может погибнуть, а может и выжить. Перережь много — и исход очевиден.

Люкориф кивнул в сторону лязгающего генератора.

— Перед нами одно из сердец Вилата.

Мы перерезали несколько сосудов. И перережем больше, если понадобится. Но в конце концов сердце откажет и тело умрет.

Брекаш отсалютовал, ударив когтистым кулаком о нагрудник.

— Я повинуюсь.

Кровоточащие линзы вожака рапторов вновь уставились на боевого брата.

— Тогда вперед.

Опухшие черные глаза Вознесенного в очередной раз обратились к обзорному экрану.

Существо рывком вернулось в собственный разум — так хлестко ударяет растянутая и выпущенная из руки пружина. Прошло несколько тошнотворных секунд, прежде чем восприятие Люкорифа окончательно угасло: отвратительное ощущение слишком человеческой плоти; тесная ограниченность зрения, предназначенного для материального мира и неспособного уловить все нюансы эфирных потоков.

— Кровоточащие Глаза близки к успеху, — прорычал демон.

— Что прикажете, милорд? — спросил палубный офицер.

Вознесенный наклонился вперед на троне. Броня зарычала, но недостаточно громко, чтобы заглушить ужасающий треск нечеловеческих сухожилий.

— Вперед на две третьих.

— Есть, милорд.

Вознесенный внимательно изучил обзорный экран, прежде чем внести несколько поправок в гололитическую проекцию.

— Поставьте корабль на траверзе первой орбитальной защитной платформы. Запустите «Громовые ястребы», чтобы эвакуировать наши десантные капсулы до прибытия Корсаров.

— Как прикажете, господин.

— И подготовьте варп-маяк. Вызовите флот Гурона, как только «Громовые ястребы» приблизятся к шлюзу.

XX
ПАДЕНИЕ ВИЛАМА

Кирион присоединился к ним последним. Он ввалился в комнату с болтером в руке и чуть не поскользнулся на изрезанном литаниями каменном полу. Шаги — великое множество шагов — стучали по коридору у него за спиной.

— Я заблудился, — признался он.

Ксарл и Талос одинаковыми отработанными движениями бросились к двери и заняли позиции по обе стороны широкого проема, откуда только что появился Кирион.

— Похоже, ты прихватил с собой

друзей, — заметил Пророк. — Сколько их там?

Кирион встал рядом с Меркуцием. Оба навели на дверь болтеры. Узас, казалось, не замечал, чем заняты братья, хотя при звуке приближающихся шагов голова у него задергалась из стороны в сторону, как у принюхивающейся охотничьей собаки.

— Достаточно, — ответил Кирион. — Несколько десятков. Но там только смертные. Я не видел ни одного Странствующего Десантника.

Воин впервые оглядел комнату. Перед ним раскинулся огромный круглый зал, очищенный от мебели. Все молельные скамьи, резные столы и мертвые тела были сдвинуты к стенам, оставив центр свободным.

— Вы тут не скучали, — прокомментировал Кирион.

Остальные пропустили замечание брата мимо ушей — оно не удивило и не рассердило их.

Талос ударил потрескивающим силовым клинком по каменной резьбе,

привлекая внимание Узаса. На камне остался ожог.

— Болтер, — сказал Пророк.

— Что?

— Используй болтер, брат. Мы держим оборону в этом зале. Там слишком много врагов, чтобы атаковать их.

Узас замер в нерешительности, возможно не понимая сказанного. Он поглядел вниз на топор и меч у себя в руках.

— — — Используй болтер! — рявкнул Ксарл. — Посмотри, как мы стоим под прикрытием этой стены, недоумок! Похоже, что мы идем в атаку?

Узас наконец-то вложил оружие в ножны и взялся за болтер. При виде этого оружия Пророка обожгло воспоминание: это была та же реликвия, которую Малкарион заказал для Узаса в лучшие, светлые времена.

— Узас, — произнес Талос.

— Хмм?

Талос слышал приближающиеся шаги и пересыпанные проклятиями приказы и понукания офицеров.

— Брат, я помню ту ночь, когда тебе вручили это оружие. А ты помнишь?

Узас крепче сжал болтер.

— Я?.. Да.

Пророк кивнул.

— Пользуйся им с честью. Они уже здесь.

— Я их слышу, — раздался человеческий голос, тонкий и ломкий по сравнению с низким рычанием легионеров.

Талос кивнул Ксарлу, и они одновременно шагнули за угол. Болтеры лязгнули в черных перчатках и содрогнулись, изрыгнув ливень снарядов в глубину коридора. Оба воина были снова в укрытии, прежде чем первые лазерные залпы противника ударили в дверь.

— Тому парню ты угодил в лицо, — хмыкнул Ксарл. — Оба болта в яблочко. Его голова превратилась в кровавую пыль. Я слышал, как давились и кашляли его люди.

Талос перезарядил болтер, подхватив и спрятав израсходованную обойму.

— Сосредоточься.

Цепи на его доспехе зазвенели о керамит, хотя воин не двигался. Ксарл

покосился на собственный наплечник. Черепа, подвешенные там на цепях, закачались и застучали друг о друга, словно на ветру.

— Очень вовремя, — проворчал Меркуций.

Воины Первого Когтя отвернулись от центра комнаты, где замелькали световые проблески. Ниоткуда взявшийся вихрь ударил по их броне — вращающаяся против часовой стрелки воздушная воронка, обдувающая холодом неуязвимый керамит. По краям доспехов легионеров протянулись чуть заметные полоски инея, а окровавленное тряпье, в которое превратилась одежда убитых смертных, пузырилось и хлопало на поднявшемся ветру.

— Как драматично! — Кирион оскалил зубы под наличником шлема.

Разрываемый воздух загудел и ахнул. Звуковой удар разнес в щепки несколько перевернутых столов, швырнув обломки в стены.

Свет померк, вернувшись в ту пустоту, из которой пришел.

Посреди зала стояли пять фигур: пятеро воинов в осквернённых доспехах, усеянных безбожными талисманами и бронзовыми руническими гравировками. Четверо из них ростом превосходили пятого. Массивная терминаторская броня низко рычала, клыкастые шлемы поворачивались по сторонам, изучая зал.

На пятом не было шлема. По сравнению с огромными терминаторами он казался невысоким, но источал странную уродливо-притягательную харизму каждой черточкой лица — от блеска в глазах до самоуверенной усмешки.

— Вы хорошо поработали, — ухмыльнулся лорд Гурон, повелитель Корсаров.

Вариил, погруженный в созерцательную задумчивость, шел по лабиринту коридоров к наблюдательной палубе. Пришло время все тщательно взвесить, потому что вскоре предстояло принять решение. Для этого апотекарий и направлялся в один из немногих участков корабля, где его никто не мог

потревожить. Вариил всегда чувствовал, как разум очищается при виде необъятности космоса.

Первая фаза завершилась, и, по-видимому, удачно: Повелителям Ночи удалось отключить одну из вспомогательных энергостанций Вилата. Гурон верно выбрал цель — теперь, когда генераторум этого субсектора крепости был выведен из строя, появилась возможность провести куда более хитроумную атаку, чем прямой и грубый удар с орбиты.

Вместо того чтобы превратить связанных клятвой наемников в пушечное мясо, Гурон всего-то навсего приказал им отключить внешние щиты, препятствующие телепортации, и расчистить достаточно места в нескольких помещениях крепости, чтобы туда могли переместиться его собственные отряды. С этого момента начиналась вторая фаза, и если Гурон продолжит развивать атаку в таком же темпе, сопротивление будет по-прежнему незначительным.

План казался элегантным, и выбрали его потому, что любая другая тактика имела мало шансов на успех. Попытка захватить крепость-монастырь без помощи эзотерического искусства была заранее обречена на провал. То, что операция проходила пока столь удачно и без большого риска, казалось Живодеру почти чудом. Он практически видел, как имперские архивисты приводят это поражение в пример в течение последующих веков, поясняя, как опасно оставлять святилище ордена до такой степени беззащитным.

Теперь, когда все внешние рубежи обороны Вилата были приведены в негодность, крепость оказалась на грани полномасштабного вторжения.

В ближайшее время Гурон притащит своих терминаторов на поверхность с помощью колдовских ухищрений телепортации. Они появятся в заранее заданных точках, которые прежде зачистят диверсанты из Восьмого легиона. Оттуда они отправятся к главному генераторуму в самом сердце

Вилата, по пути объединяясь с другими отрядами. Наступление терминаторов хоть и не обойдется без шума, но сметет любое вставшее на пути сопротивление. Пятьдесят элитных воинов в бесценной терминаторской броне при поддержке восьми Когтей с «Завета» — Вариил сомневался, что Гурону есть о чем тревожиться.

Захват этого внутреннего святилища станет сигналом к финальной стадии операции. Даже сейчас, когда орбитальные платформы Вилата были слепы и беспомощны, а щиты дезактивированы, оплот Странствующих Десантников оставался неприступной цитаделью. Вилат все еще мог разнести на атомы любые наземные войска, осмелившиеся осадить его зубчатые стены. На всякую попытку совершить массовую высадку крепость-монастырь ответит сокрушительным огнем бесчисленных орудийных башен и ракетных установок, усыпавших его бастионы.

Вариил добрался до наблюдательной палубы и, подойдя к одной из стеклянных

стен, окинул взглядом каменную пустыню раскинувшегося внизу мира. С орбиты казалось, что осада завязла на мертвой точке. Флот рейдеров, приблизившийся к планете, не мог высадить войска. Катера и десантные капсулы, полные рвущихся в драку бойцов, замерли в шлюзах.

Вилам был виден невооруженным глазом даже с такой высоты, но у Живодера это зрелище не вызывало ничего, кроме презрения. Огромный шпиль из неприглядного красного камня, бессильно ожидающий, когда его подчистую разграбят.

В его каменном сердце терминаторы тирана делали свое дело — они пробивались к основному энергетическому реактору, готовые лишить Вилам последней линии обороны.

Вариил молча смотрел на планету внизу. Апотекарий отключил все вокс-каналы, чтобы избежать утомительной рутины предбоевой подготовки своих братьев. Вариилу не хотелось слушать, как те дают клятвы силам, которые едва способны понять. Ему нужно было время,

чтобы подумать, — хотя все последние недели он почти не занимался ничем другим.

Когда вторая фаза подойдет к концу, придется действовать, так или иначе. По его оценке, это оставляло ему меньше часа на то, чтобы сделать выбор.

Тварь злобно уставилась на Талоса с наплечника тирана. Пророка так и подмывало огреть уродливое создание плоской стороной клинка, стерев с его пучеглазой морды это наглое выражение. Костистый и украшенный торчащими во все стороны позвонками и наростами, ксенос-недомерок путешествовал на броне владыки Корсаров. И без того мерзкая физиономия зверя то и дело кривилась в гримасах.

Внимание Гурона было обращено совсем на другое. Едва поприветствовав воинов Восьмого легиона, тиран устремился в коридор, круша ботинками травертин и оникс пола и пытаясь настроить барахлящий вокс, чтобы связаться с другими отделениями. Терминаторы

окружили своего господина керамитовым панцирем. Эта пятерка целиком перегораживала даже самые широкие коридоры.

Следом в относительной тишине шагал Первый Коготь. Воины опустили оружие, и мысли каждого прятались за глухими наличниками шлемов.

Те несколько отрядов рабов в униформе ордена, которые не сбежали сразу, погибли под ураганным огнем терминаторских болтеров. Несколько раз им пришлось идти по полу, густо покрытому телами, разорванными взрывами и перемолотыми подошвами. На Корсарах это не сказалось, а наголенники Первого Когтя поменяли цвет на красный.

Талос узнал крепчающий в воздухе запах. Острый медный и серный душок — так пахло изрубленное человеческое мясо на всех полях сражений, где побывал Пророк. Но в последнее время сильнее всего запах ощущался на осквернённых палубах Зрачка Бездны. Даже металлический корпус форпоста Гурона пропитался этой вонью, без сомнения струящейся из

зараженных Мальстремом ран. Неудивительно, что уровень мутаций на станции был так высок.

— Что это за тварь? — спросил Ксарл.

На близком расстоянии вокс работал, хотя с помехами и вполсилы.

— Я однажды поинтересовался у Вариила. — Талос не мог оторвать взгляда от мелкой бестии. — Гурон называет ее «гамадрия». Очевидно, у нее есть псайкерские способности и она может напрямую подключаться к разуму тирана.

Ксарл скривил губы.

— Я хочу смахнуть ее со спины тирана и наступить на эту глумливую рожу.

— Я тоже, брат.

Гурон, подняв руку, остановил процессию.

— Стойте.

Глаза Корсара, и без того суженные и подернутые кровавыми прожилками от непрерывной боли, при попытке сосредоточиться задергались в тике. Изо рта щебечущей твари на его спине

протянулась нить серебристой липкой слюны. Там, где капли падали на доспех, они мгновенно разъедали краску.

— Мы уже близко. И несколько наших отрядов на подходе. Вперед, братья. Приз почти у нас в руках — после чего мы сможем по-настоящему начать эту осаду.

— Подождите, — вмешался Узас. — Я что-то слышу.

Сказать, что Странствующие Десантники действовали организованно, — значит не сказать ничего. Сплоченность воинов имперского ордена намного превосходила все, на что были способны Корсары тирана. Один-единственный отряд бойцов в сине-белой броне, повторявшей геральдику древних рыцарей Терры, засел в укрытии в дальнем конце коридора. Их движения были предельно экономны и по-солдатски расчетливы. Они заняли позицию в полной тишине, не считая гудения брони и стука прикладов болтеров о наплечники в тот момент, когда все Десантники, как один, вскинули оружие.

Их командир был без шлема, и его суровые черты сложились в маску абсолютной решимости. Даже с такого расстояния Талос узнал выражение и вспомнил, что когда-то и сам он выглядел так. Вызов в глазах противника заставил Пророка ощутить холодок под кожей. Перед ним был человек, верящий в справедливость своего дела. Этот воин не сомневался, не колебался и не задавал лишних вопросов. Его жизнь не отрачали нарушенные клятвы и груз недоверия и растерянности, тянущийся вслед за каждым предательством.

Талосу потребовался один миг, чтобы осознать все это. Один миг, пока воин поднимал цепной меч, — единственный взгляд в глаза того, кто жил по законам, давным-давно отброшенным им самим.

Рядом Меркуций выдохнул на сленге нострамских помоек, которым почти никогда не пользовался: «Вот дерьмо!»

Пророк и его братья тоже двигались согласованно, хотя между ними не было произнесено ни слова. Прижав болтеры к груди, Первый Коготь шагнул в тень

громадных терминаторов.

— Убейте их! — насмешливо выкрикнул Гурон, уже двинувшийся вперед своей прихрамывающей, подпрыгивающей походкой.

Терминаторы бросились следом, перейдя на грузную трусцу. Нагнав своего повелителя, они окружили его и прикрыли бронированными телами. Под тяжестью их шагов пол неравномерно завибрировал.

Впереди брат-сержант взмахнул ревущим цепным мечом, и коридор заполнился ливнем болтерных залпов. Снаряды взрывались, ударяя в многослойный керамит. Осколки градом стучали по стенам. Даже в своих сверхпрочных терминаторских доспехах Корсары взвыли и разразились проклятиями.

Первый Коготь держался позади терминаторов, следуя за ними шаг в шаг и предоставляя элите Корсаров возможность принять на себя вражеский огонь. По воксу донеслось хихиканье Ксарла, и Талос ощутил, как его губы раздвигаются в ответной усмешке.

— Дела у вас идут превосходно,

братья, — издевательски сообщил Кирион по закрытому каналу отделения.

Тошнотворный запах крови исчез, сменившись химической вонью болтерных выстрелов и ядовитой отрыжкой фуцелина.

— Деритесь! — проревел один из терминаторов, но злость в его голосе утонула в монотонном треске вокса. — Деритесь, вы, бесхребетные нострамские ублюдки!

Первый Коготь не ответил, но из их шлемов послышались короткие щелчки — воины обменялись смешками по закрытому каналу. Пока Корсар перезаряжал свой штурмовой болтер, ему в шлем угодил снаряд, снеся оба бивня и вызвав у воина болезненный стон.

Грохот множества поражающих цель болтерных снарядов напоминал стук града по рифленой крыше. Сквозь шум Талос услышал древний боевой клич сержанта Странствующих Десантников: «За Императора!»

О, нежные объятия ностальгии! Пророк снова улыбнулся, но в ту же секунду

шедший перед ним воин пошатнулся и рухнул на колени, наконец-то сраженный массированным болтерным огнем. Талос, не мешкая, скользнул в тень другого терминатора, разделив живое и сыплющее проклятиями укрытие с Меркуцием.

— В атаку! — проревел Гурон на два голоса.

Вокалайзер, встроенный в его гортань, перекрыл хрип поврежденных голосовых связок.

Его воины ринулись вперед, опустив болтеры и подняв над головами силовые булавы.

— Кровь... — шепнул Узас по воксу. — Кровь для Кровавого Бога.

Ксарл выстрелил вслепую из-за гигантской туши терминатора, служившей ему щитом. Талос и Меркуций присоединились к пальбе. Пророк рискнул выглянуть из-за наплечника своего невольного ангела-хранителя. Он увидел, как Странствующие Десантники организованно отступают, оставляя позади своих мертвецов и по-прежнему поливая Корсаров огнем.

Упрямые твари эти Странствующие Десантники!

Их сержант лежал на земле, вытянув перебитые ноги и заслоняя своим телом двух стрелков, присевших позади него. Двое воинов потащили командира назад, паля поверх его наплечников. Их огонь сливался с равномерным до педантичности треском его пистолета.

Один из этих троих попал в Гурона. Все услышали грохот ударившего в цель болта и оглушительный взрыв реактивного снаряда. Вождь Корсаров пошатнулся и попятился, очутившись среди бойцов Первого Когтя. У него была единственная секунда, чтобы выругать их за трусость. Судя по выражению лица тирана, он отлично понимал, что каждый из Повелителей Ночи ухмыляется под череполикими масками шлемов.

Мгновение минуло. Гурон снова швырнул себя в пламя безжалостной атаки. Он поднял механическую правую руку, словно желая предостеречь Странствующих Десантников от какой-то прискорбной ошибки. На ладони силовой

клешни между лучами восьмиконечной звезды прорезалось широкое обугленное дуло огнемета. Из него закапал бесцветный прометий — необработанный, сырой и зловонный.

Странствующие Десантники наконец-то смешали ряды. Их отступающие фигуры превратились в статуи, охваченные белым всепожирающим пламенем. Один из них тоже включил огнемет, окатив двоих Корсаров волнами жидкого и едкого огня.

Тактический дредноутский доспех был настоящим технологическим чудом, так что терминаторы прорвались сквозь пламя.

Но Странствующие Десантники горели. Умирая, они кричали. Растворяясь в химическом огне, они продолжали бороться. Они наносили удары мечами, сжатыми в тающих кулаках. И наконец, когда сочленения их доспехов расплавились и раскаленной лавой просочились под керамит, последние Десантники замертво рухнули на землю.

Корсары отпихнули ногами

догорающие тела и пошли вперед.

— Мы уже близко! — прорычал Гурон сквозь сжатые стальные зубы. — Так близко!

Тиран обернулся к воинам Восьмого легиона, чтобы отчитать их за проявленную нерешительность и поощрить пробиваться вперед, к великой совместной победе. Но когда Кровавый Корсар развернулся, коридор позади был пуст, не считая трупов убитых им Странствующих Десантников. Пламя все еще облизывало обнаженные участки кожи. Болтеры превратились в оплавленные серые бугорки, лужами растекавшиеся по камню.

Повелителей Ночи и след простыл.

В небе над Виламом выстраивались новые созвездия. Какое-то время Вариил удовлетворенно следил за их появлением с наблюдательной палубы корсарского корабля «Венец несчастья». Проплывающие мимо крейсера казались ему акулами, собирающимися на запах крови в черной воде.

Это были его братья, и хлынувшая в систему Вилы могучая армада являлась величайшим воплощением того, чего они достигли совместными усилиями. А внизу, беззащитный и беспомощный, виднелся их самый ценный за всю историю приз.

Мимо продрейфовала «Гордость Макрагге», еще одно трофейное судно. На его перекрашенном корпусе гордо красовались богохульные символы из желтой меди. Вариил несколько минут наблюдал за тем, как крейсер проплывает мимо. Его взгляд задержался на Звездах Пантеона, вырезанных на броне корабля.

Палуба задрожала под ногами апотекария — это «Венец» затрясся, спускаясь в верхние слои атмосферы и занимая низкую орбиту. Вариил мог различить «Яд первородства» на самом краю флотилии. Суда поддержки окружали его стайкой рыб-прилипал. Крейсера поменьше жгли двигатели, стараясь не отставать от огромного боевого корабля. «Яд первородства» курсировал вокруг кораблей Красных Корсаров и поливал огнем своих могучих батарей

отключенные орбитальные платформы. В своей мстительной ярости он был не одинок: несколько судов, следующих другими курсами, превращали ракетные платформы и спутники системы обороны в груды обломков.

Этот космический мусор на мгновение освещал космос яркими вспышками, сталкиваясь с пустотными щитами «Яда первородства». По мерцающему энергетическому полю бежала радужная рябь. Отброшенные с изначальной орбиты силой взрыва, несколько крупных обломков рухнули в атмосферу. Их падение выглядело отсюда медленным и почти грациозным. Вариил наблюдал за тем, как, повертевшись, они сгорали, растворяясь в беззвучном атмосферном пламени притянувшей их планеты.

Обернувшись, он почти сразу обнаружил то, что искал. Полуночно-синий на фоне межзвездной черноты «Завет крови» темнел в самом сердце армады, как копье с длинным наконечником. С зубчатой кормы ударного крейсера смотрел

крылатый череп Нострамо. Его слепые глазницы через весь флот уставились прямо в глаза апотекария.

Вариил все еще не мог оторвать взгляд от корабля Восьмого легиона, когда механически взвыли сирены, подающие сигнал к высадке. Апотекарий отвернулся от иллюминатора, надел шлем и настроился на истошную разноголосицу в воксе.

— Говорит Вариил.

— Живодер, это Касталлиан.

— Привет, чемпион.

— Я пытался связаться с тобой, брат. Лорд Гурон достиг успеха.

На заднем плане слышались шаги, стук и лязг.

— Где ты?

— Хранилища... В хранилищах геносемени все еще не стабилизировалась температура. Мы не можем принять и законсервировать то, что вы заберете с поверхности, пока они в таком состоянии.

— В смысле — «все еще»? Я не понимаю.

«Нет, — подумал Вариил, — конечно

не понимаешь».

— Я сделал не меньше тринадцати записей в течение последнего месяца, где повторял, что хранилища нашего корабля ведут себя слишком непредсказуемо.

— Апотекарий, мне надо, чтобы ты немедленно с этим разобрался. Пока мы говорим, орден уже высаживается на поверхность. Оборона Вилата сломлена, и мы должны идти на приступ.

Вариил позволил молчанию повиснуть между ними на десять долгих, очень долгих секунд. Он почти слышал, как капитан корчится на том конце вокс-линка.

— Живодер?

— Я уничтожил сервиторов, ответственных за неверное соблюдение ритуалов обслуживания морозильных установок, чемпион. Тебе нечего опасаться — тиран не возложит вину на тебя.

Последовала пауза, затем нерешительное:

— Я... благодарен тебе, Вариил.

— Мне нужно время, Касталлиан. Мы — одно из немногих судов, способных

транспортировать такой деликатный груз. И я совсем не желаю предстать перед лордом Гуроном с признанием, что из-за небрежности мы потеряли четверть генетических сокровищ, добытых с планеты под нами.

Еще одна пауза.

— Я надеюсь на тебя. Моя жизнь в твоих руках.

— Не в первый раз, брат. Я присоединюсь к тебе во второй волне. Доброй охоты.

Вариил выжидал ровно одну минуту, отсчитывая секунды в уме. За это время настройка вокса успела сбиться, так что апотекарию пришлось опробовать несколько частот.

— Это Живодер, — в конце концов сказал он. — Тебе знакомо это имя?

— Мой... мой господин, — отозвался голос в воксе. — Все знают это имя.

— Превосходно. Как только шлюз правого борта освободится, организуйте запуск челнока типа «Арвус». Мне нужен транспорт на «Яд первородства».

— Как прикажете, Живодер.

Вариил услышал, как офицер что-то кричит своим подчиненным, организуя вылет. Транспортировка людей с корабля на корабль во время подобной операции не считалась чем-то из ряда вон выходящим, однако требовала довольно творческого подхода — из доков отчаливал целый флот боевых катеров, а ангары были запружены обслуживающим персоналом.

— Командир палубы? — Вариил перебил отдающего распоряжения смертного.

— Да, сэр?

— Я делаю это по поручению самого лорда Гурона. Если подведешь меня, подведешь и нашего господина.

— Я не подведу вас, сэр.

Вариил отключил связь и двинулся к выходу.

— Флот Корсаров перестроился для сброса десантных капсул, милорд.

Вознесенный ничего не ответил. Он наблюдал молча.

Малек из Чернецов проследил за взглядом своего господина.

— Талос был прав. Первая фаза оказалась до смешного легкой.

Гарадон, второй терминатор, держал массивный боевой молот двуручным хватом, словно готовился нанести удар при малейшем признаке угрозы. Он возразил:

— Легкой для нас. Я уверен, что, если бы Гурон поручил Красным Корсарам пробраться в крепость, они потратили бы уйму времени на бессмысленное кровопролитие. Недооцениваешь тонкую работу наших Когтей, брат?

В ответ Малек только буркнул что-то нечленораздельное.

Спустя какое-то время Вознесенный прорычал первый приказ, заставив смертных офицеров галопом разбежаться по боевым постам:

— Запускайте «Громовые ястребы», чтобы забрать с поверхности Когти.

С улыбкой — или с гримасой, максимально приближенной к улыбке, — демон обернулся к своим телохранителям.

— Поглядите, чего мы здесь достигли, — пробормотал он.

Существо медленно выдохнуло — с таким звуком умирающий испускает последний вздох.

— Поглядите, какую бурю мы принесли в этот безоблачный мир. Брюха черных боевых кораблей — это гряды туч. Огненный град из сотен десантных капсул — это дождь.

Помолчав, демон удовлетворенно добавил:

— Началось.

XXI
ДЕРЗОСТЬ

Они вышли к очередной развилке, от которой расходились четыре коридора.

— Ненавижу это место, — проворчал Меркуций.

— Ты все ненавидишь, — отозвался Кирион.

Он стукнул кулаком по боковине шлема, стараясь оживить дисплей визора.

— Мой гололит все еще мигает.

Талос указал клинком Кровавых Ангелов на восточный коридор:

— Туда.

Стены крепости теперь содрогались.

Гурон, вне всяких сомнений, сумел лишить Вилат энергии, необходимой для питания внешних оборонительных линий. Дрожь в воздухе могла означать лишь то, что первая волна десантных транспортников вошла в атмосферу и что десантные капсулы таранят хрупкие каменные перекрытия.

— Гурон пойдет к генным хранилищам, — передал Меркуций. — Быстро он их не захватит, но у нас по-прежнему мало времени.

Талос вскарабкался на целую груду тел, по всей видимости оставленную слишком рьяным терминатором Корсаров на пути к основному генераторуму.

— Нам придется пробиться через сотню Странствующих Десантников, — сказал Пророк. — Они уже знают, зачем этот изуродованный ублюдок сюда явился, и приложат все силы, чтобы остановить его.

Первый Коготь поступил так, как поступал всегда, если впереди маячила перспектива честного боя, — а именно: бросился в противоположном направлении.

Талос возглавлял свою свору в стремительном бегстве.

— Он разделит своих людей, чтобы силы противника тоже разделились. Если в этом субсекторе есть Странствующие Десантники, Красным Корсарам придется полить кровью каждый метр. Некоторых врагов нужно разделить, чтобы потом уничтожить.

Ксарл расхохотался.

— Когда это ты начал слушать то, что говорят на военных советах?

— Когда выяснилось, что я могу угодить в такую дурацкую заварушку, как эта.

Из соседней комнаты в коридор вывалился целый отряд рабов. На их накидках была вышита падающая звезда Странствующих Десантников. Талос подумал, что и без пророческого дара очевидно — это дурной знак.

Лучи лазерных винтовок заплясали по коридору, рассекая воздух рядом с Повелителями Ночи или оставляя уродливые ожоги на их доспехах. Первый Коготь даже не замедлил движения. Они

зимним ветром пронеслись сквозь строй вражеских солдат, оставив за собой упавшие тела и отсеченные конечности.

Клинок Ангелов шипел и отплевывался искрами. Пятна крови на лезвии сгорали в силовом поле и исчезали во вспышках дымного пламени. Клинок вновь стал девственно чист через считаные секунды вслед за тем, как в последний раз забрал чью-то жизнь.

Узас споткнулся, замедлил бег и отстал от остальных.

Талос, оглянувшись через плечо, выругался.

— Оставь черепа в покое! — проревел он в вокс.

— Черепа. Черепа для Трона Черепов. Кровь для...

— Оставь проклятые черепа!

Узас подчинился, с трудом оторвавшись от мертвых тел. Поднажав, он поравнялся с братьями. Возможно, спешка подстегнула его больной мозг, поскольку Талос искренне сомневался, что брат внезапно обрел способность подчиняться приказам.

Септимус ничего не мог с собой поделать. Каждый раз, когда раб опускался в это кресло, он улыбался широко, как ребенок — как мальчишка, мечтающий стать пилотом.

Марух проверил надежность креплений на втором пилотском кресле. Его, похоже, происходящее радовало на порядок меньше.

— Ты же умеешь управлять им, так?

Септимус выдал длинную фразу на нострамском, продолжая по-детски улыбаться.

— Это значит «да» или «нет»?

Марух застегнул последний ремень. Септимус не ответил, молча протянув руку к наушнику.

— «Опаленный» готов к запуску. Прошу разрешения на старт.

Вокс малого радиуса действия отозвался сухим треском.

Тем временем корабль затрясся в унисон с ревом двигателей. Ангар за армированным стеклом кипел активностью, наполовину скрытой

дрожащим от жара тепловых выхлопов воздухом. Марух видел сервиторов, спешащих очистить взлетную площадку, массивные когти погрузчиков, отъезжающих от пристыковавшихся судов, и несколько «Громовых ястребов», вибрирующих под вой разгоняющихся хвостовых турбин. Все боевые катера походили на хищных птиц, даже чересчур, — взять хоть эти вытянутые крылья или загнутые клювы рубок. На корпусе каждого были нарисованы крылья, повторяющие форму плоскостей катера. «Опаленный» Септимуса украшали крылья ворона, достигавшие орудийных турелей.

За всю свою жизнь, проведенную у смертоносных промышленных капканов — бестий, дробящих пальцы, перемалывающих конечности и разрывающих грохотом барабанные перепонки, — Марух никогда не встречал более злобной на вид машины, чем «Громовой ястреб».

— Я не очень-то люблю летать, — признался он.

Септимус положил одну руку в

перчатке на штурвал, а вторую на один из многочисленных рычагов, разбросанных по приборной панели.

— Странно, что ты только сейчас об этом сказал.

Первый катер сорвался с места в облаке ядовитых выхлопов. На взгляд Маруха, его взлет был лишен всякого изящества — машина по-звериному подпрыгнула в воздух, оглушив смертного воем двигателей.

А затем пришла очередь звуковой волны. Вспышка белого пламени заставила раба заморгать; от грохота, многократно отразившегося от стен, как гром в пещере, Марух шарахнулся в сторону. А затем катер рванулся к черной щели, открывшейся в дальнем конце ангара.

«Нет, в грации ему отказать нельзя, — подумал Марух. — Когда хотят, эти штуки могут двигаться...»

— «Опаленный», — протрещало в воксе, — доброй охоты!

Септимус снова улыбнулся.

Люк открылся. За ним стояли три

раба в мантиях с клобуками. На груди смертных слуг драгоценными золотыми нитями была вышита когтистая клешня — эмблема Красных Корсаров. Лица рабов скрывали капюшоны, но головы подобострастно кивали.

— Приветствуем, Живодер, — сказал первый. — Добро пожаловать на «Яд первородства».

Вариил оставил привычку носить шлем. Несмотря на страх, который внушала людям железная маска, с годами апотекарий заметил, что его собственное лицо пугает смертных куда больше. Возможно, дело было в глазах, светлых, как лед над полюсом. Такой цвет часто ассоциировался в мифах с нечеловеческими способностями, однако это оставалось лишь догадкой. На самом деле вопрос никогда не занимал его настолько, чтобы попытаться узнать ответ.

— Вам известно, зачем я здесь? — спросил апотекарий.

Головы под капюшонами снова закивали.

— Думаю, что так, господин. Вокс-

послание было искажено помехами из-за шторма, но в нем говорилось о генных хранилищах, не так ли?

— Да, — подтвердил Живодер. — И у меня каждая минута на счету.

Мы проводим вас к хранилищам геносемени.

— Благодарю, — улыбнулся Вариил.

Улыбка его была не теплее, чем взгляд, но она заставила рабов пошевелиться.

Пока они шли по сводчатым коридорам, апотекарий заметил, как много дополнительных светильников установили техножрецы тирана с тех пор, как Корсары присвоили себе «Эхо проклятия». Одним из самых явных признаков преображения корабля в «Яд первородства» оказалось количество ламп, на скорую руку прикрученных к стенам и потолку. Их свет был куда ярче, чем могла бы вынести команда любого из судов Восьмого легиона.

Вариил понимал, что от этого нововведения Талос избавится прежде всего. Апотекарий однажды из праздного

любопытства забрел на Черный Рынок. Теперь он легко мог вообразить, как мародеры из числа рабов Повелителей Ночи разворовывают эти светильники, торгуют ими, вытаскивают из них аккумуляторы или просто разбивают по злобе.

Коридоры корабля покрывал толстый слой грязи, что мало удивило Живодера. Вариил уже давно привык к тому, как небрежение превращает судно в летающую помойку. Красные Корсары владели «Эхом проклятия» уже шесть лет, так что у несчастного корабля было достаточно времени, чтобы прогнить и зарасти мусором.

Через несколько минут Вариил вытащил болтерный пистолет и хладнокровно выстрелил троим своим спутникам в спину. Благодаря их тантиям крови было не так уж и много — одежда удержала внутри куски взорвавшейся плоти, как шелковый мешочек удерживает жидкую овсянку. Вариил оставил недобитых рабов корчиться и истекать кровью на полу, не

дожидаясь, пока каша из разодранных внутренностей просочится сквозь ткань.

Боковая дверь скользнула в сторону, и оттуда высунулась женщина-офицер в тундире.

— Мой господин?

Ее глаза тревожно расширились.

— Какое у тебя звание? — спокойно спросил Вариил.

— Что случилось, господин? Вы не ранены?

— Какое у тебя звание? — повторил он.

Женщина наконец-то оторвала взгляд от изуродованных тел и шагнула в дверной проем. Апотекарий увидел знаки различия прежде, чем она заговорила.

— Лейтенант Терция, госпо...

Болтерный пистолет Вариила рявкнул ей в лицо. Выстрел разнес затылок смертной, плеснув мозгом и костным крошевом в комнату у нее за спиной. Безголовое тело сложилось пополам со странной благопристойностью, аккуратно упав на пол и заблокировав автоматическую дверь. Люк в попытке

закрыться то и дело натыкался на бедро убитой. Вариил двинулся дальше.

Мостик располагался довольно далеко, на несколько палуб выше, зато там можно было бы решить все проблемы. Живодер искал офицера высокого ранга. Эти отбросы не могли принести пользы.

Не прошло и тридцати секунд, как Вариил, поднявшись по лестнице на следующий уровень, нос к носу столкнулся с пожилым человеком в мантии с откинутым капюшоном. Кожа старика была нездорового желтушного цвета, и от него так и несло пожиравшим его изнутри раком.

Но у смертного были черные глаза — сплошной зрачок без склеры и радужки.

— Мой господин? — вопросительно проговорил человек, пятясь от уставившегося на него воина.

— Аиша? — спросил апотекарий. — Аиша Нострамо?

Рувен коротко приказал служителям убираться. Хотя ему приходилось видеть куда худших дегенератов за годы,

проведенные у магистра войны, рабы Этригия всегда казались ему особенно неполноценными. Их служба новому навигатору, по мнению мага, ничего не меняла.

Хлориновая вонь, поднимавшаяся от их пропитанных антисептиками повязок, оскорбляла его чувства. Как будто бинты и пластырь способны были защитить от варпа.

— Покои госпожи, — шептали рабы шепелявым хором, — не для посторонних. Не для вас.

— Убирайтесь с дороги, или я всех вас прикончу.

Вот, казалось бы, куда уж яснее? Чтоб подчеркнуть свои слова, он навел на них колдовской жезл. С навершия ухмыльнулся деформированный череп ксеноса.

И все же они не сдвинулись с места.

— Пропустите его, — раздался голос навигатора из настенного вокса.

Заглушая ее слова, дверь рывками поползла в сторону, скрипя на древних и проржавевших без смазки петлях.

Рувен шагнул внутрь, отпихнув в сторону самых медлительных слуг.

— Привет, навигатор, — сказал он. Дружелюбие в его голосе было настолько фальшивым, что скулы сводило. — Мне нужен твой отсек.

Октавия собирала волосы в свой обычный хвост на затылке. Взгляда мага девушка избегала.

— Он весь в твоем распоряжении.

Из угла донеслось рычание. Обернувшись, Рувен осознал, что темный объект в углу — это не куча ветоши. Из-под тряпок таращилось безглазое лицо и торчал ствол дробовика.

— Пожалуйста, прихвати с собой своего мутанта, — хмыкнул маг.

— Так я и сделаю.

Октавия вышла из комнаты, не сказав больше ни слова. Пес послушно потрусил следом, не сводя слепых глаз с Рувена.

Когда они убрались, Повелитель Ночи обошел навигаторский трон. Он обратил внимание на одеяло, наброшенное на психочувствительную металлическую

раму. Заинтересовавшись, Рувен опустился на колени и прикоснулся щекой к железному подлокотнику. Холодно — обжигающе холодно для смертного, но вряд ли смертельно. Маг снова встал. Его отвращение крепло.

Эта женщина была ленивым, слабоумным созданием, и без нее дела пойдут только лучше. Если просто прикончить ее, это лишь рассердит Пророка, но есть и другие способы отыскать достойную замену. У Рувена никогда не было трудностей с тем, чтобы вести корабли через варп. Маг способен достичь напряжением воли того же, что удается навигаторам за счет счастливой комбинации генов. Зачем ему прозревать варп, если он может просто прорезать сквозь него дорогу?

Трон, предназначенный для низших существ, был слишком мал для него. Не важно. Главное — это стены. Больше нигде на «Завете» нет таких толстых перегородок, отделяющих отсек от соседних помещений. Боевой корабль не назовешь спокойным местечком, но в

покоях навигатора царила настолько абсолютная тишина, насколько это было возможно.

Рувен уселся на пол, отпихнув в сторону очередную кучу мусора, оставленную навигатором. По палубе раскатились скомканные страницы пергамента, исчерканные незаконченными записями бортового журнала.

Закрыв глаза, маг зашептал слова на безымянном наречии. Не успев произнести и двух-трех слогов, он ощутил во рту привкус крови. После нескольких предложений оба его сердца заболели. Колдовские огни обвили подрагивающие от напряжения пальцы. Струйки призрачного электрического свечения червями поползли по керамитовому доспеху.

Боль, ртутью бегущая по венам, заставила его улыбнуться. Прошло очень много месяцев с того момента, когда он в последний раз мог творить заклинания.

Машинный дух корабля почувствовал попытку вторжения и отреагировал со змеиной недоверчивостью, свившись в плотные кольца. Рувен не обращал на него

внимания. Ему не нужна была покорность или сотрудничество искусственной души судна. Он мог протащить этот корабль по Морю Душ, невзирая на то, что за тварь засела в бьющемся сердце «Завета». Сомнения коснулись его разума цепкими пальцами, но он отмахнулся от них с тем же презрением, с каким обращался с навигатором. Сомневаться — значит умереть. Власть над эфирным миром требовала прежде всего сосредоточенности.

Корабль содрогнулся. Внезапно мага швырнуло назад. Он снова видел лишь замусоренную комнатушку у себя перед глазами.

Рувен задыхался. Воздух с хрипом вырывался из легких. Сердца отчаянно колотились. Вероятно, после месяцев в кандалах он ослабел куда больше, чем предполагал. Признаться в этом, пускай только себе самому, было неприятно.

Рувен сфокусировался для второй попытки — и перед ним предстал горящий зал, на который смотрели глаза другого воина.

В его руке корчился Странствующий Десантник. Массивная клешня оторвала Десантника от пола и подняла в воздух. Керамит заскрежетал, а затем треснул, расколотый пляшущими под когтями молниями. Со скрипучим смехом Гурон отшвырнул воина в сторону, не глядя, как его жертва соскользнула вниз по каменной стене. За мертвым бойцом протянулся кровавый след. Надпись на его наплечнике, выгравированная декоративным шрифтом высокого готика, гласила: «Терес».

И все же он невольно восхищался ими. Эта предсказуемость делала солдат Императора уязвимыми и одновременно доказывала их упорство. Сейчас, когда половина его терминаторов маршировала к хранилищам геносемени, а другая половина осаждала реклюзиам ордена, и без того скудному гарнизону Вилата пришлось разделиться на две части. Реклюзиам был сердцем и душой ордена. В центральной часовне, где веками заседали старейшины Странствующих Десантников, под защитой стазисного

поля покоились их драгоценнейшие реликвии. В генных хранилищах в криогенных контейнерах были собраны запасы геносемени, скопившиеся за тысячелетие.

Одна цель воплощала прошлое ордена, вторая — его будущее.

Сержанты, разрываемые на части этим противоречием, делали выбор и вели свои отряды на защиту того или иного святилища, в то время как крепость-монастырь содрогалась под ударами десантных капсул Красных Корсаров. На пустошах за стенами монастыря войска тирана поливали стены артиллерийским огнем, пробивая в древнем камне бреши, чтобы впустить внутрь новые орды захватчиков.

Хотя залы Вилата покраснели от крови, самый яростный бой разгорелся вокруг элитных отрядов Корсаров. Терминаторские эскадроны смерти забаррикадировались внутри захваченных ими объектов и не желали отступать. Под ногами у них взрывались осколочные гранаты, но гиганты их просто не

замечали. Любое живое существо в цветах противника, осмелившееся ступить на каменные плиты, превращалось в кровавое пятно на священном полу. Огонь терминаторов способен был порвать в лоскуты танковую броню.

Гурон плоскостью топора смел в сторону упавшего на колени раба. Ребра юнца превратились в кашу, и, отлетев в угол, смертный испустил дух. Мерное биение аугметированных сердец тирана служило приятным контрапунктом к перекличке массо-реактивных снарядов.

Реклюзиам Вилата был строгим, содержавшимся в образцовом порядке святилищем. Реликвии красовались на траморных постаментах. Гурон задержался, чтобы осмотреть пожелтевший от времени свиток, подвешенный в антигравитационном поле. На ветхом папирусе перечислялись имена воинов Первой роты, много веков назад погибших в Бадабской войне.

В стальных зубах Гурона сверкнули отражения горящих знамен на стенах. С аккуратностью, граничащей с

благоговением, он развернул руку ладонью к манускрипту. Из огнемета вырвался сгусток жидкого пламени. Папирус исчез в огне. Его обугленные края медленно уплыли вверх с потоком дымного воздуха.

Скоро ему достанутся многовековые запасы геносемени. Пусть Повелители Ночи бегут, если им так хочется. Они хорошо выполнили свою бесславную миссию, так что Вознесенный будет прощен за прошлые прегрешения.

Неподалеку раздался крик. Гурон обернулся, занося топор.

Геральдический доспех Странствующего Десантника уже был охвачен огнем. Воин, подняв похищенную реликвию над головой, мчался вперед. Гурон перехватил рукоять боевого молота с почти смехотворной легкостью, избежав смертельного удара.

— Крадешь реликвии собственных героев? — усмехнулся он в наличник горящего воина. — Ты позоришь свой орден.

Сервомоторы в коленном суставе Гурона взвыли, когда он пнул противника в живот. Десантник, громыхая, рухнул на

закопченный пол.

— Твое братство на грани смерти, а ты напоследок решил его обесчестить?

Десантник попытался встать. Упрямый до последнего, он взмахнул кинжалом, метя в наголенник Гурона. Тиран коротко взглянул на нагрудник воина. Там, поверх имперского орла, было вырезано имя: «Морфод».

— Довольно.

Гурон сжал громовой молот в силовой перчатке с такой же легкостью, с какой обычный человек держал бы тонкий прутик. Не активируя ни молот, ни перчатку и полагаясь лишь на собственную силу, тиран ударил Десантника по затылочной части шлема. По залу прокатился колокольный звон.

Хмыкнув, Гурон отшвырнул бесценное оружие.

А Рувен распахнул глаза.

Вариил подождал, пока часовые ему отсалютуют.

— Живодер, — сказал первый.

— Приветствую вас, господин, —

добавил второй.

У него тоже были полностью черные глаза.

— Нас не предупредили о вашем прибытии.

Вариил ответил так же, как отвечал всегда на приветствия смертных: чуть заметным кивком в их сторону. Без дальнейших церемоний он направился к стратегиуму и вошел через заднюю дверь.

Апотекарий остановился на мгновение и огляделся. Около полусотни смертных офицеров работали у различных приборных панелей, как и на кораблях лорда Гурона. За капитаном «Яда первородства» значилось примерно два десятка пышных до идиотизма титулов, самым коротким из которых был «вождь Калеб Избранный». Сейчас вождь нигде не просматривался, что ничуть не огорчило Вариила. По правде, апотекарий испытал облегчение. В эти секунды Калеб наверняка вел свою роту на штурм Вилата. Боевые отряды Корсаров объединились в общую ударную силу тирана.

Вариил спустился по крутым ступенькам и вышел в основное помещение мостика. Смертные при его приближении отдавали салют, на что он отвечал такими же небрежными кивками. Апотекарий внимательно вглядывался в каждое обернувшееся к нему лицо, выискивая в человеческом стаде черные глаза.

По меньшей мере треть офицеров имела черные глаза. Это должно было сработать. Вариил подошел к командному трону.

Поскольку «Яд перво...»... «Эхо проклятия» происходил из той эпохи, когда легионы командовали всеми имперскими войсками, трон был рассчитан на габариты космодесантника. Смертный командир стоял рядом с ним. При приближении Вариила он выпрямился. Глаза у него были голубые.

— Лорд Вариил, для нас честь принимать вас на борту. Наш вокс все еще сбоит; мы понятия не имели, что на челноке находитесь вы...

— Это не важно. Где ваш капитан?

— Вождь Калеб, Бич...

Вариил поднял руку.

— Мне нужен новый плащ. Если ты будешь каждый раз медлить с ответом ради того, чтобы перечислить все титулы своего господина, плащ я сошью из твоей кожи. Это было предупреждение. Пожалуйста, продолжай.

Офицер сглотнул.

— Капитан Калеб наблюдает за высадкой, милорд.

— А его рота?

Офицер нарушил стойку смирно, чтобы поскрести коротко остриженные седеющие волосы на виске.

— Мародеры в процессе десантирования, милорд.

— Почему они еще не высадились?

— Не знаю, милорд.

Но он знал — Вариил по глазам видел, что офицер лжет. Калеб был дотошным ублюдком, и каждая его операция сопровождалась невиданной помпезностью. Апотекарий легко мог представить, как вся рота преклоняет колени во славу Истинного Пантеона, пока готовые к

старту десантные корабли ожидают окончания церемонии.

Когда Мародеров спускали с поводка, они были одной из самых устрашающих рот Гурона. Вот почему в качестве трофея им досталось «Эхо проклятия» — именно они захватили ударный крейсер.

Их присутствие на борту могло стать проблемой.

Вариил кивнул.

— Понимаю, командующий. Я прибыл к вам с флагмана, потому что мое послание слишком ценно, чтобы доверить его слуге или прихотям расстроенного вокса. У нас серьезные проблемы, командующий. Покажите мне пусковые площадки.

— Серьезные проблемы, господин?

— Покажите мне пусковые площадки.

Командир приказал офицеру связи вывести на обзорный экран изображение четырех ангаров. Два были пусты, а в двух все еще кипела жизнь. Вариил увидел пристыкованные «Громовые ястребы», закрепленные в когтях транспортников «Лэндрейдеры» и целые отделения Красных

Корсаров, готовые к погрузке.

— Это никуда не годится, — пробормотал он.

Слишком много братьев все еще оставалось на борту. Куда больше, чем надо. Рота Мародеров была очень далека от завершения высадки. Им потребуется не меньше часа. Повелители Ночи готовились к бою, но при таком раскладе огромное численное преимущество окажется у Корсаров.

— Господин?

Вариил с нарочитой медлительностью обернулся к человеку.

— Ты знаешь, кто я, — спросил Вариил, — так ведь?

— Я... да, мой господин.

— Слушай меня внимательно, командующий. Я больше чем Живодер, больше чем наследник Владыки Трупов и больше чем уважаемый член внутреннего круга лорда Гурона. Сейчас я говорю с тобой как офицер ордена, выступающий от имени тирана и облеченный всей полнотой власти, чтобы выполнить его волю.

Теперь офицер занервничал. Он коротко кивнул.

— Тогда подчиняйся моим приказам без всяких вопросов. — Вариил скрестил взгляд со взглядом смертного. — Загерметизируй оба ангара согласно протоколу введения карантина при биологическом заражении.

Замешательство офицера было очевидным. Оно оставалось очевидным примерно три секунды, после чего лицо человека исчезло в облаке взрыва.

Вариил опустил пистолет и оглянулся на ближайшего живого офицера. Женщина смотрела прямо на него.

— Ты знаешь, кто я, так ведь?

Женщина отсалютовала. Ее самообладанию можно было позавидовать.

— Да, господин.

— Тогда выполни этот приказ без всяких вопросов: немедленно загерметизируй оба ангара согласно протоколу введения карантина при биологическом заражении.

Она кинулась выполнять приказ, отпихнув по пути стоящего у консоли

офицера. Ее пальцы защелкали по клавиатуре, набирая на небольшом мониторе команду переключения на ручное управление.

— Господин, система запрашивает код экстренного командного допуска.

Вариил продиктовал по памяти длинную последовательность из ста одного знака, завершив ее словами: «Идентификационная информация: Вариил, апотекарий Секундус, орден Астральных Когтей».

Офицер замешкалась, столкнувшись с очередным затруднением.

— Система требует еще один юникод, господин.

— фрига.

Она ввела эти буквы — и по всему кораблю взвыли сирены.

Он мчался, стуча подошвами ботинок по бесплодной пустынной земле и не обращая внимания на облепившую наголенники пыль. Зависший над пустошью катер стегнул его доспехи небольшой песчаной бурей. Двигатели, удерживающие

транспортник над землей, раскатисто завывали. Колючий ветер сдирал краску с брони, оставляя серебристо-серые проплешины на темно-синем фоне.

Первый Коготь вынырнул из пробоины во внешней стене крепости-монастыря и очутился перед батальоном танков и погрузчиков Корсаров, сгруппировавшихся в пустыне. Челноки и катера все еще доставляли воинов с орбиты, а десантные капсулы сыпались на землю с громовым грохотом, поднимая из ударных воронок столбы пыли.

— Они что, собрались здесь поселиться? — спросил Кирион.

— Они обдерут эту крепость догола. Учитывая, сколько их тут, много времени это не займет.

Талос отвернулся от волны песка, поднятого приземляющимся катером. Мелкие камешки продолжали стучать по доспеху, но хотя бы глазные линзы очистились.

— Некоторые из этих транспортников уже поднимают осадные танки обратно на орбиту.

Удовлетворенно вздохнув, боевой катер выдвинул посадочные когти, крепко впившиеся в шкуру пустыни.

Меркуций и Ксарл уже мчались к трапу.

— Господин, — протрещал голос Септимуса из рубки, — вы последнее отделение на поверхности. Вознесенный передает, что все готово к вашему возвращению.

Талос бросил прощальный взгляд на Вилам. Крепостные башни вздымались так высоко, что казалось непонятным, где кончаются они и начинаются тучи. По контрасту с этой гордой картиной нижние уровни были почти целиком охвачены огнем. Густой дым сочился из пробоин, оставленных в стенах снарядами.

Победа, но не их победа. Эта игра была сыграна другой бандой отступников, и привкус фальши преследовал Пророка от начала и до конца.

Узас остался рядом с Талосом.

— Тебе стыдно? — спросил он по воксу.

Пророк развернулся.

— Что?

Узас махнул топором в сторону крепости.

— Тебе стыдно бежать от еще одного боя, брат? Тут нечего стыдиться. Все это бессмысленно. Наш бой вот-вот начнется.

— Узас? — удивленно произнес Талос. — Брат?

— Хм?

— Ты говорил так связно. Это было... было приятно слышать.

Узас кивнул.

— Идем. Добыча ждет нас в небесах. Кровь, черепа и души.

— И наш корабль.

— Хм. И наш корабль.

Октавия отправилась в единственное место, где ее наверняка бы никто не побеспокоил. Пес остался снаружи.

Ей нужно было поспать. Пусть хотя бы несколько часов, пока не вернулся Талос и не началась самая опасная и безумная авантюра в ее жизни.

Навигатор никогда раньше не бывала в комнате Септимуса. Оружейник насмехался над ней за ее бардак, но и у него

порядок оставлял желать лучшего. Пол был засыпан деталями и промасленными тряпками, словно оружейника срочно вызвали посреди ремонта какого-то неизвестного механизма. У одной стены стоял широкий верстак, у другой — низкая койка. Несколько пар ботинок — шнурки на одной заменяла клейкая лента — грудой лежали под верстаком.

И все же в комнате пахло им. Сильный дубовый запах очищающих масел; запах мужского трудового пота; острый, чуть отдающий антикварной лавкой; запах поношенной, но бережно хранимой кожаной одежды.

Октавия перевернула один из листов пергамента, направив на него свет настольной лампы.

На девушку смотрело ее собственное лицо.

Ее черты, углем набросанные на бумаге. На лбу была бандана, голова чуть склонена к плечу, взгляд устремлен на что-то невидимое за краем пергамента. Над уголком губ виднелась маленькая родинка, которую ее служанки всегда

называли «мушкой».

Октавия перевернула следующий листок и обнаружила набросок ее трона, с одеялами и подушкой, сдвинутыми на сторону. Третий рисунок был попыткой автопортрета — более грубый, чем другие, и без аугметического виска и глаза. На четвертом и пятом снова оказалась Октавия — на сей раз с хмурой гримасой на лице, сощуренными глазами и губами то ли поджатыми, то ли надутыми. Неужели она действительно выглядела так, когда была не в духе? Этот уничижительный взгляд явился прямиком из роскошных и надменных залов аристократической Терры.

На следующем листке нарисованное от руки схематическое изображение перчатки легионера, еще на одном — список пронумерованных слов на нострамском. Она уже достаточно освоилась с чтением, чтобы догадаться, что это описание устройства перчатки.

Октавия перевернула остальные и еще несколько раз увидела свой портрет. Под конец на щеках девушки горел

румянец. Когда Пес забарабанил в дверь, от усталости не осталось и следа.

— Госпожа, госпожа!.. Проснитесь! Корабль движется! Уже скоро!

Когда сирены взвыли, капитан Калеб Валадан взглянул вверх. Лампы аварийной сигнализации в настенных креплениях замигали желтым. Двери — проклятые двери — захлопнулись с финальной неотвратимостью, заперев больше пятидесяти его людей и их боевые машины в ангаре.

Корсары встали с колен. Их ритуал клятвы резко оборвался, сменившись замешательством.

— Командующий! — позвал Калеб.

Он не ожидал услышать в ответ ничего, кроме статики, и его ожидания полностью оправдались. Проклятый вокс! Проклятый солнечный шторм! Проклятые...

«Инициализация сброса через тридцать секунд», — объявили автоматические динамики на стенах.

Все его воины уже были на ногах.

Талисманы и боевые трофеи тревожно постукивали об их доспехи. Аварийные сигналы вспыхнули ярче. Капитан ощутил нехорошую тяжесть в желудке и резко обернулся. Ворота ангара, отделенные от вакуума пустотным щитом, открывались.

Сам щит казался всего лишь тонкой завесой тумана, затрудняющей видимость ровно настолько, чтобы ее можно было заметить. За ним раскинулась космическая пустота с крошечными огоньками дальних звезд и полумесяцем безводного и безжизненного мира внизу.

Если это действительно был сброс...

— Сэр?

— Заткни пасть! — рявкнул Калеб. — Я думаю.

«Инициализация сброса через двадцать секунд».

— По катерам! — выкрикнул он.

«Инициализация сброса через десять секунд».

Вариил смотрел на обзорный экран, переводя взгляд с одного заполненного людьми ангара на другой.

— Видите? Они в безопасности в пристыкованных катерах. Все в порядке.

В душе он сыпал проклятьями. Надеяться на то, что его уловка сработает так легко, было слишком наивно — но, по крайней мере, Корсары оказались надежно заперты. Апотекарий проводил взглядом Калеба, взбегающего по поднимающемуся трапу, и мысленно пожелал ему особенно мучительной смерти.

В обоих ангарах происходило одно и то же. Спасая собственные жизни, Корсары реагировали с достойной восхищения быстротой. Это могло стать проблемой, но Вариил отложил ее решение на будущее.

«Инициализация сброса... Инициализация сброса».

Пустотные щиты, прикрывавшие раззявленные пасти ангаров, беспорядочно замерцали. Их свет померк. Основной ангар первым попал под раздачу — его щит растаял, словно машинный выхлоп на штормовом ветру, и улыбнулся в безвоздушный вакуум. Второй отключился секунду

спустя, повторив тот же фокус с рассеянной ветром дымкой.

Вариил наблюдал за тем, как из ангаров огромными полотнищами вырывается воздух, беззвучно завывая на немом экране, — выдох из легких, которые ничего не могли втянуть обратно. Ящики покатились по палубе, подпрыгивая и переворачиваясь в своем стремлении кануть в бездонный зев космоса. Сервиторы, слишком безмозглые, чтобы осознать угрозу своему лоботомированному существованию, отправились следом. Десятки оцепеневших фигур мелькали в воздухе, выброшенные в открытый космос. Другие корчились и извивались в полете, не понимая, почему ноги их не держат. Рты беззвучно хлопали, передавая сигнал ошибки и жалуясь на неспособность выполнить служебные обязанности.

Стойки с ракетами и снарядами для штурмовых болтеров, как и запасные ступени реактивных двигателей, кувыркаясь, летели почти сплошным потоком. Вариила передернуло, когда ракета «Адский удар» врезалась по пути в

стену ангара.

Следующими на очереди были машины. Незакрепленные автопогрузчики и грузовые подъемники врезались друг в друга и переворачивались. «Лэндрейдер», наполовину зажатый в когтях транспортника, выскользнул из креплений с томительной неторопливостью. Из-под его гусениц сыпались искры, а на палубе остались глубокие шрамы. Наконец танк резким рывком вывалился наружу, словно его выдернула и присвоила чья-то невидимая рука.

Меньше чем за минуту вакуум опустошил оба ангара.

Три «Громовых ястреба» остались в стыковочных когтях, под завязку набитые воинами, которым Вариил искренне желал смерти. В другом ангаре творилось то же самое, если не считать одного из катеров. Скрипящую и содрогающуюся машину потащило по палубе. «Ястреб» уже отстыковался, и вакуум почти добрался до него, прежде чем пилот включил двигатели. Теперь катер, помятый и ободранный, валялся в центре ангара,

лишившись всех трех опор.

Вариил обернулся к командиру мостика.

— Зажгите карантинные маяки. Надо гарантировать, что ни один из братских кораблей не попытается оказать нам помощь, пока ситуация не будет у нас под контролем.

— Карантинные маяки зажжены, господин.

Обзорный экран переключился на хребет корабля, где вдоль линии спинных бастионов загорелись красные мигающие огни. Вид был жалкий. Вариилу представились язвы, воспаленные, наливщиеся гноем и готовые к вскрытию.

— Отведите корабль подальше от флота. Займите высокую орбиту.

Он ждал, стоя у командного трона и наблюдая за спокойным круговращением звезд.

— Вернуть воздух в ангары? — спросила командующая мостиком.

— Нет. Наши воины пока в безопасности.

— Господин, крейсер Восьмого легиона

«Завет крови» следует за нами.

Двери мостика распахнулись прежде, чем Вариил смог вплести очередную нить обмана в разваливающийся на глазах узор. В стратегиум вошел одинокий Красный Корсар с болтером в руках. Шлем его был украшен двумя изогнутыми рогами из растрескавшейся кости. Ступая медленно и настороженно, он спустился туда, где стоял Вариил.

— Живодер? Сэр, что, раздери меня Пантеон, тут происходит?

И опять апотекарию не дали ответить. Один из офицеров у приборной панели в панике завопил:

— Господин! «Завет» запустил абордажные торпеды.

Сейчас или никогда. Сейчас или никогда. Сейчас — или здесь я и подохну.

— — — Валтисай, шул целадаан, — разнесся по мостику его голос. — Флишафасей шол ворошика.

Члены команды переглянулись. Кое-кто опустил руки к кобурам, но большинство просто казались растерянными.

Его брат из Красных Корсаров застыл на месте как вкопанный.

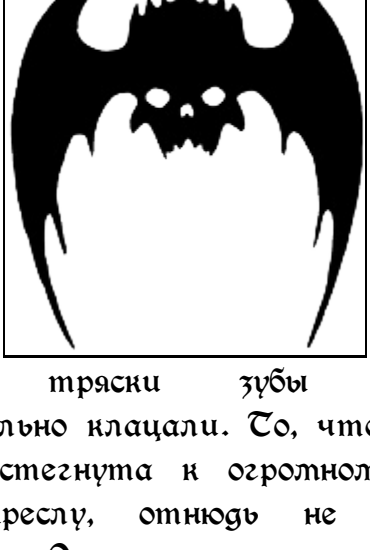
— И что это означает?

Вариил выхватил пистолет и нажал на спуск одним слитным движением. Снаряд врезался в горловой доспех Корсара и сдетонировал в шее. Воин не успел и вскрикнуть. Только что два Корсара разговаривали, а уже в следующую секунду один из них безголовым трупом рухнул на пол.

Еще через несколько секунд кувыркающийся шлем упал на палубу с глухим звоном керамита о металл.

— Это означает, что Восьмой легион возвращает корабль себе. Скоро нам придется принять гостей, и к этому времени судно должно быть готово к быстрому прыжку в варп. Любой, кто имеет что-то против, может высказаться сейчас. Я не шутил, когда упомянул, что мне нужен новый плащ.

XXII
«Эхо проклятия»



От тряски зубы Октавии оглушительно клацали. То, что девушка была пристегнута к огромному, не по росту, креслу, отнюдь не помогало ситуации. Она цеплялась за ремни безопасности куда сильнее, чем ремни цеплялись за нее, и ударялась бедрами о ручки сиденья при каждом рывке турбулентности.

Марух сидел рядом, и костяшки пальцев у него были такими же белыми, как у нее. Возможно, он орал, но за шумом она ничего не слышала.

— Это всегда так? — прокричала Октавия.

— Да, — передал по воксу один из легионеров. — Всегда. Только обычно Узас вопит про кровь, а Ксарлу нравится повыть.

— Кровь для Кровавого Бога! Души, черепа, души, черепа...

— Видишь?

Октавия, преодолевая тряску, повернула голову и оглянулась на Талоса. По сравнению с ней он сидел спокойно. Оружие Пророка было закреплено на стене капсулы у него за спиной. Навигатор даже не могла сказать наверняка, что это именно он говорил с ней по воксу.

Ксарл откинулся назад и испустил низкий горловой вой. Вокс-динамики исказили звук, придав ему металлический оттенок, но ничуть не уменьшили громкость. Все четверо смертных прикрыли уши руками — даже Пес, который из-за рывков капсулы пока не сумел выдавить ни слова. Его тоненький голосок ни за что бы не пробился сквозь царящий вокруг шум.

— Пятнадцать секунд, — крикнул навигатору Талос.

— О'кей.

— Мне всегда хотелось заполучить собственный корабль. — Кирион перегнулся на сиденье и орал во всю глотку. — Талос, когда мы угоним следующий, сможешь забрать его.

Девушка вздрогнула от силы крика, но все же улыбнулась. Покосившись на другой конец капсулы, она встретилась глазами с Септимусом и впервые за долгое время обнаружила, что не может выдержать его взгляд.

— Пять. Четыре. Три. Два. О...

Столкновение было хуже всего, что выпадало до сих пор на долю Октавии. На несколько обморочных секунд она искренне поверила, что мертва. Ведь невозможно было пережить костоломный удар капсулы, врезавшейся на такой скорости в борт корабля. По сравнению с грохотом этого удара весь полет в капсуле выглядел спокойным и мирным, как полуночная прогулка по саду ее отца на верхней

площадке их шпиля. Оглушительнее грома и даже гула волн иттатериума, терзающих корпус ее корабля... Октавия подумала, что и с заткнутыми ушами она будет слышать этот вой торжествующего цунами до конца своей жизни — короткой и проведенной в глухоте.

Она попыталась сказать: «Похоже, я умерла», — но не услышала собственного голоса.

С дальнего конца капсулы полился свет. Искусственный, бледный и нездоровый, он хлынул внутрь и принес с собой отвратительную вонь. Девушка закашлялась от острого запаха немытых тел, ржавеющего железа и человеческих испражнений.

— Тьфу, — отфыркнулся один из Повелителей Ночи, — здесь воняет, как в Зрачке Бездны.

Талос сорвал оружие со стены и, не сказав ни слова, выбрался из капсулы. Его братья двинулись следом. Рабат пришлось бежать трусцой, чтобы не отстать. Октавия вышла последней — перед этим

она, наверное, уже в сотый раз проверила свой пистолет.

— Виши та? — спросил голос из глубины капсулы.

Девушка видела спины Септимуса, Маруха, Пса и гигантов-легионеров впереди, в коридоре. На секунду она оцепенела, не в силах сделать и шага, но и оглянуться не решалась.

— Виши та? — снова спросила маленькая девочка.

Казалось, что она находится в капсуле — возможно, сидит на одном из гигантских кресел.

— Ты мертва, — выдавила Октавия сквозь стиснутые зубы. — Ты умерла, тебя больше нет.

— Но я все еще могу убить тебя, — медовым голоском ответила девочка на чистейшем готике.

Октавия развернулась, вскинув пистолет и целясь в пустоту капсулы.

— Не отставай, — позвал Септимус. — Идем.

До сих пор операция шла практически

бескровно — не считая парочки огорчительных инцидентов, — и Вариил смотрел на обзорный экран с чувством, близким к гордости. Команда была встревожена, растеряна, возбуждена и отравляла воздух запахом пота и страха. Вариил с отвращением вдыхал эту смесь. Он надел шлем только ради того, чтобы спасти обоняние от человеческого страда, — лучше уж было дышать застоявшимся воздухом доспеха.

Почему такие вещи приводили в восторг Повелителей Ночи, апотекарий понять не мог.

Флот Красных Корсаров оставался на низкой орбите, и его внимание по-прежнему целиком было поглощено вращавшейся внизу планетой. Поскольку воксы и аспик-сканеры не работали, не представлялось возможным определить, заметили ли с других кораблей крохотные снаряды, пронзившие пространство и врезавшиеся в обшивку «Эха».

Сам масштаб флота способствовал маскировке. В армаде такого размера, стоявшей на орбитальном якоре, нельзя

было позволить большим кораблям приближаться друг к другу. Строй флотилии определялся стокилометровыми расстояниями между самыми крупными крейсерами. Корабли сопровождения курсировали среди них, готовые ответить на угрозу, если враг появится из варпа в дальнем конце системы.

Вариил проводил взглядом эскадрилью эсминцев, кинжалами прорезавших пустоту между «Заветом» и «Эхом». Однако скорость эсминцев осталась неизменной, — обогнув крейсера по плавной дуге, они устремились к другой группе больших кораблей.

Обычный патруль. Все в порядке.

— Господин? — спросила женщина-офицер, которую апотекарий так невольно и необдуманно повысил в звании лишь потому, что она оказалась рядом в момент убийства командующего.

— Да?

— Капитан Калеб... проявляет активность, сэр.

Долго ждать он не стал.

Сброс не был простой случайностью или неисправностью. Ничто внутри ангара не могло активировать сигналы биозаражения, значит, реальная опасность исключалась. На пусковой палубе все еще царил вакуум. Ворота ангара оставались открытыми и незащищенными пустотными щитами. Ледяные кристаллы серебряной окантовкой поблескивали на немногом уцелевшем оборудовании и покрывали металлические корпуса катеров налетом инея.

Катера не были заправлены топливом. Это исключало самое очевидное решение, даже если двигатели получилось бы запустить при абсолютном нуле.

Калеб Валадан обладал многими достоинствами, делавшими его выдающимся командиром, но терпение среди них, несомненно, не числилось. Кто-то пытался убить его на его собственном корабле. И кто-то в самом скором времени за это заплатит.

Капитан медленными шагами пересек ангар. Магнитные подошвы

ботинок удерживали его на палубе. Дойдя до колоссальных дверей, ведущих обратно вглубь корабля, он провел рукой по заиндевевшей стали, стахивая быстро формирующийся слой льда.

Эти двери не получилось бы разрезать или пробить. Проблема заключалась даже не в том, что декомпрессируются остальные части корабля, — нет, просто ворота ангара были чрезвычайно толстыми, укрепленными сверхпрочными металлами и предназначались для того, чтобы оградить судно от любой внешней угрозы.

Под шлемом снова зачесались ритуальные шрамы. Последний, сделанный в шестой раз за несколько дней, чтобы предотвратить регенеративное заживление, был еще достаточно свежим и причинял боль. Яйца Богов, чего бы Калеб не отдал, чтобы почесать его!

Капитан убрал руку, оставив ледяные кристаллы медленно парить в невесомости.

— Мародеры, — сказал он по воксу близкой связи, — если мы не можем

пробить дорогу внутрь, пробьем наружу.

Вариил склонил голову к плечу. Такого он не предвидел.

Маленькие, как жучки, фигурки его братьев начали спотыкающийся переход по ангару, где воцарилась невесомость. Ботинки удерживали их на палубе. Калеб был уже на краю. Еще несколько метров — и он шагнет на внешнюю обшивку судна.

Вариил с трудом разжал зубы. Это была не его роль, и он начал терять терпение. Если бы он жаждал лидерства, то добился бы этого предательством намного раньше.

— Активируйте защитное поле ангара, — сказал Живодер.

Невыносимо. Просто невыносимо.

Калеб говорил на нескольких языках, от старобадабского до торгового жаргона Врачка Бездны, который стал общим для уроженцев станции. Сейчас он выругался на каждом из известных ему языков, на что потребовалось немало времени. Затем он обернулся к своим людям. Серый

иней уже прихватил его красно-черную броню. Когда капитан двигался, ледяные кристаллы порошком сыпались из сочленений доспеха.

— Отделения Ксалиса и Дхарвана, отправляйтесь к дальнему концу палубы и зарядите «Поборник». Мы пробьем обшивку.

— Сэр...

— Оглянись, Ксалис. Погляди вокруг, насладись этим дивным зрелищем и спроси себя, подходящее ли сейчас время для спора со мной.

Изображение на обзорном экране затряслось, но до мостика было слишком далеко, чтобы ощутить передающуюся по корпусу дрожь.

Главное орудие осадного танка «Поборник» было известно среди Адептус Астартес под именем «Разрушитель». С момента самого знаменитого случая его применения прошло десять тысячелетий. Тогда предательские легионы, собравшиеся у ног божественных титанов, использовали тысячи этих пушек, чтобы пробить стены Императорского Дворца.

Поймав себя на посторонней мысли, Вариил облизнулся. Обзорный экран заполнили перекрученные осколки металла, вылетающие из облаков дыма. Апотекарию было интересно, сколько бойцов только что погибло, претворяя в жизнь этот необдуманный план бегства. Как он подозревал, очень много.

— Закройте глаза, — предостерег Талос.

Капсула проломила обшивку в нижней части судна, недалеко от носа, доставив их относительно близко к цели. Октавия никогда прежде не видела ни охоты Повелителей Ночи, ни реакции смертных на нее. Члены команды разбегались при первом же взгляде на захватчиков. Не важно, что пытались сделать смертные — спрятаться или поднять тревогу. Первый Коготь не позволил никому из них прожить достаточно долго, чтобы осуществить задуманное. Болтеры рявкали и содрогались в руках воинов, всаживая в ноги и спины бегущих людей масс-реактивные снаряды. Гладиусы и ножи

— быстрый взмах, чистый удар — приканчивали тех, что корчился на полу.

Среди встреченных или смертных было несколько нестратцев. Эти, все до одного человека, падали на колени перед воинами Восьмого легиона, возносяя им хвалы и благословляя выходцев со своего погибшего родного мира.

Повелители Ночи продвигались стремительно и эффективно. Один из них всегда держал болтер наготове, чтобы прикрыть остальных. Глядя на них сейчас, трудно было поверить, что на самом деле эти воины ненавидят друг друга.

Октавия не слышала их переговоров и лишь по щелчкам вокса догадывалась, что легионеры общаются между собой. Учитывая, что рев их брони поднял бы мертвецов из могилы, Повелители Ночи ни в коей мере не походили на безмолвных призраков, однако и грации они были не лишены.

Септимус шагал рядом с навигатором, держа в обеих руках по пистолету. Марух пыхтел и сопел, крепко

прижимая лазган к груди. Пес, самый низкорослый из них, с большим трудом поспевал за остальными. Его изуродованное лицо побледнело от усталости. Дробовик он использовал вместо трости, и девушка снова задумалась, сколько же ему лет.

Трон, ну и вонь на этом корабле! Если предполагалось, что потом они здесь поселятся, Октавия готова была вознести молитвы всем богам, лишь бы кто-то догадался отдраить его. Не раз и не два им попадались валявшиеся на полу трупы в разных стадиях разложения. Запах гнили висел в воздухе, словно так и было положено.

Все металлические предметы поросли влажной ржавчиной и коростой.

На «Завете» было холодно, темно, зачастую сыро. Но этот корабль целиком соответствовал описанию судов Архиврага из космофлотских баек. «Яд первородства» был кораблем Хаоса, прогнившим до основания. Октавию уже тревожила перспектива слияния с машинным духом корабля. Как сказалось на нем это надругательство? Что ждет ее в конце

пути?

— Закройте глаза, — предостерег Талос.

Ее звали Эсмеральда.

Омывавшая ее жидкость была насыщена аммиаком и состояла из смеси давным-давно протухших питательных веществ и ее собственной, скопившейся за добрую половину десятилетия мочи. Она была обнажена, не считая скреплявшей плоть чешуи, и слепа ко всему, кроме Моря Душ.

Ее обителью была темная комната с бассейном вместо пола. Там она плавала, покачивалась на поверхности или ходила по дну, в зависимости от собственного желания. Края бассейна находились слишком высоко, чтобы она могла до них дотянуться, так что эта наполненная нечистотами яма стала ее тюрьмой.

Эсмеральда слышала, как они вошли, и на ее уродливом лице сменилась череда гримас. То, что должно было быть ртом, зашлепало, беззвучно выталкивая слова, понятные лишь ей одной.

Взглянув на нее, Октавия воочию увидела свое собственное будущее. Все навигаторы деградировали с течением веков. Девушка это знала. Но такое!..

Первый Коготь окружил бассейн. Эсмеральда пыталась проследить за их движением по стуку бронированных ботинок. Она не могла знать, что на нее направлены пять болтеров.

Септимус прижал ладонь ко рту. Глаза его были закрыты. Марух отвернулся, чтобы проблеваться, — хотя не смог бы прибавить к содержимому бассейна ничего нового. Пес никак не отреагировал — то ли потому, что не способен был видеть, то ли потому, что привык к подобным вещам. Он преданно смотрел на Октавию, как и всегда.

Октавии не понадобилось закрывать глаза. Она стала единственным свидетелем происходящего, за что была по-своему благодарна. Это дело навигаторов. Это настолько дело навигаторов, насколько вообще возможно.

— Мы можем ее использовать? — треснул в воксе голос Ксарла.

Он ничего не видел, и все же его болтер следовал за каждым движением существа в бассейне.

Октавия не ответила.

Навигатор «Яда первородства» обернулась на звук и побрела сквозь грязь на деформированных конечностях, пуская слюни и улыбаясь. Она доползла по слизи до края бассейна и протянула вверх руки, уже начавшие превращаться в когтистые плавники.

— Привет.

Голосок ее казался ломким, детским. Так впавшая в маразм старуха говорит голосом маленькой девочки, которой была когда-то. От единственного произнесенного слова по подбородку навигатора заструилась кровь, но Эсмеральде явно понравилось говорить. Ей хотелось сказать больше, — кажется, навигатор сама не замечала, как трудно ей произносить слова.

Октавия прикоснулась к протянутой руке, мягко проведя пальцами по ороговевшей коже.

— Привет, — отозвалась она. — Это

Гурон... привел тебя сюда? Поселил здесь?

Эсмеральда перевернулась в воде. Скрюченная спина не давала ей оставаться долго в одном положении. Когда она шевельнулась, из мути всплыл побелевший человеческий череп и заплясал на пенной пленке.

— Это мой корабль. — Навигатор облизнула изъеденные губы широким черным языком. — Это мой корабль.

Октавия попятилась.

— Нет, — сказала она. — Использовать ее мы не сможем.

Пять болтеров с идеальной синхронностью открыли огонь.

Она ни за что не спустилась бы в эту воду.

Октавия села у двери, привалившись спиной к сырой от вечной влажности стене.

— Я могу управлять отсюда.

Талос, учитывая обстоятельства, не стал возражать.

— Я оставлю Узаса и Ксарла приглядывать за тобой.

Девушка кивнула, но благодарить не стала.

Марух все еще с ужасом таращился на то, что лицом вниз болталось в покрасневшей грязи бассейна.

— Трон Бога-Императора! — в четвертый раз повторил он.

— Он не был богом, — сказал Кирион с ноткой раздражения в голосе. — Я знаю. Я встречался с ним однажды.

Когда Октавия закрыла глаза, комната стала еще отвратительнее. Навигатор видела теперь то же, что и Эсмеральда, — целые слои злокачественной, пузырящейся скверны, облепившие все вокруг. Море Душ и раньше билось о корпус этого судна, но болезнь еще не пустила в нем корни. Зараза пришла сюда вместе с командой, а не проросла в железных костях корабля.

Поначалу машинный дух отпрянул от нее, несмотря на всю его мощь. Застонав, Октавия потянулась к запястью и подкрутила имплантированный в тело разъем, плотнее соединив его с кабелем

интерфейса.

Ты не мой навигатор, — сказал ей машинный дух, точно так же как когда-то сказал «Завет».

Его голос был глубже, но более сдержан.

Нет, твой, — повторила она те же слова, что много месяцев назад сказала другому кораблю. — Меня зовут Октавия. И я буду обращаться с тобой с большим уважением, чем любой из твоих прежних навигаторов.

Подозрение. Недоверие. Блеск когтей в глубине сумрачного сознания.

Почему?

Потому что так меня воспитал отец.

В мысли девушки вторгся чужой голос:

«Прыгай!»

Маг, Рувен, на «Завете».

«Октавия! Прыгай!»

Нам пора в путь, — сказала она «Эху».

Покажи мне дорогу.

«Сейчас же!»

Сейчас.

Сейчас.

На краю армады Красных Корсаров два корабля с расчетливой точностью запустили двигатели. Оба они двинулись вперед, набирая скорость. Их курсы совпадали, как и их контуры.

Эскадрильи эсминцев уже шли на перехват. Несколько других крейсеров разворачивались — их капитаны собрались перерезать дорогу набиравшим скорость беглецам.

Перед обоими древними ударными крейсерами космос разверзся дырой. Их бронированные носы пронзили ткань бытия, переходя из одного мира в другой. В двойной ране вскипел водоворот цвета безумия и боли, и нарыв в реальности прорвался, проглотив оба судна.

Дрожь прошла по кораблям преследования. Реальность залечила раны. Капитаны на мостиках разразились проклятиями, обнаружив, что их орудия направлены в пустоту.

«Завет крови» вскоре вырвался из

варпа. Теперь крейсер Повелителей Ночи и флот Корсаров разделяло несколько звездных систем, как и планировал его капитан.

Пройдет целая вечность, прежде чем преследователи сумеют обнаружить их след в варпе, — тем более что Вилам и так захлестнули волны имматериума после недавнего прибытия огромного флота.

Вдали от коронального выброса системы корабля ожили и быстро набирали энергию под облегченные вздохи команды.

— Аустик — есть.

— Вокс — есть.

Но Вознесенный почти не слушал. Приподнявшись с трона, демон уставился в черноту.

— Где «Эхо проклятия»?

XXIII
ОТСРОЧКА

Крейсер «Эхо проклятия» замедлил ход. Инверсионный след двигателей туманной дымкой рассеялся в пустоте.

Талос пока так и не сел на трон. Пророк не был уверен, что ему этого хочется. Вариил обрадовался, увидев его на командной палубе, — настолько, насколько Вариил вообще был способен чему-то радоваться.

— Расскажи мне, как все прошло, — попросил Талос. — Мы захватили корабль, не встретив никакого сопротивления. Как тебе это удалось?

— Сначала я попытался вышвырнуть Корсаров в космос, — признался апотекарий. — Когда это не удалось, я решил посадить их под замок.

— Где?

— В ангарах. Они попытались вырваться, дав залп из главного орудия «Поборника».

Талос просмотрел записи с пикт-камер ангаров. Две стартовые площадки были пусты, но что касается двух других... Пророк медленно перевел взгляд на бывшего Корсара.

— Это объясняет дыры в корпусе, — заметил Кирион, заглянув через плечо Талоса.

— Полагаю, вокс близкой связи работал и они выстрелили одновременно в двух ангарах. Результат, как видите, вполне соответствует тому, чего можно ожидать от «Разрушителя» на такой прискорбно малой дистанции.

— Но это сработало, — подал голос Меркуций.

— Если ты о двух дырах в корпусе, то да, их действия привели к

сокрушительному успеху. А если о том, что взрыв и ударная волна прикончили примерно четверть из них, то результат чуть менее впечатляющий.

Кирион втянул воздух сквозь сжатые зубы. Поскольку динамик шлема был включен, вырвавшийся звук сильно напоминал шипение гремучей змеи.

— Ты имеешь в виду, что они отправились прогуляться по внешней обшивке через пробитые дыры?

— Да. Калеб вывел их наружу. Он, без сомнения, искал подходящую точку входа, чтобы разрезать броню силовым оружием и проникнуть обратно внутрь.

Талос негромко хмыкнул.

— Значит, они были на обшивке, когда мы прыгнули.

— Определенно так. Я следил за теми, что оказались в радиусе действия внешних камер. Было крайне поучительно видеть, как сначала броня, затем плоть, а затем и сами кости растворяются в Море Душ. Скорость, с которой волны варпа ободрали их до костей, заставляет вспомнить о собственном ничтожестве

перед величием Вселенной. Большинство не смогло удержаться на корпусе при первом же ударе волны. Но мне удалось понаблюдать за несколькими случаями, когда водовороты нечистой психической энергии практически растащили людей на атомы.

Даже Кирион передернулся.

— Кровь нашего отца!.. — Талос покачал головой. — Вариил, это жестокий способ лишить человека жизни.

Апотекарий смерил его задумчивым взглядом.

— Я надеялся, что тебя это впечатлит.

— Впечатлило, — согласился Талос. — Сожалею лишь, что сам до этого не додумался.

Пророк обернулся к вокс-консоли и трем стоявшим там офицерам.

— Вызовите «Завет крови».

Командующий офицер откинул капюшон. Похоже, он решил, что традиционный алый цвет униформы рабов Корсаров более неуместен, учитывая новых хозяев корабля.

— Господин, «Завет крови» вне зоны действия вокса.

— Проверьте аспик, — велел Талос. — Мы не могли появиться раньше их — прыжок был слишком коротким.

— Господин, аспик-скан показывает, что рядом нет ни врагов, ни союзников. Мы в глубоком космосе.

— Проведите еще один скан. Мы должны были выйти из варпа в системе Регаса.

Мастер аспика проверил свой инфопланшет. Секундой позже он перевел данные на гололитический стол. Опознавательная руна «Эха», золотая и одинокая, вспыхнула далеко от любых значимых объектов. Даже ближайшая звезда была в миллионах километров от них.

— Мы примерно в двух часах полета от Регаса, господин.

Все воины Первого Когтя одновременно выдохнули одно и то же имя:

— Октавия!

Вздрогнув, она отсоединилась и

обнаружила себя там, где ей меньше всего хотелось находиться. Каждый глоток сырого воздуха оставлял в легких маслянистый, металлический привкус мокроты. Тело Эсмеральды и ее бассейн с гнилью насытили атмосферу острым запахом старой болезни.

Октавия промокнула глаза рукавом. Девушка все еще чуть заметно дрожала от рвения, проявленного «Эхом». Когда она открылась машинному духу, тот ответил ей полной взаимностью, с яростным напором рванувшись вперед. Навигатор подумала о лошади, нещадно истерзанной прошлым хозяином, которая рвется побегать на свободе — так, словно одно это сотрет старые шрамы со шкуры. «Эхо» ринулся вперед от легчайшего прикосновения ее сознания, движимый схожим отчаянием: как будто, оставив между собой и Мальстремом бездны космоса, он наделся избавиться заодно и от унижений недавнего прошлого.

И так же как норовистый жеребец, поначалу корабль почти не поддавался контролю. Он хотел мчаться — не важно

куда. Октавия ухитрилась направить его кипучую резвость в более-менее нужное русло, но подозревала, что они все равно изрядно отклонились от курса.

Талос, вероятно, будет разочарован, но сейчас она не могла заставить себя переживать по этому поводу.

Октавия вновь повязала бандану. Как и с другими предметами ее одежды, и с остальной комнатой, запах повязки был чем-то средним между терпким и совершенно отвратительным.

— Госпожа.

Пес дохромал до нее и тяжело плюхнулся рядом на пол. В прерывистом дыхании маленького человечка навигатор могла уловить рваный ритм его сердцебиения. В мертвенном полусвете бассейна он выглядел еще более бледным, нездоровым и старым.

— Я устал, — сознался служитель, хотя Октавия не спрашивала. — Устал бежать по кораблю, чтобы не отстать от вас. Это меня утомило.

— Благодарю за то, что остался со мной.

— Не надо благодарить. Я всегда буду с вами.

Девушка обхватила рукой его сгорбленные плечи, придвинулась ближе и, уткнувшись в рваный плащ слуги, тихо заплакала.

Пес неловко обнял ее забинтованными руками.

— Когда-то у меня была дочь, — негромко проговорил он. — Ее голос звучал так же, как у вас. Мягко. Печально. Сильно. Может, она и выглядела так же, как вы. Я не знаю. Никогда ее не видел.

Октавия хлыкнула сквозь слезы.

— Все равно сейчас я выгляжу неважно. — Помолчав, девушка чуть улыбнулась. — У меня черные волосы. У нее тоже были черные волосы?

Тонкие, потрескавшиеся губы Пса сморщились в улыбке.

— Она была нестраткой. У всех с Нестрато черные волосы.

Навигатор набрала в грудь воздуха, чтобы ответить, но служитель прошептал:

— Ш-ш-ш. Госпожа, кто-то идет.

Дверь открылась, и на пороге показался Септимус. За его спиной виднелись Ксарл и Узас, стоявшие в карауле дальше по коридору. Девушка услышала щелчки из их шлемов, — без сомнения, легионеры опять спорили по закрытому каналу. Ксарл, похоже, пытался что-то доказать. Узас его игнорировал.

— Кажется, — неохотно проговорил оружейник, — мы промахнулись мимо цели. Талос хочет, чтобы ты приготовилась ко второму прыжку.

Не сказав ни слова, Октавия взялась за соединительный кабель. До тех пор, пока она не достигнет полного слияния с кораблем и пока не установят командный трон, придется довольствоваться этим.

Брекаш из Кровоточащих Глаз шел по коридору. Он передвигался на двух ногах, но через каждые несколько шагов останавливался, чтобы принюхаться к спертому воздуху. Как и Первый Коготь, Кровоточащие Глаза высадились на «Эхо», обнаружив мало добычи и еще меньше сопротивления.

Брекаш снова замер, принюхиваясь к левой стороне коридора.

Что-то скреблось в стене. Что-то с когтями.

Брекаш испустил из-под решетки шлема вопросительное ворчание — нечто среднее между настоящей речью и птичьим клекотом.

В ответ раздалось приглушенное металлической переборкой рычание. Кто-то угодил в ловушку в железной шкуре корабля? Возможно, паразит.

Брекаш не был уверен, как ему поступить. Он раздраженно и неохотно потянулся к цепному мечу, но не нажал на руну активации. Из стены донеслось еще одно рычание, а затем три глухих удара, словно кто-то стучал с той стороны по металлу костяшками пальцев.

Раптор ответил тем, что со скрежетом провел по переборке когтями перчатки, как будто предостерегая обитавшего там мутировавшего паразита.

— Люкориф, — передал он, — здесь в стене... какая-то штука.

Вождь Кровоточащих Глаз прервал свой обход заросших грязью палуб «Эха».

— Повтори, — передал он.

Следующее сообщение исказили помехи, и Люкориф насмешливо прокаркал в микрофон вокса:

— Ты кидаешься на тени, брат.

Брекаш ответил серией нарастающих пронзительных воплей — самым позорным звуком, который Люкориф когда-либо слышал от раптора, потому что он имитировал испуганный крик нострамского кондора.

Затем, с последним хрустальным звоном, связь оборвалась.

— Ловец Душ, — сказал по воксу командир рапторов, — что-то охотится на нас на этом корабле.

Воин, называвший себя Калебом Валаданом — среди множества других титулов, заработанных на службе тирану Бадаба, — не умер той славной смертью, которую всегда предвкушал. Не было ни груды мертвых врагов, чтобы гордо

стоять на ней, истекая кровью, ни восхищенных голосов его братьев, возносящих хвалы погибшему герою.

В последние секунды жизни у него не оказалось даже меча в руке, словно он был беззубым стариком на больничной койке, а не чемпионом, сражавшимся в величайших битвах на протяжении двух веков.

В момент своей смерти Калеб запомнил лишь два ощущения. Первое — боль. Второе — огонь.

Он не мог понять, где кончалось одно и начиналось другое и была ли вообще между ними разница, учитывая обстоятельства его смерти. Но их он запомнил лучше всего.

Корабль вошел в варп.

Калеб знал, что это произойдет. Все они знали: звезды начали корчиться в своих глазницах из трака, и из железного сердца корабля вырвался стон. Несколько его воинов спрыгнули с корпуса, как моряки, бегущие с тонущего судна. Они предпочли бесконечность космоса и смерть холода объятиям Моря Душ.

Только что Калеб стоял на обшивке с

топором в руке и рубил скользкий металл, чтобы пробить дорогу внутрь. А уже в следующую секунду он тонул, захлебываясь в жидком пламени, задыхаясь, пока огонь пожирал его снаружи и жег изнутри. За одно мгновение он успел умереть десятки раз и ощутил каждую из смертей.

А с ним и его братья. Когда раскаленное ведьмино варево захлестнуло корабль, накрыв их всех, Калеб успел увидеть, как большинство из них теряет опору. Воины, бок о бок с которыми он прослужил десятки и сотни лет, кувыркаясь, уносились в кипящее безумие варпа. Крича, они растворялись в Море Душ. Несколько задержались — их призрачные оболочки цеплялись за каркас из горящих костей, пока бушующие волны не поглотили самое вещество их душ. Варп уничтожил даже это, прежде чем унести останки в бездну ревущих валов.

Но Калеб держался. Раскаленный прилив выдернул топор у него из рук, потом сорвал с тела доспехи, но он продолжал держаться. Тогда варп содрал мясо с его костей и вырвал душу из плоти —

– и все же он не разжал пальцев.

А затем явилась тень, настолько огромная и черная, что затмила даже призрачный свет имматериума.

Калеб открыл глаза и снова увидел звезды. Настоящие звезды, мерцающие шары отдаленных солнц, горящих в ночи, и корпус корабля у себя под ногами.

Он не был мертв. О, совсем не мертв! Его облекал керамитовый доспех Корсаров, а рука сжимала топор.

Однако он был один. Совсем один на железной шкуре корабля, с оружием в руке, но не брат никому.

Калеб рубил, рубил и рубил, с каждым ударом силового топора проникая все глубже в нутро корабля.

Первую жертву он настиг всего через несколько минут. Когда этот когтистый, пронзительно визжащий воин умер, Красный Корсар рассек тело на покрытые керамитом ошметки и дрожащими пальцами запихнул куски мяса в рот.

Недостаточно. Совсем недостаточно. Он все еще был голоден.

Он чуял какой-то запах – манящий, но

неуловимый, повисший в коридорах корабля. Калеб медленно вдохнул, смакуя аромат и почти ощущая его на вкус. Что-то затронутое варпом, горьковато-сладкое в своей попытке противостоять скверне, и с самой редкой, самой восхитительной кровью, встречающейся среди людей. Каждая капля драгоценной жизни, выжатая из этого сердца, станет божественным нектаром.

Красный Корсар звериной пробежкой помчался вперед.

XXIV
ВАНДРЕД

Вознесенный терил шагами мостик. Его многосуставчатые пальцы то сжимались в кулаки, то разжимались, словно венчик уродливого цветка.

Чернецы — все семеро атраментаров, оставшихся после смерти Враала на Крите, — собрались в стратегиуме рядом со своим господином и повелителем, потому что их господин и повелитель пребывал в самой черной ярости.

Один из терминаторов вскинул на плечо огромный двуручный молот, взгромоздив тяжелый боек на наплечник. С

наплечника щерился свирепый нострамский лев. Свет, отражающийся от молота, окрасил глаза хищника золотом.

— Пророк не предавал вас, господин.

— Ты этого знать не можешь, Гарадон.

Вознесенный все еще вышагивал взад и вперед, сгорбив массивные плечи. От каждого его шага по палубе пробегала дрожь. Команда забеспокоилась: их вождь редко слезал с трона, кроме тех случаев, когда не мог дотянуться до объекта своей ярости.

— Мы не можем торчать здесь до бесконечности. Они выследят нас... и настигнут. У Гурона есть заклинатели варпа, способные прозревать в Море Душ.

Малек, чемпион атраментаров, развлекал себя тем, что каждые несколько минут активировал силовые когти, проверяя их готовность. Они молниями выскакивали из пазов на тыльной стороне перчаток — лишь затем, чтобы после короткой проверки снова скользнуть внутрь.

— У вас тоже есть заклинатель

варпа, господин.

Вознесенный сплюнул на палубу кислотой, отвергая саму идею.

— Рувену удачно удаются только три роли: колдуна, предателя и бесполезного тешка с дерьмом. Если окажется, что я променял истинного провидца, навигатора и три дюжины рапторов на Рувена... — Вознесенный харкнул снова, и офицер палубы отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от смертоносного плевка. — ...тогда я окончательно потеряю терпение, — завершил демон. — А те, кто вокруг меня, потеряют немало крови.

— Ауспик засек какой-то объект, милорд.

Мостик огласился хлюпающим рыком Вознесенного:

— Наконец-то они вернулись.

— Второй сигнал, господин. И третий.

Безрукие сервиторы, подключенные к сканеру, забормотали строки бинарного кода. Встроенные в их черепа когитаторы отслеживали приближающиеся суда. Вознесенный уже возвращался к трону,

прислушиваясь к поднявшемуся в стратегиуме шуму.

— Эсминцы типа «Кобра»! — выкрикнул аустик-техник.

Вознесенный облизнулся, словно пытаясь выковырять застрявшие между зубов куски мяса. Язык существа был достаточно длинным, чтобы облизнуть склеру глаз. Временами Вознесенный так и делал, очищая ее. Мутации лишили демона век, но он по ним не скучал.

— Разведчики? — уточнил Малек. — Или авангард флота?

— Узнаем, когда уничтожим их.

Голос Вознесенного вновь наполняла уверенность. Космическая война. Космическая война, в которой они могли выиграть. Трофеи, захваченные после разгрома эскадрильи из трех «Кобр» — если, конечно, корабли будут не слишком повреждены, — равноценны их добыче за целый солнечный год.

— Полный вперед. Поднять щиты, открыть орудийные порты, активировать все лазерные излучатели и артиллерийские батареи.

— Есть! — хором ответили смертные офицеры.

Сам «Завет» поспешил подчиниться. Двигатели взревели, дюзы окутались огнем, выбрасывая в пустоту космоса длинные столбы прометиумных выхлопов.

Корабль теперь рвался вперед, как когда-то, до десятилетий изнурительных крестовых походов и починок на скорую руку, превративших его в развалину со славной историей. С помощью ремонтных бригад Зрачка Бездны и сырья с Ганга Вознесенный достиг ровно того, к чему стремился: годы позора и пренебрежения остались в прошлом, уступив место былой ярости. Они снова стали охотниками. Охотниками пустоты.

Сердце демона забилось чаще в тесной клетке из ребер. Изображения трех кораблей на обзорном экране увеличились, и стали четко видны детали. Борта, турели и орудийные башни эсминцев были окрашены в алый цвет тирана.

— Не цельтесь в их батареи. Я хочу заполучить орудия целыми. Когда они выпустят торпеды, примите удар на

носовые щиты. Если щиты прогнутся больше, чем на треть, возьмите крен на правый борт. Затем нужно будет спикировать к ведущему кораблю и ударить на поражение щитов из лэнс-излучателей. Когда разрежет их строй, дайте залп из бортовых батарей.

В черных глазах демона зажглось множество свирепых желаний.

— Господин, ауспик засек новую цель. Крейсер гибридного типа. И еще один сильный сигнал из варпа... Нет, еще три. Это вторая эскадрилья эсминцев, сопровождающая крейсер...

— Авангард. — Малек выругался сквозь зубы, но динамики его клыкастого шлема превратили проклятие в скрипучий вздох. — Нам надо бежать, господин. «Завет» только что возродился. Если мы выиграем бой, но корабль получит серьезные повреждения, победой это не назовешь.

— Ты начинаешь говорить, как Пророк.

Вознесенный жадно уставился на экран, почти не обращая внимания на Малека.

— Семь эсминцев и толстобрюхий крейсер? Мы прогоним их сквозь строй, как голозадого имперского пехотинца, а сами не получим ни царапины. Но я не собираюсь рисковать. После того как мы уничтожим три передовых корабля, будем держаться на расстоянии, пока диспозиция не прояснится. Я не собираюсь атаковать их в лоб.

Аустик снова зазвенел.

— Господин...

— Говори, недоумок.

— Из варпа вышли еще девять кораблей. Три из них — крейсера первого ранга. И шесть эсминцев класса «Иконоборец» обходят нас с фланга.

Злобная усмешка Вознесенного угасла.

— По местам стоять! Всем Когтям занять оборонительные позиции и приготовиться отразить абордаж. И передайте навигатору, что нам очень скоро понадобятся его услуги.

— Атакующие торпеды, господин!

Вознесенный слизнул с клыков едкую слюну и проговорил слова, которые ненавидел больше всего на свете:

— Приготовиться к столкновению.

На этот раз ее стошнило. Рвота хлынула из нее комковатым потоком, расплывшись по поверхности замутненного кровью бассейна.

— Больше не надо, — выдохнула она, едва способная говорить. — Больше не надо. Пожалуйста. Пока корабль не будет очищен...

Нес вытер ее губы самым чистым уголком плаща. По осквернённому отсеку разнесся голос Талоса, вырвавшийся из вокс-колонок:

— Хорошая работа, навигатор. Пока можешь отдохнуть.

— Быть этого не может, — в ужасе прошептал Кирион. Он медленно стянул с головы шлем, желая взглянуть на экран собственными глазами. — Быть этого не может.

Талос не ответил. На экране кипело далекое сражение, и в центре его билось окровавленное, изодранное, обожженное сердце.

«Завет крови» несся сквозь вражеский строй. Его щиты шли радужной рябью, словно масляная пленка на воде. Судя по ранам на иссиня-черном корпусе, щиты рвались уже не раз. Ожоги протянулись по броне сетью ущелий.

На глазах у Первого Когтя «Завет» еще увеличил скорость и в последний момент нырнул вниз, избегая столкновения с кораблем почти равных с ним габаритов. Неповоротливое вражеское судно попыталось развернуться, но остроносый крейсер проскользнул под ним и нацелил батареи правого борта в брюхо противника. Все бортовые орудия «Завета» выпалили почти в упор по крейсеру Корсаров. Концентрированные потоки плазмы и лазерного огня ударили в киль вражеского корабля.

— Ит конец, — тихо сказал Меркуций. — Глядите, братья. Ит конец.

«Завет» не задержался, чтобы посмотреть на гибель противника. Он помчался прочь, разгоняя двигатели до предела. За его кормой крейсер Корсаров перевернулся, затрещал и раскололся вдоль

нижней части корпуса. По всей длине судна расцвели венчики разрывов, словно крейсер, как детскую игрушку, разорвали по швам. Не прошло и нескольких секунд, как корабль превратился в огненный шар, пожирающий сам себя. Огромные башни рушились в пылающее нутро судна. Ударная волна от взрыва плазменных двигателей смела с курса несколько ближайших эсминцев.

— Мастер ауспика, как много вражеских кораблей?

— Двенадцать, господин. Судя по обломкам, четыре уже уничтожены.

Талос впился взглядом в горящий «Завет».

— Разогнаться до скорости атаки и открыть вокс-канал с «Заветом».

Вознесенный играл в опасную игру. Сам демон не владел искусством космической войны. Он был хищником, охотником, убийцей, не знающим равных и не ведающим сомнений. Но он не был воином пустоты.

Командовать кораблем во время

космического сражения означало полностью погрузиться в поток поступающих данных. Бинарные коды и числа, которые выкрикивали офицеры мостика, были расстояниями от и до вражеских кораблей. Эти цифры содержали детальную информацию о крене, тангаже и рыскании каждого судна, а также все тонкости и капризы их потенциальных траекторий в трехмерном пространстве. Вознесенный настроился на это состояние абсолютной концентрации так же, как и всегда прежде: он проник в глубину порабощенного им разума и слой за слоем обнажил притаившееся там человеческое сознание, пока не добрался до нужных сведений.

Воспоминания. Воспоминания Вандреда. Хотя сам Вознесенный ничего не понимал в смертельных головоломках звездных танцев, с помощью воспоминаний он мог вскрыть мозг бывшего владельца этого тела и вволю порыться в его сознании. Когда демон оказывался внутри, у него уходило не больше секунды на то, чтобы овладеть памятью и знаниями

Повелителя Ночи — так, словно они всегда принадлежали только ему.

Вандред обладал неисчерпаемыми запасами таких знаний. При жизни он был непревзойденным космическим воителем. Именно это позволило ему стать капитаном Десятой в первые месяцы после кончины Малкариона.

Вознесенный потрошил разум Вандреда с не меньшим рвением, чем владения Империума. Между двумя этими действиями не было никакой разницы. Сильный отнимал имущество слабого — так уж устроен мир.

Но, отступая все дальше и дальше в глубину их общего сознания, Вандред забирал с собой и воспоминания. Теперь их почти не осталось.

Поначалу это не беспокоило Вознесенного. Повелитель Ночи потрепал демону немало нервов, но его разум можно было по-прежнему безнаказанно грабить. Проблемы начались тогда, когда у тусклой искорки, оставшейся от человеческой души, появилась мерзкая привычка хитрить. Вместо того чтобы безмолвно

и жалко кричать, взывая к братьям о помощи, Вандред молчал. Он уворачивался и прятался от ментальных щупалец, которые Вознесенный запускал в их общий мозг. Он скрывал самые ценные и нужные воспоминания, закапывал их вглубь и защищал с утомительным упорством.

Но и тогда Вознесенный отнесся к этому спокойно. Демон полагал, что в мозгу Вандреда остался достаточно сильный отпечаток личности носителя. Даже если душа Повелителя Ночи исчезнет навсегда, его воспоминания все равно можно будет извлечь и использовать.

Этот ненавистный им обоим симбиоз с уклоном в паразитизм проработал — хотя и сходя постепенно на нет — больше столетия...

...до того момента, пока шестнадцать судов Красных Корсаров не вырвались в реальное пространство и не навели орудия на «Завет крови».

Взгляд Вознесенного был прикован к гололиту с постоянно обновляющимся потоком данных. Хотя демон и понимал

их значение, мерцающие руны очень мало говорили ему и не давали никакой пищи для выводов и прогнозов. Теперь, когда сознание Вандреда не облекало собственный разум демона, бессмысленные поступки низших существ — этих жалких созданий из плоти — практически не поддавались расшифровке.

Атаковать. Уничтожить. Ограбить. Эти слова Вознесенный понимал. Базовые принципы космической войны были ему ясны. Однако демону недоставало знания логистики и стратегии, искусства делать прогнозы и принимать тактические решения, определявшие исход любого сражения.

Вражеские корабли приближались.

Вознесенный привычно погрузился в разум Вандреда... и не обнаружил ничего.

Смертные офицеры начали засыпать его вопросами и требовать приказов. Вознесенный заткнул команду гневным рычанием и вновь обыскал их общий с Вандредом мозг. Ничего. Ни одного воспоминания. Повелитель Ночи все еще прятался — или пропал навсегда.

В материальном мире прошло несколько секунд. В собственном сознании демона на это потребовалось куда больше времени, однако в конце концов когти Вознесенного сомкнулись вокруг истаявшей души Вандреда. Повелитель Ночи почти не сопротивлялся — его личность уже была на грани исчезновения, и у него просто-напросто не осталось сил.

Не важно. Вознесенный извлек из умирающего сознания необходимые ему сведения, слив собственный разум с чужой памятью. Это был давно установившийся ритуал между полумертвой жертвой и падальщиком — даже на Крите, где атака «Завета» произвела впечатление на самого магистра войны.

И, как всегда, тонкие ручейки жизненного опыта Вандреда потекли в широко распахнутую пасть Вознесенного.

Битва будет проиграна.

Вознесенный погибнет — здесь и сейчас, и его душа вновь отправится в бурлящий водоворот варпа. Ему придется влачить дни в небытии, пока не подвернется другой подходящий носитель.

Демон впился в угасающую душу, высасывая из нее последние соки в тщетных поисках ответов.

Угольки сознания Вандреда насмешливо замерцали. Против шестнадцати кораблей «Завету» не выстоять. Даже четыре вражеских крейсера — это гарантированное взаимоуничтожение. Корабли сопровождения сдвигают баланс в их пользу.

Ложь!

Вознесенный не собирался умирать. Он не умрет!

Чего ты хочешь от меня, демон? «Завет» — принц среди кораблей, рожденный в лучшую эпоху. Но и он не является неуязвимым. Ты десятилетиями разрушал этот корабль, одну систему за другой, лишь для того, чтобы окончательно потерять его всего через несколько дней после воскрешения.

Теперь Вознесенный запаниковал. Игнорируя вопросы команды, он истошно рылся в воспоминаниях, пытаясь найти хоть что-то, хоть мельчайшую зацепку,

чтобы спасти собственную шкуру. Впервые за столетие демон дал слабину. И тут, на какой-то краткий и ужасный миг, он почувствовал, как Повелитель Ночи улыбается.

Вандред вложил в удар все, что старательно прятал эти годы. Воспоминания о братстве, о битвах под пылающими небесами, о победах в космических дуэлях во имя легиона, за который он был готов умереть в любую секунду. Все богатство человеческих эмоций и опыта, от полузабытых детских страхов до гордости убийцы, обагрившего кровью бледную плоть.

Воспоминание за воспоминанием, ощущение за ощущением хлынули в их общий разум. И ни одно из них не принадлежало Вознесенному.

Вандред закричал. Крик зародился в его сознании...

...и ревом вырвался из чудовищной пасти.

Первым, что поразило его, была необходимость дышать. Боль. Легкие жгло огнем. Ощущения захлестнули его,

словно он только что вырвался из тесноты материнского лона на простор яркого и холодного мира. Он снова взревел, но на сей раз рев перешел в торжествующий смех.

Корабль вокруг него содрогался, уже получив повреждения. Корсары были хитрыми ублюдками: они знали, куда целиться. Не пройдет и пары минут, как вражеский огонь превратит варп-двигатели «Завета» в кучу бесполезного хлама.

Если Вандред попытается бежать, он лишь ускорит собственную смерть и станет легкой добычей.

Второй вариант был на самом деле единственным. Держаться. Дать бой.

— Комендор-офицер Джован! — прорычал он сквозь львиную усмешку.

Услышав такое обращение, человек вздрогнул.

— Господин?

Вандред махнул рукой в сторону гололита, стараясь не обращать внимания на когтистый кошмар, в который превратилась его правая кисть.

— Мы начнем с крейсера типа

«Убийство», Джован. Готовь лазерные излучатели.

«Завет» горел, но продолжал бой.

Орудийные порты в его бортах превратились в черные уродливые шрамы, протянувшиеся вдоль корпуса. Охладительные системы двух основных двигателей расплавились, окутав огнем инженерные палубы и послужив причиной безвестной гибели множества рабов. Зубчатые укрепления и башни верхней части корабля снесло массированным огнем противника. Та же судьба постигла и кормовые бастионы. На обшивке вряд ли остался хоть один квадратный метр брони, не превратившейся в обгорелое, испещренное пробоинами месиво. Большая часть судна была окутана призрачным, теряющимся в вакууме пламенем, а из разломов в корпусе в космос утекали вода и воздух. Первая замерзала, превращаясь в потоки ледяных кристаллов, а второй рассеивался, исчезая в безвоздушной пустоте.

Фрегат «Лакхезис» лишился

половины надстроек — его реактор взорвался, распоротый носовыми излучателями «Завета». Спустя полминуты ударный крейсер протаранил гибнущий корабль. Врезавшись в уцелевшую часть корпуса, он отшвырнул вражеский фрегат в сторону, словно стахивая мошку.

Даже охромев, с переломанными ногами и пылающей шкурой, боевой корабль Повелителей Ночи все еще рвал когтями добычу, до которой мог дотянуться.

Крейсер «Лабиринтин», лишившийся теперь последнего корабля сопровождения, с ревом спикировал на теряющий скорость «Завет». Залп из плазменных пушек, подкрепленный копьями лазерного огня, обрушился на жертву внизу. «Завет», слишком искалеченный, чтобы бежать, накренился и приготовился отплатить врагу последним яростным ударом лазерных излучателей.

«Лабиринтин» снова дал залп.

И промазал.

Вся мощь его батарей бессильно разбилась о мерцающие щиты другого

боевого корабля — двойника умирающего «Завета», в точности похожего на него габаритами и смертоносной грацией. Пришелец вклинился между двух крейсеров, вынудив их отпрянуть в стороны и вызвав вой тревожных сирен на обоих мостиках.

После того как новоприбывший принял на свои щиты смертельный удар, он ответил сокрушительным огнем бортовых лазерных батарей. Щиты «Лабиринтина» схлопнулись, и корабль отчаянно накренился на правый борт, пытаясь избежать еще одного залпа.

Из шипящих и трещащих динамиков на мостике «Завета» вырвался голос:

— Это Талос из Восьмого легиона, корабль «Эхо проклятия».

По волнам терзаемого помехами вокса полетел скрипучий ответ:

— Как забавно. Но ты должен был остаться в стороне, Пророк. Легиону ни к чему терять два корабля за одну ночь.

Ксарл и Узас пытались разобраться с очередным витком безумия, которым разродился вокс. По меньшей мере

несколько рапторов из Кровоточащих Глаз забили канал связи раздражающе пронзительными воплями.

— Где вы находитесь? — уже не в первый раз спросил Ксарл. — Говорит Ксарл из Первого Когтя. Где вы находитесь?

Вопли снова оборвались. Это повторялось уже несколько раз: сначала разговоры об «охоте на тех, кто сам стал охотником» и «погоне за добычей с мертвой душой», затем гневный орлиный клекот — и тишина.

Ксарл терпеть не мог рапторов.

— Ненавижу этих уродов, — сообщил он, и тоже не в первый раз. — Ненавижу, как они говорят, как они думают и как преподносят эту байку о том, что первыми взобрались на стены Императорского Дворца.

Узас не ответил. Он тоже пытался вслушаться в крики рапторов.

— Их охота складывается неудачно, — задумчиво протянул он.

— Спасибо за перевод, брат. — Ксарл потянулся к ручному воксу и нажал руну

активации. — Жди. Я скоро вернусь.

Узас наклонил голову.

— Талос приказал нам обоим оставаться здесь.

— Ты учишь меня, как подчиняться приказам? — Ксарл театрально завертел шлемом. — Не вселился ли в тебя кто-нибудь, брат?

Узас промолчал.

— Я скоро вернусь, — повторил Ксарл. — Хочу присоединиться к охоте Кровоточащих Глаз на... на то, за чем они охотятся. Похоже, оно рвет рапторов в клочки, а мне по вкусу такой расклад.

— Я тоже хочу поохотиться, — недовольно проворчал Узас. — Ты оставайся здесь. Я пойду охотиться с этими визжащими идиотами.

Ксарл покачал головой.

— Я так не думаю.

— Почему? — спросил Узас. — Почему я должен остаться, а ты можешь идти?

— Потому что даже в худшие свои ночи я лучший мечник в Когте. А ты носишься с топором, завывая о богах и рубя в капусту собственных слуг.

Не дожидаясь ответа, Ксарл развернулся и зашагал вглубь коридора, громко стуча по палубе подошвами ботинок.

Вандред был одним из немногих, оставшихся в живых на мостике «Завета». Пламя второй кожей покрыло стены и начало пожирать тела тех, кто погиб на боевых постах. Огонь наполовину ослепил капитана Десятой, и в терпком запахе дыма он чувствовал последнее дыхание своего корабля.

Вандред потерял много крови, сочащейся из глубоких рваных ран. Несмотря на всю непомерную силу демонического тела, ему трудно было добраться до трона. Кровь отвратительно пахла и вытекала липкими сгустками, мало похожими на жидкость.

Кроме него, на командной палубе остались одни сервиторы, связанные жестким рабочим протоколом и слепые к любым внешним обстоятельствам. Двое из них горели: стоя у своих консолей, они превратились в два пылающих факела.

Металлические детали плавились, плоть обугливалась и кровоточила. Сервиторы набирали команды для орудийных башен, давно уничтоженных вражеским огнем.

Вандред втащил свое раздувшееся тело на трон, и кровь из ран начала сочиться на черное железо. Корабль снова содрогнулся. Что-то взорвалось в стене с обзорным экраном, испустив струю шипящего пара.

— Талос.

Голос Пророка прерывали помехи, но чудом было уже и то, что связь вообще работала.

— Я тебя слышу, — ответил он.

Вандред сплюнул кровь. Все эти клыки мешали говорить.

— «Завету» конец, брат. Они даже не собираются брать нас на абордаж. Они хотят нашей смерти, и их желание сбудется очень скоро.

Талос рявкнул:

— Беги! Мы прикроем твой отход. Двойной прыжок на этот раз сработает, даю слово.

— Откуда это безумное стремление

потерять оба корабля? «Завет» едва может ползти, не говоря уже ни о каком бегстве. Оставь бесполезный героизм до тех пор, пока не соберешь подходящую аудиторию, брат. Эта ночь еще, возможно, наступит, но не сейчас. Беги ты. Я прикрою твой отход.

— Как прикажешь.

— Продвигайся к тем координатам, что я тебе сейчас вышлю. Не ввязывайся в бой, удерживай противника на расстоянии ударами лазерных излучателей и приготовься к тому, чтобы принять на борт выживших. Повторяю, не вступай в бой. Ты понял?

После паузы из динамиков донеслось:

— Мы сохраним память о тебе, Вандред.

— Лучше не надо.

Окровавленным когтем он оборвал связь и переключился на внутренний вокс корабля. Интересно, сколько людей еще живы и услышат его?

— Говорит капитан. Всем немедленно эвакуироваться на «Эхо проклятия». Всем постам, всем постам...

Захлебываясь, он втянул в грудь воздух.

— Покинуть корабль!

XXV
ПОТЕРИ

Первыми кораблями, вырвавшимися из пылающего остова «Завета», были хищные силуэты боевых катеров легиона. Они устремились в космос, расчерчивая мрак огненными султанами выхлопов и стремясь оставить как можно большее расстояние между собой и обреченным судном.

Талос наблюдал за их беспорядочными маневрами: катера улепетывали без всякого намека на формацию и старались лишь держать курс на спасительное «Эхо».

— Ты унаследовал несколько Когтей, —

– заметил Меркуций.

Талос мог различить катера по изображениям на крыльях. Его занимал вопрос, сумел ли Рувен выпросить себе местечко на одном из них?

Следующими появились гражданские корабли слуг легиона. Нагруженные припасами и беженцами, они выходили из ангаров. Их полет был куда медленнее той отчаянной гонки, которую устроили транспортники Астартес. Единственным исключением был «Эпсилон К-41 Сигма-Сигма А:2», бронированный гроб Делтриана. Обремененный расширенными грузовыми трюмами и утыканный непомерным количеством орудийных башен, он напоминал небольшого зверька, ощетинившегося защитными иглами. «Эпсилон» мчался впереди остальных служебных транспортников, изрыгая пламя из широких турбин. Автоматические артиллерийские установки, покрывавшие его броню, как моллюски шкуру кита, разносили в пыль любую приблизившуюся ракету. Сугубо за счет машинной эффективности транспортник

техножреца спас больше членов экипажа, чем любое другое судно.

Все это время «Завет» продолжал пробиваться вперед. Его предсмертные залпы стегали перегруппировывающийся вражеский флот. Красные Корсары отвечали ударами дальнобойных орудий. Пожары распространились на новые палубы. Несколько челноков команды исчезли в этом огненном инферно, едва успев покинуть ангары.

И наконец пришел черед спасательных капсул, самых малогабаритных и многочисленных из эвакуационных судов, и самых неуправляемых. Они выстреливали в пространство, двигаясь по случайным траекториям. Слишком маленькие, чтобы быть замеченными, и слишком медленные, чтобы надеяться на спасение, спасательные капсулы облаком окружили гибнущее судно.

«Эхо проклятия» бежало, подчиняясь приказу Вандреда. Крейсер вышел из боя и открыл ворота двух действующих ангаров для потерянных душ с «Завета».

Многих беженцев Пророк встретил лично на центральной посадочной палубе «Эха». Во-первых, его озаботило то, что о Чернецах нет ни слуху ни духу. То, что озаботило его во вторую очередь, заставило начисто позабыть о атраментарах, а беспокойство сменилось самой настоящей яростью.

Делтриан спустился по трапу своего транспортника во главе целой процессии сервиторов. Сотня лоботомированных слуг тащила его оборудование. Грузовики на антигравитационной подложке везли отдельные детали самых крупных реликвий — так, Пророк мог поклясться, что видел на одной из платформ руку дредноута. На другой был цилиндр с амниотической жидкостью, где болтался спящий принцепс титана, тот самый, которого Первый Коготь вручил в подарок Делтриану.

Несколько аугментированных слуг, приспособленных для транспортировки промышленных грузов, разбились на группы и тащили тяжелые, но относительно

компактные механизмы. Две такие группы несли обитые железом гробы, и в тусклых глазах сервиторов светилось странное, сосредоточенное благоговение.

Талос, недобро сощурившись, наблюдал за второй группой и их ношей.

Однако прежде, чем Пророк успел перехватить техножреца, дорогу заступил один из братьев.

— Я выжил, Талос! — ликующе воскликнул Рувен. — Какое еще доказательство тебе нужно, чтобы узреть в происходящем перст судьбы? Мы оба будем жить и сражаться бок о бок!

— Минутку, пожалуйста.

Талос обошел его, чтобы получше присмотреться к грузу, который тащили шестеро слуг Делтриана.

— Ты, предательский ублюдок! — шепнул Пророк.

Делтриан на другом конце ангара ничего не услышал и спокойно продолжал инвентаризацию спасенного оборудования.

Вокс Пророка, затрещав, ожил. Это отвлекло внимание Талоса, но ничуть не охладило гнев. На визоре вспыхнула руна

Ксарла.

— Ксарл, ты не поверишь, что сделал Делтриан.

— Поверю или нет, вряд ли мне сейчас есть до этого дело. Тут происходит кое-что поважнее, брат. Кровоточащие Глаза обнаружили нечто на нижних палубах, и оно уже прикончило восьмерых из них.

— Что это?

— Я не успел толком разглядеть, но, по-моему, один из Нерожденных. Причем крайне мерзкий на вид.

Гравитация никогда не мешала Люкорифу в охоте. Преследуя дичь в тесных корабельных коридорах, он, так или иначе, не мог взлететь, а ползти по стенам, потолку или полу — для раптора не имело разницы. Его многосуставчатые когти с равной легкостью цеплялись за любую поверхность.

Повиснув на потолке столовой для рабов, раптор резко дергал головой из стороны в сторону, выискивая малейший признак движения.

Ни шороха, ни запаха крови. Это

ставило охотника в тупик. Подраненная тварь скрылась в столовой, и Люкориф собрал три группы рапторов, чтобы следить за тремя выходами. Он вошел внутрь один и немедленно взмыл к потолку, уцепившись за сталь когтями.

— Я ничего не вижу, — передал он по воксу. — Я ничего не слышу. Я ничего не чую.

— Невозможно, — сердито отозвался Вораша.

— Оно прячется, — прошипел Крайл.

Люкориф медленно пополз по потолку, тихо пощелкивая в раздумье. Глазные линзы его кровоточащей маски вперились в палубу внизу.

Калеб постепенно привыкал к способностям своего нового тела. Пантеон наделил его возрожденную плоть необыкновенной живучестью, как и других своих слуг, но это было еще не все. Одним усилием мысли, напряжением воли Корсар мог изменить саму реальность.

Он знал, что за истинную веру стократно воздастся после смерти, однако

случившееся с ним не было простой одержимостью. Сейчас он вступил в область, доступную лишь демонам. Он обладал дарами, неподвластными простым смертным.

В первую очередь Калеб усвоил, как утихомиривать мух. Они жужжали и гудели несмолкающей тучей, роясь в трещинах и дырах его доспеха. Повелители Ночи выслеживали его по звуку, пока он не научился концентрироваться и усилием воли делать жужжание роя неслышным.

Затем его начали выслеживать по запаху. Вены вздулись и проросли сквозь броню, словно керамит стал второй кожей. Стенки сосудов вздымались и опадали с каждым ударом сердца. От этой живой сети исходил густой запах — его тело не могло больше удержать серную вонь собственной крови. Один из рапторов ухитрился ранить его, вырвав когтями полоски мяса из шеи, но от соприкосновения с воздухом кровь вскипела и начала с шипением испаряться, как концентрированная кислота.

Вне его тела кровь мгновенно сгорела, не оставив и следа, — она не могла существовать в материальном мире.

Прежде чем удушить раптора, Корсар благословил и поблагодарил его. Урок был усвоен. Калеб больше не принадлежал этому миру. Для смертного его силы казались неестественными, однако были совершенно естественны для порожденного варпом воплощения Пантеона. Теперь он подчинялся законам иной реальности.

Следующее умение было самым полезным. Прячась от стянувшихся к его укрытию охотников, Корсар смог стать невидимым для них. В отличие от остальных инстинктивных способностей для этой потребовалась полная концентрация. Калеб повторял имена богов Пантеона и списки деяний, которые совершит в их честь, если они благословят его и позволят настичь истинную добычу.

И похоже, боги вняли ему. Калеб скользил сквозь корабельные переборки, неслышно ступая ботинками по палубе, пока наконец глаза, кончики пальцев и пульс не потянули его в одном

направлении, словно привязанные к невидимым нитям.

Он ослабил концентрацию и возник во плоти в одном из глубинных коридоров корабля. Этот туннель был темнее всех остальных, потому что кто-то недавно изрешетил пулями все люминополосы на потолке.

Калеб развернулся на звук, раздавшийся из-за спины, — очень хорошо знакомый ему звук.

Цепной топор взревел, перемалывая зубьями воздух. Узас перехватил рукоять и сжал оружие в обеих руках, изготовившись разрубить Нерожденного пополам, едва отвратительная туша подползет ближе.

— Отойди, — расхохоталось чудище.

Во рту у него роились мухи.

— Защищать навигатора, — ответил Повелитель Ночи.

Септимус и Марух сбежали внутрь, задраив за собой люк.

— Отойди, — снова приказало существо и шагнуло к нему.

Узас вместо этого на пробу рубанул

воздух, разогревая мышцы.

Узас ожидал грандиозного поединка. Несмотря на окутавший сознание туман, он предвкушал великую битву, которую будет вспоминать со свирепой гордостью до конца своих дней. Он никак не думал, что Нерожденному совершенно плевать на пустую демонстрацию силы, и не предполагал, что тварь просто-напросто одним ударом отбросит его в сторону и исчезнет. Однако именно это и произошло.

Клешня Нерожденного врезалась ему в грудь и с чудовищной силой отшвырнула к стене, оставив в стали двухметровой длины вмятину. Узасу удалось пробыть в сознании еще несколько секунд. Повелитель Ночи попытался встать на ноги, однако пробитый череп и приступ рвоты помешали ему сделать даже это. Удар, способный вырубить легионера Астартес, умертвил бы обычного человека или пробил насквозь обшивку бронированного транспорта. Узас погрузился в беспамятство, все еще кипя от ярости и даже не подумав включить вокс и позвать на помощь.

Люди услышали глухой звон, будто что-то тяжелое ударилось о стену. А затем пришел запах и желтоватый дымок, сочившийся сквозь задраенный люк.

Октавия попятилась вдоль кромки бассейна, держа пистолет в руке. Остальные тоже были вооружены и готовы, хотя и не знали, к чему именно надо готовиться.

— Куда стрелять? — спросил Марух.

Поначалу Септимус ничего не ответил, а потом пожал плечами.

— В голову. Но я просто гадаю.

— Ужас его остановит, — сказала Октавия.

Но даже сама себе не поверила. Голос выдавал ее: она отчаянно пыталась убедить себя, что если Ужас уже убивал призраков, явившихся за ней из варпа, то прикончит и этого, пока Нерожденный еще слаб.

Но тогда надо было признать, что в происходящем виновата она. Она призывала на их головы эту нежить и давала Нерожденным силу всякий раз,

когда открывала око варпа.

— «Завет» проклял меня, — обреченно выдохнула Октавия.

Однако слова вырвались у нее изо рта сдавленным шепотом, которого никто не услышал. Остальные трое смотрели на то, как дым приобретает отдаленно человеческие очертания.

— Думаю, этот звон означает, что Ужас попытался остановить бестию и проиграл, — пробормотал Марух.

Он отступил от двери, поднимая к плечу лазган.

«Завет» превосходил каждый из кораблей флота Корсаров размерами, скоростью и вооружением, но он был один, в окружении врагов и смертельно ранен.

Один из эсминцев решился проскользнуть мимо его пылающего остова и атаковать «Эхо проклятия». «Завет» пресек его поползновения: защищая корабль-близнец, крейсер Повелителей Ночи сбросил за борт варп-двигатель. Эсминец вильнул в сторону. Настолько юркий, насколько возможно для судна его

габаритов, он попытался обогнуть рушащиеся в космос механизмы по широкой дуге.

Это ему почти удалось.

«Завет» выпалил из последней оставшейся кормовой башни, угодив в нестабильный реактор двигателя и спровоцировав взрыв. Космос окрасился фиолетово-белым пламенем — огромным шаром огня, несущегося на гребне ударной волны и охватившего оба судна. Первым был «Магнат», эсминец типа «Кобра». Его окатило ядерным шквалом, смело с курса, а треть команды погибла в течение считаных минут, борясь с пожарами, грозившими поглотить судно.

Вторым был сам «Завет». Сражаясь в одиночку со всем вражеским флотом, он все больше отдалялся от «Эха», но по скорости полумертвый корабль не мог сравниться с крейсерами Красных Корсаров. Держась на безопасном расстоянии, они расстреливали противника из дальнобойных орудий.

Из-за недостатка скорости Вандред не мог разогнаться и пойти на таран

обычным способом. Ему оставалось только прибегнуть к хитрости.

Корма «Завета» целиком утонула в облаке взрыва сброшенного варп-двигателя. Ударная волна врезалась в крейсер, превратив в обломки заднюю часть корпуса и швырнув бронированный нос корабля вперед, словно умирающую акулу, поднявшуюся на гребне волны.

Флот Красных Корсаров дрогнул, перестроился, открыл огонь — но все впустую. «Завет Крови» вонзился прямо в «Небеса Бадаба», пробив борт разворачивающегося крейсера, и оба они исчезли в пламени взрыва, разметавшего остатки флота Корсаров. Все уцелевшие корабли кинулись врассыпную, чтобы избежать детонации собственных реакторов.

Единственными одушевленными существами, услышавшими последние слова Вандреда, были сервиторы командной палубы «Завета» — хотя, как знать, есть ли вообще у этих несчастных душа.

Когда обзорный экран заполнило изображение «Небес Бадаба», Вандред наконец-то уступил желанию, которое преследовало его ежеминутно, ежечасно, еженощно в течение целого столетия. Все это время он вел бой, из последних сил цепляясь за жизнь. А теперь отпустил.

— Надеюсь, тебе будет больно, — сказал он и закрыл глаза.

По телу пробежала судорога. Глаза открылись снова.

Последними словами Вознесенного был нечленораздельный вопль, не выражавший ничего, кроме боли.

Существо обрело очертания. В целом оно напоминало одного из Красных Корсаров.

Все четверо смертных открыли огонь, огласив зал с бассейном сухим треском лазганов. Лучи запрыгали по броне Корсара, рассекая и прожигая керамит, но эффект от выстрелов был минимальный — если не считать горящих мух, градом сыплющихся из ран.

Оружие Пса рявкало более басовито, и

каждый выстрел сопровождался щелчком и звоном выпавшей гильзы. Пули на мгновение разгоняли мух и с чавканьем входили в керамит. Лившаяся из ран кровь отвратительно воняла. Даже после долгих лет, проведенных смертными на борту «Завета», и долгих часов в комнате с трупом Эсмеральды этот смрад ни с чем не мог сравниться. Маруха стошнило, но даже во время приступа рвоты он продолжал стрелять вслепую.

Красный Корсар подбежал, твердо ступая по скользкой палубе, и протянул руку к бывшему чернорабочему. Марух завопил, набрав полный рот мух. Тварь ухватила его за лодыжку и оторвала от пола. Вися вниз головой, Марух все еще продолжал стрелять сквозь мушиное облако. Заряд за зарядом бессильно обжигал керамит.

— Не ты, — сказал ему Корсар.

Нерожденный шваркнул человеком о стену, проломив ему череп, и швырнул обмякшее тело в грязный бассейн.

— Не он.

Псу пришлось перезарядить дробовик.

Служитель попятился, стараясь не оступиться. Все это время его обмотанные бинтами руки работали с удивительной сноровкой, всаживая в магазин патрон за патроном. В ту секунду, когда он закрыл ружье и вставил магазин, Корсар прыгнул на него.

Пес не закричал, не попытался вырваться и не обмочился, в отличие от Маруха, — он позволил поднять себя и, оказавшись на уровне лица монстра, скормил тому ствол дробовика.

Пес не произносил возвышенных предсмертных речей, не отпускал шуток, не заходился отважным смехом. Он сжал зубы, направил взгляд слепых глаз на противника и нажал на спуск. Первый выстрел разнес в порошок клыки чудища и превратил черный язык в мясной фарш. Второй вышиб через затылок все содержимое глотки.

Третьего выстрела не последовало. Корсар вогнал в грудь Пса кулак. Послышался влажный хруст. Затем Нерожденный отшвырнул тело в сторону — с куда большей злобой, чем труп Маруха до

этого. Пес пролетел над бассейном и с тошнотворным треском врезался в противоположную стену и мешком свалился на палубу, где и остался лежать неподвижно.

Септимус стоял рядом с Октавией. Они вели синхронный огонь, но выстрелы практически не причиняли вреда выходцу из варпа.

— Твое око...

— Не сработает, — выдохнула девушка.

— Тогда беги.

Она прервала стрельбу и, превозмогая дрожь, вопросительно взглянула на Септимуса.

— Беги, — снова шепнул он.

Красный Корсар ринулся к Септимусу. Оружейник отступил, продолжая стрелять. Октавия потянулась к закрытому люку. В ту секунду, когда девушка коснулась железа, люк распахнулся.

— С дороги! — взревел Ужас, отбросив ее в сторону.

Октавия упала на спину. Воин

метнул свой топор.

Он все еще мог чувствовать боль.

Хотя огонь лазганов лишь слегка его оцарапал, выстрелы маленького ублюдка вышибли из Корсара дух, лишили речи и заставили корчиться от боли. Это воспламенило его гнев, что было только правильно, но, Кровь Пантеона, это было еще и мучительно.

Топор, врезавшийся Калебу в голову, вызвал такую же резкую, ошеломляющую боль. У Корсара была секунда на то, чтобы застонать, а уже в следующую он осознал, что клинок все еще активирован. Зубья, вонзившиеся в его череп после удара, щелкнули раз, второй... и начали перемалывать плоть.

Боль от выстрела, разнесшего в куски челюсть и горло, мгновенно забылась — по сравнению со стальными зубами, вгрызшимися в череп и превратившими мозг в кашу, прежняя боль была легче комариного укуса.

Тварь взревела, хотя из изувеченной глотки не вылетело ни звука. Голова

Корсара теперь стахивала на разбитую яичную скорлупу, а от шеи остались клочья мяса и кровянистое месиво. Чудовище, озверевшее и ослепленное яростью, отвернулось от Септимуса, чтобы накинуться на своего величайшего обидчика — того, кто причинил ему такую сильную боль. Корсар бросился вперед, к Узасу, но на пути оказался бассейн. Перевалившись через кромку, тварь забарахталась в жиже.

Узас уже палил из болтера. Оружие рычало и содрогалось в его руках, всаживая в тело демона масс-реактивные снаряды. Снаряды взрывались в зловонном туловище, не производя никакого видимого эффекта. Приглушенные звуки этих бессильных разрывов почти обескураживали.

Ксарл возник рядом с братом, держа на изготовку двуручный цепной меч.

— Брось это! — рявкнул он.

— Оно хочет заполучить навигатора, — возразил Узас, снова перезаряжая и целясь.

И чуть не грохнулся на спину, получив бронированным локтем в наличник от

Ксарла.

Узас тряхнул головой, прочищая мозги. Он перевел взгляд с Ксарла на приближающегося демона. Затем схватил Октавию за горло и грубо потащил прочь, следуя в коридор за Ксарлом.

У Калеба не осталось ничего, кроме ярости.

Корсар выбрался из бассейна и вывалился за дверь...

...где его уже ждали. Те, на кого он охотился, собрались в большую стаю. Они скорчились на полу, цеплялись за стены, висели на потолке — двадцать угловатых силуэтов в железных демонических масках. Каждая пара рубиновых глаз сочилась нарисованными красно-серебряными слезами.

Они щебетали, рычали, шипели и отплевывались. Среди них стояли два Повелителя Ночи с взведенными болтерами. Один держал за горло приз Калеба, не обращая внимания на пинки и корчи смертной.

Ее кровь пахла божественно, но Калеб

не мог сфокусироваться на этом дивном запахе. Стая сомкнула ряды, двигаясь со звериной слаженностью. Гнев Корсара иссяк, словно гной, вытекший из проколотого нарыва. Казалось, Пантеон покинул его, почувствовав, что он стал бесполезен.

Калеб попытался призвать обратно свои силы: вновь пробудить в себе гнев, забыть про боль и напоить мускулы новой мощью.

Люк за спиной Корсара закрылся, отрезав его вместе с раптором. Оглянувшись через плечо, Калеб увидел, как их закованный в броню вожак свесился с потолка и запер дверь когтистой клешней.

— Я съем твои глаза, — посулил Люкориф.

Все рапторы прыгнули одновременно.

Говорить было трудно, но она постаралась.

— Пес? — прохрипела она, борясь с болью в горле. — Пес, это я.

Октавия перевернула его. Служитель никогда не отличался ростом и красотой,

но сейчас от него осталось и того меньше. Девушка взяла трясущуюся руку раненого в ладонь и сжала пальцы.

— Я устал, госпожа. — Его голос звучал так же слабо, как и ее собственный. — Спасибо вам за имя.

— Пожалуйста.

На глазах у нее выступили слезы. Слезы по мутанту-еретику. Ох, если бы отец видел ее сейчас...

— Благодарю за то, что заботился обо мне.

— Здесь темно. Так же темно, как на Нострамо. — Он облизнул распухшие губы. — Чудовище мертво? Вы в безопасности?

— Да, Пес. Оно умерло, и мне ничего не грозит.

Пес улыбнулся, стиснув грязными пальцами ее руку.

— Идет дождь, госпожа, — чуть слышно хмыкнул он.

Октавия вытерла свои слезы с изрезанного лица служителя, но он был уже мертв.

XXVI
ПОСЛЕ БОЯ

Ужас повернулся к открывающейся двери. Он стоял в центре крошечной кельи, глядя на стену и размышляя о запахе крови, о ее маслянистой пленке на пальцах и на лице и о ее горьковатой сладости, обжигающей и дразнящей язык и губы. В этом запахе, вкусе и ощущении скрывалось имя бога. Бога, которого он ненавидел, но чтил, поскольку бог означал власть.

— Я знал, что ты придешь, — сказал он тому, кто встал на пороге. — После Вилата. После того, что ты сказал в крепости. Я знал, что ты придешь.

Брат вошел в тесную келью — спартанское эхо прежней комнаты Узаса на борту «Завета». Если честно, воссоздать настолько неуютную обстановку было совсем несложно — здесь недоставало лишь груды черепов, костей и старых свитков в углу.

— Я не убивал его, — пробормотал Узас. — Это имеет значение?

— Имело бы, будь это правдой.

Узас понурился. Обвинение рассердило его, но настоящая злость, не говоря уже о ярости, покинула воина этой ночью. Он не спорил и не буйствовал — к чему сопротивляться неизбежному?

— Я не убивал Аркию, — сказал Узас, тщательно выговаривая слова. — Больше я тебе этого не повторю, Талос. Дальше делай как знаешь.

— Аркия был последним в длинной цепочке, брат. До него умерли Кзен, Триллат и Фарик. А до них Ровейя. А до нее Джена, Керрин и Уливан. Ты больше века истреблял смертных из экипажа «Завета», и на тебе вина за гибель Третьего Когтя. Я не позволю тебе

продолжать в том же духе на «Эхе проклятия».

Узас выдавил смешок.

— Я должен взять на себя вину за все убийства, что когда-либо происходили на священных палубах «Завета»?

— За все? Нет. Но на твоих руках кровь многих и многих. Ты этого отрицать не можешь.

Он и не отрицал. Отрицание все равно не принесло бы ему ни малейшей пользы и не спасло бы жизнь.

— Что ж, суд состоялся, и приговор вынесен. Приведи его в исполнение.

Узас опустил голову, чувствуя, как оба сердца забились чаще. Вот... вот и все. Его голова скатится с плеч. И больше не будет боли. Никогда, никогда больше.

Но Пророк не притронулся к оружию. Тишина заставила Узаса выпрямиться и взглянуть на брата в тупом изумлении.

— Ты был подвергнут суду, — Талос произносил слова столь же тщательно, как Узас, отрицавший убийство Аркии, — и отныне связан законом легиона.

Узас стоял неподвижно, не говоря

ничего.

— Приговор обвинительный. Ты покрасишь перчатку в красный цвет, в знак последней присяги грешника, и когда твой господин потребует у тебя отдать жизнь, ты подставишь горло под его клинок.

Узас фыркнул и едва не расхохотался. К этой традиции прибегали редко даже во времена былой славы легиона, и он сильно сомневался, что хоть одна банда пронесла давний нострамский обычай сквозь столько веков. На Нострамо членов банд или преступных синдикатов иногда приговаривали к «отсроченной казни», чтобы они могли перед свершением правосудия искупить грехи. На их родной планете приговоренным татуировали ладони, а в легионе старая традиция приняла более простую и наглядную форму — преступникам перекрашивали латные перчатки. Покрасить перчатку в красный цвет грешников означало показать окружающим, что ты живешь лишь благодаря терпению своих братьев и что тебе никогда не будут доверять снова.

— Почему просто не казнить меня?

— Потому что ты должен заплатить долг легиону, прежде чем тебе будет дозволено умереть.

Узас обдумал это — настолько, насколько оставался способен что-либо обдумывать.

— Другие требовали моей смерти, так ведь?

— Да. Но возглавляю вас я. И ответственность за решение лежит на мне.

Узас взглянул на брата и, помедлив, кивнул.

— Я слышу и повинуюсь. Я выкрашу перчатку красным.

Талос развернулся к двери.

— Через час приходи на мостик. У нас осталось еще одно дело.

— Чернецы?

— Нет. Думаю, они погибли вместе с «Заветом».

— Не похоже на Чернецов, — заметил Узас.

Талос пожал плечами и вышел.

Дверь закрылась, и Узас снова остался один. Он поглядел на свои руки и подумал,

что в последний раз видит их облаченными во тьму. Чувство потери было настолько реальным и холодным, что заставило его вздрогнуть.

Затем воин недоуменно завертел головой, пытаясь сообразить, где ему раздобыть красную краску.

Она стукнулась затылком о стену и тихо охнула.

— Извини, — шепнул Септимус.

На глазах Октавии выступили слезы, несмотря на то что девушка то и дело хохотала.

— Идиот, — с ухмылкой выдала она. — А теперь поставь меня на пол.

— Нет.

Ткань его и ее одежды зашуршала, соприкасаясь. Септимус поцеловал Октавию, легонько, чуть ощутимо скользнув губами по ее губам. У его поцелуя был вкус машинного масла, пота и греха. Девушка снова улыбнулась.

— На вкус ты чистый еретик.

— Я и есть еретик. — Септимус наклонился ближе. — Так же как и ты.

— Но ты не умер.

Она притронулась пальцем к уголку губ.

— Вся эта история с поцелуем навигатора оказалась выдумкой.

Септимус ответил улыбкой на улыбку.

— Ты только не снимай повязку этой ночью. Умирать я пока не планирую.

Именно в этот момент дверь распахнулась.

На пороге выросла фигура Талоса. Гигантский воин покачал головой, испустив раздраженный рык.

— Прекратите это, — приказал он. — И немедленно отправляйтесь на мостик.

Октавия заметила несколько своих служителей, крутившихся у ног Повелителя Ночи. Но Пса среди них не было. Остались одни безымянные, те, кто ей не нравился. Девушка поникла в объятиях Септимуса и прижалась головой к его груди, слушая учащенный стук сердца.

Закрывать глаза не стоило. Перед ее внутренним взором вновь предстала

Эсмеральда. И всякое желание умерло в ней, не оставив и следа.

Рувен вошел в зал последним. Он поднял руку, приветствуя воинов Первого Когтя. Те стояли полукругом у гололитического стола.

Трон из почерневшей бронзы, как две капли воды похожий на кресло Вознесенного на «Завете», все еще пустовал. Пустовало и возвышение вокруг трона — бывшая территория Чернецов.

«Это вскоре изменится, — подумал Рувен. — Талос может и отказаться от этого трона, а вот я не откажусь».

Над этим стоило поразмыслить. Пророк никогда не стремился к власти, а Первый Коготь, по всей вероятности, будет за заслуги произведен в Чернецы. На какое-то время они станут неплохими атраментарами — по крайней мере, до той поры, пока из похищенных младенцев-рабов не вырастет новое поколение легионеров.

Рувен оглядел команду мостика, обращая особенное внимание на их

разношерстный вид. Большинство смертных были одеты в мундиры флота с ободранными знаками отличия или в темную униформу слуг Восьмого легиона, однако несколько десятков людей, стоящих у консолей, прежде явно служили Красным Корсарам. Эти носили алые мантии слуг павшего ордена.

Когда Рувен в последний раз шагал по палубам корабля Повелителей Ночи, от экипажа «Завета» несло отчаянием — пьянящей смесью усталости, страха и сомнений, всегда источаемой людьми в присутствии Вознесенного. Практически нектар для заклинателя варпа. Здесь попахивало соленым душком тревоги. Маг почти жалел их, вечно испуганных. Такое существование наверняка было невыносимо.

Он встал рядом с Первым Когтем у гололитического стола. Люкориф тоже торчал неподалеку, горгульей скорчившись на одной из консолей. И два раба, Седьмой и Восьмая. Рувен не удостоил их приветствием. Им вообще здесь было не место.

— Братья. Нам многое надо обсудить.

Теперь, когда мы избавились от унылой паранойи Вознесенного и заполучили корабль, вся Галактика открывается перед нами. Куда мы отправимся?

Талос, казалось, размышлял над тем же вопросом. Он всматривался в полупрозрачные проекции ближайших звездных систем. Рувен воспользовался моментом, чтобы украдкой взглянуть на остальных.

Все воины Первого Когтя смотрели на него. Меркуций гордо выпрямился. Ксарл облокотился о свой гигантский клинок. Кирион скрестил руки на груди. Узас наклонился вперед и оперся о стол костяшками пальцев, закованных в красное по приговору легиона... И Вариил, их новейшее пополнение, — облаченный в полночь, в перекрашенной темно-синей броне. Сжатый кулак Красных Корсаров на его наплечнике разбили ударами молота. Апотекарий все еще не расстался со своим наручем-нартециумом и безотчетно сжимал и разжимал пальцы, заставляя хирургическую иглу выскакивать каждые несколько секунд. Она бесшумно появлялась

из паза и тут же исчезала, пока Вариил снова не сжимал кулак.

Даже рабы уставились на него. Седьмой, со своим механическим глазом и игрушечными пистолетиками, пристегнутыми к тщедушной смертной оболочке. И Восьмая, бледная, изможденная, прятавшая око варпа под черной тканью.

Рувен попятился от стола. Однако Пророк оказался быстрее, и золотой полумесяц в его перчатках со свистом рассек воздух.

Талос стоял над разрубленным телом. Руки мага еще двигались, царапая палубу.

— Ты... — На губах Рувена вспухали кровавые пузыри, заглушая слова. — Ты...

Пророк шагнул ближе. Первый Коготь двинулся следом, как шакалы, почуявшие свежую падаль.

— Ты, — снова пробулькал Рувен.

Талос поставил ботинок на нагрудник мага. Здесь тело Рувена обрывалось — все ниже грудины рухнуло в другую сторону, но верхняя часть

туловища и голова упрямо ползли по полу, не желая умирать. Талос оставил без внимания отсеченные ноги и смотрел только на меньшую половину, еще способную говорить.

Кровь лилась упругим потоком, лужами собираясь вокруг разрубленного туловища, но сильнее всего она хлестала из верхней, размахивающей руками половины. Бесцветные внутренности вывалились из живота, покрытые кровяной пленкой, — умирающее тело не оставляло попыток регенерироваться. При очередном рывке показался кусок кости, соединенный с грудной клеткой. Под ней темнели и пульсировали внутренние органы. Два из трех легких тоже были рассечены пополам одним ударом.

Талос придавил ботинком грудь Рувена, предотвращая дальнейшие бесполезные попытки уползти. Ксарл и Меркуций поставили ноги на запястья мага, полностью прижав умирающего к полу. Жизнь покидала его вместе с кровью, текущей на палубу.

Губы Пророка изогнулись в кривой

улыбке — одновременно искренней и недобро-насмешливой, выражавшей сдержанное торжество.

— Помнишь, как ты убил Секундуса? — спросил Талос.

Рувен моргнул. Рассеченная грудь мага содрогнулась, втягивая воздух в пробитые легкие. Сквозь вкус собственной крови он почувствовал ядовитое железо трофейного клинка Талоса — Пророк прижал острие Аурума к его губам.

— Ты сейчас похож на него, — сказал Талос. — Хрипишь, пытаясь вздохнуть, и пыхтишь, как избитая собака. И выглядишь точно так же — глаза выпучены и моргают, и в них сквозь боль и панику прорезается осознание близости собственной смерти.

Он воткнул меч колдуну в рот. На серебристый металл хлынула кровь.

— Я всего лишь исполняю обещание, брат. Ты убил Секундуса, ты преследовал верных слуг Восьмого легиона, и ты предал нас однажды — как, без сомнения, поступил бы еще раз.

Он оставил меч во рту мага. Рувен

задергался, раздирая в кровь язык и губы. Талос ощущал каждый его рывок.

— Хочешь сказать последнее слово? — ухмыльнулся Ксарл, склонившись над побежденным колдуном.

Невероятно, но тот еще боролся. Рувен бился у них под ногами, отрицая неизбежность смерти, но сила оставила его вместе с пролитой кровью. Почти призванный из варпа иней приковал его пальцы к полу.

Первый Коготь не двинулся с места, пока их жертва не испустила последний шипящий вздох и не затерла неподвижно на палубе.

— Вариил, — тихо позвал Талос.

Апотекарий шагнул вперед.

— Да, мой господин.

— Сдери с него кожу. Я хочу, чтобы его освежеванные кости повисли на цепях над обзорным экраном.

— Как прикажешь, брат.

— Октавия.

Девушка, все это время неосознанно кусавшая нижнюю губу, вздрогнула и сказала:

— Да?

— Возвращайся в свои покои и приготовься вести нас по Морю Душ. Я сделаю, что смогу, чтобы не утомлять тебя сверх меры, но путешествие будет нелегким.

Навигатор вытерла потные ладони о штаны. С ее лица все еще не сошла брезгливая гримаса, появившаяся при виде разрубленного тела Рувена. Вариил, стоявший на коленях рядом с мертвецом, тоже не помогал делу: он уже содрал с тага доспехи и взялся за костяную пилу.

— Куда мы направляемся? — спросила она.

Талос включил проекторы центрального гололита. Холодные звезды отбросили зловещий отблеск на склонившиеся над столом лица и шлемы.

— Я хочу вернуться в Око Ужаса и связаться с другими подразделениями легиона. Но сейчас мне все равно, куда мы двинемся. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда, Октавия. Просто доставь нас туда живыми.

Она отсалютовала первый раз в

жизни: ударив кулаком в грудь напротив сердца — так, как воины легиона салютовали Вознесенному.

— Забавно. — Черные глаза Талоса блеснули отраженным светом фальшивых звезд. — Отправляйся к своему посту, навигатор.

На этот раз она изобразила терранский реверанс, словно стояла посреди бального зала далекой метрополии.

— Есть, мой господин.

Когда Октавия покинула мостик, Талос обернулся к братьям.

— Я скоро вернусь. Если я вам понадоблюсь, ищите меня у техножреца.

— Постой, Талос, — позвал Вариил, но локоть зарывшийся в грудь мертвого предателя. — Что мне делать с его геносеменем?

— Уничтожь его.

Вариил сжал пальцы, раздавив прогеноид в бронированном кулаке.

Зал Раздумий на борту «Эха», также как и Зал Памяти «Завета» до него, звенел

отзвуками божественной машинерии. Трофеи Красных Корсаров кучей валялись на полу. Делтриан собирался провести над ними ритуал очищения, когда у него будет время заняться столь второстепенными делами. А пока что техножрец пристатривал за тем, как целый полк сервиторов размещал на почетных местах священные реликвии легиона.

Потеря каждого артефакта инициировала у него целую серию цифровых паттернов, имитирующих негативные человеческие эмоции, — то, что люди назвали бы «сожалениями». Однако техножрец гордился и тем небольшим количеством оборудования, которое ему удалось спасти с гибнущего корабля.

Если говорить о положительной стороне, то «Эхо проклятия» могло похвастаться отличным помещением для хранения и установки механизмов, необходимых Делтриану в работе. Хотя за те годы, что корабль пробыл в руках Корсаров, по его отсекам и коридорам распространилась гниль, ничего не успело

разрушиться полностью. Тщательный ремонт и аккуратное техобслуживание вернут этому залу былую славу.

Проходя мимо капсулы жизнеобеспечения, Делтриан провел стальным ногтем по стеклу. Примерно так человек постукивает пальцем по стенке аквариума, привлекая внимание живущей там рыбки. Техножрец отстукивал несложный мотив, любуясь одной из истинных жемчужин своей коллекции. Принцепс титана, обнаженный, изувеченный и погруженный в искусственный сон, плавал в амниотической жидкости. Он свернулся в почти эмбриональной позе, согнув ноги и прижимаясь к трубкам системы жизнеобеспечения, подведенным к его внутренностям.

Когда техножрец постучал во второй раз, спящий человек дернулся, словно услышал приветствие. Конечно, это было немыслимо. Учитывая количество наркотиков, циркулирующих в кровотоке принцепса, он находился сейчас в глубочайшей химической коме. Если бы в

нем сохранились хоть проблески сознания, боль, несомненно, была бы невыносимой и почти наверняка свела бы его с ума.

На глазах Делтриана принцепс снова вздрогнул. Техножрец сделал мысленную заметку понаблюдать за своим спящим подопечным в течение ближайших ночей, пока все они привыкают к новому дому. Затем механический человек двинулся дальше.

Сервиторы-погрузчики как раз опускали один из двух спасенных саркофагов в стазис-контейнер. Этот саркофаг... этот саркофаг вызывал у Делтриана определенное беспокойство. Сейчас ими командовал Легионес Астартес Один-Два-Десять, предпочтительное обращение — Талос, и существование именно этого саркофага прямо противоречило его желаниям, высказанным в недалеком прошлом.

Что ж, когда придет время, Делтриан разберется с этим непредвиденным обстоятельством. Техножрец считал саркофаг своей лучшей работой, безупречным отражением

покоящегося внутри воина. Поза выгравированного на отполированной платине Повелителя Ночи совпадала с мифологическими представлениями о рыцарях и героях из как минимум шестнадцати различных культур. Пропорции брони и тела целиком соответствовали исходным. Его покрытая шлемом голова была откинута назад, наводя на мысли о сотрясающем небеса победном крике, а в обеих руках он сжимал по шлему павших противников. Нога героя вдавила в землю третий шлем — символ окончательного триумфа.

Да, все так. Делтриан упрямо гордился именно этой своей работой — особенно чрезвычайно сложными хирургическими операциями, сохранившими жизнь обитателю гроба в тот первый и последний раз, когда тот согласился пройти активацию.

Громадные двустворчатые двери зала распахнулись под вой гидравлики. Техножрец застыл на месте и удивительно человеческим жестом натянул капюшон на лоб.

— Приветствую, Талос, — сказал он, не оборачиваясь.

— Объяснись.

Это заставило его развернуться. Не гнев в голосе Пророка — потому что техножрец не уловил никакого гнева, — но именно подчеркнутая сдержанность требования.

— Я делаю вывод, что вы ссылаетесь на существование саркофага Десять-Три. Правильно?

Сначала взгляд черных глаз Пророка метнулся в сторону, а затем воин развернул голову к украшенному резьбой гробу. Он смотрел на саркофаг ровно шесть с половиной секунд.

— Объяснись, — повторил он, уже гораздо холоднее.

Делтриан заметил, что тембр голоса Пророка свидетельствует об истощении терпения, и решил объяснить все в простейших терминах.

— Ваш приказ, полученный мной после боя на Крите, был отменен вышестоящей инстанцией.

Пророк сузил глаза.

— Вознесенный никогда бы не отдал такого приказа. Он чуть не заплакал от облегчения при известии о смерти Малкариона. Удовлетворение хлестало из него, как прометий из дырявого топливного шланга, техножрец. Уж поверь, я видел это собственными глазами, когда доложил ему о случившемся.

Делтриан дождался подходящей паузы и заговорил сам.

— Неверное предположение. Вышестоящая инстанция, о которой говорите вы, не та, на которую ссылался я. Приказ произвести необходимые операции и поддерживать жизнь воина в саркофаге Десять-Три исходил не от Вознесенного. Этот приказ отдал Легионес Астартес Дистинктус-Один-Десять/Экс-Один.

Талос тряхнул головой.

— Кто?

Делтриан задумался. Он не знал предпочтительного обращения данного воина, потому что никто его на этот счет не проинформировал.

— Атраментар, первый из телохранителей Вознесенного, Десятая

рота, в прошлом из Первой роты.

— Малек? Малек отдал такой приказ?

Делтриан отшатнулся.

— Тембр вашего голоса свидетельствует о гневе.

— Нет. Я удивлен, только и всего.

Талос снова взглянул на саркофаг, уже помещенный в контейнер. Сейчас к нему как раз подключали кабели стазис-установки.

— Там, внутри... он жив?

Делтриан опустил голову и снова поднял в традиционном человеческом жесте согласия.

— Ты кивнул? — поинтересовался Талос.

— Подтверждаю.

— Это выглядело как поклон.

— Ответ отрицательный.

— Так жив он или нет?

Временами Делтриан впадал в отчаяние. Недостатки физического тела делали Повелителей Ночи настолько медлительными, что с ними порой трудно было иметь дело.

— Да. Этот объект готов к активации, и находящийся в нем воин — по вашему выражению — жив.

— Почему мне ничего не сказали? Я много раз проходил по Залу Памяти «Завета». Зачем ты прятал саркофаг?

— Я хранил молчание согласно приказу. Предполагалось, что вы агрессивно отреагируете на данную информацию, если получите к ней доступ.

Талос снова тряхнул головой, но техножрец решил, что это просто бессознательный жест, а не признак несогласия.

— Вы будете агрессивно реагировать? — спросил Делтриан. — Это священная земля, уже отданная Машинному Богу, дабы почтить союз Механикум и Восьмого легиона.

Взгляд Пророка задержался на саркофаге дредноута.

— Я выгляжу агрессивным? — поинтересовался он.

Делтриан не смог определить соотношение между сарказмом и искренним любопытством в вопросе

Повелителя Ночи. Не понимая природы вопроса, он не способен был сформулировать подходящий ответ. Поскольку другого выбора не оставалось, техножрец честно сказал:

— Да.

Талос фыркнул, не возражая и не соглашаясь.

— Разбуди Малкариона, если сумеешь, — сказал он. — А затем мы обсудим то, что должно быть сделано.

Эпилог
СУДЬБА

Пророк видит, как они умирают.

Видит, как они падают один за другим, пока последний не остается в одиночестве, и в его окровавленных руках – лишь сломанный клинок.

Воин, у которого нет братьев.

Господин, у которого нет рабов.

Солдат, у которого нет меча.

Кирион погибает не первым, но смерть его страшнее, чем у других. Нездешний огонь, темный от магии

чужаков, пожирает его недвижное тело.

Рука Кириона с почерневшими, скрюченными пальцами лишь чуть-чуть не дотягивается до упавшего болтера.

Ксарл, самый могучий из них, должен был умереть последним, а никак не первым. С отсеченными руками и ногами, превратившимися в покрытые броней культи, он угасает медленно и мучительно. Смерть приносит ему лишь бледную тень той славы, которой он так неистово жаждал.

Нет, Ксарл не желал бы такой смерти, однако его враги — те немногие, что еще способны дышать после окончания самой длинной в их жизни ночи, — будут помнить его до собственной кончины. И это единственное утешение, которое он заберет с собой в могилу.

Меркуций тоже гибнет не последним. Бедный, верный Меркуций стоит над телами своих братьев и защищает их от вопящих ксеносских ведьм, чьи кривые мечи рубят его на куски.

Он продолжает бой и после смерти. Когда плоть, кровь и сам воздух изменяют ему, он черпает силы в упрямстве и ярости.

И падает с мольбой о прощении на губах.

Вариил гибнет одновременно с Кирионом.

При виде этого наблюдатель ощущает странную горечь: Кирион и Вариил терпеть не могут друг друга, не выносят даже голосов. И все же пламя, охватившее первого, перекидывается на второго, неся одному смерть, а второму нестерпимую боль.

Вариил единственный из них умирает безоружным.

Последним встречает смерть Узас. Узас, в чьей душе начертаны руны Кровавого Бога, хотя на доспехах его нет клейма.

Он падает последним. Его топор и гладиус обагрены страдной кровью ксеносов. Кольцо теней сжимается вокруг

него. Тени пляшут, выкрикивают нечеловеческими голосами безумные слова. Он приветствует их собственными криками: сначала воплем ярости, затем боли и наконец громовым хохотом.

Навигатор прячет оба своих секрета под черной тканью, но лишь один из них легко скрыть. Она мчится по ночным улицам под светом звезд, который намного добрее к ее бледной коже, чем вечная нетьма «Завета». Навигатор оглядывается через плечо, пытаясь обнаружить признаки погони.

Пока что их нет.

Наблюдатель чувствует ее облегчение, хотя это только сон, и Октавия его не замечает.

Запыхавшись, она ныряет в укрытие и проверяет оба своих секрета. Повязка все еще на месте и охраняет ее бесценный дар от тех, кто не в силах понять. Наблюдатель следит за тем, как дрожащие руки женщины скользят вниз, ощупывая тело, и задерживаются на втором секрете.

Бледные пальцы оглаживают раздувшийся живот, едва скрытый черной курткой. Наблюдателю знакома эта куртка — она принадлежит Септимусу.

Голоса выкрикивают ее имя, требуют показаться на свет и проклинают. В черном жерле аллеи вырастает высокий силуэт. Он вооружен легко — для погони и перестрелки на городских улицах.

— — — Стоять, еретичка, именем Священной Инквизиции!

Октавия снова срывается с места, прижимая руки к округлившемуся животу. Ее преследуют звуки выстрелов.

Пророк открыл глаза.

Вокруг него была только комната — холодное спокойствие его личной кельи. Стены уже подернула нострамская клинопись, летящие знаки, кое-где написанные от руки, а местами вырезанные в металле. Такие же отметины, выцарапанные в состоянии пророческого транса, покрывали броню воина.

Кинжал выпал у него из руки и

лязгнул об пол. Последняя руна осталась незавершенной. Этот символ был ему знаком и не принадлежал его родному языку.

Со стены на Пророка смотрел раскосый глаз. В уголке его повисла единственная слеза.

Руна эльдар, означающая горе богини и дерзкое упрямство их расы, обреченной на вечное странствие между звезд.

Месяцы горячечных снов внезапно обрели смысл. Он обернулся к вырезанной на стене спирали, обрамленной грубым, усеченным по бокам кругом.

Но это была не спираль и не круг. Это была воронка, воспаленным оком уставившаяся в пространство, и нечто на ее орбите.

Пророк провел кончиками пальцев по овалу орбиты. Что вращается вокруг Великого Ока, пойманное его притяжением?

Вновь оглянувшись на плачущую богиню, Талос нарушил ледяное молчание комнаты:

— «Песнь Ультанаша». Мир-корабль

Ультве.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность сайтам «Heresy-Online», «Bolthole», «Dakka Dakka», «the-greatcrusade.co.uk», «the elegan/tg/entlernen», неожиданно любезному «WarSeer» и великолепному «Bolter & Chainsword».

Отдельный поклон Рейчел Догерти и Нику Винсенту-Аббнету — за то, что поняли меня и спасли текст.

Об авторе

Аарон Дембски-Боуден — британский писатель, начавший карьеру в игровой индустрии и ролевых играх. Он стал преданным фанатом вселенной Warhammer 40000 с того самого дня, когда испортил свой первый набор «Космический Крестовый поход», расписав фигурки со всем усердием увлеченного девятилетнего мальчишки.

Аарон Дембски-Боуден живет и работает в Северной Ирландии, прячась там от всего мира со своей невестой Кэти. В качестве хобби читает все, что шуршит, и помогает людям писать

фамилию «Дембски-Боуден» без ошибок.